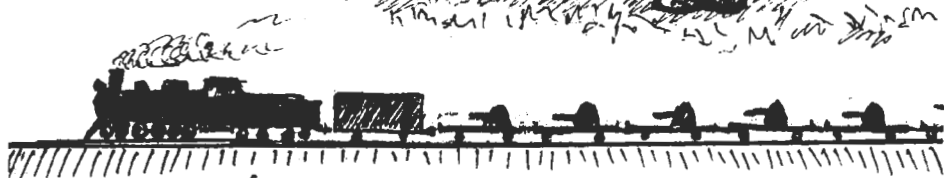

ВОЙНА БЕЗ ВОЙНЫ

**(Ревка
и его
друзья)**

84/2Рос - 4КЕМ/
Ф 33

Тимир Фёдоров

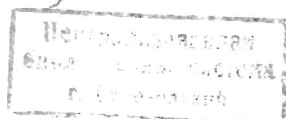

156484

ВОЙНА БЕЗ ВОЙНЫ
(Ревка и его друзья)

ЭЛЕКТРОННЫЙ
КАТАЛОГ

Центральная
городская библиотека
г. Берёзовский
от автора
5.10.09.

- 156 484 -

«ВОЙНА БЕЗ ВОЙНЫ» (Ревка и его друзья)

Редактор С. Т. Тимофеева

Оформление и иллюстрации автора

ОТ АВТОРА

Ребята, эта книга о жизни ваших сверстников во время второй мировой войны. Однако события происходят вдалеке от фронта, в небольшом сибирском городке. В нём жилось, конечно, легче, чем в крупных городах, потому что большинство жило в своих домах, с огородами, поэтому с голоду никто не умирал. Но война, есть война и трудности были у всех, в том числе и у ребят.

Основное производство в городке – это предприятия железнодорожного транспорта, на которые распространялась бронь, то есть работников транспорта не призывали в армию, на фронт, поэтому у многих ребят отцы оставались дома, это улучшало положение таких семей.

Вам сейчас покажется странным, как можно жить, когда нет мобильных телефонов, вообще телефонов, нет телевизоров, в кинотеатре часто идут одни и те же фильмы, у многих нет радио. Оно было у тех, кто провёл его до войны, а во время войны не проводили потому, очевидно, что не было проводов. Радиоприёмники, которые могли быть редко у кого, с началом войны, по решению НКВД (Народный комиссариат внутренних дел) были конфискованы. Кроме того, часто, по несколько месяцев, в домах не было электричества.

Вы подумаете, что ребята в это время кисти от скуки, а вот и нет. Прочитаете книгу, вы узнаете, в какие игры они играли, чем ещё занимались, как учились, как внимательно следили за сообщениями о военных действиях на фронте, что приходилось делать, помогая взрослым.

Если книга попадёт взрослому человеку, пережившему войну, он вспомнит о своём военном детстве и расскажет о нём своим внукам и правнукам, а те, кто родился после войны, узнают, как проходило детство их родителей.

Ребята, желая донести до вас обстановку и условия жизни того времени, я не позволил себе ничего придумывать. Все случаи, игры, события, происшествия и приключения были на самом деле. У всех основных героев были прототипы, фамилии которых слегка изменены.

Все события связанные с войной ушли в историю, а её надо знать и не только о военных действиях.

Для литераторов скажу, что главная задача автора была в том, чтобы огромный фактический материал облечь в художественную форму, которая должна помочь воспринять происходящее через ощущения литературных героев. Насколько удалось автору, судить юным читателям.

ПАЦАНЫ! УРА!

Было солнечное июньское утро. В парке уже довольно много народа. На танцевальной площадке, под куполообразным навесом играет духовой оркестр. Люди толпятся у разноцветных ларьков, где продают пряники, конфеты, морс и другие напитки. Большая часть гуляющих находится у пруда, расположенного в ложине. Вокруг него, кое-где, подступая к самой воде, стоят могучие ели и пихты, других деревьев мало.

Ревка, имея уже в руках небольшой фунтик с ирисками, тянет мать за руку к лодочной станции. Это дощатая площадка с цветным тентом над ней, который натянут на тонкие стойки, покрашенные в красный цвет. С некоторой неохотой, мать следовала за ним. Внизу, на площадке, стоял сутуловатый мужчина, в белой кепке, полосатой футболке, тёмных брюках и весело выкрикивал: «Кто хочет покататься на лодочке? Пожалуйста сюда! Остались три свободные!». Когда они подошли к тесовому тротуару, ведущему к ступеням причала, он увидел их и заговорил, улыбаясь:

— Мамаша, покатайте этого чудесного мальчика! Цена один рубль за тридцать минут.

Ревка после этих слов, потянул мать ещё сильнее.

— Мира (так звали его в семье), надо ведь уметь грести, а я не умею, — возражала она.

— Я буду грести! — заявил он, продолжая тянуть к ступеням.

— Давайте покатаемся вместе, — предложил молодой мужчина, оказавшийся рядом.

— Хорошо, — согласилась мать, и они спустились вниз. Подойдя к лодочнику, она раскрыла свой ридикюль.

— Минуточку, — произнёс их попутчик и обратился к мужчине в кепке, — вы же берёте за лодку?

— Да, да. Один рубль за тридцать минут, — повторил тот.

— Тогда возьмите с меня, — он протянул деньги.

Хозяин причала, держа пачку билетов в руке, взял деньги и тут же протянул билет, предварительно оторвав один кончик. Ревка засунул одну ириску в рот, передал фантик матери и побежал по мостку, выдвинутому над водой. К нему была причалина лодка. Ухватившись за её борт, шагнул в неё, но как только приподнял другую ногу, днище лодки качнулось, и он шлёпнулся на сидение. Попутчик посоветовал ему перебраться на нос лодки, где была узенькая скамеечка. Потом, помог матери, поддерживая за руку, войти в лодку и сесть на заднее сиденье, а сам сел на среднее, спиной к Ревке и лицом к матери. Лодочник подал два весла синего цвета, открыл ключом висячий замок на цепи лодки и подал её Ревке. Цепь оказалась тяжёлой и едва не ускользнула за борт, но он удержал её и сумел затянуть в лодку. В это время хозяин причала оттолкнул лодку и она, качнувшись, отплыла. Мужчина в лодке вставил вёсла в уключины и начал грести: больше одним веслом, разворачивая лодку. Слегка покачиваясь, она рывками двинулась по глади пруда. Ревка проводил взглядом удаляющуюся лодочную станцию и развернулся в пол-оборота, чтобы смотреть вперёд по ходу лодки. Его охватил восторг. Он ещё никогда не плавал на лодке, и, поэтому, его всё радовало и удивляло. От носа лодки разбегались невысокие волны. Вода у лодки была зеленовато-прозрачной, а вдали – цвета неба. Берег, от которого отплыли, удалялся, но до дамбы, ограждающей пруд, было ещё далеко. Ревка попытался дотянуться до воды рукой – не удалось. Он спустился с приподнятого носа лодки и опустил руку за борт. Вода показалась ему прохладной, но было приятно, как она бурлит между пальцами. Глядя на эти бурунчики от пальцев, он приложился щекой к левой руке на борту лодки и подумал: «Жалко, никто из его друзей не видит его сейчас...». Затем, он вновь поднялся на своё место и огляделся вокруг. Вдалеке, у правого берега, виднелась вышка для прыжков в воду. Здесь лес подходил довольно близко к воде. По левому берегу, он отступил чуть дальше, уступив место различным постройкам и ларькам. Вдоль берега и у ларьков, пёстрая людская толпа. Впереди, за дамбой, лес уходит куда-то вниз и виднеются только отдельные

макушки елей на фоне голубого безоблачного неба. Его внимание привлекли две лодки. Похоже, гребцы в них соревновались между собой, кто скорее приплывёт к лодочной станции, а девушки в лодках подбадривали их восторженными криками. Их голоса сливались с музыкой, доносившейся с берега.

А их добровольный гребец что-то говорил матери. Ревка наклонился в сторону, чтобы из-за его спины увидеть

мать — она улыбалась. Что он говорил, не было слышно: музыка, крики девушек и скрип уключин заглушали его голос. Ревка посмотрел вдаль, за корму лодки, где пруд огораживала сплошная полоса леса. На светло-голубой полосе воды виднелось ещё несколько лодок. Наблюдая, как это всё медленно удалялось, он задумался. Главной мыслью было: «Вряд ли кто из ребят с их улицы катался здесь на лодке. Сегодня будет о чём рассказать на горке». Горкой все называли часть Почтовой улицы, между переулками Школьным и Пожарным. Дело в том, что от Школьного переулка, на углу которого жил Ревка, улица имела пологий подъём, а к Пожарному имела крутой спуск, образуя любимую горку. Там, между двумя переулками, в основном, и играли все ребята, живущие рядом.

Когда проплывали мимо вышки для ныряния, на ней было несколько человек, и только один из них нырнул. Народу на этом берегу прибавилось. На обратном пути, после разворота у дамбы, на вышке было уже больше желающих испытать себя. Ныряли больше частью ребяташки. Их было человек пять. Прыгали они с первой площадки, расположенной на небольшой высоте. На второй площадке стояло несколько парней и трое из них нырнули. На третьей площадке, самой высокой, стояли двое парней и разговаривали, размахивая руками. «Договариваются, кому первым прыгать», — подумал Ревка, с интересом наблюдая за ними. Один спрыгнул, а второй пошел к лестнице и спустился на вторую площадку. «Я бы тоже не спрыгнул, — подумал о себе Ревка, — высоко! Да и плавать я не умею».

Закончив лодочную прогулку, они сдали лодку, распрощались с мужчиной, добровольным гребцом, и направились в сторону качелей. Когда подошли, одна была свободной, и Ревка оказался на ней, вместе с красивой, как он отметил, девочкой с большими белыми бантами. Она вряд ли училась в школе. Раскачивал их её отец: загорелый мужчина в белой майке и соломенной шляпе. Ревка взглянул на мать. Она стояла у заборчика и, щурясь от солнца, смотрела на них. Невдалеке были большие качели, где качались взрослые парни и девочки. Там качели взлетали так высоко, что-

то и дело раздавался визг девушек, очевидно, со страха. Девочка, вскоре, запросилась вниз, и их остановили. По пути от качелей, решили купить мороженое. Пришлось постоять в очереди, но здесь Ревке хватило терпения. Он с интересом наблюдал, как продавщица из круглого железного бачка, установленного в таком же ящике со льдом, набирала ложкой мороженое и аккуратно накладывала в круглую форму, предварительно, положив на дно круглую вафельку; когда форма наполнялась, она накрывала сверху ещё одной вафелькой, нажимая снизу, выталкивала мороженое и подавала покупателю. Мороженое ему очень понравилось: он с удовольствием лизал его между двумя вафельками. Мать предупредила, чтобы он не накапал на свою белую матроску или синие шорты. Потом, гуляли по парку, и Ревка продолжал жевать свои ириски. Подходили к небольшой эстраде, где две женщины, в длинных сарафанах, под баян, пели песни и частушки. На баяне играл пожилой мужчина в красной косоворотке. Были около испалина: высокого столба с железным кругом наверху, и прикреплёнными к нему верёвками с петлями. В некоторых сидели парни и летели по воздуху, в других парни только разгонялись, пробегая по кругу.

Было жарко. Мать предложила что-нибудь попить, он с радостью согласился. У дощатого киоска, покрашенного в ярко-зелёный цвет, людей было немного. Перед ним был натянут матерчатый козырёк. Ревка встал в его тень и стал ждать. Увидев небольшую берёзку, рядом с дорожкой, он вспомнил, что произошло в прошлом году, когда был в парке с дедом. Подошла мать, с бутылкой лимонада и стаканом. Ревка сказал:

– В этом киоске прошлый год продавали пиво.

– Ты откуда знаешь? – удивилась она, наливая ему в стакан лимонад.

– Дед здесь стоял в очереди за пивом.

– Пей, – прервала она его.

Он выпил и, когда подал ей стакан, продолжил:

– Я его ждал у той берёзки, – он показал пальцем, – около нее стоял велосипед. Какой-то дядька подошёл к нему, сел на него, а у него из кармана брюк выпала красная бу-

мажка. Я поднял, а это деньги – тридцать рублей. Я побежал за ним, стал кричать: «Дяденька! Дяденька!». А он уехал вниз по дорожке. Подошёл другой дяденька и спросил в чём дело. Я рассказал. Он говорит: – Я его знаю, передам, – и забрал деньги. Когда подошёл дед с кружкой пива, я и ему рассказал, а он: «Зря, надо было мне отдать, я бы его сам нашёл». Откуда он его знал?

Мать подняла брови, как бы удивляясь, но ничего не сказала, и повернулась отдать пустой стакан.

Проходя, по боковой аллее, остановились у спортивного городка, где две команды играли в городки, ребятишки висли на подвешенном канате и болтались на небольшом турнике. Прошли к аттракционам. Там парни и девушки бросали мяч в щит, на котором были написаны цифры, а вторая команда бросала деревянные кольца на штыри, вбитые в землю. На них тоже были цифры. Все радостно выкрикивали, когда удачно кто-то бросал мяч или кольцо и подсчитывали очки. Ревка с радостью побросал бы то и другое, но компании не собирались уходить. С некоторым сожалением, он двинулся вслед за матерью. Она упрекнула его, что он плетётся сзади, и он вышел вперёд. На его утешение, они вновь оказались около вывески «Мороженое». Он с хитровой улыбкой, посмотрел на мать. Продавщица была другая, а мороженое такое же вкусное. Когда он доел свое лакомство, мать предложила пойти домой. Он согласился, сразу вспомнив о ребятах на улице.

Кроме того, сюда они приехали на большой повозке, запряжённой парой лошадей. Дело в том, что парк располагался далеко от города, и от клуба до ворот парка, желающие могли доехать на повозке, только надо было купить билет. Предстояло ехать обратно, а езда на телеге ему очень нравилась. Ещё до школы, он мечтал стать возчиком.

Им очень повезло, как считал Ревка: они ехали назад в кошёвке, запряжённой вороным, красивым конём с блестящей спиной. Вместе с ними ехала пожилая женщина, а впереди возница. Этот красавец конь быстро дончал их до клуба. Отсюда надо было пройти до виадука или моста, как его все называли. Пройти по нему через железнодорожные пути

в южную часть города, где они жили. Дорога не заняла много времени и половина четвёртого они были дома.

Обедали вдвоём с матерью, так как дед, бабушка и сестра Таня, давно поели, а двоюродный брат Геннадий, который жил в их семье, был где-то с друзьями и ещё не вернулся. Ревка торопливо ел: ему хотелось поскорее попасть на улицу к ребятам. Он допивал компот и собирался выскочить из-за стола, когда в кухню зашёл дед и сказал:

– По радио передали, что в четыре часа будет важное правительственное сообщение.

Все посмотрели на часы, висевшие на стене: на них было уже четыре часа.

– Радио включено? – спросила мать.

– Да, – ответил дед, и в это время раздался голос из репродуктора:

– «Внимание! Передаём важное правительственное сообщение. У микрофона Председатель Совета Народных Комиссаров Вячеслав Михайлович Молотов».

Все бросились в спальню. Дед сел в свое кресло, мать встала у кровати брата и взялась руками за железную спинку, бабушка села на эту кровать, Ревка остановился возле матери.

Голос из репродуктора, чуть хрипловатый, но чёткий сказал, что Германия, без объявления войны, напала на Советский Союз. В четыре часа утра бомбила Киев и другие города. Ревка посмотрел на мать: лицо её было неподвижным, глаза, не мигая, смотрели на репродуктор. Он перевёл взгляд на её руки и увидел, что пальцы и ногти побелели. Он понял, что она сильно сжимает спинку кровати. Закончилось выступление словами: «Враг будет разбит, победа будет за нами!». Бабушка всплеснула руками:

– Боже мой – война!

Ревка развернулся, выскочил в кухню, схватил тюбетейку с сундука и выбежал из дома. За калиткой он обогнул угол забора и побежал вверх по улице.

Из огорода раздался голос сестры, которая сидела под черёмухой с книгой в руках:

– Мирка! Вы давно пришли?

– Недавно! Война! Чего? – переспросила она.

– Война! – ещё раз крикнул и побежал дальше.

Он давно привык, что у него, как бы было два имени. Ребята звали его Ревой или Ревкой, дома Мирой или Миркой. Дело в том, что родители называли его Ревмиром, то есть, революция и мир, но полным именем его называли в школе, да и то редко.

Выбежав на горку, он увидел, что улица пуста. Около деревянных, частных домов, из которых состояла улица, да почти весь город, никого не было. У некоторых домов были закрыты ставни, очевидно, от жары. На улице бродило только несколько кур. Из дома Новиковых вышла женщина и торопливо пошла к соседям, дом которых был не виден из-за деревьев в палисаднике.

Ревка пробежал мимо нескольких домов и там, где улица резко уходила вниз, остановился. Ребят он увидел на краю большой канавы, протекающей по всему Пожарному переулку. Они сидели слева от моста, у запруды, которую устроил хозяин ближнего дома для гусей. Петька, Витька, Васька и Мисюрчик, так чаще звали Витьку Мисюрова, бросали камешки в воду и о чём-то говорили. Ревка бросился вниз по кособоку и на бегу, заорал:

– Пацаны! Ура! Война!

Они обернулись, но интереса не проявили. Когда он подбежал, Петька спросил:

– Чё кричишь? Какая война?

– С немцами. Германия напала, не объявляя войны!

Увидев в их глазах недоверие, он добавил:

– Киев бомбили в четыре часа утра и другие города, передали по радио. И ещё сказали, что победа будет за нами.

– Конечно, победа будет за нами, – с убеждением заявил Петька, – как мы японцев разгромили на озере Хасан.

– И в Монголии, на Ханхил-Голе, – добавил Витька.

– А вдруг они сюда придут? – сказал Васька и шмыгнул носом.

– Сюда не дойдут, – уверенно заявил Петька.

– А вдруг, – не унимался Васька.

– Если придут пулемёты надо поставить у Васьки во дворе. С бугра ловчей стрелять, – как бы со знанием дела заявил Мисюрчик.

– Правильно, с высоты по ним та, та, та..., – поддержал его Ревка.

– И около нашего дома, за пекарней, тоже место хорошее, – сказал Витька.

– А вдоль этой канавы надо вырыть окопы, – вдруг поддержал план обороны Петька.

И так до вечера, пока Петьку не позвал отец ужинать, они занимались организацией обороны своей улицы. Только, возвращаясь домой, Ревка вспомнил, что не рассказал ребятам о гулянии в парке, о плавании на лодке.

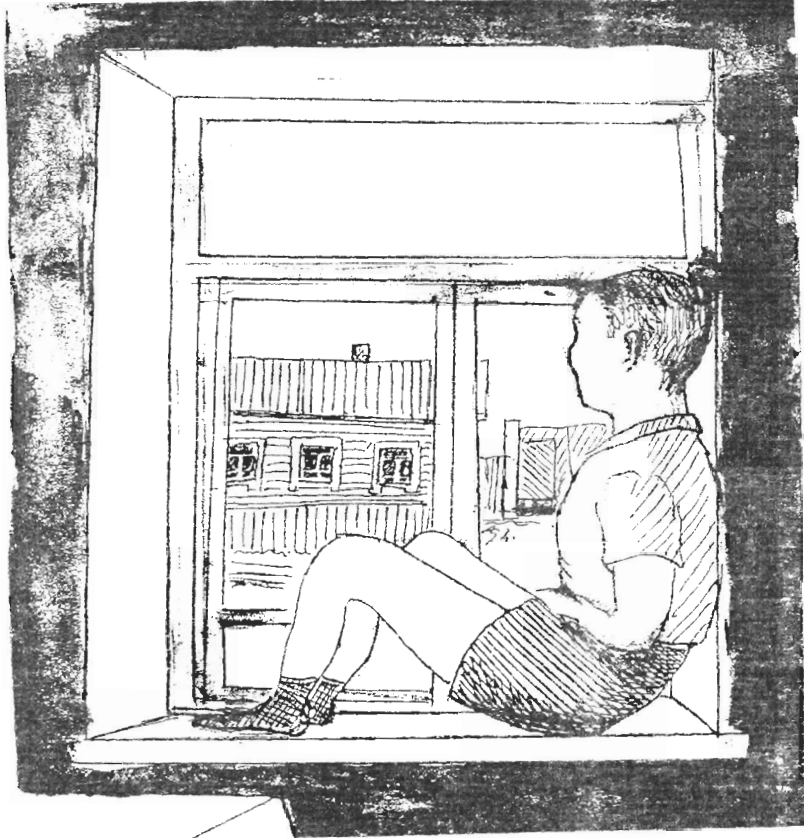
ПАСМУРНЫЙ ДЕНЬ

Утром Ревка посмотрел в окно: небо было затянуто серыми тучами, моросил мелкий дождь. В такую погоду никто не играл на улице, предстояло сидеть дома. Правда, иногда, в такую погоду, он ходил играть к Герке Челнокову. Он жил наискосок, на противоположной стороне улицы, в большом доме, под железной крышей. Герка был младше его на один год. Его отец был каким-то начальником на железной дороге и покупал ему разные и, даже, дорогие игрушки. Мать его, тётя Зоя, добрая и приветливая, часто угощала его конфетами или печеньем, пока они играли. Но сегодня ему почему-то не хотелось куда-нибудь идти.

Дед во дворе под навесом что-то пилил, бабушка хлопотала на кухне, мать в комнате читала книгу в своём кресле. Как ушла сестра, очевидно, к подруге, он не видел, а за братом Геной зашёл его друг Костя и они только что куда-то ушли. Ревка зашёл в комнатку сестры, забрался на подоконник, упёрся спиной в косяк, обхватил колени руками, и стал смотреть сквозь стекло на улицу.

Прошло несколько недель, как началась война, и обычный ход жизни изменился. Прежде всего, как только по радио начинали передавать последние известия, все спешили

к репродуктору и Ревка тоже. Там всё время говорили, что идут тяжёлые оборонительные бои, а наши войска всё оставляют разные города. Парни, ровесники сестры, перестали играть на горке в лапту. Двое из них, которые окончили курсы аэроклуба, были направлены в военное лётное училище. Это он узнал из разговора сестры. Два дня назад пришло письмо от отца, из Казахстана, где он работал в геологической экспедиции, что все ждут мобилизации. Как пояснила мать — это призыв в армию. «И почему надо ждать? — рассуждал он, — надо идти и воевать. Я бы хоть сейчас, но не пустят. Ух, я бы как Чапаев воевал!». Фильм «Чапаев» он видел раз пять и с удовольствием пойдёт ещё.

Теперь он часто слышал в разговоре взрослых: «О, это было ещё до начала войны! О, это мы купили до начала войны!». «А у меня, – подумал он, – всё до начала войны».

В окне Ревке был виден дом напротив, через переулок, и два дома на противоположной стороне улицы, так как их дом был угловым. Отсюда был виден весь перекрёсток. С ним были связаны его первые впечатления. На этом перекрёстке, по утрам, собирали стадо – коров с трёх улиц, прежде чем гнать его по переулку в сторону леса. Он, обычно, просыпался рано утром от звуков пастушьих рожков и резких щелчков их бичей. Сестра, почему-то, не просыпалась, а он приходил сюда, залазил на этот подоконник и с интересом рассматривал разноцветных коров, пока их не угоняли. Годы в три, он заявил, что будет пастухом. Привязав к палочке какую-нибудь верёвочку, ходил с этим бичиком по комнате, подгоняя воображаемых коров.

По переулку проходили редкие прохожие. В доме напротив жили Краевы, большая семья. Трое детей были взрослыми, а двое: Пашка – ровесник сестры Тани, а Томка – его ровесница. Она была первая, с кем он познакомился, когда в три года первый раз вышел на улицу один. В тот раз она босиком бегала по лужам. Ему стало завидно. Он снял свои сандалии, поставил их на тротуар и присоединился к ней, с удовольствием шлёпая по воде. Но, вскоре, раскрылось окно, и сестра крикнула:

– Мирка! Иди домой, баба зовёт.

Он побрёл к дому, забыв про сандалии. Уже из дома пришлось за ними вернуться.

Сейчас он заметил, что Томка тоже смотрит в окно. Их дом, построенный два года назад, был высоким, а двор, покрытый старыми, тёмными от времени досками, был низким и, ворота, тоже новые, возвышались над ним. Ревка обратил внимание на эти ворота, так как в щели под ними выкарабкивался поросёнок. Наконец, его усилия увенчались успехом, и он вырвался на свободу. Томка продолжала смотреть в окно, поэтому Ревка открыл одну створку окна и показал ей на поросёнка. Томка в окне исчезла, а через минуту она открыла калитку и выбежала к дороге. Раскинув руки в

стороны, она стала загонять поросёнка во двор. Он не хотел туда идти и всё увёртывался, пытаясь проскочить мимо неё. На помощь выбежал Пашка, в серой рубашке, тёмных брюках и в галошах на босу ногу. Он взглянул на Ревку, улыбаясь, махнул ему рукой, тоже растопырил руки, двинулся на поросёнка. Вдвоём им удалось его загнать. Калитка закрылась.

Пашка Ревке нравился. Он один из старших парней, идя в лес, часто приглашал его и его друзей: Юрку Колесова и Сеньку Размазова. Но чаще они ходили втроём: Пашка, Юрка и он. В лесу Пашка знал всё: где растёт больше всего малины или смородины, где можно быстро нарвать колбы, как здесь называли черемшу, какую траву можно есть. Он как кошка лазал по кедром, сбивая шишки. Ревка с гордостью вспоминает, как он впервые принёс домой из леса двенадцать шишек, ещё перед тем, как пойти в первый класс. С Пашкой его отпускали в лес всегда и бабушка, и мать.

Под окном пробежала девчонка в распахнутой кофточке и розовом сарафане. Ревка сразу вспомнил, как познакомился с другой сверстницей. В то утро он вышел из дома и увидел мальчишку, бегающего с прутиком в руках и сбивающего им головки одуванчиков. Решив с ним познакомиться, он выбежал из-за угла забора и увидел девчонку, в розовом сарафане. Она, присев у забора и просунув руку сквозь штакетины, рвала щавель с той стороны забора. Ревка подошёл к ней, она поднялась с несколькими листочками в руке; светловолосая с большими голубыми глазами.

— Это наш огород, — сказал он.

— Ну, и что? — прищурила она один глаз и засунула щавель в карман на сарафане.

— Хочешь, я тебе..., — он хотел сказать, — ещё нарву..., — но не успел.

Она быстро вскинула руку и царапнула его по лицу. Он отпрянул от неё и бросился наутёк.

На другой день, сестра пошла к своей подруге и впервые взяла его с собой. Там во дворе дома, куда они пришли, он увидел эту девчонку и быстро с ней подружился. Звали её

Милой. Ещё в этом доме жила её двоюродная сестра Нина. Теперь он чаще стал ходить играть на полянку перед их домом. На ней познакомился с двумя мальчишками: Борей и Витей, которые жили рядом. С последним он и хотел познакомиться прошлый раз.

У дома, в котором жили девчонки и их старшие сестры, подруги Тани, было два крыльца. Одно выходило на улицу, второе во двор, который был довольно просторный. По дальним углам располагались: большая столярка, где работал их дед, стайка, почему-то без обычной крыши, а между ними дощатая уборная. Забор был только со стороны соседей, а за стайкой и столяркой огород был открыт. Прямо в огороде была небольшая полянка, на которой росла развесистая берёза. Под ней, одно время, старшие сестры и Таня, устраивали для младших сестёр, Ревки, Борьки и Витьки, детский сад. Они выносили одеяла, подушки и укладывали их спать. Кто-то из них уходил варить кисель, а двое других были воспитателями. Пашка Краев залезал на берёзу и, когда кисель был готов, кричал: – Ку-ка-ре-ку! – Это означало, что наступило утро, пора вставать и завтракать. Воспитанники с удовольствием выпивали кисель. Но однажды завтрак сорвался. Оказалось, что Пашка и Милкин старший брат Вовка, съели брикет киселя сухим.

Ревка вспомнил, как в одно утро отец Нины вывел из стайки серого в тёмных яблоках коня Орлика. Он так ему понравился, что сразу решил: вырасту, буду конюхом или возчиком. Ещё вспомнил лохматого пса Бобку. Его будка стояла за крыльцом, у сеней. Сначала Ревка его боялся, но вскоре, при виде его, да и других ребят, он начинал вилять хвостом и повизгивать. И скоро Ревка уже мог его гладить, а он намеревался его лизнуть. А однажды, случилось такое. Играли в прятки. Голил Борька. Витька с Милкой побежали прятаться в столярку, там были доски и кучи стружек, а они с Ниной забрались в Бобкину будку и закрыли дверку. Борька сразу побежал в столярку, кого-то нашёл и «застукал». Когда он снова направился туда, Ревка, наблюдавший в щелку, решил что им надо выскакивать и бежать «застукиваться», но дверка не открывалась. Оказалось, Бобка потя-

153404-

нул к крыльцу и натянул цепь, которая повернула вертушку. Ревка пытался соломинками повернуть её, но они ломались. Борька нашёл Витьку и вскоре услышали его голос:

– Они, наверно, на улице!

И они убежали. Вертушка не открывалась. Милка, как они узнали потом, зашла в дом. Сидеть в будке надоело, и они стали кричать:

– Откройте! Мы здесь!

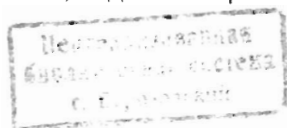
Но никого во дворе не было. Они уже начали хныкать и кричать сквозь слёзы. Только через какое-то время на крыльцо вышла Лиля, сестра Нины и, услышав их крики, открыла дверку. Потом над ними все смеялись. Всплыла и ещё одна смешная история. Это было года два назад. Старшие ребята играли на поляне в футбол. Кто-то из них ударил по мячу не удачно и тот влетел в открытое окно, ударив в самовар, у которого пил чай дед. Через несколько минут, он вышел на крыльцо с мячом подмышкой и большим колуном в другой руке. Ребята столпились у жерди, заменяющей створки ворот и стали кричать:

– Дедушка! Отдайте мяч! Мы нечаянно!

Дед, не обращая внимания на просьбы, спустился с крыльца, положил мяч на чурбан, для колки дров, размахнулся и ударил, колуном по мячу... Колун подпрыгнул, а мяч улетел в сторону. Ребята дружно засмеялись, а один из парней юркнул под жердь и выкинул мяч на улицу. Игра продолжилась.

Вообще, дед Милки, не был вредным и разрешал играть в столярке. В ней, года три назад, старшие сёстры Нины, устроили театральное представление. Всех бывших «детсаджиков» сделали зрителями и усадили на полу в стружки, а бывшие «воспитатели» стали артистами и даже Пашка с Вовкой принимали участие. Сценой был широкий верстак, а занавес состоял из двух всё тех же одеял. Разыгрывали какую-то сказку, придуманную старшей сестрой Нины, Маргаритой. Содержание сейчас Ревка не помнил, но смотрели с интересом.

С этой столяркой была связана и одна жуткая история. Это было уже без Нины: их семья, года полтора назад, пе-

реехала в Новосибирск. Вся компания играла на поляне в «Догоняшки». К их компании присоединился Герка. Вдруг закапал дождик. Кто-то предложил переждать в столярке. Все побежали туда. Дождик усилился, все смотрели, как он с силой бьёт по стёклам больших окон. Ветер усиливался. Вскоре на чердаке загудело, столярка стала поскрипывать. Плахи стен задрожали, гул так усилился, что всем стало страшно. Они не сговариваясь, выбежали из столярки к крыльцу, над которым был козырёк. Последним выбежал Герка, едва он отбежал несколько шагов, как с грохотом и звоном стекла, столярка рухнула. Это ещё больше всех испугало и они, не смотря на дождь, разбежались по домам.

Дождь перестал. Ревка хотел слезть с подоконника, но в это время калитка соседского дома открылась и вышел Пашка. На нём была та же рубаха и галоши, а штаны были другие: серые с заплатами на коленях. В руке он держал топор. Вновь махнул ему рукой и подошел к покосившемуся забору. Ревка понял, что он вышел чинить его: рядом лежало несколько столбиков и жерди. Пашка обухом топора, ловко отбивал доски старого забора, а потом и старые перекладины. С последним ударом топора упал и подгнивший столбик. Откинув в сторону отбитое, он поднял новый столбик и стал его затёсывать, словно карандаш. Закончив, подошёл с ним к месту, где задумал поставить, поднял его и с силой воткнул в землю. Потом пошатал, выдернул и снова воткнул. Повторив это несколько раз, он ушёл и вернулся с ведром. Это Ревку заинтересовало: «Зачем ведро?». Пашка расшатал столбик, выдернул и, придерживая его одной рукой, другой наклонил ведро и плеснул воды в лунку. Снова поднял столбик и с силой воткнул. Из лунки вдоль столбика вырвались струи жидкой грязи, обрызгав штаны, рубаху и даже лицо. Он, прищурив один глаз, улыбнулся Ревке. Несмотря на брызги, он несколько раз повторил эту операцию. Когда убедился в устойчивости столбика, принялся за другой, а Ревка, глядя на Пашку, вспомнил один ливень. Случился он несколько лет назад. Струи дождя с такой силой били по земле, что вода в лужах словно кипела, а потом улица и переулок покрылись сплошным потоком воды. Рев-

ка с сестрой наблюдали, как по переулку поплыли деревянные тротуары. Так как за Пашкиным домом в огороде была канава, уходящая к мосту, то часть воды поплыла к ним во двор. В то время вдоль дороги не было кюветов. Увидев это, Пашка раскрыл ворота, взял длинную палку, вышел к дороге и стал поворачивать плывущие тротуары к себе во двор. Там они оседали у заплота. Его рубаха и закатанные до колен штаны, давно прилипли к телу, и было, наверно, не очень приятно, но видя, что за ним наблюдают – улыбался и продолжал палкой и ногами, заворачивать всё плывущее.

В этот ливень произошло ещё одно чудо. Когда кончился ливень, и выглянуло солнце, все ребята высыпали на улицу. Он с сестрой пошёл на горку. Там он узнал от Милки, что во время ливня было столько воды, что она подняла уборную и та уплыла. Да он и сам видел, что её нет. Так как забора в огороде, между дальними соседями не было, а уклон в их сторону, уборная проплыла мимо их дома и по косогору, через открытые ворота, выплыла на середину улицы. Они бегали смотреть. Уборная остановилась метрах в пяти от канавы. Она простояла там пару дней, удивляя прохожих. Потом Милкин дед разобрал её, перетаскал и вновь собрал на старом месте.

Тем временем, Пашка установил второй столбик и, затесав с одной стороны, прибавил к столбику одну из жердей.

Хлопнула входная дверь: вернулась Таня, и он услышал голос бабушки:

– Мойте руки, будем обедать.

В ЛЕСУ

Через пару дней распогодилось, и установилась настоящая июльская жара. В то утро Ревка взял во дворе колесо и клюшку и вышел за калитку. Здесь он катнул колесо, подхватил его клюшкой и, разгоняясь, покатил его в сторону горки. Такие колёса «гоняли» по улицам почти все мальчишки города, воображая, что они ездят на велосипеде или мотоцикле. Дело в том, что в городе было паровозное депо, где ремонтировали паровозы. Родители или старшие бра-

тя, которые там работали, приносили ребятам изношенные поршневые кольца. Ревке это колесо дал Витька Торошенко, отец которого как раз там работал. С Витькой он дружил с тех пор, как познакомился у Милки, и уже два года учился с ним в одном классе.

К концу подъёма колесо потеряло скорость, стало вилить и упало набок.

Ревка осмотрел улицу: на ней никого из ребят не было. Он поднял колесо и покатил его вниз, искусно придерживая его клюшкой, чтобы оно не укатилось. Подкатив к переулку, решил «съездить» к Юрке Колесову. Когда он подкатил колесо к его тесовым воротам, калитка открылась, и в ней появился Юрка. Они поздоровались и Ревка предложил:

– Бери колесо, покатаем.

– Нет. Видишь, я в лес собрался, – и приподнял небольшую корзинку. – Меня Пашка позвал. Пойдешь с нами?

– Пойду, – не задумываясь согласился он, – я быстро!

И он покатил колесо к дому, прибавляя скорость.

Бабушка заставила переодеться и обуть старые сандалии. В сенцах она сняла с гвоздика на стене небольшой туюсок и повесила его лямку ему на плечо.

Юрка с Пашкой ждали около палисадника.

– Мать отпустила? – спросил тот, первым делом, когда он подбежал.

– Бабушка, – ответил он.

– Ладно, идём, – Пашка положил руку на его плечо. Только они двинулись, как их нагнал Сенька Размазов, которого тоже позвал Юрка. Теперь уже, вчетвером, они вышли на дорогу и двинулись вдоль улицы. Слева, наискосок от Пашкиного дома, был бугор, на котором стоял большой дом Шибелей. В ограде что-то делал Володька, ровесник Пашки... Увидев их, он помахал рукой, и крикнул:

– Куда пошли?

Пашка отшутился:

– В лес! Снежок побросать!

Вся компания заулыбалась, а Володька махнул рукой и занялся своим делом. Юрка сказал: «Помните, как он за дядей бегал?». Пашка улыбнулся, а Ревка вспомнил, как это

было. Однажды вечером, несколько лет назад, ребята, после игры в лапту, пошли по домам. Возникла ссора и кто-то толкнул Володьку в спину и сказал: «Иди, иди! Тащи пулемёт». Все засмеялись, помня, как тот врал, что у него на вышке есть пулемёт и винтовка, оставшиеся с гражданской войны. Володька хотел ударить обидчика, но тот увернулся и сам пнул его в бедро. От обиды Володька заявил:

– Я сейчас дядю Броню позову! Он вам покажет!.. – И побежал к своему дому.

Вся гурьба остановилась, рассуждая, какого дядю Броню он позовёт. Знали, что в доме живёт его старший брат, Николай Иванович, с протезной левой рукой, но заядлый охотник, а про дядю Броню никто не слышал. И вот все увидели, как от дома спускается Володька, ведя на коротких поводках двух гончих собак. Кто-то сказал:

– Во! Дядю Броню ведёт.

Все вновь засмеялись. Собаки рвались вперед и Володька едва за ними поспевал. Подойдя к ребятам, он остановился и сказал:

– Сейчас, отпущу, и они вас всех разорвут.

– Давай, отпускай, – сказал Толька Селиванов.

Ревка, наблюдал это всё, сидя на своём заборе, и подумал, что тот побоится их отпустить. Володька схватил собак за ошейники и стал их науськивать:

– Ссю! Ссю!

И несколько раз столкнул их мордами. Разгорячённые псы, крупные, белые в коричневых пятнах, ткнулись ещё раз мордами, и стали грызть друг друга. Володька бросил ошейники, боясь, что они могут покусать его. Собаки яростно дрались. Тот не зная, как их разнять, сдёрнул с головы свою клетчатую кепку и стал ей бить собакам по мордам. Собаки вцепились в неё и мигом разорвали. У одной в зубах оказался верх с козырьком, у другой, подкладка. Ребята дружно засмеялись. Собаки с частями кепки в зубах на мгновение остановились. Володька воспользовался моментом, схватил поводки и поволок псов к дому, а в след ему раздался смех, выкрики и свист. Его мысли прервал вопрос Пашки:

– Чё сегодня передали по радио с фронта? – Ревка знал, что у них в доме и у Сеньки радио не было, а у Юрки не знал, есть или нет. Но тот молчал и Ревка ответил:

– Под Смоленском идут оборонительные бои, немцы рвутся к какому-то городу, в направлении Ленинграда. Оставили город... – Ревка пожал плечами, – вроде Псков.

– Пади, Псков? – переспросил Пашка.

– Точно, Псков. И идут тяжёлые бои, на подступах к Киеву.

– Ну, Киева-то им не взять, – заявил Юрка.

– Д-а-а, – протянул Пашка, – а Минск они сразу взяли. – А третьего июля, – Юрка взглянул на Пашку, – Сталин сказал по радио, что народ, у которого были такие полководцы, как Невский, Суворов, Кутузов и Нахимов, победить нельзя. Враг будет разбит, победа будет за нами.

Несколько шагов прошли молча. Пашка поправил на груди ляжку, на которой висела корзина, задвинул её за спину и сказал:

– Жалко Тухачевского нет, такого бы не было. Вон как он Колчака расколошматил.

– Так он немецкий шпион! – вступил в разговор Сенька, – нам в учебнике заставили его портрет замазать.

– Да не только его, – произнёс Ревка, – мы только начали учиться во втором классе, учительница сказала открыть учебник на такой-то странице. Мы открыли, там два портрета: Тухачевского и Блюхера, а на следующей странице ещё портрет, не помню кого. Евгения Степановна сказала, что они стали врагами народа и их портреты надо замазать чернилами. Я взял непроливашку, тряхнул по капле на каждый портрет и размазал ручкой.

– И у нас также, – сказал Юрка.

– А я после школы, – снова заговорил Ревка, – прочитал про Блюхера, так он герой гражданской войны, как он стал врагом народа?

– Ладно, про врагов, – махнул рукой Пашка, – месяц или полтора, попрут немцев назад.

Эти слова всех подбодрили, и заговорили о другом. Сенька поинтересовался, куда нынче идём и Пашка пояснил, что

сейчас лучше всего пойти за сеной склад, там у второго лога должна быть спелая кислица. Юрку спросил, попадём ли к вышке, тот ответил, что, может, и туда сходим. У Ревки, возможный поход к вышке, радости не вызвал. Вышка представляла собой высокое сооружение из брёвен, скреплённых железными хомутами. У неё было семь лестниц, длиной метров по шесть-семь. Оканчивалась небольшой площадкой с перилами и крышей над ней со шпилем. Обычно, все ребята, кто приходил, залазили на самый верх, а он выше одной лестницы подняться боялся и чувствовал себя трусом и стыдился ребят. Дошли до места, где их улица Почтовая, уходила влево, вдоль длинного, сплошного забора, дровяного склада леспромхоза, а телеграфные столбы уходили вправо, на другую улицу. Перед этим забором стоял дом ещё одного Ревкиного друга Витальки Верника. Несмотря на такое расстояние, Ревка познакомился с ним раньше, чем с Юркой. Просто тот отстал от родителей, а Ревка с Томкой рыли щепками пещеру в косогоре, напротив её дома. Потом Виталька стал часто приходиться к ним играть. В школе попали в один класс. Сейчас его около дома не оказалось. На память пришло, как две недели назад, они с Виталькой играли в войну. Он вынес игрушечный пулемёт «Максим», купленный дедом в начале лета. Они улеглись на траву, около угла забора и яростно строчили, по воображаемому немцам. Звук трещотки внутри пулемёта, при вращении ручки, был резкий и громкий. Вдруг они увидели, что по улице к переулку идёт Виталькин отец. Он работал каким-то начальником в лесхозе и был одет в тёмно-зелёную гимнастёрку и такого же цвета галифе. На ногах были блестящие сапоги. Повернув пулемёт в его сторону, Виталька водил стволом, а он быстро вращал ручку. Услышав «стрельбу», он взглянул в их сторону, пригнулся, пробежал несколько шагов и упал за бугорок у дороги. «Стрельба» продолжалась. Он перебежал ещё раз и лёг за кустик «конского щавеля». Треск продолжался и Виталька закричал:

– Не прячься! Мы тебя убили!

Он поднялся и стал отряхиваться. Виталька крикнул:

– Мы победили!

Отец вышел на дорогу:

– Ладно, вояки. Победили. Пойдём, сынок, обедать.

Тот стал отнекиваться, но Ревка его подтолкнул:

– Иди, раз отец завёт.

Они пошли, а он понёс пулемёт домой. На следующей неделе Виталькиного отца забрали на фронт.

Когда этот длинный забор кончился, они перешли небольшой мосток через канаву, Юрка спросил:

– Паш, ты в восьмой класс пойдёшь?

– Нет. С меня семилетки хватит. Вот в августе отишкарю и пойду учеником слесаря в депо.

Юрка, начавший разговор об учёбе, сказал, что всех парней, окончивших в их школе десятый класс, забрали в армию, кроме одного инвалида. Взяли и его брата Виктора и Юрку Алексева, заядлого футболиста и их дружков. Пашка сказал, что они получили первое письмо от Петра, его старшего брата, где тот написал, что учится на лётчика, но не написал на какого и в каком городе. Ещё сообщил, что вместе с ним учится Данил Дударев, их сосед.

Ревка помнил, как на горке спорили парни, когда собирались играть в лапту, в чьей команде играть Данилу: он так мог ударить лаптой по мячу, что он улетал к Пожарному переулку и по кособору попадал в канаву, где, другой команде, приходилось его вылавливать.

Солнце поднялось и стало пригревать, день обещал быть жарким.

Миновав последние дома, вышли на насыпь водопровода. Построенный ещё до революции, он снабжал железную дорогу и часть города водой из реки, расположенной в двенадцати километрах от города. С его насыпи открывался широкий вид на лес, а мелкоколесье начиналось сразу за ним. Слева от дороги, ведущей в лес, стояли два огромных навеса сеного склада, огороженные глухим забором. Ревка с ребятами однажды разглядели в щелку забора, что там складывают прессованные тюки сена.

Когда уже зашли в лес, под кронами деревьев не было так жарко, а Сенька всё жаловался на неё и сказал, что хочет пить. Пить хотелось всем. Пашка успокоил:

– Во втором логу есть родник, напьёмся.

В лесу Ревке нравилось. Деревья и кусты, освещённые солнцем, сияли яркими красками, а деревья в тени хранили таинственный сумрак. Благодаря Пашке, он уже различал листья разных деревьев и отличал пихту от ели. Нравилась высокая трава с раскрытыми белыми зонтиками. Но пробираться по ней, если там скрывались ветки и коряги, удовольствия не составляло. Не нравились в лесу комары. В жару их было немного, но в тени, особенно у логов, их было больше и то и дело приходилось шлёпать себя по лицу, шеи и рукам.

Свернули с дороги, прошли по тропинке и вышли на небольшую поляну. С невысокой пихты, заверещав, вылетел дрозд и, тут же послышались крики сорок. Пашка проводил взглядом дрозда и сказал, чтобы далеко не разбредались и иногда перекликались друг с другом. Юрка поинтересовался, есть ли ещё жимолость. Пашка пояснил, что уже поздно: если не обобрали, то опала. Потом добавил:

– Разве только в тени, под большими елями, на кусте, может, что-то осталось.

– А пучки есть? – спросил у него Сенька.

– Они уже выросли, – ответил он, – и сейчас невкусные.

Ревке пучки нравились. Трубчатый стебель, с нераскрывшимся цветком, срезали, обдирали верхнюю ребристую в ворсинках кожицу, а оставшуюся, внутреннюю трубку, ели. Было вкусно.

После поляны разошлись, но вскоре Ревка пристроился за Юркой, а Сенька за Пашкой. Обогнув молодой ельник, пошли к кустам у опушки. У небольшого кустика кислицы остановились. Ягоды были мелкие и совсем зелёные. Пошли дальше. Ревка почувствовал, что лямка туеска слегка поддавливает плечо и передвинул её рукой. Юрка прошёл между двух кустов, а он, чтобы не ударило ветками, обошёл один куст стороной. Догоняя его, заторопился, запнулся ногой за ветку в траве, и упал. Туесок из-за спины вылетел вперёд и оказался на земле рядом с его головой. Из него вывалился чёрный кусок коряги. Ревка приподнялся на колени и, поднимая корягу, удивлённо воскликнул:

– Во!

Юрка оглянулся и захохотал: Ревка понял, что это он засунул корягу в туесок. Заглянув в него ещё раз, увидел газетный свёрток, в котором оказалась краюха хлеба. Он не мог вспомнить, когда бабушка его положила.

Полазив между кустами акации, волчьей ягоды и другими, они наткнулись на ещё один куст кислицы. Кисти ягод были ещё неспелые, но крупные. Юрка отправил одну такую кисть в рот, потянул за стерженёк, а ягоду разжевал. Его смуглое, скуластое лицо скривилось, без того небольшие карие глаза почти закрылись. Ревка тоже попробовал, но его не перекосило. Он как-то мог есть кислое. Вдруг раздался голос Пашки:

– Ребя! О-го-го! Идите сюда! Юрка прокричал в ответ и они стали пробираться сквозь высокую траву и кусты, на голос Пашки. Он и Сенька оказались совсем близко. Они стояли у большого куста кислицы и с удовольствием, хотя и морщились, ели ягоды.

Куст был усыпан уже беловато-розовыми кистями ягод. Пашка сказал:

– Поешьте, пить не так будет охота, а то до второго лога ещё порядочно топать.

Он ел, подшучивая над ними, иногда прищуривал серые, со смешинкой глаза, и шлёпал себя по загарелым щекам и шеи, расправляясь с комарами. Когда Сенька в очередной раз скривился, Юрка спросил:

– Чё? Кисло?

– Кисло, – ответил тот и добавил, – сейчас бы хлеба.

– О! – встрепенулся Ревка, – у меня есть, – и полез в туесок.

У Юрки тоже оказался кусок хлеба. Он отломил половину Сеньке, а Ревка угостил Пашку. Тот поблагодарил и предупредил:

– Налегайте больше на ягоды, а не на хлеб.

Теперь ягода казалась даже вкусной. После такого обеда, куст был обобран, но несколько розовых кисточек Ревка бросил в туесок. Пошли дальше вглубь леса. Из-за высокой травы шли гуськом вслед за Пашкой. На открытых местах

шли гурьбой. На косогоре, перед спуском в лог, остановились у большого кедра. Пашка задрал голову, разглядывая его. Все сделали тоже самое.

— Нынче шишки есть, — сказал он, прикрывая глаза ладонью, от солнца, — недели через три, можно бить на варёнки.

Все увидели тёмные клубочки шишек, по три-четыре на концах веток.

— Много, — сказал Ревка, — я люблю варёные шишки.

— А кто их не любит? — как бы возмутился Юрка.

Ревка знал, что недоспелые шишки варят, чтобы можно было их очистить от шелухи.

Перешли лог, перелезая через валёжник и коряги. Вышли на поляну, по краям которой было много кустов кислицы. Здесь, на открытом месте, ягоды были более спелые. Все разбрелись, выбирая кусты, где ягоды более спелые.

Ревка нарвал ягоды чуть больше четверти туеска. У Пашки с Юркой было больше, а у Сеньки тоже немного. Пашка сказал, что ягода ещё будет и пошёл дальше. Они чуть задержались у кустов, а когда бросились его догонять, то миновав кусты, куда он вошёл, его не оказалось. Они с удивлением переглянулись и заторопились вперёд, отыскивая его след в примятой траве. Ещё больше удивились, когда наткнулись на него, лежащего под кустом. Были видны только его ноги.

– Паш, ты чё прячешься? – спросил Ревка.

Тот приподнял ветки, выглядывая из-под куста, и улыбаясь, сказал:

– Я не прячусь, тут жимолость, но она уже опала, – и он разжал кулак, показывая несколько голубых, продолговатых ягод.

Ещё улыбнулся и отправил их в рот. Все дружно упали на животы и поползли под куст, а Пашка захохотал. Под кустом, на старых опавших листьях, на хвое, от рядом стоящей ели, лежали ягоды. Полакомившись их терпко-горьковатым вкусом, пожалели, что их оказалось маловато. Пашка первым поднялся и сказал, что теперь до родника недалеко. В ложбине лога росли высокие ели, а по откосу осины, берёзы и разные кусты. Внизу прямо к елям примыкали заросли тальника. Следуя за своим старшим другом, они, лавируя между кустами и деревьями, спускались по крутизне, хватаясь за ветки. Внизу оказались под кронами елей. Зажужжали комары. Пашка, а за ним и все, отломили веточки для обмахивания. Издалека донеслись два гудка паровоза и Ревка спросил:

– Разве недалеко железная дорога?

– Конечно, – ответил Пашка, – ты же с нами ходил несколько раз в эту сторону.

– Мы тогда по логам не шли, – возразил он. – Тогда мы шли ближе к дороге.

Юрка спросил:

– А к вышке сходим?

– Может и сходим, – ответил Пашка, пробираясь меж кустами.

Его ответ, несколько испортил Ревкино настроение. Петляя, между елями, переступая через валёжник, они вышли на крохотную полянку и сразу услышали журчание ручья. Он протекал по небольшому овражку, образуя маленькие заводи и крохотные водопады. Пашка срезал стебель белоглоловника с пышным, словно пена, желтовато-белым цветком. Оборвав листья, отрезал верх с цветком, и в руках оказалась небольшая трубка. Он отставил к кусту корзину, опустился на колени, потом лёг на траву и стал через трубку пить воду из ручья. Юрка сел рядом, а Ревка с Сенькой тут же изготовили себе по трубке, ломая стебли руками и подравнивая зубами. Пашка напился и передал трубку Юрке. Ревка перепрыгнул через ручей и лёг с другой стороны. В зеркале воды блеснула синева неба. Вода, поступающая по трубке, была прохладной и казалась очень вкусной. Сенька лёг рядом с Юркой.

Напившись, дружно схватились за свои ветки, отгоняя комаров. Заторопились выбраться из лога, и Ревка чуть не забыл свой туесок, снятый перед питьём. Выбрались из лога довольно быстро. Пашка вывел их на большую поляну со стожком. Здесь ощущался ветерок и пригревало солнце, так что комаров почти не было.

Как не хотелось Ревке, но они постепенно двигались в сторону вышки: всё чётче был слышен шум проходящих поездов. Перешли через поляну со скошенной травой, на другой стояла копна. По краям поляны было много кустов кислицы и здесь они напали на два куста почти спелой ягоды. Обобрали их и пошли дальше.

Проходя по ельнику, спугнули большую птицу. Она с шумом вылетела из-за сваленного дерева. Пашка сказал, что это рябчик. Выходя из него увидели бурундука, который сидел изогнув свою полосатую спинку, и поглядывал на них

своими выпуклыми глазками. Он несколько раз повернулся, дёргая хвостом, а потом бросился наутёк, не опуская свой торчащий хвост.

Перешли железнодорожные пути. Верх вышки был хорошо виден над кронами осин и берёз, росших вдоль путей. Миновали перелесок и вот она огромная, потемневшая от времени, вышка. Она четырёхугольная с косыми перекладинами из таких же брёвен. Внутри, по всем четырём сторонам, семь лестниц, уходящих вверх.

Все поставили свои корзины у одной из стоек. Ревка тоже снял с плеча туесок и поставил рядом. У него мелькнула надежда, что может быть ребята, не захотят лезть наверх, а просто отдохнут около неё и двинутся домой, но Пашка спросил:

– Полезем?

– Полезем, – за всех ответил Юрка.

– Тогда пошли, – и он направился к лестнице.

У неё обернулся и предупредил:

– На третьей лестнице ступени подгнили, наступайте не посередине, а по краям.

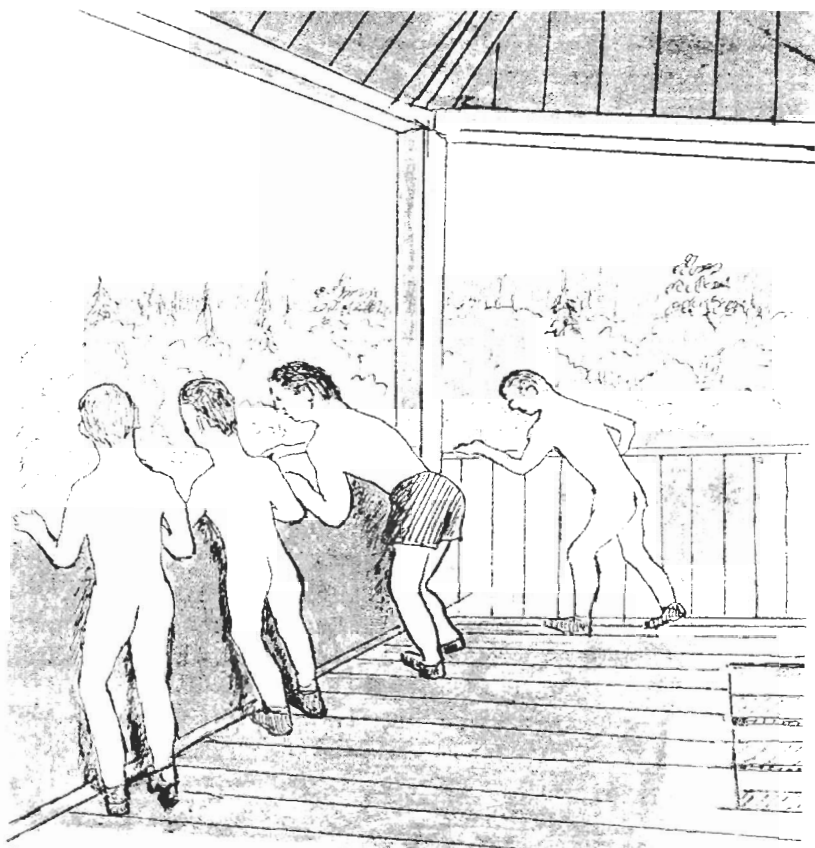
Ревка оказался третьим, за ним поднимался Сенька. Когда прошли первую лестницу, послышался голос Пашки:

– Вниз не смотреть! Только на ступени!

То ли эти слова, то ли желание не показаться трусом в глазах Сеньки, но он не остановился как прежние раза, а полез выше. С опаской поднимался по третьей лестнице, да и по другим старался ступать по краям ступеней.

Когда они поднялись на верхнюю площадку, Ревку охватила радость за себя, что он сюда поднялся, и восторг от увиденного. Лес расходился во все стороны до самого горизонта, то клубами нежной зелени лиственных деревьев, то тёмными зубчатыми полосами елей и пихт. Кое-где из общей массы леса выступали тёмные макушки кедров. Вдали все деревья сливались в общую полосу, которая у горизонта почти сливалась с голубизной неба. Города не было видно из-за небольшой возвышенности и стены леса на ней. Но, по поднимающимся клубам дыма от паровозов, было понятно, где находится станция и город. Железная дорога про-

сматривалась в ту и другую сторону довольно далеко и скрывалась за поворотом. Ревка посмотрел вниз и удивился, что не испытывает страха. Близко растущие осины поднимались, примерно, на треть вышки. Рядом была большая поляна с разбросанными кустами.

Громыхая и шипя, промчался поезд, обдав вышку клубом пара и передав ей дрожь земли. Ревка с опаской спросил Пашку:

- А она не упадёт?
- Нет. Не развалится, – улыбнулся тот.
- А зачем её поставили? – спросил Сенька.

– Я уж ребятам говорил. Отсюда лесники и объездчики осматривают лес: нет ли пожара, – ответил Пашка.

Юрка сказал, что ему говорил брат, что вышки ещё ставят на самых высоких местах для составления карт. Ревка подумал, что скорее она нужна объездчикам, которые охраняют лес и отбирают у пацанов шишки, набитые без разрешения, особенно раньше времени. Все помолчали.

Пашка засунул палец в рот, потом поднял его вверх и сказал:

– Ветер дует туда, – и показал в сторону поляны. Тут же сдёрнул с себя рубашу и бросил с вышки. Все увидели, как она полетела вниз воротником, надулась, словно кто в ней был, и как птица замахала рукавами.

Юрка бросил кепку и та, сначала надулась, потом перевернулась и словно блин, описав круг, упала на поляну. Сенькина кепка полетела также, но повисла на кусте акации. Ревкина, вязаная тубетейка, полетела вниз комочком, и упала рядом с вышкой. Затем полетели их рубашки точно также, размахивая руками. Пока смотрели за рубашками, Пашка сбросил брюки и они полетели ещё интересней: ремнём вниз и, надувшись так, что, казалось будто вниз летит половина человека. Полетели за перила и их штаны. Понаблюдав за их полётом, повернулись к Пашке с немим вопросом: «Что же дальше?». Но тут Юрка снял с себя трусы и бросил вниз. Они тоже надулись и спланировали дальше штанов. Улетели трусы Ревки и Сеньки, так что спускался с вышки в трусах только Пашка, а они в обуви, но нагишом. Спускаться оказалось сложнее: труднее было разглядеть ступени, куда ставить ногу и стараться не смотреть вниз. Потом со смехом бегали по поляне, отыскивая свою одежду. Сенькину кепку с акации сумел стряхнуть только Пашка.

После приключений на вышке никому не хотелось в лес. Возвращались по дороге вдоль путей. То и дело, через небольшие промежутки времени, проносились поезда. Одни шли на запад, другие на восток. На одном, идущем на запад, на платформах были продолговатые установки, покрытые брезентом. Юрка крикнул: «Смотрите! Пушки везут!». – С ним все согласились.

От вышки до города было около шести километров и где-то на середине пути Юрка заговорил о питье, отправляя в рот пару кисточек ягод из своей корзины.

– Сейчас бы кваску! Да, «Барварский кварс»? – обратился Пашка к Сеньке и обнял его за плечо.

Такое прозвище получил Сенька, когда около Ревкиного дома, на улице, установили киоск для продажи напитков. Было это лет пять назад. Продавали: морс, хлебный квас и сладковатый квас, под названием «Баварский». Маленький, в то время Сенька, не мог выговорить его название и говорил, как передразнил его Пашка. Он и сделал из этого прозвище. Ревка помнил, как этот большой киоск, по весенней грязи, привезли двадцать восемь лошадей в хомутах с длинными верёвками. Ему так нравились лошади, что он специально их пересчитал.

Километра за полтора до города свернули на лесную дорогу, которая вывела почти к сенному складу. По тропинке повернули к дороге, ведущей в город. Тут Ревке в сандалий попал камушек, и ему пришлось остановиться, чтобы снять его. Догоняя ребят, буквально в нескольких шагах от них, запнулся о сухой ком глины и упал. Конечно опрокинулся туесок, и половина ягод высыпалась. Часть на траву, а часть на пыльную дорожку. Ребята остановились, подсмеиваясь над ним, а он чуть не со слезами в глазах собирал ягоды с травы. С пыли собирать не стал и, поднявшись, с обидой на самого себя, заглянул в туесок: ягод было до половины. Пашка обнял его:

– Ладно, не горюй, – и, захватив большую горсть ягод из своей корзины, положил ему в туесок.

Ревка, смущаясь, сказал:

– Не надо, – но взглянул на Пашку с благодарностью, а тот спросил:

– Что же ты, шустрый, бегаешь хорошо и упал?

– Запнулся, – со вздохом ответил он.

– Помнишь, как маленьким убегал, а я тебя ловил?

– Помню.

Ревка часто вспоминал это. Ему было лет пять. Он и его друзья, бегали на горке, наблюдая, как старшие играют в

лапту или в футбол. Вечером, когда появлялась бабушка, чтобы позвать его домой, он бросался наутёк. Обычно, кто-нибудь из играющих ребят, чаще Пашка, догонял его и нёс к бабушке. Та брала его за руку и отводила домой.

– Паша, а помнишь, как ты нашёл меня в дровах?

– Помню, ты уже реветь начал. Это было в то же время. Старшие ребята затеяли игру в «Сыщики-разбойники» и всех малолеток определили в разбойники, чтобы они тоже прятались. Большинство бросилось прятаться на дровяном складе будущей пекарни, которую начали строить на Пожарном переулке. Огромная площадь была занята поленицами дров в самом разном порядке. Ревка так далеко забрался, что потом не мог найти оттуда выход. Уже окончили игру, начало смеркаться, бабушка ждала, когда его найдут, а он ходил между поленицами и ревел. Наверно по рёву и нашёл его Пашка.

Перейдя через насыпь водопровода, у первого попавшего колодца, женщина напоила их водой прямо из ведра и удивилась, что в их корзинках попадалась почти красная ягода. Юрка её угостил.

Домой Ревка пришёл около пяти часов. Бабушка похвалила его, как он много принёс ягод, погладила его по голове и сказала, что завтра сварит хороший кисель.

ГОРОДКИ

Последняя декада августа выдалась почти по-июльски тёплой. Правда, и прежде не было холодно, но три дня шёл дождик. Ревка запомнил их, потому что мать заставила читать книжку «Военная тайна» писателя Гайдара, чтобы он улучшил технику чтения перед школой. Хотя книжка была интересной, читать ему не хотелось. Он больше любил, когда ему читала сестра.

Ребята сидели по краям мелкого кювета, поросшего травкой. Эти кюветы, вдоль дорог, по всему городу, заставили вырыть хозяев домов года два назад. Здесь на горке они заросли, а по переулку вода их размывала и они стали канавами. Ревка сел рядом. Витька Мисюров, которого, как

уже было сказано, называли Мисюрчиком, чтобы отличать от трёх других Витек, бросал складной нож, втыкая его в землю. Васька Носов, что-то рассказывал Петьке Морошкину и Вовке Перфилову. Удачно воткнув нож в очередной раз, Мисюрчик предложил сыграть в «Ножичек». Согласились играть Васька и Вовка. Ревка играть не захотел: он день назад проиграл, и ему пришлось тащить «Зубок». Это маленький колышек, который забивается в землю, очищенную от травы, так, чтобы не торчал из земли, и надо его вытащить зубами. Сделать это, чтобы не набрать земли в рот нельзя.

До обеда играли в «Бабки». У Ревка было шесть штук – это мелкие суставные косточки овец или поросят. Их выставляют в ряд друг за другом на определённом расстоянии, а потом, отмерив несколько шагов, бросают битком, тоже костью, но побольше. Иногда в нее заливают баббит. Кидают по очереди, кто сколько сбил, тот столько и выиграл. В конце игры больше всех выиграл Петька – три, Мисюрчик одну, а Васька проиграл три, Ревка одну, хотя в середине игры выигрывал две, но под конец не повезло.

Петька повернулся к Ревке и спросил:

– Чё передали в последних известиях?

Ревка знал, что у них дома нет радио, и охотно ответил:

– Под Киевом идут упорные бои, но с юга немцы прорвались к Днепру. Окружили Одессу.

– И Эстонию почти захватили, – добавил Мисюрчик, дожидаясь своей очереди.

– Жмут, гады, – подвёл итог Петька.

Довольно быстро проиграл Вовка. Мисюрчик быстро нашёл палочку и стал выстругивать зубок. Он был шустрым пацаном, любил подшутить.

Сейчас он с хитрой улыбкой взглянул на Ревку и хихикнул. Стало понятным, что он что-то придумал. Закончив заострять зубок, он увидел, что Вовка повернулся к Петьке, ткнул того зубком в зад. Тот вскрикнул:

– Ты чего, дурак! А Мисюрчик отскочил в сторону. Вовка хотя и был на два года младше, но ростом был выше. Приложив ладонь к задку, сказал:

– Сам тащи зубок.

Петька, в знак примиренья, предложил:

– Давайте в «Царя» поиграем.

Все сразу согласились. Ревка поднялся и побежал к калитке ворот Витьки Торошенко, где в углу двора, у соседского забора лежали биты и городок. Когда он открыл калитку, на высоком крыльце дома появился Витька. Его чаще звали по прозвищу Арош, так как в детстве плохо выговаривал многие буквы и вместо Торошенко, говорил Арошенко. Удивительно, но как только пошёл в первый класс, сразу начал говорить правильно. Сейчас на предложение Ревки поиграть в «Царя», он сразу согласился. Вдвоём они забрали все биты и городок, не подсчитывая сколько игроков.

Когда биты разобрали, стали определять, кому голиить, то есть ставить городок в очерченный квадрат. Для этого каждый становился в квадрат, ставил биту на носок ноги и, придерживая рукой, раскачивал ногу и швырял биту как можно дальше. У кого бита падала ближе всех, тот голил.

На этот раз не повезло Вовке, его бита сорвалась с ноги. Во время игры биты бросали с разных расстояний. На земле были вырыты три углубления, через три, шесть и девять шагов. Начинали бросать с дальней отметины. Вовка поставил городок в центре квадрата. Первым бросал Петька, так как его бита улетела дальше всех, но он промахнулся. Вторым бросал Васька. Он попал в городок, но тот улетел ближе, чем бита и забрать её не успел. Ревка бросил удачно, городок улетел дальше, чем бита и он её забрал. Со второй позиции он снова попал, но биту забрать не удалось. Вовка с городком оказался шустрее, пришлось вернуться, чтобы не оказаться голильщиком. Удачно бросал Мисюрчик и он первым стал «Царём». Теперь он сидел у кювета и ждал, когда все промажут, чтобы воспользоваться своим правом: бить по городку, держа биту в руках и так, чтобы городок улетел дальше всех бит. В этом случае, все игроки могут забрать свои биты и играть дальше, а голивщик остаётся тот же, если не успеет кого-нибудь обогнать. Такое право у «Царя» до трёх раз. Он два раза вступал в игру, пока голил Вовка. Потом тот «застукал» Ваську, то есть положил городок в квад-

рат раньше, чем тот забежал за квадрат. Игра продолжалась. Один раз становился «Царём» Ревка и два раза Петька. Когда голил Арош, пришёл Юрка Колесов. Он какое-то время понаблюдал за игрой, взяв свободную биты, но в игру не вступал. Потом предложил:

– Давайте играть в «Попа-гонялу».

Все согласились, а Юрка улыбнулся и говорит:

– Чудно получилось. Вчера Ревка прибежал позвать меня играть в «Попа-ганялу», а бабка услышала. Сегодня говорит:

– «Фу, какая-то игра у вас не хорошая. Священника обижают».

Я ей:

– Какого священника? Мы городок на попа ставим. Она всё равно, недовольно покрутила головой. Ладно, давайте решать, кто будет голить, и он взял битую за край рукоятки и поднял её вверх. Все уже знали, кому не хватит перехватиться, тот и голит.

Стали друг за другом браться за битую, начиная от руки Юрки. Когда все взялись по разу, Юрка перехватился выше и по очереди стали перехватываться другие. Не хватило взяться Ваське. Он, с явным неудовольствием, взял городок и поставил его в центре квадрата. Первым бросил Юрка и удачно: городок вылетел на дорогу. Васька установил его вертикально там, где он лежал. Остальные бросали биты из квадрата, стараясь попасть в городок. Удалось попасть в него Витьке-Арошу и он улетел ещё дальше. Остальным, в то числе и Ревке, пришлось просто забросить битую так, чтобы она упала за городком. Недолёт сулил тем, что голильщик такую битую забросит вперёд насколько сможет. А в случае, если бы все промахнулись, и надо было хватать свои биты и бежать застукиваться в квадрат, игрок этой биты вряд ли успел бы и становился голильщиком. Теперь по городку могли бросать только Юрка и Арош, чьи биты попали в городок и лежали ближе него. Юрка снова попал, и городок улетел за лежащие биты. Васька его поставил и все, начиная с того, чья бита оказалась дальше от городка, стали бросать, угоняя городок всё дальше и дальше. Игра продолжалась. Они миновали Ревкин дом, Школьный переулок и двигались дальше по дороге, поднимая пыль битами. Обогнули пригорок, дома Шибелей, и погнали городок по пологому подъёму. У большого дома, выкрашенного охрой в жёлтый цвет, на дороге была большая лужа и, хотя она почти высохла, решили вынести городок на насыпной тротуар.

Он представлял собой две вертикально установленные доски, между которыми был насыпан и утрамбован шлак. Доски снаружи удерживали забитые колья.

Васька установил городок посередине тротуара и игра продолжилась. Оставалось метра три этого тротуара. Васька в очередной раз установил городок. Рядом торчала железная труба, вбитая вместо кола, толщиной с городок. Только Мисюрчик собрался бросить биту, как его за плечо отшвырнул с тротуара пьяный мужик. Он шёл покачиваясь, в белой вымазанной рубахе, серых брюках и босоножках. Игра остановилась в ожидании, когда он пройдёт. Он шёл, опустив голову и как будто ничего не замечал. Когда подошёл к Ваське, тот быстро убрал городок. Мужик, приняв трубу за городок, со всей силы пнул её ногой и с воплем упал на тротуар. Все замерли, не зная, что делать. Мужик сел, обхватил руками пальцы ноги вместе с подошвой и зарычал:

– У, гады!

Петька крикнул:

– Бежим застукиваться! Все похватали свои биты и бросились бежать. Убегая, они то и дело оглядывались на мужика, который продолжал сидеть на том же месте.

Бежали гурьбой, особенно не торопясь, так как Вовка отстал, потому что его бита была дальше всех. «Застукавшись», ткнув битами в квадрат на земле, все повалились на траву. Положив городок в квадрат, Васька упал рядом.

Володька, большую часть пути, прошёл шагом.

Отдышавшись, Юрка вдруг сказал:

– Сегодня передали, немцы под Ленинградом прорвались к Финскому заливу. Ревка тут же напомнил об отрезанной от Киева Одессе. Мисюрчик сказал, что забрали на фронт брата Савелия, а Арош о том, что призвали сына хозяев дома, Анатолия. Все помолчали. Никто не предлагал начать игру снова. Васька вспомнил про мужика:

– Он наверно пальцы поломал, так далбанул по трубе.

Вовка хихикнул:

– Пьяный дурак.

Ревка заметил, что тот всегда посмеивался, когда кто-нибудь попадал в какую-то беду. Другие тоже посмеивались, но не так.

Поговорили ещё о мужике, и Юрка заключил, что если бы Васька не убрал городок, он бы его пнул, и всё бы обошлось. Васька возразил: «За городком-то мне пришлось бы бежать».

Пришёл Петькин брат Витька. Он был на четыре года младше. Они были не похожи между собой. У Петки было вытянутое лицо с прямым аккуратным носом, а брат круглолицый, со вздёрнутым носом, очень похожий на свою мать. Одинаковыми были светло-голубые глаза, как у всей семьи. Петькиного брата приняли в игру в «Царя», с условием, если он согласится голить. Тот с радостью согласился. Игра началась.

Из дома вышла Милка со своей подругой Лизой Морошкиной. Она приходилась Петьке тётей, хотя была младше его на один год. Они начали играть в классики. Юрка, который первым вышел в «Царя», сидел рядом на краю кювета и лупил битой по земле. Вдруг он поднялся, оставил биту и отправился к девочкам. Подойдя к ним, он что-то сказал Милке и та побежала домой. Ревка, ожидавший своей очереди, заинтересовался: «Что он ей сказал?», — и продолжал смотреть в их сторону. Милка появилась с ковшиком в руках.

— Ребя! — обратился Ревка к ребятам, — кто хочет пить, за мной! — и побежал к Юрке, который уже пил.

Ревка первый подбежал к Юрке и тот передал ему ковшик. Вода была прохладной и пил он её с большим удовольствием. Подбежали ребята, стали хвататься за ковшик и пить стало трудно, так как ковшик не наклонялся. Милка, прищуриваясь, улыбалась, глядя на эту возню у ковшика, сказала:

— Не торопитесь, я ещё принесу.

Она сходила и принесла полный ковшик. Остальные пили уже спокойно. Поблагодарив её, все вернулись к игре.

Летний день склонился к вечеру. У дома через дорогу громыхнуло кольцо у массивных ворот, выкрашенных в тём-

но-красный цвет и покрытых двухскатной крышей, как это делается в добротных сибирских дворах. Калитка распахнулась, и из неё вышел старик Комлев. Это был высокий, статный человек, с пышной белой окладистой бородой. Никто из ребят не знал, как его зовут, знали фамилию. Весь его дом утопал в зелени деревьев.

Сразу за забором палисадника росли кусты малины и, очевидно, от ребят, между высокими штакетинами были прибиты дощечки, чтобы нельзя было просунуть руку. Дед вышел и остановился возле угла забора. Было ясно, что он как всегда, вышел встречать из стада свою корову. Ревке она очень нравилась. Самая высокая в стаде, с большими изогнутыми рогами; щёки, шея и бока чёрные, а по спине и животу широкие белые полосы. Причём, переход везде от белого к чёрному, был в виде узоров. На обеих сторонах он был одинаковым. Ревка, когда видел стадо, всегда её выискивал.

Вскоре, со стороны Школьного переулка появились коровы. Одна из первых шла его красавица. Завидев его, она даже приподняла голову, а когда подошла, то ткнулась в него своей мордой. Он чем-то её угостил. Потом погладил по щекам, потрепал по шеи и за ушами и только после этого она направилась в открытую калитку.

На горке имели коров только в трёх дворах, но по ней проходили и другие, поэтому ребята прекратили игру и, помахивая битами, стали направлять коров на дорогу, чтобы они не оставили своих лепёшек на поляне, где они играют. Не раз было, что во время игры кто-нибудь попадал ногой в такую лепёшку.

Ревка никогда не забывал случай произошедший с ним, когда ему было лет пять. Дома были гости и его одели в белую рубашку с галстуком в виде ленточки и короткие серые штанишки на лямочках. На ногах были белые носочки и новые сандалии. Когда всем стало не до него, он попросился у бабушки на улицу, обещая ни во что не играть и та разрешила. Понимая, что он одет не для улицы, старался больше смотреть, но утерпеть долго не смог и включился играть в догоняшки. И вот, когда за ним погнался кто-то из ребят, а

он бросился убежать, то не заметил впереди целых три лепёшки: маленькую, по больше и очень большую. Поскользнулся на маленькой, упал в среднюю, и въехал в большую, едва успев поднять лицо. Ребята, конечно, засмеялись, а он поднялся весь от шеи до сандалий в зеленоватой жиже и, всхлипывая, побрёл домой. Бабушка отмывала его в огороде у небольшой ванны, водой нагретой солнцем.

Коровы прошли, и игра возобновилась. В это время увидели поднимающийся на горку воз сена, на котором сидел Витька Тимофеев. Рыжая лошадь с усилием тащила эту горку сена, а сбоку шёл Витькин сводный брат Володя с вожжами в руках. Витька помахал им рукой. Когда воз поравнялся с ребятами, он быстро спустился и прыгнул на землю. Игра остановилась, пока все с ним поздоровались. Он пообещал, что поест и выйдет на улицу.

Только Витька ушёл и голищник поставил городок в квадрат, как где-то вдалеке раздался свист. Витька Морошкин, округлив свои голубые глаза, повернулся к Петьке: «Папка ужинать завёт». Никто не удивился, так было не раз. Братья ушли. Следом ушёл Вовка Перфилов. Игра разладилась, собрали биты и унесли к Арошу во двор. Потом сели на краю кювета, рядом с тем местом, где играли и разговор зашёл о шишках. Юрка рассказал, как они ходили с Ревкой и Пашкой за шишками две недели назад. Ревка пояснил, что били шишки в лесу по Бобровскому тракту, не доходя кордона и что он принёс штук тридцать. Мисюрчик тоже рассказал, что ходили с Петькой, Витькой и с Сашкой Посновым в лес в сторону старой заимки и нормально набили. Юрка перебил его, вспомнив рассказ Пашки про брата и сестру Ботиных, которые живут дальше по Школьному переулку. Они родом из деревни Ботино, где почти все Ботины. Возле деревни кедровый бор. Туда они вдвоём и поехали. Он лазал, она собирала шишки. Набили уже больше полмешка, брат даёт ей спички говорит: «Разведи костёр, испечём шишек, отдохнём, пощелкаем и пойдём в деревню, а я вот эту кедёрку на полянке обобью». Он полез на кедр, а она собрала хворост и развела костёр. Но ума не хватило отнести костёр в сторону. Развела прямо под кедром, на котором он

сидел. Одна ветка оказалась низко, пламя быстро её охватило, а за ней и другие. Она отбежала в сторону и кричит: «Борька, кедр горит! Слазь!». Тот начал спускаться, а кедр с одной стороны горит уже до половины. Он перебрался на другую сторону, по веткам спустился сколько мог и прыгнул. Всё бы ничего, если бы там не оказался пень. Ногами он угодил мимо, а задом прямо на него. Упал, ногами шевелить больно. Отлежался, кое-как поднялся, и побрели в деревню. Сбитые шишки собирать не стали, мешок-то ей пришлось тащить. Потом говорил, синяк во всю задницу был. Все поулыбались, рассказанному, а Юрка, пока все на него смотрели, вдруг сказал:

– Я слышал, что этот дед Комлев, – он мотнул головой в сторону красных ворот, – бывший белогвардейский офицер, у Калчака служил.

– Да, ну? – вырвалось у Мисюрчика.

– Может быть, – поддержал Ревка, – он ни с кем не разговаривает, а бабка вовсе редко появляется. Он, наверно, и ворота покрасил в красный цвет, чтобы думали, что он за советскую власть.

Юрка сразу предложил план действий:

– Соберём кучу камней, и быстро пробарабаним ими по воротам. Он догадается, что о нём знают, кто он такой.

Все загорелись мстью к «белогвардейцу» и разбежались собирать камни. Брели куски глины с дороги, обломки кирпичей, которые нашли у пекарни. Когда камни были собраны и лежали на тропинке напротив ворот, раздался голос матери Ароша. Она позвала его ужинать. Все отошли от кучи с камнями, пока тот бежал домой, а мать стояла на крыльце и видела их. Когда они зашли в дом, все увидели бегущего Витьку Тимофеева. Юрка спросил, почему он долго не выходил и тот сказал, что пришлось часть сена поднять на сеновал, а потом поел. Его посвятили в задуманное, и он согласился принять участие, хотя после этого договорились разбежаться по домам, а он ведь только вышел на улицу, но он махнул на это рукой. Огляделись, на улице – никого. Взяв по два камня в руки и, положив перед собой ещё два, они по команде Юрки, начали швырять камни в ворота.

Раздался грохот, а они, бросив последние камни, кинулись в рассыпную по домам, с радостью, что месть удалась. Дома бабушка удивилась, что Ревка пришёл так рано.

ДОМ

Дом, в котором жил Ревка, а вернее Мирка, как его звали все домашние, был обычный бревенчатый. К нему примыкал довольно большой крытый двор. В доме были две комнаты и большая кухня, которую перегородили большим посудным шкафом и за ним получилась небольшая комната для сестры. Мать работала завучем в школе, но не в той, где учился Ревка. Бабушка Аня вела домашнее хозяйство: варила, кормила, летом занималась огородом, ухаживала за курами и двумя козами, которых держали с давних пор. Дед, бывший машинист паровоза, пенсионер, занимался хозяйственными делами во дворе: пилил и колол дрова, носил воду из соседского колодца, чинил заборы и двор. Весной он часть крыши двора разбирал, открывая его для солнца, а осенью вновь закрывал, чтобы зимой не заваливало снегом. Сестра Таня, старшая на шесть лет, училась в школе. До осени в семье жил двоюродный брат Гена, которого три года назад привёз дед, так как у него умерли родители. Ревка обрадовался старшему брату. И в первый же раз, когда поссорился с кем-то из ребят, побежал жаловаться и искать защиты у брата. Тот взял его за руку, вывел на улицу и сказал: «Со своими друзьями разбирайся сам». Больше Ревка не жаловался. Помнил он, что в первый класс, первого сентября, его отвёл брат, так как мать была занята в своей школе. Помнил, как брат, со своим другом Костей, устроили в снежной пещере, рядом со стенкой двора, химическую лабораторию. Потом у них, произошёл взрыв. Дед запретил проводить опыты и разломал лабораторию, боясь, что они сожгут двор и дом. Окончив весной 9 классов, брат вместе с Костей уехал в конце августа учиться на связиста в другой город.

Осень внесла изменения в обычную жизнь. Прежде всего, надо было ходить в школу и выполнять домашние задания.

В это же время были введены карточки на хлеб, а потом и на другие продукты. Когда мать первый раз принесла карточки домой, Ревка с интересом их рассматривал. Это были цветные с узорами бумажки, на которых были напечатаны клеточки с цифрами дней месяца, а ниже цифры 600 или 400. Мать пояснила, что работающему человеку полагается 600 граммов хлеба в день, иждивенцам, то есть старикам и детям по 400. Бабушка, пережившая голод гражданской войны и первые годы Советской власти, сразу стала делить хлеб поровну и предупредила, чтобы съедали его частями, во время завтрака, обеда и ужина.

Ревка два раза ходил с бабушкой в магазин и видел, как продавщица вырезала ножницами квадратики, а потом вешала на весах хлеб или продукты. Оба раза в магазине он слышал разговоры о том, как кто и где достал какие-то продукты. Причём, достал, значило купил. Много разговоров было о войне. С тревогой спрашивали друг друга: захватят немцы Москву или нет. Во второй раз запомнился старик с желтовато-белой бородой и тросточкой в руке, который успокаивал:

— Не должен. Но даже, если возьмёт, всё равно наши победят. Наполеон брал Москву, а его всё равно разбили. Его слушали с большим вниманием. Ревке хотелось, чтобы так и было, но лучше, чтобы Москву не взяли.

В октябре, когда на улице слякоть, дед учил его играть в шахматы. После того, как он понял, как ходят фигуры, и получил два мата в три хода, стал соображать. Следующие игры, хотя и проигрывал, но продолжались они дольше. Во время последней игры, по репродуктору стали передавать последние известия. Дед выпрямился, поднял указательный палец вверх, обозначая внимание и — замер. Снова передали об упорных боях под Москвой и что наши оставили города Можайск и Волоколамск. Дед покачал головой и сказал:

— Плохо. Это совсем близко от Москвы.

Был конец октября. Ревка сидел за столом в большой комнате и выполнял задание по арифметике. Примеры решались легко, а вот задачи не всегда. На этот раз тоже. Он с удовольствием поглядывал на решённые примеры, а вник-

нуть в суть задачи ему не хватало терпения. Он крутил головой, разглядывал комнату и убеждал себя, что он думает, а сам уже решил, что пойдёт к деду. Но, так как дед спросит: «Сам-то думал?». Он честно скажет, что думал. Прямо перед ним, между двумя окнами, висела копия портрета Пушкина, написанная отцом. От него давно не было писем.

Ревка повернул голову и посмотрел на книжную полку, занимавшую пространство от большого шифоньера до стены у окна. Вся она, почти до потолка была уставлена книгами в различных, больше красивых обложках. Подумал: «Как это мать успевает прочитать столько книг?». Причём, она редко разрешала давать книги ребятам с улицы, так как были случаи, что книги терялись, или их возвращали потрёпанными, а она такие книги не любила. Однако, первой начала давать книги сестра Таня, но мать сразу обнаруживала пропажу. Получался небольшой скандал. Ревка удивлялся, как мать в таком количестве обнаруживает, какую книгу взяла сестра, а потом догадался. Даже за день или два на полке появляется пыль и когда книгу сестра вытаскивала, на полке оставались две полоски от корочек. В начале сентября, когда Володька, Милкин брат, попросил принести ему книгу Ги де Мопасана, он протёр всю полку, вытащил книгу, раздвинул остальные и мать не заметила. И всё-таки она догадалась, что книгу брали. Ревка забыл протереть пыль, когда ставил её на место. Пришлось сознаться, что он брал книгу, но... только посмотреть.

Он взглянул в задачник, где птичкой была отмечена задача, но вчитываться в условия задачи второй раз не стал и повернул голову в другую сторону. В углу стоял узкий шифоньер матери, а правее, между окнами, диванчик и тумбочка с большим зеркалом в специальной оправе с подставкой. На диванчике он спал до отъезда брата, когда освободилась его кровать в соседней комнате. Рассматривая его, он невольно вспомнил о козлятах. Они появлялись в доме обычно зимой. Их бывало четыре, пять, а то и шесть штук. Бабушка держала их в загородке под обеденным столом на кухне. Несколько раз в день она выпускала их покормить и погулять. Он любил наблюдать за ними, как они пили моло-

ко: встав на коленки передних ног, уткнув мордочку в миску с молоком, они от радости помахивали своими короткими хвостиками. Кроме того, они очень забавно резвились: бегая друг за другом, то и дело подсакивали вверх. Чтобы они не бегали по всему дому, бабушка в дверях своей комнаты, клала большой табурет. Было много раз, когда бабушка выпускала их утром. Ревка ещё спал, а подросшие козлята перепрыгивали через преграду и устремлялись в эту комнату. С хода, друг за другом, заскакивали на низкий диван и, пробегая по нему спящему, прыгивали вниз. Он просыпался от толчков копытцами и радовался такому пробуждению, а они с удовольствием повторяли свои прыжки на диван и с него. Бабушка, обнаружив их бегство из кухни, приходила в комнату и выгоняла их назад. Ревка прямо с постели бежал на кухню, чтобы посмотреть их радостное веселье. Ещё, они с сестрой любили давать козлятам пососать палец, те от удовольствия помахивали хвостиками.

А если бабушка выходила из дома, то они с сестрой кидались к столу, тыкали пальцы в сахарный песок и вновь давали их сосать. Это, похоже, козлятам тоже нравилось.

Посмотрев в задачник, он сморщился, потом, взяв карандаш, листок черновика, отправился к деду. Тот читал газету.

– Деда, помоги решить задачу, – состроил он жалостливую рожицу.

Дед сдвинул очки на лоб:

– Сам думал?

– Думал, – со вздохом ответил он.

Надвинув очки на глаза, дед придвинул его к столу и, продолжая держать газету в левой руке, начал читать условие задачи. Задав ему несколько наводящих вопросов, и услышав Ревкины ответы, он сказал:

– Ну, вот, а ты говорил, не могу решить.

Ревка сам удивился, какая лёгкая оказалась задача, всего три действия. Обрадованный, он пошёл записывать решение в тетрадь.

С арифметикой было покончено, а вот дальше заниматься не хотелось. Но понимая, что вечером мать обязательно захочет проверить подготовку по другим предметам, он

взял учебник истории и сел на сундук у печи. Прикоснувшись к ней спиной, почувствовал тепло и начал читать заданный параграф. Спину пригрело, и он вспомнил, как на этом сундуке мать учила его читать по букварю. Это было так регулярно, что ему потом вообще расхотелось читать, и с тех пор любил, чтобы ему читала сестра. И ещё он вспомнил: ему было года три, он забрался на этот сундук и, насколько хватило руки, нарисовал на печи красным карандашом солнце с лучами во все стороны. Потом несколько лет не могли его забелить. Оно вновь и вновь выступало. И только, когда печь переложили, его не стало.

Тут он сообразил, что отвлёкся и ничего не понял из прочитанного. Сначала было про монголов, а вот дальше про Александра Невского. Это было интересно. Ещё на уроке Евгения Степановна рассказывала про него и про немецких псов рыцарей. Теперь он уже читал с интересом.

Из кухни потянуло запахом варёных овощей, вернее очисток. Он понял, что бабушка, варит пойло для коз, а когда хлопнула входная дверь, догадался: она пошла их кормить. Едва подумал о козах, как вспомнил случай с дедом. Года два назад, летом. Вернулось стадо из леса, и бабушка попросила деда встретить коз. Ревка решил посмотреть, как он их встретит и забрался на подоконник окна выходящего во двор. Дед подошёл к калитке, открыл, впустил коз и вдруг резко захлопнул её на щеколду. Ревка удивился: «Почему?». Ясно стало через минуту. Козы пошли вглубь двора, дед развернулся идти домой. Вдруг раздался удар в калитку, она распахнулась и показался большой чёрный козёл. Он пришёл с козами и ему не понравилось, что перед его мордой захлопнули калитку. Дед повернулся и замахнулся на него рукой. Козёл стремглав бросился к деду и ударил рогами в колени. Дед упал, а козёл пошёл вслед за козами. Дед зашёл домой на четвереньках, сильно напугав бабушку. Ноги у деда болели несколько дней. Козёл не тронул бабушку, когда она доила коз. Он переночевал, утром ушёл вместе с козами в стадо и больше не появлялся.

Тут Ревка зловредно подумал, что козёл отомстил деду за то, что он каждый год режет козлят. В такой день Ревка

убегал из дома, даже не выполнив домашнее задание. Возвращался домой в сумерках и всё равно в сенцах зажмуривал глаза, чтобы не видеть шкурки козлят, которые дед вывешивал на верёвку. Потом бабушка жарила козлятину, а Ревка, всегда отказываясь её есть. Ему казалось: это всё равно, что предать друга.

Закончив читать про «Разгром немецких рыцарей...», он сложил учебники и тетради в портфель. Тут на один момент задумался: «Повторить правило по русскому или потом», решил, потом. Выйдя из комнаты, столкнулся с бабушкой, которая шла с двумя мисками в руках.

— Баба, — обратился он, — я пойду, погуляю? Вон, солнце выглянуло.

— Солнце светит, да не греет. Уроки все сделал?

— Все, — не моргнув глазом, ответил он.

— Подожди немного. Поможешь мне — и подала ему пустые миски.

Она наклонилась и за колечко открыла крышку подполья, которое располагалось посередине прохода, между его и её кроватью. Оперев крышку о кровать, она спустилась в подполье. Оно было неглубоким. Открыв бочку с капустой, она протянула руку за миской и стала накладывать. Ревка поставил вторую чашку на пол и сказал:

— Так я пойду.

— Подожди, сейчас отнесёшь чашку в кухню.

Он задержался, продолжая наблюдать, как она наполняет миску, удерживая её на краю бочки. Увидев эту новую бочку, он вспомнил ещё один случай с дедом.

В прошлом году он сидел во дворе, на скамейке, и строгал из кривой палки саблю. Дед под навесом установил узкую и высокую бочку, в которой раньше квасили капусту, и решил в ней загасить известь, для предстоящего ремонта. Высыпав в бочку небольшое ведёрко кусковой извести он пошёл с ним в огород, за дождевой водой. Вернувшись, он вылил воду в бочку и пошёл ещё за водой. Едва он отошёл, как в бочке зашипело, а потом начались словно выстрелы. Из бочки начали вылетать отдельные брызги. Дед заторопился, а когда вернулся с водой, из бочки началась настоя-

щая канонада. Из неё, как из жерла пушки, вылетали струи извести и мелкие куски. Он влил ещё ведро и в ней произошёл целый взрыв. Вся крыша навеса была в белых пятнах. Только, после третьего ведёрка стрельба в бочке прекратилась. Двор до сих пор с пегой крышей, как и замшевая куртка деда, в которой уже нельзя выйти на улицу.

Бабушка подала миску, он отнёс её и, одевшись, убежал на улицу, но быстро вернулся, так как заморосил дождь, а потом повалил снег.

К середине ноября снегу было уже много и были опробованы и санки, и лыжи. Ревка вернулся со школы, пообедал и решил, что сначала погуляет, а потом будет делать уроки: на горке уже каталось несколько мальчишек. В этот момент бабушка сказала, что ему опять придётся поспать на диване, так как к комнате Тани, временно, будет жить военврач из госпиталя. Ревка понял, что всё решено, не стал менять своего плана. Сказал бабушке, что задали мало и стал одеваться. В это время начали передавать последние известия. Опять говорили, что под Москвой идут упорные оборонительные бои, мужественно сражается Ленинградский фронт. В последнюю неделю появилась уверенность, что немцы Москву не возьмут. Он вспомнил, как в школе на торжественной линейке директор поздравила с праздником Великого Октября и сказала, что победа будет за нами. Дома уже седьмого ноября все ждали: будет парад на Красной площади или нет? Когда сказали, что парад состоялся и на нём был Сталин, все взрослые потом говорили: «Всё, Москву не сдадут!». К празднику бабушка испекла сдобу, правда, не столько, как всегда, и зажарила гуся. Ревка в обед отказался его есть и попросил по больше сдобы с чаем. Вечером, когда дед ужинал за своим столом, а он подошёл, чтобы что-то спросить, тот предложил попробовать холодного гусяного мяса. Он попробовал и ему очень понравилось. Побежал в кухню, сел за стол и сказал бабушке:

– Ладно. Я буду есть гуся.

Та как-то виновато взглянула на него и ответила:

– Гуся, ни кусочка не осталось.

Он не мог себе представить, как не скоро он сможет его ещё раз попробовать.

НА ЗИМНЕЙ ГОРКЕ

Начало декабря было буранным, а к середине месяца установилась ясная, солнечная погода с небольшим мороз-

цем. Ревка уже около часа катался на лыжах с горки. Крутой спуск улицы в сторону Пожарного переулка зимой становился излюбленным местом всех ребят. Горку укатывали так, что на ней можно было кататься хоть на лыжах, хоть на санках. Ревка поднимался в гору, а мимо промчался, улыбаясь, Мисюрчик, приседая и поднимаясь на ходу. Он один катался без палок, подражая старшим ребятам. Те, обычно, прыгали с трамплина, сооружённого ими из снега, а прыгать с палками опасно. Проехал мимо Витька – Арош, а за ним Витька Тимофеев, подняв в приветствии руку, он только что появился на горке. Ревка проводил их взглядом и увидел Петьку, тоже на лыжах. На верху горки Ревка развернулся, но сразу не поехал, решил дожидаться Петьки, который поднимался вслед за ним. Ревка, щурясь, взглянул на солнце, упёрся плечами палки, воткнутые в снег и посмотрел вдоль улицы. Она нравилась ему и летом и зимой. Сейчас его особенно привлекала левая сторона. Внизу, за замёрзшей канавой, на углу переулка, стояла старая, почерневшая от времени, и давно заброшенная кузница. Утопающая в снегу, с сугробом на крыше, напоминала сказочный домик. За ней стеной стояли тёмные ели, отбрасывая на неё голубые тени. Далее, в глубине усадьбы, стоял дом Кузнецовых, огороженный высокими тополями, словно тёмными кружевами. А за их домом улица ступенями поднималась вверх, и один дом загораживал другой, а по заснеженному склону причудливо извивались тени от них. С правой стороны, начиная от Петькиного дома, деревьев было мало и дома, с заснеженными дворами, были малопривлекательны.

Подъехал Петька, поздоровался и схода спросил:

– Что там по радио передают?

– Под Москвой наши фрицев продолжают колошматить.

– Это я знаю. А что-нибудь ещё передали?

– Сегодня сообщили, наши освободили города Калинин и Клин.

– Ну, теперь наши попрут, – он чуть улыбнулся, прищурив свои светло-голубые глаза.

– Слушай, – удивился Ревка, – что за мужик к вам ходит?

— Так это нам подселили работника госпиталя. Ты знаешь, что у нас в городе есть госпиталь?

— Конечно, он же в новом здании материнской школы. Их в сентябре переселили в старое здание. Да у нас тоже месяц, с пятнадцатого ноября, жил военврач, в Танкиной комнатке. Правда, я его видел два раза. Он уходил рано и приходил поздно и без выходных.

Поднялись и подошли Витька и Арош. Витька был в своей синей сшитой шапке в виде шлема, по которой его всегда можно было узнать издалека. Улыбаясь, он спросил:

– Чё стоите?

– Вас ждём, – ответил Ревка.

Они развернули лыжи. В этот момент сзади подъехал Юрка Колесов. На ходу поздоровался и со словами:

– За мной ребя! – ринулся вперёд, разгоняясь палками.

Они, словно выполняя команду, бросились за ним. На склоне, с трудом объехали шагающего лесенкой, без палок, Мисюрчика. Лёгкий ветерок, возникающий от скорости движения, слегка пощипывал Ревкины щёки. Петькины лыжи скользили лучше, и он выехал вперед. Уже в конце склона Ревка боялся, сумеет ли он отвернуть в сторону, чтобы не съехать в овраг и не столкнуться с Петькой или с Витькой, ехавшим справа. Но всё обошлось.

Когда развернулись, чтобы подниматься в гору, подъехал Юрка, который укатил дальше всех. Ревка спросил:

– Ты не знаешь, почему Пашка нынче ни разу не пришёл на горку? Другие парни приходят покататься.

– Я его видел неделю назад. Сказал, что на работе устаёт. Успевает отоспаться и снова на работу. А с прошлого месяца работает в две смены.

– А у нас папка в три смены работает, – сообщил Петька.

– Так, то связь. Она должна работать круглосуточно, – уточнил Юрка.

– А в депо тоже круглосуточно работают, – сказал Арош, – папка сказал, что две смены по двенадцать часов.

Петька добавил:

– На транспорте ввели военное положение и теперь, сколько заставят, столько и будешь работать.

– И без отпуска.

Ревка поскользнулся и чуть не упал, не расслышав, что сказал Юрка.

– Ты чё сказал? – повернулся он к нему.

– Все отпуска на производстве отменили. Когда поднялись на гору и развернулись, Юрка показал палкой в сторону Петькиного дома:

– Я бы попробовал, но боюсь лыжи поломать.

Они у нас с Володиёй на двоих.

– Поедем, – и оттолкнулся палками.

Ревка решил ехать за ним, но услышал сзади шорох и обернулся. Подъехал Герка. У него были самые красивые лыжи: голубые с белыми каёмками по краям, заводское крепление с пряжками, а палки были бамбуковые по росту. Поздоровавшись, спросил:

– Ты давно катаешься?

– Часа полтора.

– А меня мама только сейчас выпустила, говорила холодно, – он как-то виновато улыбнулся.

У него были светло-серые глаза и бледная кожа лица, на которой резко выделялось несколько веснушек.

– Поедем, – мотнул головой Ревка и, отталкиваясь палками, они поехали с горы.

Навстречу поднимались Витька и Арош. Внизу Ревка сразу посмотрел на Мисюрчика, который догонял Петьку с Юркой у подножья горы. На нём следов падения не было, значит проехал удачно. Витька Морошкин мчался на лотке по склону и отчаянно орал Мисюрчику, чтобы тот посторонился. У самого оврага затормозил ногами и остановился, чуть не упав с него. Ревка с Геркой двинулись к склону. Наверху Арош и Витька с кем-то разговаривали. На половине горы Ревка увидел, как Витька поехал вниз, наискосок, чтобы объехать, поднимающихся на гору, а Арош, оказалось, разговаривает с Милкой. Почему-то сразу вспомнил, как год назад, на этом месте, таща за собой санки, он взглянул на Милку, которая поднималась выше. Снизу он увидел, что под короткой юбкой, чулки подвязаны за коленками, а до трусиков голые ноги, покрасневшие от холода. Он тогда подумал: «Как её отпускают на улицу с голыми ногами? Его бабушка заставляет одевать двое шаровар, а она... Хотя, у неё мать на работе, брат Володя в школе, а дед старый».

Наверху Юрка с Петькой снова отправились к той лыжне, а за ними поспешил Мисюрчик, который чуть отстал на подъёме. Ревка с Геркой подошли к Арошу и Милке и поздоровались. Она стояла с санками, на ней было пальто с

меховым воротником, подшитые серые валенки и Володькина ушанка. Он мельком бросил взгляд на её колени в тёмно-коричневых чулках и спросил:

– Ты, что не катаешься?

– Сейчас Лиза придёт. Мы с ней договорились.

– Вон Лиза идёт, – сказал Герка, разворачивая лыжи.

Милка оглянулась, а Ревка обратился сразу к обоим:

– Слушайте, нам 45 задачку задали или 35? Я решать не стал.

– Сорок пятую, – ответил Арош.

– Я у Витьки спросила, – Милка кивнула головой в его сторону, – про ответ: у него тоже получилось 24 метра.

Герка видя, что Ревка не разворачивается и продолжает разговор с Милкой, обратился к Арошу:

– Поехали, Вить? – И они двинулись к краю склона.

Ревка спросил:

– Мила, а почему не на лыжах? На прошлой неделе ты на них каталась.

– Так они Володькины. У них ремни крепления большие, я на них падаю.

– Надо переделать.

– Я не умею.

– Я завтра приду, попробую переделать, – самонадеянно пообещал он.

Поднял руку, приветствуя Лизу, которая подходила тоже с санками, и стал разворачиваться. Разговор о креплении заставил вспомнить Володьку, Милкиного брата, с которым случилась большая беда: его посадили в тюрьму. В сентябре, он с дружкой, в школе забрались в кабинет военрука, и утащили мелкокалиберную винтовку с патронами, где-то постреляли и на второй день вернули винтовку военруку. Но, их всё равно осудили на пять лет. Ревке было очень жалко его. Он был добрым и весёлым. Прошное лето научил изготавливать вздушные змеи и запускать их.

Подъехав к склону, Ревка увидел, что все ребята под горой. В нескольких шагах от него, сопел Витька, затаскивая свой лоток. Посмотрел на Мисюрчика. Тот, обгоняя других, торопится на подъёме. В этот момент, Ревка подумал:

«Съехать здесь, как обычно, или попробовать на крутой лыжне?». — Ему почему-то стало стыдно перед ребятами, что он даже не попробовал там проехать. Помешкав мгновение, решил: «Упаду, так упаду. Петька первый раз тоже упал», — и двинулся к Васькиному дому. На бугре, встав на лыжню, увидел, что ребята смотрят в его сторону. «Теперь, — решил он, — отступать нельзя», — шагнул вперёд и оттолкнулся палками. Сначала было всё как обычно, а на крутом участке скорость сразу увеличилась, ветер сильнее ударил в лицо и в тот же миг охватила радость, что он смог. У самого оврага возникла тревога, но он не успел испугаться, только присел, лыжи скользнули вниз. Он выпрямился, наклоняясь вперёд, и лыжи рванулись вверх. Его словно подбросило, он покачнулся, теряя равновесие, но вовремя отставил лыжу в сторону и, упёрв палками, устоял. «Не упал! — пронеслось в голове, — и совсем не страшно». Оглянулся на ребят: за ним наблюдали. Он спустился в овраг и, поднимаясь из него, улыбнулся сам себе, испытывая радость и гордость. «Интересно, девчонки видели, как я съехал?», — подумал он, видя, что они уже везли санки к горке.

Катание продолжалось. Они освоили крутой спуск и хотя часто падали, но, хвалясь друг перед другом, продолжали кататься именно там. Рискнул, не смотря на свои опасения, Витька Тимофеев и проехал удачно. Юрка его похвалил.

К вечеру на горку приехал Колька Смолянников. Это был высокий парень с серьёзным лицом. Ревка ни разу не видел, чтобы он засмеялся. Говорили, что с осени, после окончания ФЗУ, он работает в депо, а по выходным всё равно приходит кататься. Как обычно он был в своём чёрном полушубке, в ушанке и, как всегда, без палок. Лыжи у него были длинные, ребристые, а не плоские, как у всех ребят. Он сразу поехал через трамплин. Прыжок получился красивым. При полёте полы полушубка распахнулись и, казалось, они, как крылья помогают ему лететь. Мальчишки смотрели на него с завистью, но сами прыгать с трамплина не решались. Когда Ревка в очередной раз съехал по крутому спуску, Герка сказал, что может и ему попробовать проехать по нему. Ревка отговорил младшего друга, сказав:

- У тебя такие красивые лыжи, а там можно их поломать.
- Мне уже домой надо идти, – смущаясь, сказал тот.
- Мне тоже надо. Ещё задачку решать, – вздохнул Ревка и, прощаясь, помахал рукой ребятам.
- У своего дома Герка остановился и спросил:
- Ты в следующий выходной придёшь ко мне?
- Приду, – охотно согласился Ревка.

ГЕРКА

В середине январских каникул Ревка пришёл в гости к Герке, который перед самым новым годом заболел, а не пришёл к нему первого числа, как договаривались. Вчера он встретил на дороге тётю Зою, и она пригласила его, сказав, что ему стало лучше. Герка его приходу обрадовался. Он появился в проёме комнаты, когда он разделся, снял валенки, а его мать повесила пальто на высокую вешалку. Здороваясь за руку, Герка улыбнулся. Его яркие губы особенно выделялись на бледном лице. Он похудел, и его светлые глаза казались большими, чем прежде.

За неделю до нового года, он был у него и тётя Зоя тогда спросила:

– Рева, не бьёт ли кто Геру в школе? Он говорит, нет. А посмотри, – она завернула рукав Геркиной рубахи и показала на синяк, ниже локтя, – видишь? И на спине ещё один.

Он ответил, что ни разу не видел, чтобы кто-нибудь ударил его, и он не жаловался.

Они прошли в комнату, где ещё стояла украшенная ёлка. Ревка сравнил её со своей, которую за два дня до нового года принёс из леса дед. Эта реже и ниже, но игрушки на ней были почти все заводские – красивые. Комната была большая с гладкими светло-коричневыми полами. С одной стороны стоял кожаный диван, этажерка с книгами и с патефоном наверху. Прошлый раз, когда его мать ушла в магазин, они сняли его и Герка показал, как с ним надо обращаться. Накрутив пружину, как он сказал, специальной ручкой, положил пластинку на диск и, когда она закрутилась, опустил на неё головку с иголкой: раздалась музыка, а по-

том песня про трёх танкистов, которую часто передавали по радио. На другой стороне была песня со словами: «Эх, Андрюша, нам ли быть в печали...», которую тоже передавали. Была ещё песня: «Про калитку», но Ревка увидел в окно, что возвращается тётя Зоя, они всё быстро сложили и поставили патефон на место.

У другой стены стояло кресло и тумбочка со швейной машиной. Между двумя большими окнами стоял стол, накрытый красивой скатертью и стульями вокруг. Над столом, на стене, висела чёрная тарелка репродуктора, из которого слышалась тихая музыка. В левом углу, где было ещё одно окно, стоял большой фикус, в катке с подставкой. Сейчас рядом стояла ёлка. Правый угол, возле дверей в спальню, был заставлен игрушками. Не было только большой pedalной легковушки, зависть всех ребят на улице. Очевидно, убрали в кладовку. Ревка сразу подошёл к углу с игрушками, опустился на колени и выбрал из них пожарную машину. Она была большая деревянная, покрашена в ярко-красный цвет. Ему нравилось, что у неё была выдвижная лестница. Если покрутить левую ручку, лестница поднималась, если правую, она выдвигалась.

— Гера, ты в кино пожарную машину видел? — спросил Ревка.

— Видел. Мы же с тобой на «Чапаева» ходили, а сначала журнал показывали пор московских пожарных и там такую машину показывали.

— Точно, — согласился Ревка и добавил, — а в нашей пожарной, что у школы, машин нет.

— Там в открытых воротах телеги с бочками стоят, а лошади во дворе.

— И хомуты с оглоблями и дугой подвешены, чтобы быстрее запрягать, — уточнил Ревка, выдвигая лестницу до предела.

Взглянув на Герку, сказал:

— Если бы заправдешная была, до любого этажа достала.

— Подожди, — Герка поднялся и пошёл в спальню.

За дверью он нагнулся и в руках у него оказалась полукруглая доска.

— Что это? — удивился Ревка.

Герка подошёл, повернул доску и сказал:

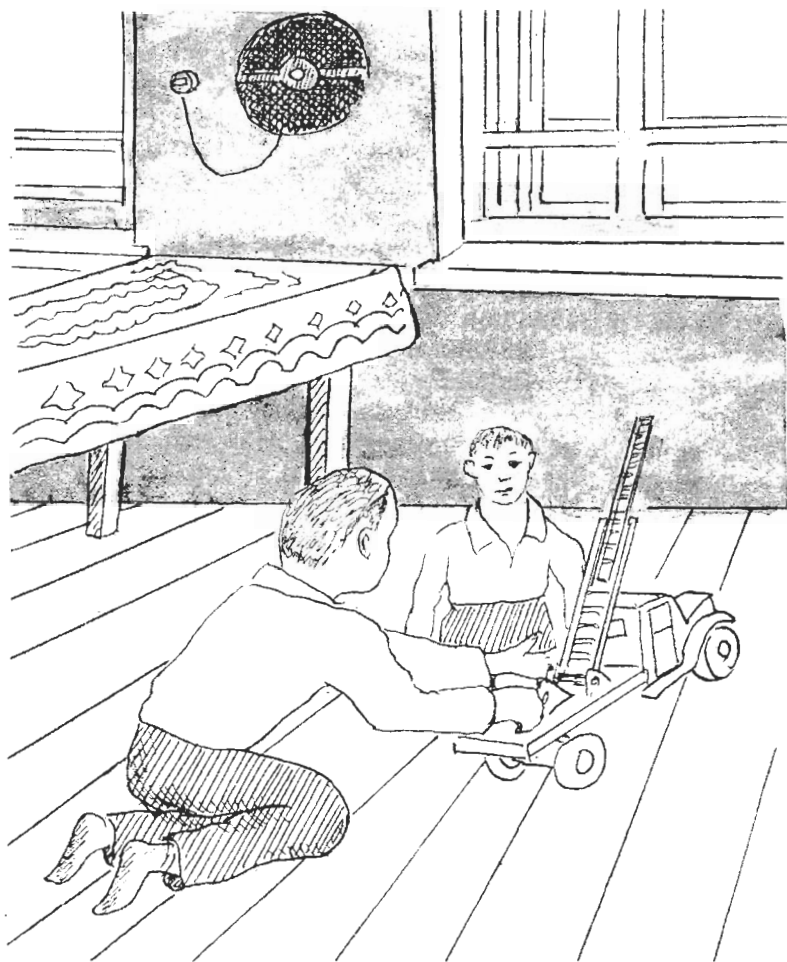
— Это настольный бильярд, — и опустил его на пол. Он пояснил, что это подарок на новый год от родителей.

Ревка в первый раз видел такую игру. На доске с бортами, с одним полукруглым концом, были набиты железные колышки, а по всей поверхности находились картинки с лунками, около которых были написаны различные цифры. Справа был лоточек с дощечкой и пружинкой. Герка поставил блестящий стальной шарик около дощечки, наклонил её и отпустил: под действием пружинки, дощечка ударила по шарiku, и он быстро покатился вдоль борта. В центре закругления ударился о штырь и по наклонной поверхности покатился вниз, ударяясь о другие штыри, и попал в лунку с цифрой 75. Ревка сразу понял правила игры. Герка принёс листок бумаги и карандаш. Договорились пускать шарик по очереди пять раз и записывать цифры. Большая сумма выигрывает. Как ни старался Ревка, первые три партии выиграл Герка. Он улыбался, радуясь своему успеху, а Ревка, хотя и огорчался, но не показывал виду. Наконец, четвёртую партию выиграл Ревка, правда, всего в 50 очков. Он улыбнулся и толкнул Герку плечом:

— Наконец выиграл! — Но, чтобы сгладить проигрыш друга спросил:

— Как тебе удаётся так часто выигрывать? Герка улыбнулся и пожал плечами. В это время по репродуктору начали передавать последние известия. Тётя Зоя подошла и повернула рычажок громкости. Как всегда сообщения начинались словами: «От советского информбюро...» и потом шло сообщение. Тётя Зоя осталась стоять по ту сторону стола, обхватив себя руками и, слушая, смотрела в окно. Ребята прекратили играть, чтобы не греметь шариком, и тоже слушали знакомый голос диктора. На этот раз передали, что на Северо-Кавказском фронте две армии, при поддержке Черноморского флота, высадились на Керченский полуостров и продвинулись на 100–120 километров, освободив города

Керч и Феодосию. Продолжалась героическая оборона Севастополя, и шли упорные наступательные бои под Москвой. Ревка ничего не знал про Керченский полуостров и где он находится, а Герка сказал, что два года назад он с родителями ездил в отпуск в Крым и заезжали в город Феодосию к дяде. Ревке стало ясно, где это, потому что про Крым он уже знал. Тётя Зоя убавила звук и ушла на кухню.

Они продолжили игру рассуждая, что теперь немцев погонят из Крыма.

Игра шла с переменным успехом. На какой-то момент Ревка вырвался вперёд и радостно взглянул на друга. Тот с особой тщательностью пускал шарик и внимательно следил за ним. Ревка заметил, что у того на носу и под глазами выступили капельки пота. Были они и на лбу у взъерошенных рыжеватых волос, отросших за время болезни и каникул. Ревка понял, что тот устал. Чтобы подбодрить друга, стал пускать шарик с большей скоростью и он, ударяясь о штырь, отскакивал в сторону так, что попадал в гнёзда с меньшими цифрами или вообще мимо их. Он проиграл, похвалил друга за удачную игру и сказал:

– Мне домой надо. Бабушка ругается, если опаздываю на обед, – придумал он.

Уже в прихожей, когда он одетый попрощался, Герка спросил:

– Ты ещё придёшь?

– Конечно, – ответил он, толкнув входную дверь.

По дороге домой он позавидовал: «Какую игру подарили ему родители! А мне альбом и цветные карандаши, сестра книжку». Хотя потом признался сам себе, что своему подарку тоже был рад, так как любил рисовать. Сейчас он с удовольствием вспомнил, как за два дня до нового года, вечером, когда мать пришла с работы, а ёлка в доме уже стояла, начали её украшать. Сначала повесили все игрушки, которые были, а потом начали изготавливать новые. Их вырезали из картона или бумаги, а потом раскрашивали карандашами. Бабушка, готовя им с сестрой Когель-Могель, выдула два яйца, и из этих скорлупок мать с Таней сделали головы двух клоунов. Сверху к каждому приклеили конусные колпаки из цветной бумаги, а снизу зубчатые воротники из белой бумаги. На самой скорлупе нарисовали рожицы, получились весёлые мордашки. Потом в фольгу завернули несколько грецких орехов и тоже повесили на елку. Было подвешено несколько конфет в бумажках. Потом повесили гирлянды из разноцветных флажков и из бумажных цветных колец – ёлка получилась нарядной.

31 декабря, вечером, мать с Таней ушли в школу, где был вечер старшекласников. Ревке было скучно, хотя по радио передавали много музыки и песен, и он стал расспрашивать бабу Аню, как раньше устраивали ёлки. Она сказала, что до революции ёлки устраивали на рождество, а не на новый год. После революции запретили их устраивать и, только лет пять назад разрешили наряжать их на новый год. После ужина Ревка сразу лёг спать, чтобы раньше проснуться и найти под ёлкой подарок.

Почти у дома вспомнил про утренник в школе первого числа. Было много ребят, но не очень весело. Водили хоровод вокруг ёлки, пели песни. Кто по бойчей, читали стихи у ёлки, и их угощали конфетами. Ревка знал несколько стихов, но выступать стеснялся. В первом классе из-за своей стеснительности, он отказался взять на утренник костюм звездочёта, который мать готовила несколько дней, пришивая разноцветные звёзды на синий халат и конусный колпак. С утренника возвращались домой вместе с Виталькой Верником и Милкой. По дороге он пригласил их к себе. Они пришли около трёх часов. Приглашал он и Герку, но тот заболел.

Они с Виталькой соорудили из кубиков высокий дом, когда пришла Милка, они разобрали своё сооружение и стали втроем играть в детское домино с картинками. Ревка тогда спросил у Милки, пишет ли Володя, а она помотала головой и сказала, что мать говорит: оттуда не разрешают писать.

Виталка сказал, что перед новым годом получили письмо от отца с Калининского фронта. Пишет: фашисты лезут, а мы их бьём. После домино играли у ёлки. По очереди становились, отвернувшись, у ёлки и отгадывали, на что показывала сестра. Если кто отгадывал, ему отдавали грецкий орех, конфету или игрушку. Потом сестра достала японский киноаппарат, купленный и привезенный родителями с Дальнего востока. Установила его на стопку книг на столе, чтобы он был повыше, зарядила киноплёнку мультфильма, вставила в аппарат электролампочку на длинном проводе, вынув её из абажура на столе, и сказала: «Сейчас звери побегут наперегонки», – начала вращать ручку аппарата. На

печном обогревателе, как на экране, обезьяна махнула флажком, и побежали разные звери: медведь, бегемот, жирафа, антилопа, заяц и другие. Всем фильм понравился. Виталька сказал:

– Жалко короткий.

Ревка и сам жалел об этом. Перед уходом Таня им вручила небольшие кулёчки с угощением.

Последние дни каникул Ревка пропадал на горке, катаясь на лыжах. Но в один из этих дней Юрка предложил показаться на коньках по накатанной дороге переулка. Дома были коньки, купленные ещё для Тани. Ревка согласился и Юрка научил его, как их прикручивать к подшитым валенкам при помощи верёвочек и двух палочек. Получилось хорошо. Первое катание вылилось в частые падения. Самое трудное было научиться разгоняться – ноги не слушались и разъезжались. Смотря на Юрку, поругивал себя «неуклюжим», но постепенно стало получаться. И всё-таки катанье понравилось. Особенно с небольшого уклона за Юркиным домом. Однако, он быстро устал и пришлось идти домой.

После обеда он вспомнил, что обещал прийти к Герке. Когда он поднялся на крыльцо их дома и постучал в дверь, её открыла тётя Зоя и сказала, что он болен и лежит в постели. Ревка повернулся и спустился с крыльца. Дверь закрылась, а он винил себя: «Не нашёлся, что сказать. Хотя бы пожелал выздоровления».

После каникул началась обычная школьная жизнь. Больше недели стояли сильные морозы. Деповской гудок по утрам извещал о том, чтобы младшие классы не ходили в школу. В конце месяца занятия возобновились. Герки в школе не было.

В первых числах февраля, в выходной, Ревка с Юркой направились на лыжах кататься с горки, и встретили тётю Зою, которая шла к своему дому. Когда они поравнялись с ней и поздоровались, она остановилась и сказала, что Гера умер и попросила: «Зайдите, попрощаться». – Они от неожиданности промолчали и только закивали головами. Когда она зашла в свой двор и закрыла калитку, Юрка сказал: «Давай у тебя во дворе лыжи поставим и сходим».

Так и сделали.

Подойдя к крыльцу увидели, что двери в сени открыты. Поднялись по ступеням, зашли внутрь и Юрка открыл входную дверь. В прихожей их встретила тётя Зоя:

– Проходите, ребята.

Они сняли шапки и прошли в комнату. Гроб, покрашенный в красный цвет, стоял на двух табуретах. У изголовья на стуле сидел Геркин отец, опустив голову, и какая-то женщина в чёрном платье. Отец взглянул на них и сказал: «Подойдите поближе». Они подошли и остановились. Герка в гробу показался каким-то большим. Лицо было более худое, такое же бледное с яркими веснушками. Ревка впервые видел умершего человека: у него не укладывалось в мыслях, что он не увидит больше Герку живым и не сможет с ним поиграть. От жалости он морщил нос, чтобы не заплакать. Они стояли молча и не знали, сколько надо стоять.

Отец сказал:

– Спасибо, ребята, что пришли проститься с Герой. Вы были верными друзьями.

Сзади подошла тётя Зоя и, взяв их за плечи, вывела в прихожую. Тут она обратилась к ним:

– Похороны завтра, после двух, приходите. И ещё. Могли бы вы съездить в лес за пихтовыми веточками для венка?

– Съездим, – ответил Юрка, – обязательно привезём, – и они вышли из дома.

Вернувшись к Ревке во двор, они надели лыжи и Юрка предложил съездить к Петьке Морошкину, может и он согласится поехать. Спускаясь с горы, они увидели Петьку во дворе своего дома. У него оказался и Мисюрчик. Он был на лыжах, а Петька собирался их надеть. Юрка рассказал им о Герке, а Ревка о просьбе его матери. Те сразу согласились, а Петька сразу сообразил:

– Надо, чтобы у каждого была верёвка для связывания пихтовых лапок и закрепления их за спиной. Я сейчас, – он зашёл в сени и вернулся с длинным шпагатом в руках.

– У тебя нож с собой? – спросил у Мисюрчика.

– Нет, – ответил тот.

Тогда он пошёл к чурбану для колки дров. Выдернул из него торчащий топор, разрубил шпегат на четыре части и сунул в карман пальто. Ревка удивился и обрадовался находчивости Петьки – как он всё быстро сделал. Мисюрчик спросил:

– Топор брать?

– Нет, так наломаем, – ответил Петька.

Двинулись вдоль Пожарного переулка. Пока шли за домами было нормально – холод не чувствовался. Мороз был градусов пятнадцать, но ветер усиливался. Когда выехали на открытое место, ветер, казалось, пронизывает насквозь. Юрка, который шёл впереди, оглянулся и сказал:

– Надо двигаться побыстрее, а то замёрзнем, – и прибавил шаг.

Нынче Мисюрчик был с палками и не отставал от Петьки. Ревка шёл последним.

Мёрзли пальцы рук. Сшитые бабушкой ватные и простёганные рукавицы продувало. Свернули на улицу, идущую вдоль Бобровского тракта. Снова дома и дворы немного прикрыли от ветра. Довольно быстрый шаг, причём, всё время на подъём, согрел тело, и пальцы перестали чувствовать холод.

Кончилась улица, вновь обдуло ветром, но тут же съехали с горы и за ней ветер почти стих. Теперь надо было двигаться к лесу по открытому пространству. Петька сказал:

– Ближе всего лес за бойней, – показал палкой вправо.

Это было ясно всем, но придётся ехать против ветра. Чуть выехали из-за бугра, ветер, казалось, подул ещё сильнее. До бойни, одиноко стоявшей у кромки леса, было метров триста. Хотя небо было затянуто тучами, но они были какие-то тонкие, и солнце угадывалось за ними светлым пятном. По косогору шла от него светлая полоса и снег слегка поблёскивал. Ветер гнал через эту светлую полосу снежные змейки позёмки. Юрка снова предупредил:

– Жмём быстрее до леса! У Ревки мгновенно замёрзли пальцы. Он позавидовал Петьке и Мисюрчику – у них рукавицы были меховые.

Морозный ветер обжигал лицо. Ревка, вспомнив совет деда, усилено корчил рожи, чтобы не отморозить лицо, но нос пришлось потереть рукавицей. Мёрзли колени и не только: ветер продувал двое шаровар и казалось, что он идёт в трусах и валенках. Наконец, поравнялись с бойней и повернули в лес. До этого они шли по обочине дороги, теперь пошли по нетронутomu снегу, но главное – ветер стих. Пришлось пройти некоторое расстояние, прежде чем стали попадаться пихты. Ходьба по глубокому снегу и без ветра позволила согреться. Когда остановились, Юрка сказал:

– Во, ветрило, я чуть в рукавицах пальцы не отморозил.

– И я, – признался Ревка.

Петька промолчал, а Мисюрчик сказал, что мёрзли колени.

Вокруг места, где они остановились, стояли попеременно ели, пихты и осины.

– Так, ребя, – обратился ко всем Петька, – нате ваши верёвочки и начинайте ломать.

Ревка подошёл к заснеженной не то ели, не то пихте, бросил палки и стряхнул снег с ветки. Оказалась ёлка. Петька очутившийся рядом, усмехнулся:

– Это же ёлка.

– Вижу. В снегу не разберёшь, – отозвался Ревка, переходя к другому дереву.

– А по сколько ломать? – спросил Мисюрчик.

– Штук по десять хватит, – ответил Юрка, у которого между лыжами уже лежали две лапки.

Петька посоветовал:

– Ломайте ветки вверх, они лучше отламываются. Не надо большие, для венка короткие нужны.

Ревка увидел, что у него отломанные лапки больше Петькиных и стал ломать поменьше. Ветки ломались не трудно, тем более небольшие концы.

Юрка первый наломал нужное количество и сказал:

– Смотрите, – все взглянули в его сторону, – вот так свяжете ветки в пучок, завяжете концы в петлю.

Дальше он показал: просунул голову и руки в петлю, а потом её поднял и перекинул через голову за воротник. Пучок с лапками оказался сзади, словно рюкза́к.

— Правильно, — подтвердил Петька.

Когда все связали свои пучки и устроили их на спинах, двинулись в обратный путь. От леса до тракта ехали по прежней лыжне, а ветер подгонял в спины. Когда поднялись на гору, ветер изрядно их просквозил, но замёрзнуть не успели, начались дома и поворот на Школьный переулок. Теперь ветер вновь дул почти в спину. Два квартала ехали под уклон. Лыжи хорошо скользили, так что работали руками, отталкиваясь палками. В один момент Юрка обернулся и ругнул Петьку: лыжи которого наскочили на Юркины, и он чуть не упал. Ускоренный спуск на одних палках согрел Ревку, а от моста начинался подъём до самого Геркиного дома. Юрка не сбавлял темпа. Ревка едва успевал за всеми. Он почувствовал, что начинает потеть. Подумал: «Наверно я большие лапки наломал», хотя в лесу так не казалось. Обходя возле своего дома киоск, он почувствовал, что спотел, по-настоящему, а ещё надо подняться на горку.

Когда подъехали к тропинке к Геркиному дому Юрка сказал:

— Давайте, я занесу. А ты Рева покарауль лыжи.

Все сбросили свои пучки веток. Мисюрчик и Петька попрощались и пошли. Юрка снял лыжи, взвалил все связки на спину и крикнул:

— Петь! Тебе верёвочки нужны?

— Нет, — ответил тот на ходу. Юрка пошёл по тропинке и скрылся за калиткой ворот.

Ветер между домами дул прямо на Ревку и с каким-то завихрением. Как он не отворачивался, ветер всё равно дул в лицо. Холод вновь стал пронизывать всё тело. Ему казалось, что Юрка очень долго отдаёт эти ветки.

Наконец, тот появился.

— Ты что так долго? — вздрагивая, упрекнул Ревка, — я уже замёрз.

— Ничего не долго. Я зашёл в дом, сказал. Вышел отец, попросил положить ветки в сенцах. Я занёс и всё.

Ревка не стал дожидаться, когда тот наденет лыжи. Сказал ему:

– Пока, – и поехал к дому.

Конечно мать и бабушка отругали его за то, что он не пришёл обедать. Он объяснил и все успокоились. Поев, взял книжку и сел читать на сундук, прислонив спину к печному обогревателю. Он знал, что мать всегда рада видеть его за книгой. Книга была «Тимур и его команда». Сейчас он выискивал место, на котором остановилась читать сестра, чтобы продолжить самому. Показалось, что нашёл. Стал читать. Через некоторое время понял, что ничего не запомнил в прочитанном. Мысли возвращались к Герке. Ему было странно, что он не увидит его в школе или на горке, что не сможет поиграть в этот бильярд. Но, тут же вспоминал Герку в гробу, и ему стало очень жалко его. Он полистал книжку, отыскивая картинки, потом закрыл её и, опустив голову, пошёл поставить на полку. Мать взглянула на него и сказала:

– Подойди.

Он подошёл. Она приложила ладонь к его лбу:

– По-моему, у тебя температура. Голова болит?

– Немного, – ответил он.

Она поставила ему градусник. Оказалось у него температура 38,7. Мать пошла в кухню и оттуда он услышал:

– Мама, у Миры температура.

Пришла бабушка, тоже приложила ладонь ко лбу и сказала:

– Умойся и ложись в постель. Я натру тебя керосином. Так она делала всегда.

Лёжа в постели, натёртый керосином, шаршавой бабушкиной рукой, и укрытый двумя одеялами, он понял, что завтра ему улицы не видать, хоронить Герку не пойдёт и в школу тоже. На второй день пришёл доктор – старичок с бородкой клинышком, который и раньше приходил к нему. Он послушал его через деревянную трубочку, померил температуру и сказал:

– Воспаление лёгких, но в лёгкой форме, – потом выпи-сал рецепты, отдал их бабушке и ушёл.

Ревка проболел чуть больше недели. К концу болезни баба Аня сказала, что от соседки узнала, что Гера умер от свёртывания крови. Сказали, что эта болезнь наследственная. У него дед, еще совсем не старый, умер от этой болезни.

В середине февраля несколько дней бушевал буран. Занесло все дороги, а у домов, сараев и заборов намело большие сугробы. Когда погода утихла, у ребят появилось ещё одно развлечение: прыгать в сугробы с какой-нибудь возвышенности. В один из таких дней, после школы, Ревка одеваясь, натянул верхние шаровары поверх валенок, чтобы в них не попадал снег, и побежал к Юрке. Тот, выйдя со двора, сразу предложил прыгать с их высокого забора, со стороны переулка, за которым надуло большой сугроб. Зашли в палисадник и полезли по снегу к высокому забору. Юрка забрался на первый высокий столб, Ревка полез ко второму.

Юрка дождался, когда он взгромоздится на свой столб, крикнул:

– Вперёд! За Родину! – прыгнул в сугроб, утонув по самые плечи.

Ревка крикнул:

– Ура! – тоже плюхнулся в сугроб.

Выбравшись на едва протоптанную дорогу, слегка отрянувшись и стали решать: откуда можно ещё спрыгнуть. Юрка предложил попрыгать с их бани. Ревка охотно согласился.

В это время их окликнул незнакомый мальчишка:

– Ребята, вы знаете, в каком доме недавно умер мальчик?

– Знаем, – ответил Ревка, а Юрка спросил:

– Зачем тебе?

– Мне надо его родителей повидать.

– Пойдём, покажем, – согласился Ревка.

Он был чуть ниже Ревки, остроносенький, с тёмными глазами. Одет был в серое пальто с чёрным воротником и в такой же ушанке. Вышли на еле приметную дорогу и Юрка повёл к Геркиному дому. За воротами тоже было много снега и только виднелись чьи-то следы.

Подошли к крыльцу и Ревка сказал:

– Подожди здесь. Я тётю Зою позову.

Он поднялся на крыльцо зашёл в сени и постучал в дверь. Дверь отворилась, и Ревка увидел тётю Зою в черном платке на голове. Он поздоровался и сказал:

– Там какой-то мальчик хочет вас видеть.

Он вышел из сеней и спустился с крыльца. Она немного задержалась и вышла в большой шали, наброшенной на плечи. Когда она подошла к краю крыльца, Юрка поздоровался. Она ответила и спросила:

– Что тебе, мальчик?

– Тётенка, – обратился он, – я знаю, что у вас умер мальчик, а у него были хорошие лыжи. Вы продайте их, они же вам больше не нужны.

Ревка почувствовал, как начал краснеть. Его охватил жуткий стыд. Лицо тёти Зои сразу изменилось. Уголки рта опустились, она тихо ответила:

– Нет, мальчик мы не продадим их. Они – память о сыне.

Юрка схватил мальчишку за рукав и дернул к себе. Ревка отвернулся, чтобы не видеть лицо тёти Зои, толкнул мальчишку. Когда отошли от крыльца за дом, Юрка размахнулся и ударил мальчишку по голове.

Тот упал и закричал:

– Чё вы дерётесь!

За испытанный стыд, возникла такая злоба, что они стали с яростью пинать его ногами.

Он заревел. Пнув его ещё несколько раз, остановились. Юрка поднял его за воротник:

– Иди, гад! – и пнул его в зад.

Тот полез по снегу к калитке. За воротами Юрка ещё раз пнул его:

– Иди, иди! Не мог, гад, сказать, зачем шёл.

Выйдя на дорогу, мальчишка крикнул;

– Дураки! – и побежал.

– Дуй скорей, а то догоним и ещё поддадим! – пригрозил Юрка.

Ревка, за случившееся, больше всего винил себя: «Ведь это я вызвал тётю Зою, не спросив у мальчишки, зачем». Продолжая испытывать стыд перед ней, он сказал:

– Что-то не хочется больше прыгать. Пойду домой.

И они расстались.

ВИТАЛЬКИНА ЗАТЕЯ

Радостное ожидание весны, когда синицы начинают свой весенний перезвон, когда солнце заливает всё вокруг, сгоня потемневший снег, когда звонкие ручьи поблёскивают на солнце, пока не оправдалось. Начало апреля выдалось пасмурным, снег ещё лежал повсюду. Омрачало Ревкино настроение, да и всех, нехватка еды. Те немногие запасы муки и крупы, что были с прошлого года, закончились. Стало не хватать хлеба. Теперь Ревка, иногда, не мог вытерпеть, чтобы оставить кусочек хлеба на завтрак и морковный чай, который готовила бабушка, пил с отварной картошкой.

Мать по выходным дням стала выезжать на пригородных поездах (вертушках, как их называли) в ближайшие деревни, где ещё можно было выменять на одежду немного муки или крупы.

Сегодня было первое собрание пионерской дружины, посвящённое началу четвёртой учебной четверти. Старшая пионервожатая сказала, что главная задача, чтобы к концу года среди пионеров были только отличники и хорошисты. Ревку это тревожило, так как по русскому языку и арифметике у него чаще всего были посредственные оценки. Он помнил, как по этой же причине, в декабре волновался, примут его в пионеры или нет. Но потом сказали, если поведение будет отличным, то примут. Торжественная линейка состоялась 21 декабря в день рождения Сталина.

Директор школы Анна Васильевна произнесла речь, в которой сказала, что Красная Армия преподнесла хороший подарок нашему дорогому вождю, товарищу Сталину, разгромив фашистов под Москвой и продолжая наступления, освобождают наши города и сёла.

В конце она сказала:

– Вы, став пионерами, должны быть достойны отцов, сражающихся на фронте!

Потом старшая пионервожатая надела всем галстуки. У Ревки был шёлковый ярко-красный галстук с металлическим зажимом, на котором был изображён костёр. Всё это досталось ему от сестры.

Когда галстуки были повязаны, старшая пионервожатая выкрикнула:

– Товарищи пионеры! За дело товарища Ленина и Сталина будьте готовы!

И весь строй, подняв руки в салюте, как на тренировке, ответили: «Всегда готовы!».

Тогда он был очень рад вступлению.

А когда в конце третьей четверти, в марте, на совете отряда, его спрашивали, почему он не исправил свои посредственные оценки, он не знал, что сказать, и молчал.

Домой после собрания Ревка возвращался вместе Милкой, Витькой Торошенко и Виталькой Верником.

С утра день был пасмурный, а сейчас иногда проглядывало солнце и вновь скрывалось.

Виталька сказал:

– Я уже видел двух скворцов, хотя вон ещё сколько снега.

– Я слышал, как говорил Петькин отец, что скворцы прилетают четвёртого апреля, – сказал Ревка, – а сегодня девятое.

Милка лукаво взглянула на Ревку:

– Я скворцов не видела, а целый состав пушек видела. Мы ходили к маминой знакомой через мост, а их провезли.

– Мне папка говорил, их почти каждый день везут, – сказал Витька Арош.

– Я ещё летом видел, да и потом, – поспешил сказать Ревка.

Последние дни особых известий с фронтов не сообщали. Радио говорило только об упорных боях, поэтому никто не мог похвастать какой-нибудь новостью.

На горке распрощались с Милкой и Арошем, а когда у дома Ревка расставался с Виталькой, тот сказал:

– Приходи к нам, я тебе что-то покажу.

– А что? – любопытствовал он. – Приходи, увидишь. Он пообещал прийти.

Любопытство распирало Ревку: «Что же у Витальки такого?». Он заторопился к столу, но бабушка заставила снять галстук, сказав, что не стоит его закапать при еде. Он снял. Потом торопясь поел щи, с небольшим кусочком хлеба, и драники, оладьи из тёртого картофеля с молоком. Бабушка, присев на табурет у стола и, подливая ему молоко, успела пожаловаться, что капусты осталось совсем мало и картошка кончается. Ревка вчера слышал, как она говорила матери, что придётся использовать семенную, отрезая макушки с глазками для посадки.

Он одевался, когда она посетовала:

– Хоть бы скорее снег сошёл и начал щавель расти.

Ревка любил щавелевый суп и решил подбодрить её:

– К первому мая снега не будет.

– Дай-то Бог, – вздохнула она, а он быстро вышел из дома.

Сначала он даже побежал, но потом пошёл быстрым шагом. Едва он зашёл во двор, как Виталька выскочил на крыльцо.

– Молодец! – похвалил он его и спросил, – ты книжку «Тимур и его команда» читал?

– Читал, – соврал он.

На самом деле читала ему сестра, но не докончила, а сам он её не дочитал.

– А кино видел? Хотя ты в феврале болел. Я два раза ходил.

– Ну и что? Скоро снова покажут, – возразил Ревка, – и мне Милка рассказывала.

– Пойдём, – махнул рукой Виталька и пошёл к стайке.

Двор у них был небольшой, огороженный дощатым забором. Аккуратная стайка, в которой давно не было ни какой живности, с сеновалом над ней. С торца сеновала узкий навес, под которым поленница дров. Ревка взглянул вверх и увидел над двухскатной крышей сеновала, торчащую жёрдочку.

Виталька подошёл к лестнице, установленной сбоку навеса, и стал подниматься на него. Ревка не спрашивая, последовал за ним. Тот открыл дверцу сеновала и скрылся внутри. Ревка вошёл следом и был поражён и удивлён, что Виталька сумел здесь соорудить. К жерди, что выходила вверх над крышей, было прибито деревянное колесо, над которым висел красный флажок. Сбоку, на двух стойках, был прикреплён фанерный щит, на котором, кнопками была прикреплена карта СССР и бумага с чертежом. Сбоку стоял маленький столик, а на нём тетрадка. Виталька подошёл к жерди и сказал:

— Это флагшток. Ревка увидел, что на уровне его груди прикреплена катушка от ниток, через которую пропущена верёвочка, оба конца её уходили вверх. Виталька потянул за одну из них, флажок стал подниматься и исчез в отверстии крыши. Тут уж не трудно догадаться, что он всё оборудовал здесь, как у Тимура в книжке. Ревка почувствовал гордость за друга. Он придвинулся к нему и посмотрел в отверстие: флажок дошёл до верха, остановился у другой катушки и затрепыхался на ветру.

— Это сигнал, что мы здесь, — пояснил Виталька. — Здорово! — восхитился Ревка и подошёл к колесу.

Он вспомнил, что в книжке у Тимура тоже было колесо, поворачивая которое, через привязанные верёвки, подавал сигнал своим друзьям. Спросил:

— Ты где его нашёл?

— Да, на чердаке дома. Это от прялки. Я его просто так приделал. Ребят же рядом нет, а до тебя верёвку не дотянешь, — и крутанул колесо.

Глядя, как оно крутится, добавил:

— А столик здесь валялся, без одной ножки, я её приделал.

— А это что? — Ревка подошёл к чертежу.

— Это наша улица, квадратики — дома, расположенные рядом с нашим домом и напротив. Цифры — номера домов.

— Звёздочки на домах, это у них кто-то на фронте? — догадался Ревка.

– Да, мне мама сказала про этих соседей. В одном, муж ушёл на фронт, в другом, сын.

– Надо было и на своём доме поставить. Отец ведь на фронте.

– Я и так знаю, зачем отмечать.

Ревка поинтересовался, пишет ли отец, и тот ответил, что недавно было письмо. Видя заинтересованный взгляд друга, добавил:

– Пишет, идут оборонительные бои, а раньше писал, что участвовал в освобождении Можайска.

Ревка взял со стола тетрадку и спросил:

– Что сюда записывать?

– Все дела нашей команды, кто что сделал. Ты согласен помогать, как тимуровцы?

– Конечно, – согласился Ревка, – а что мы будем делать?

– А всё, что придётся. Вот, например, в доме напротив, со звёздочкой, снег съехал с крыши и завалил во дворе проход к дому. Мы можем расчистить. Согласен?

– Может, прямо сейчас и пойдём? – проявил решительность Ревка.

– Давай сейчас, – согласился Виталька.

Послышались шаги по навесу и, в распахнутой двери, появился Виталькин брат Вовка, младше его на три года. Он поздоровался с Ревкой и сказал не без гордости:

– Виталька это всё сам сделал, я только помогал эту жердь установить.

– Не жердь, а флагшток, – недовольно поправил старший брат.

Спустились во двор. Виталька вынес из стайки лопаты. Одну большую из широкой фанеры, другую такую же, но поменьше. Её отдал Вовке.

– А ещё есть какая-нибудь? – спросил Ревка.

– Есть железная, так ей что наковыряешь. Пойдём, у хозяйки наверно есть лопата для снега, – ответил Виталька, направляясь к воротам.

Они перешли через дорогу и, по узкой тропинке, через незакрытые ворота, вошли во двор. Дом был небольшим, а двор открытым. От крыльца, вдоль стены дома, завален снегом.

– Подождите, – сказал Виталька и по чьим-то следам, огибая сугроб, полез к дому.

На крыльце он постучал в дверь. Она быстро открылась и в дверях показалась пожилая женщина в цветном платье и

серой шали на голове и плечах. Виталька поздоровался, объяснил зачем пришли, и что нужно. Она на момент исчезла и появилась с лопатой в руке. Она была чуть меньше Виталькиной. Тот спустился с крыльца и бросил её Ревке. Работу начали с двух сторон: Виталька от крыльца, а Ревка со стороны ворот. Вовка забрался на середину сугроба и стал его разгребать. Сначала работы Ревке казалось, что они быстро управятся, но снег, со многими глыбами, приходилось разбивать, чтобы взять на лопату. Вскоре, обозначился проход шириной с метр. Продвинувшись шага на четыре, Ревка заметил в окне дома, лицо женщины, наблюдавшей за их работой. Он ещё с большим усердием принялся отбрасывать снег. Стало жарко и он расстегнул пальто.

Ему было радостно, что Виталька всё это придумал, и они действительно помогают в нужном деле. Он подумал: «Сколько бы времени пришлось работать этой одной женщине?». Эта мысль ещё больше вдохновила его к работе.

Виталька у крыльца расчистил целую площадку, а Вовка, со своей небольшой лопаткой, вырыл довольно большую яму.

Сколько прошло времени, они не заметили, но работа была выполнена: от крыльца до тропинки была прокопана широкая дорожка. Вытирая пот со лба, Виталька сказал:

– Вот теперь можно ходить, – взял у Ревки лопату и пошёл к крыльцу.

Едва он поднялся на него, дверь отворилась и на крыльцо вышла хозяйка и начала их благодарить. Виталька подал ей лопату и быстро спустился с крыльца.

– Ребята, может, попьёте чайку? У меня ещё немного варенья осталось.

– Нет, мы пойдём, спасибо, – ответил Виталька и пошёл к ним.

Она ещё продолжала благодарить, когда они вышли за ворота. Все были довольны оказанной помощью. А Вовка спросил Витальку:

– Почему ты не согласился попить чаю с вареньем?

– Ты что? Мы же просто должны помогать, а не за что-то.

Выйдя на дорогу, Ревка сказал:

– Я домой. Быстро обещал вернуться, а уже вон сколько времени прошло.

– Ладно, – согласился Виталька. – В школе особенно не рассказывай, и знай, как увидишь поднятый флажок, значит мы в штабе.

По дороге домой Ревка думал, кого из ребят можно пригласить в их команду. «Скорее всего, Юрку, – решил он, – но надо посоветоваться с Виталькой».

На следующий день, в школе, договорились с ним встретиться вечером, когда мать уйдёт на дежурство. О Юрке он пока не сказал.

Делая домашнее задание, Ревка, то и дело, поглядывал в окно, из которого был виден Виталькин дом – не поднят ли флажок. Хотя понимал, что ещё рано. Он выполнил все письменные работы и принялся учить правило по русскому языку, но что-то оно плохо запоминалось. Мысли сбивались на предстоящую встречу. Наконец, около пяти часов вечера, флажок появился. Он мигом оделся, сказал бабушке, что пошёл погулять на улицу, и выбежал из дома.

Когда он поднялся к их «штабу», то увидел, что Виталька, положив доску на колени, отпиливает небольшой конец, а Вовка держит в руках молоток и гвозди.

– Что вы собираетесь делать?

– Скамейку, – ответил Виталька, – надо же на чём-то сидеть.

Ревка включился в работу. Ему доверили отпилить ещё один конец доски, которая будет служить одной из ножек у скамейки. Когда он, не без труда, распилил доску, Виталька со знанием дела сколотил скамейку.

Вовка попытался сесть на неё, но брат его остановил:

– Подожди, надо рейку прибить, чтобы ножки устойчивые были.

Скамейка получилась удачной, но сидеть на ней могли только двое.

Виталька показал тетрадь и прочитал запись о проделанной вчера работе.

Ревка довольный улыбнулся и спросил:

– Сегодня, что будем делать?

– Я от соседской девчонки узнал, она через два дома от нас живёт, что её отец тоже на фронте. Надо посмотреть, может и им чем-то помочь.

Разведка прошла удачно: они обнаружили в их дворе кучу дров, видать недавно привезённых.

Виталька предложил:

– Подождём и попозднее проберёмся по огородам к их двору и потихоньку сложим дрова в поленницу. Они утром выйдут, а дрова сложены.

Эта затея понравилась и Ревке и Вовке. Возвратясь, к себе, они не стали подниматься в штаб, так как Виталька предложил, прямо сейчас разведать дорогу по огородам, до того двора.

Выйдя в огород, они двинулись вдоль заборов, по кромке небольших сугробов. Посередине огородов, кое-где виднелись проталины. Виталька шёл первым. Пришлось перелезть через два забора из жердей, а третий был дощатый. Виталька попробовал доски на прочность и одна доска легко оторвалась. Он отставил её в сторону и пролез в образовавшуюся дыру. Ревка, пролезая в неё, зацепился пуговицей и та сразу отскочила. Он увидел её на снегу и сунул в карман. Подошли к забору нужного двора: на их счастье, калитка во двор была открыта.

– Порядок, – сказал Виталька, – и собаки нет.

Сквозь калитку была видна гора дров. Вернувшись назад, отряхнув снег с валенок, поднялись наверх. Усаживаясь на скамейку, Виталька послал брата посмотреть, который час и уточнил:

– Пойдём часов в семь или попозже, чтобы из дома уже никто не выходил.

Вернулся Вовка и сказал, что сейчас половина седьмого. Они сидели на скамейке, а Вовка сел на доску у дверей. Ревка высказал свое предложение, пригласить в команду Юрку Колесова.

Виталька засомневался:

– Вряд ли он согласится, но попробуй.

Помолчали.

– А дров-то много. Долго будем складывать, а скоро начнутся сумерки, – заметил Ревка.

– Ничего. Нас трое: один укладывает, а двое подают.

Виталька посетовал, что рядом нет знакомых ребят:

– Тут, по той стороне улицы, через дорогу, живут два пацана, учатся в Юркиной школе, но я с ними ещё не познакомился.

– Юрка, наверняка, их знает. Через него и познакомимся, – обрадовался, Ревка.

– Может быть, – согласился он.

Вечер был пасмурный и, хотя сумерки не наступили, Виталька решил, что можно идти. По знакомому пути они быстро пробрались к месту работы. Подошли к калитке, осмотрелись. Боковое окно, выходящее во двор, с этой стороны было отгорожено дощатой стенкой крыльца. Ещё одно окно, выходило в огород, и его заслоняла от двора, выступающая пристройка, очевидно, кладовка. Так что, из этих окон их не могли увидеть.

Зашли во двор. Виталька определил, что лучше всего, поленицу сложить у стенки сарая, где было свободное место, и под крышей. Виталька предупредил:

– Берите поленья осторожно, не роняйте и подавайте мне, я буду укладывать.

Он шагнул в сторону и поднял лежащий у стены, металлический таз с двумя ручками, и повесил его на гвоздь в заборе. Он махнул рукой и работа началась. Поленья оказались довольно тяжёлыми.

Это были чурки, расколотые пополам. Ревка сначала подавал поленья, как договорились, а потом подошёл к Витальке и сказал:

– Пусть Вовка тебе подаёт, а я буду укладывать с этой стороны, тут поленья рядом.

– Ладно, – согласился он, принимая очередное полено у Вовки. Первый ряд был уложен.

Вовка пожаловался, что поленья тяжёлые. Виталька подбодрил его:

– Давай! Давай!

Когда, укладывая второй ряд, Виталька дошёл до забора и решил передохнуть, он выпрямился. Чуть повернувшись, зацепил локтём висевший таз и тот с грохотом, о что-то металлическое ударился. Все присели, прячась за дрова. Они услышали, как скрипнула дверь, но никто не появлялся. Ревка осторожно приподнял голову и взглянул на крыльцо. Но всё было тихо. Они приподнялись, посмотрели друг на друга и, Виталька махнул рукой, что значило: «Подавайте».

Только Вовка взялся за полено, как из-за крыльца выскочил бородатый старик с железной лопатой в руках:

– Ах, вы паразиты! Дровишки понадобились! Воровское отродье!

Ревка первый выскочил в огородную калитку и бросился наутёк. У забора оглянулся: за ним бежал Вовка и последним Виталька. Ревка мигом проскочил в дыру, упал, соскочил и побежал дальше. Через один огород они остановились, переводя дух. За ними никто не гнался.

– Вот гад, – возмутился Виталька, – я же не знал, что ещё дед живёт.

– Пусть теперь сам складывает, – утешил его Ревка.

Вернулись в свой двор, отряхиваясь от древесного мусора и снега, договорились встретиться завтра.

А на другой день случилась беда. Ещё дома Ревка заметил, что флагшток на Виталькиной стайке, почему-то наклонился в сторону. Закончив письменные задания, он улизнул из дома. У ворот их дома он встретил их мать, тётю Нюру. Он поздоровался и спросил про Витальку. Она ответила:

– Дома. У него что-то поломали.

Виталька сидел на крыльце.

– Что случилось? – спросил Ревка.

– Всё. У нас свои Квакины появились.

Ревка направился к лестнице и полез наверх. Виталька двинулся за ним. Когда Ревка вошёл вовнутрь, то увидел полный разгром: карта и чертёж были порваны на куски и валялись на полу, стол лежал на боку с двумя поломанными ножками, скамейка разломана. Даже флагшток был вырван со своего места и толстый конец находился наклонно, под самой крышей. Флажка и колеса нигде не было.

- Вот и всё, – с досадой произнёс Виталька.
 - Кто это мог?
 - Мало ли кто. Флажок все видели.
 - Может восстановим? – нерешительно спросил Ревка.
 - Нет, бесполезно. Кто это сделал, в покое не оставит.
- Так закончился «Тимуровский почин» Витальки.

ВЕСНА

Было около десяти часов утра. День обещал быть хорошим. Светило солнце, на небе ни облачка. Такая погода, обычно, повышает настроение, а у Ревки его, как раз не было: он гнал коз в лес. Вчера Юрка предложил сходить на воинскую площадку, у железной дороги. Ему одноклассники, живущие рядом с ней, сказали, что теперь часто на платформах везут самолёты. Решили: может повезёт увидеть настоящие боевые самолёты. Всё сорвалось из-за бабушки. Вчера разговор начала, сказав, что дров осталось четверть поленицы и надо нанять кого-то для заготовки. Мать ответила, что выпишет билет в лесхозе.

А бабушка добавила:

– Пока что, дрова надо беречь на зиму, а сейчас, чтобы готовить обеды, надо носить хворост.

Потом посмотрела на него и сказала:

– Стадо соберут к концу месяца. Завтра выходной. Пусть Мира отгонит коз в лес и заодно принесёт немного хвороста.

Ревка недовольно проворчал:

– Не буду я с ними целый день торчать.

– И не надо, – согласилась она, – ты их отгони и оставь в лесу. Они сами домой придут, а ты на обратном пути прихватишь немного хвороста.

Козы шли впереди, никуда не сворачивая. Правда, когда открыли калитку, они выбежали и сразу стали хватать молодую травку у палисадника. Ревка замахнулся на них рукой, выгоняя на дорогу. Они шли, как будто понимали, куда их гонят. Чуть впереди шла Мотья с высоко поднятой головой. Ревка считал её самой красивой козой. Высокая, пепельного цвета, с очень длинными ровными рогами. Ни у

одной козы в стаде таких рогов не было. Ему казалось, что и она об этом знает. Машка была пониже, тёмно-коричневого цвета с обычными, загнутыми рогами.

Козы перешли через мост над канавой, в конце квартала, даже не пытались повернуть к траве, росшей по откосам канавы. Ревка боялся, что они будут разбежаться в разные стороны, а у него даже нет прута. Но они уверенно двигались по дороге. Шагая следом, он испытывал некоторый стыд за коз.

Дело в том, что в январские морозы у коз заболели ноги. Они лежали на полу стойки не в силах запрыгнуть на полки, специально сделанные для лежания. Бабушка, которая всё лечила керосином, стала натирать им ноги и вскоре они поправились. Однако, от керосина у них вылезла на ногах шерсть.

Потом она отросла, но была очень короткой. Сейчас, не стриженные козы, с длинной шерстью на боках, казались бочками на тонких «куриных» ножках. Редкие прохожие с любопытством и улыбкой провожали их взглядом.

Ревка брёл сзади, не торопя коз. Мысли перебирали события недалёкого времени. Прежде всего, вспомнился Первомайский праздник, прошедший без особой радости. Правда, накануне, мать снова съездила в какую-то деревню и выменяла на одежду и елочные игрушки немного муки и гороха. Бабушка испекла печенье и это, при скудном питании, отличило праздничные дни. Конечно, его было совсем мало, и оно было не очень сладким, но Ревке оно казалось вкуснее, чем в прежние годы. А в обед был гороховый суп и тушёная свёкла. В школе провели пионерский слёт. Директор, как обычно, поздравила с праздником. Потом хор пел песни и все пошли по домам.

Через несколько дней, после праздника, резко потеплело. Дед с бабушкой занялись огородом. Зазеленела трава. Ревка чуть не каждый день забегал в огород: проверить не начал ли расти щавель. Когда, наконец, обнаружил маленькие листочки, побежал обрадовать бабушку.

Лишь только сошёл снег и подсохло, на горке возобновились игры ребят в городки и другие игры, но приходили не

все: началась огородная компания. Ревку к ней не привлекали: дед с бабушкой справлялись сами, да и огород у дома был небольшой.

Кончился переулочек, и козы сами повернули на трактовую дорогу. Он снова вспомнил Юрку: «Может он понял, что я занят? А сходить на воинскую площадку можно и вечером». Ему, как и всем мальчишкам, было интересно, какое вооружение везут на фронт. Он каждый вечер, вместе с дедом, слушал последние известия. Вчера передали, что немцы прорвали Крымский фронт и наши войска отходят к городу Керчь.

Дед сказал:

— А там дальше отступать некуда.

— Почему? — удивился Ревка.

— Дальше пролив. Море.

Ревка помолчал, но, вспомнив про январские события в Крыму, сказал:

— Надо новый десант высадить.

Дед удивлённо приподнял брови:

— Наверно надо...

Слева от дороги стоял большой бревенчатый дом Дорожкиных. Ревка с опаской посмотрел на него. Пожалуй, все мальчишки южной части города знали этот дом и их семью. В ней было семнадцать детей. Из них шестнадцать мальчишек и одна девчонка. Главное, многие из них были отъявленные хулиганы. Некоторые побывали в тюрьме, а кто-то сидел сейчас. Было много случаев, когда они обижали, а то и били проходящих мимо мальчишек. Но на этот раз у дома бегало трое малышей.

Миновали дома. Ревке показалось, что козы прибавили шагу. Вскоре спустились с горы и козы сами повернули к лесу. Они свернули с дороги к кустам и начали щипать траву. Ревка стал их подгонять, но это плохо получалось. Здесь в ложку, трава была довольно большая, сочная и козы перестали обращать внимание на его размахивание руками. Он понял, что таким ходом, он и до середины дня не догонит их до леса. Быстро нашёл прут, и с ним скорость возросла, но подгонять пришлось их по очереди.

Так подгоняя, добрались до мелкоколосья. Прогнав ещё немного, Ревка решил, что здесь их можно оставить. Постоял немного, наблюдая, как они щиплют траву. Зажужжали комары. Это ускорило решение: поискать хворост и возвращаться назад. Обойдя несколько кустов и елок, но не найдя ничего подходящего, пошёл в глубь леса. Отмахиваясь от комаров, он обрадовался, увидев довольно большую засохшую макушку осины.

Взяв за ветку, почувствовал, что её можно утащить, подхватил и поволок к дороге. Подойдя к ней, он оглянулся и с удивлением остановился: козы шли за ним в шагах десяти. «Вот, те раз, — сказал он сам себе, — что же делать?». Бросив хворостину, пошёл назад. Козы двинулись за ним. Он, не оглядываясь, зашёл в лесок с небольшой полянкой. Козы пришли за ним. Ревка постоял, хлопая себя по лицу и шеи, расправляясь с комарами. Козы не обращали на него никакого внимания. Он медленно обошёл несколько деревьев и юркнул в гущу нескольких кустов акации. Отсюда, между ветками, он видел поляну и пасущуюся Машку. Мотьки не было видно. Он подумал, что она зашла за ёлку, решил подождать, когда она выйдет на поляну. Она не появлялась.

Комары достали его и здесь. Он отгонял их, осторожно помахивая рукой.

Вдруг, он почувствовал какое-то тепло на шее. Оглянулся и отпрянул в сторону: в нескольких сантиметрах от его головы, между ветками куста, была Мотькина морда. Он вылез из куста, схватил прут и погнал её, а потом и Машку, подалее в лес, думая: «Как же быть?». Миновав, довольно густой ельник, он на опушке поляны увидел пенёк и остановился возле него. Отломал ветку для отгона комаров и сел на него. Над ним простирала свои ветви большая ель. Минут через десять козы успокоились и даже Мотья перестала поднимать морду и оглядываться. Он нагнулся, спрятался за куст, потом за две густые елки и дальше через ельник, постоянно оглядываясь: не появится ли Мотья. Попетляв среди деревьев, он вышел к своей хворостине. Оглянулся, нет ли преследователей, подхватил ей за ветку и быстрым

шагом поволок. До самой горы оглядывался — козы не появились.

Затаскивая эту макушку на гору почувствовал, что не такая она лёгкая.

Около дома Дорожкиных, поднятая пыль хворостиной, привлекла внимание ребятишек. Один из них, на этот раз постарше, подбежал и попросил:

— Отломи одну ветку.

– Они плохо ломаются, – почему-то ответил он.
– Я отломлю, – решительно заявил пацан.
– Попробуй, – согласился Ревка и подумал: «Хоть бы другие не выскочили, а то совсем отберут».

Этот попробовал, но отломить не смог.

– Я же говорил, – сказал Ревка и двинулся вперёд, ускоряя шаг. На пологом, но длинном подъёме к дому, подумал что можно было подыскать и по легче хворостину. Когда, открыв калитку, он втащил её во двор, бабушка, оказавшаяся там, всплеснула руками: «Ой, Мира! Как ты её дотащил?», – и погладила его по голове.

Он почувствовал некую гордость: во дворе эта осиновая макушка, на самом деле, казалась очень большой.

– Дедушка порубит и хватит на несколько дней, – сказала она и спросила, – а как козы? С удовольствием остались в лесу?

– Прямо, – состроил гримасу Ревка. – Я от них кое-как удрал. Мотья вообще, как сыщик за мной следила.

Бабушка улыбнулась, снова погладила его по голове:

– Пойдём, покормлю.

За обедом, зачерпывая ложкой перловый суп с картошкой, он спросил:

– Баба, а откуда картошка? Ты говорила, что она кончилась.

– Я в подполье, за дощечкой нашла четыре штуки.

– Может мне поискать, не завалилась ли ещё где.

– Я везде проверила. Нет больше.

С удовольствием заканчивая суп, который раньше не любил, попросил:

– Баба, я ещё отрежу кусочек хлеба от своего кусочка?

– Не надо, Мира. Сейчас ты поешь ещё тушёной моркови. Её можно есть без хлеба, а вечером будет только молоко и на завтрак надо оставить.

Когда он спросил о матери, она ответила, что она с соседкой пошла в лес за колбой.

В этот день им с Юркой не удалось побывать на воинской площадке: тот с матерью копал огород. Остаток дня он провёл на горке, где встретился только с Витькой Торошенко и

Милкой. Сначала с Арошем катали колёса клюшками, а потом с ним и Милкой играли в классики. Он рассказал о своём приключении с козами.

Через четыре дня закончились занятия в школе. Опять была линейка. Директор поздравила всех с окончанием учебного года, а потом стали награждать отличников похвальными листами. Закончив, она поздравила всех с переходом в следующий класс, а потом добавила, что табель об окончании учебного года можно получить только после сдачи трёх килограммов колбы. Он рассказал эту новость бабушке. Та покачала головой и сказала:

– Это много.

Мать вечером высказалась просто:

– Послезавтра, в воскресенье, сходим за колбой.

– Так, это... И я пойду? – удивился Ревка.

– А как же. Ведь тебе дали задание, а не мне.

Ревка озабочено почесал затылок, а потом обрадовано, за пришедшую мысль, произнёс:

– Мам, а зачем забирать табель? Я ведь в четвёртый класс пойду в эту же школу.

– Табель получают, чтобы увидеть с какими оценками ученик закончил учебный год.

– Я и так знаю, – заметил Ревка.

– Мира, не придумывай отговорок, табель надо получить.

Ревка с грустью понял, что разговор окончен и идти ему придётся.

В воскресенье вышли в девять часов утра. По дороге мать убеждала Ревку, что он способный и может учиться гораздо лучше. Он слушал, молча, но ему льстило, что она так говорила о его способностях. Однако, пообещать что-нибудь, он не решился. А проходя мимо дома, в котором жил Виталька, он сразу вспомнил разгром их «штаба», переезд их семьи в другой дом, по этой же улице, за Пожарный переулок. Почему-то вспомнил их отца, от которого пришло ещё одно письмо с фронта. Следом в памяти промелькнули последние известия, и он перевёл разговор:

– Мама, сегодня передали, что несколько дней назад наши оставили город Керчь, а дедушка говорил, что отступать

дальше некуда. Значит, немцы заняли весь Крым? А как же Севастополь сражается?

– Он держит круговую оборону, а с моря, поддерживает Черноморский флот.

– Харьков обороняется. – Я слышала.

– Мам, почему папа не пишет?

– Не знаю. Ты ведь помнишь, что последнее письмо было после начала войны. И они надолго замолчали.

Едва дорого завела их в лес, зазвенели комары. Ревка, щурясь от солнца, взглянул на мать. Она, как и он, отмахивалась свободной рукой, в другой, была сумка.

Ревка подбежал кустам калины и отломал две веточки. Вернулся, подал одну матери:

– Веточкой лучше.

– Спасибо, – улыбнулась она.

Миновав несколько больших деревьев и заросли кустов, они свернули с дороги. Мать пояснила, что здесь, в прошлый выходной, они с соседкой быстро нарвали колбы, только надо спуститься в ложбину. По небольшому косополю, обходя кусты и деревья, они оказались на поляне, окружённой елями и осинами. Солнце уже хорошо пригревало. На небе редкие облачка.

Но мать спустилась ещё ниже к логу. Ревка последовал за ней. Послышалось журчание ручейка. Здесь, в низине, да ещё в тени деревьев, оказалось столько комаров, что Ревка не успевал их отгонять: смахивал с лица, они садились на шею, смахивал оттуда, они садились на лицо, и даже на руки, которыми он размахивал. Мать нагнулась и стала рвать колбу. Взглянув на него, сказала:

– Мира, ты одной рукой обмахивайся, а второй рви и подавай мне.

– Да, где эта колба? – плаксиво спросил он.

– Ты стоишь на ней.

Он нагнулся, сорвал несколько стебельков и передал матери.

– Молодец. Вот и продолжай рвать. А комары тебя не съедят.

– Да, не съедят! – пробурчал он, продолжая размахивать веткой и руками.

Присев на корточки, он попытался натянуть куртку на голову, но это не помогло. Всё равно их пришлось отгонять от лица, которое куртка не могла закрыть. Поднятая вверх куртка, открыла поясницу и комары стали кусать даже через рубаху.

– Мира, ты двигайся: рви колбу и отмахивайся веточкой, – посоветовала мать, – шевелиться надо.

– Да, они везде, даже в глаза лезут.

– Выйди на солнышко, их там меньше, а повыше и ветерок, – посоветовала она, понимая, что помощника из него не получится.

Ветерка не было. Чтобы комаров стало меньше, он тоже не заметил.

– Мам! Давай бросим эту колбу и пойдём домой! Не нужен нам этот табель!

Мать не ответила и продолжала рвать. Ревка попробовал бегать по поляне, размахивая веткой, и это немного помогло. Но долго бегать на солнце, когда оно почти по-летнему начало греть, он не мог. Удивлялся матери, как она терпит эту комариную тучу?

Вспомнил, как отгонял коз. Тоже были комары, но ведь не столько. Он снял куртку, обернул ею голову вместе с руками. Обрадовался, что нашёл способ защититься от них. Стоя, когда рубаха не облегала тело, комары не могли добраться до поясницы и живота. Но это продолжалось не долго. Комары пробрались под куртку и зажуужали у самого уха. Он снова стал бегать, размахивая курткой. Устав, сел на траву, и вновь закутался в куртку.

Когда комары снова оказались под курткой, он испытал к себе непомерную жалость и, давя их на лице, стал подхныкивать, а потом заплакал. Увидев, очевидно, его вздрагивания, подошла мать:

– Мира, ну что ты плачешь? Ты ведь мужчина.

– Пойдём домой, – сквозь всхлипывания проговорил, снимая куртку с головы.

– Надо ещё немного порвать. Пойдём. Тут рядом большая поляна там, наверно, будет ветерок и комаров меньше.

– Да, хватит этой, – канючил он, взглянув на сумку.

– Нет. Надо ещё немного. Пойдём, – она потянула его за руку и повела.

Поляна действительно, оказалась большой, и они сразу почувствовали лёгкий ветерок. Здесь, она посоветовала ему остаться наверху и не стоять на месте, а сама спустилась в низину. Комаров оказалось поменьше, но не настолько, чтобы от них не отмахиваться. Он побегал, размахивая курткой, но тут его внимание привлекла раскидистая верба с наклонным стволом. Он подбежал к ней, надел куртку и стал на неё карабкаться. Добравшись до развилки нескольких веток, он удобно уселся и почувствовал, что здесь ветерок гораздо сильнее. Тут он прибодрился. Комаров, действительно, было меньше. Но небольшую веточку отломал. Наблюдая за матерью, как она рвёт колбу, изредка отгоняя комаров, ему стало стыдно, за то, что расплакался и за то, что не смог рвать эту злополучную колбу. Он придумал раскачиваться на этой вербе и настроение поднялось. Через некоторое время, мать вышла на поляну и стала оглядываться, не видя его. Он быстро спустился и побежал к ней.

– Всё, Мира, пойдём домой.

Он обрадовался:

– Дай я понесу сумку.

Получив её, забросил за спину, и продолжая отмахиваться от комаров, сказал:

– Как ты много нарвала.

– Я здесь больше нарвала, чем на прежнем месте и колба крупнее.

Выйдя из леса, когда комаров не стало, Ревка посмотрел на мать и сказал, что у неё несколько кровавых полосок на лице. Она попросила показать где. Он показал и она, пошлюпив платочек, стёрла.

Домой они пришли перед самым обедом. Бабушка взяла безмен, подвесила сумку с колбой и стала взвешивать.

– Десять, с не большим, фунтов, – сказала и добавила, – сейчас отмерим семь с половиной фунтов, это будет как раз

три килограмма, а остальное нам. Сделаем из неё салат со сметаной. А на обед сегодня щавелевый суп с картошкой.

– Откуда картошка? – удивилась мать.

– Соседка Катя продала ведро мелкой.

На другой день Ревка отнёс колбу в школу и принёс злополучный табель. Хвастать было нечем. По основным предметам стояли «посы», то есть «посредственно» и только по истории и пению было «хорошо», да по рисованию и поведение стояло «отлично».

Мать, рассматривая табель, сказала:

– Плохо. Совсем не старался. Ведь можешь учиться лучше. Ревка только сморщил нос и ничего не сказал.

ЖАРКИЙ ИЮЛЬ

Июль выдался жарким. Особенно тяжело было в такую погоду таскать из лесу хворост. Это приходилось делать один, а то и два раза в неделю. Ходили обычно втроём: мать, Таня и Ревка. Самое тяжёлое для него заключалось в том, что нести эту вязанку хвороста было неудобно. Сначала, как обычно, он клал её на плечо, но оно вскоре начинало болеть, перекладывал на второе, оно тоже долго не выдерживало. Брал вязанку под руку, прижимая к боку, уставала рука, брал под другую, тоже не надолго; обхватывал двумя руками – было неудобно идти...

Так, перекладывая вязанку в разные положения, обливаясь потом, проклиная жару, он старался думать о чём-то другом. В такие моменты он чаще всего вспоминал, как было хорошо в пионерском лагере. В начале июня мать достала ему путёвку. Дома было голодно: щавелевый суп без картошки, салат из колбы и хлеб. Выручало молоко, но хлеба стало не хватать. В лагере кормили, конечно, лучше. Он часто с удовольствием вспоминал, как два раза давали пудинг из манной каши со сладкой подливкой. Сейчас он эту мысль постарался отогнать, чтобы не думать о еде. Он помнил об утренней и вечерней линейке, о подъёме по сигналу горна, что не всегда было приятно. Но чаще всего вспо-

минал два события: это случай с медсестрой и игра в «Чапаева».

Первый произошёл в середине сезона. Два отряда повели купаться на речку. К ней был крутой спуск по длинному трапу, с множеством ступеней и перилами. Дети начали купаться, а медсестра была на берегу, в ярко красном платье. Невдалеке пасся колхозный бык. Вдруг он бросился к ней. Она, как рассказали ребята, побежала к трапу, он за ней. Она по ступенькам вверх, он за ней, ломая боками перила из жёрдочек. Она выскочила на территорию лагеря и следом показалась голова быка. Ревка оказался рядом: их отряд должен был купаться во вторую очередь. Медсестра побежала к первому корпусу, бык, ломая ступени, вылез и продолжил преследование. Она забежала на высокое крыльцо и скрылась в палате, захлопнув дверь. Бык добежал до крыльца и даже поднялся на две ступени, но когда за ней закрылась дверь, он остановился. Все ребята бросились врассыпную, прячась, где кто мог. Ревка побежал к другому концу корпуса. Быка выгнал рабочий Григорий. Он был возчиком. Возил на лошади воду и продукты.

Второе событие было связано, как раз с ним. Его наряжали Чапаевым. Приклеивали усы, надевали папаху и бурку из чёрного одеяла. Он гарцевал на своей лошади, перед отрядами красных, поблёскивая деревянной саблей.

Ревка, к его огорчению, попал в «армию» синих. Всё равно игра понравилась, хотя они проиграли, так как Чапаев с красными напали сзади.

Остальные дни по обычному распорядку. Запомнились ещё дни, когда всем лагерем ходили на колхозные поля для прополки картофеля. Приходилось дёргать осот. Он оказался колючим, и только потом, догадались брать его у самого корня. Некоторые осотины, приходилось вытаскивать вдвоём.

Так вспоминая лагерь или другие события, он тащил свою вязанку. Сильно хотелось пить и есть тоже, а эти мысли отвлекали. Он перехватил вязанку под левую руку и, взглянув на мать, увидел, как капелька пота дрожит у неё на кончике носа. Утёрся рукавом и подумал: «Без меня они

ещё чаще ходили за хворостом». А через несколько шагов, успокоил себя: «В июне погода не была такой, а сейчас, месяц к концу и такая жара».

Наконец дом. Открыв калитку во дворе, он бросил вязанку и поспешил в дом к бочке с водой.

Однажды, дабы избавить всех от этой изнурительной работы, предложил:

– Баба, ты бы варила всё на примусе и хвороста не надо.

– Хорошо бы, – ответила она, – но керосин надо беречь, чтобы можно было жечь лампы.

Электричество уже начали отключать, а что будет в долгие зимние вечера, не знаю. Ревка со вздохом согласился с ней.

Сегодня за хворостом не надо было идти: дед рубил то, что они принесли вчера. День чудился Ревке свободным. Однако утром бабушка велела Тане и ему натаскать воды из канавы, что на Пожарном переулке. Сказала, что всё на грядках засыхает, а бочка в огороде с дождевой водой вычерпана до дна.

Ревка сказал:

– Ладно, – и убежал на улицу.

Решил, что пойдёт к Витьке Тимофееву. С Юркой, в мае, они так и не побывали на воинской площадке, а с Витькой ходили в начале июня, но самолётов не было. Сегодня он надеялся сходить с ним ещё раз. Однако, едва повернул в сторону горки, увидел Юрку. Тот махнул ему рукой. Ревка повернул к нему.

– Ты куда, – встретил он вопросом.

– Хотел к Витьке сходить.

– Пойдём на школьный стадион. Там мужиков военному делу обучают.

– Пойдём, – сразу согласился он.

Прошли по переулку, свернули в улицу, где за двумя частными домами располагался стадион. Прошли мимо глухого забора и зашли в открытые ворота. Сразу увидели строй шагающих мужчин, а рядом военного комадующего: «Ать, два! Ать, два!». У всех на плечах были деревянные винтовки. Почти все в строю были в рубашках, только несколько

человек были в пиджаках. Почти все в кепках или фуражках. Военный останавливал строй, поворачивал в разные стороны, заставляя опускать винтовки по команде:

– К ноге! И поднимать по команде:

– На пле-чо!

В стороне около деревянной рамы, с квадратом из сплётённых прутьев, стоял другой военный с настоящей винтовкой. Вскоре, к нему от строя отделили одну шеренгу мужчин. Скомандовали им положить винтовки и построиться друг за другом. Этот военный показал, как держать винтовку на перевес, как колоть штыком и передал её первому в строю. Подняв с земли толстую палку с наболдашником, и встав рядом с рамой, скомандовал:

– К бою!

Мужик с винтовкой подбежал к нему, тот выставил вперёд палку с наболдашником, мужик отбил её винтовкой и по команде:

– Коли!

Воткнул штык в квадрат с прутьями. Выдернул его и побежал назад, передавать виновку стоявшему впереди, а сам встал последним. Так по очереди они бросались вперёд, отбивая палку и коля штыком. Остальные продолжали шагать и выполнять команды. Когда заниматься с винтовкой подошла другая шеренга, Юрка предложил:

– Пойдём, эти будут делать то же самое.

Ревка поднялся и пошёл за ним. По дороге Юрка сказал:

– Одни занимаются до работы, а другие после. А зачем? – спросил Ревка. – Любого могут забрать на фронт, подготавливают.

Расставшись с Юркой у его дома, Ревка направился к Витьке.

Тот жил в доме рядом с пекарней. Половину дома занимала контора пчелобазы, где дядя Вася, Витькин отчим, был директором, а мать кладовщицей. У Витьки были два сводных брата и сестра. Правда, один из братьев Лёня, ровесник Витьки, жил у бабушки в деревне, а здесь Володя старше Витьки на пять лет и сестра Лида.

Через калитку пчелобазы Ревка вошёл во двор. Он был довольно просторный. Напротив дома стоял длинный сарай, в котором была стойка, кладовая и конюшня. В глубине двора стояла избушка, в которой уже никто не жил. Из открытых дверей конюшни вышел Володя, выводя под уздцы лошадь. Следом вышел Витька, неся в охапке смотанные вожжи и седёлко.

Хомут и дуга уже лежали на телеге. Ревка поздоровался. Володя кивнул головой, а Витька, бросив свою ношу на телегу, протянул ему руку и сказал, что они собираются на покос за сеном. Володя завёл лошадь между оглоблями, поставил её сдать назад. Ревке всегда доставляло удовольствие смотреть на эту стройную, светло-рыжую «Рыжуху». Он уже знал, как запрягается лошадь и схватился за седёлко, но уступил Витьке, тот был выше его на пол головы. Однако и он не смог правильно положить его на спину лошади и Володя сказал:

— Подержи поводок. Я сам.

Ревка, оказавшийся ближе, бросился к нему и взял поводок уздечки. Пока Володя застёгивал ремень седёлки, Ревка дотронулся ладошкой до мягких губ Рыжухи и она не отвернула морду, а продолжала стоять смирно. Ноздри её слегка вздрагивали, а большие тёмные глаза, с голубым отливом, окаймленные длинными ресницами, казалось, смотрели прямо на него. Володя подхватил хомут, который Витька стаскивал с телеги, и подошёл к голове лошади. Ревка поосторонился. Перевернув хомут широкой частью вверх, он надел его через голову на шею лошади. Выдернув поводок из хомута, передал его Ревке, а сам развернул хомут широкой частью вниз. Затем поднял шлею, забросил на спину лошади и стал расправлять. В это время взглянул на Ревку и спросил:

— Что там в последних известиях передали?

— Сегодня проспал, а вчера сказали, что под Воронежем идут тяжёлые оборонительные бои и немцы рвутся на Кавказ.

– Зимой, под Москвой, их поморозили и расколошматили, – сказал он, – теперь на юге хотят, чтобы им жару поддали.

– Снова говорили о героях Севастополя, что продержались больше года, – сказал Ревка.

– Это мы знаем, они где-то в начале месяца его оставили, – произнёс Володя, забирая дугу у Витьки.

Ревка не выпуская повод из руки, другой приподнял одну оглоблю. Володя приподнял её, окрутил гужом от хомута и, вставив один конец дуги, перекинул её через шею лошади. Ревка приподнял другую оглоблю и Володя, обойдя его, закрепил гужом оглоблю к дуге. Взяв повод у Ревки, закинул его на голову лошади, а конец привязал к кольцу на дуге. Затягивая супонь, он упёрся коленом в одну из половинок хомута, стянул их и завязал конец.

В это время Витька сумел просунуть ремень чересседельника в душку седёлки, Володя потянул за конец и, приподняв оглобли, завязал его. Витька приступил к последней «операции», прицепить вожжи. Он один конец оставил у себя, а второй перекинул через спину лошади. Ревка поспешил поднять его и со знанием дела, просунул конец с карабином поверх гужей и защёлкнул на кольцо, около удила. Не удержался и погладил щёку Рыжухи. Витька, который раньше пристегнул вожжу, по команде брата, пошёл в конюшню и вернулся с топором. Проходя мимо, деловито сообщил:

– Бастрык надо будет срубить.

Ревка с некоторой гордостью посмотрел на запряжённую лошадь, так как считал, что он тоже принял в этом участие. Тут он поведал другу об увиденном на стадионе и договорились побывать там вместе.

Витька предложил:

– Поедем с нами.

Ревка готов был с радостью согласиться, но спросил:

– До обеда вернёмся?

– До обеда, нет. Часов в пять, – ответил Володя.

– Дома не отпустят, надо воду на полив таскать.

В это время сестра позвала братьев завтракать, а Ревка отправился на улицу. Однако, мысли его не хотели остав-

лять Витьку, Рыжуху и покос. Он сожалел, что ему нельзя было поехать вместе с ними. Невольно вспомнил, как три дня назад, ему повезло побывать на их ближнем покосе. Он был у них для коровы, а пчелобазовский для Рыжухи был гораздо дальше. Тогда выехали во второй половине дня, и он не отпрашивался. На покосе с некоторой завистью смотрел на Витьку, который, стоя на возу, раскладывал вилами сено, подаваемое Володей и дядей Васей, большими навильниками.

Ему казалось, что и он бы смог так. А пока накладывали воз, Ревка чувствовал неловкость, что он ничего не делает. Посмотрел на Рыжуху, та непрерывно мотала или встряхивала головой, фыркала ноздрями. Он подошёл и увидел, что мухи облепили её морду, лезли в глаза и ноздри. Он веточкой, которой отгонял комаров, стал отгонять мух от её морды. Она перестала трясти головой и только жмурилась, когда ветка, оказывалась возле глаз. Он был уверен, что она с благодарностью смотрит на него.

Запомнилась поездка на возу, когда возвращались назад по лесной дороге. Володя с отцом шли рядом, а они с Витькой только успевали наклоняться, даже прижиматься к сену, чтобы ветки деревьев не сбросили их с воза. Сейчас Ревка себе признался, что ему было довольно страшно, когда колёса телеги попадали в рытвины дороги, и воз наклонялся то в одну, то в другую сторону. Он думал, что вот-вот воз опрокинется, и они с Витькой полетят вверх тормашками.

Не обнаружив на горке никого из ребят, Ревка подошёл к краю откоса и увидел у дома Мисюрчика: его, Петьку Морошкина и Ваську Носова, которые играли в «Муху». Он побежал вниз. Больше всех обрадовался Васька – новичок должен голить. Ревка, зная правила, согласился без возражений, но сначала поведал им о военной подготовке на стадионе.

– Я слышал об этом, – сказал Мисюрчик.

Ревка приступая голить, взял «Муху», небольшую палочку, выпиленную и отколотую в виде буквы «Г», и повесил её на кол, вбитый в середине квадрата, очерченного канавкой.

Мисюрчик подошёл к месту, откуда бросают биты, хитро усмехнулся, и сказал:

— Ну, Ревка, лови! — и бросил биту.

Та ударила по колу и «Муха», взлетев, упала довольно далеко. Ревка побежал, взял её и бросил в квадрат, но не попал. Пришлось снова повесить «Муху» на кол. Мисюрчик после удара спокойно забрал свою биту, она никуда не улетела.

Вторым кидал Васька. Ревка отошёл подальше и остановился напротив кола. Тут было безопаснее. Если Васька промахнётся, бита пролетит в стороне, если попадёт в кол, то задержится; и с этого места можно поймать «Муху» на лету, тогда голить будет, кто бросал. После Васькиного удара «Муха» не долетела до Ревки. Он бросил в квадрат, но неудачно. Удачные удары получались у Петьки. Ревка продолжал голить. В один из моментов, Петька, который ждал своей очереди, мотнул головой в сторону канавы и сказал:

— Ревка, вон твоя сеструха воду несёт.

— Вижу, — ответил он, — мне сегодня тоже придётся таскать.

Васька готовился к броску, но тоже оглянулся. Это, очевидно, сбilo его глазомер, поэтому бита пролетела с колом и чуть его задела: «Муха» просто свалилась с кола и упала в квадрат. Ревка обрадовался:

— Давай биту и направился к Ваське.

— Да? — соорудил он обиженную гримасу, — бита не задела. «Муха» сама упала.

— Васька, не дрейф, — с улыбкой заметил Мисюрчик.

— Чё, не дрейф!

— Она сама упала, — ершился тот, — от ветра.

Ревка, забирая биту, сказал:

— Вась, ты чё? Какой ветер? Ни один листок не шевелится.

Васька нехотя направился к квадрату и, вешая «Муху», бубнил себе по нос. Петька бросил и промахнулся. Огорчился:

— Он чё-то колдует.

Васька хитро усмехнулся, но промолчал. Мисюрчик прицелился и сказал:

– Колдуй Вася, – и бросил биту, но сильного удара не получилось.

Васька чуть не поймал «Муху». Ревка радовался, когда от его удара «Муха» улетала дальше, чем у Мисюрчика, но это было редко. Тот чаще играл, и это у него получалось лучше. Игра продолжалась. Ревке ещё раз пришлось голить, но ему очень повезло: он с первого удара Мисюрчика поймал «Муху». Тот голить не любил. Когда в очередной раз «Муха» от Петькиного удара улетела далеко, Мисюрчик нехотя бросил её в квадрат, но не попал. Подходя, чтобы повесить «Муху», он, щурясь на солнце, сказал:

– Ребя, чё-то припекает.

Все поняли его, но согласились прекратить игру. Мисюрчик собрал биты, взял «Муху» и понёс домой.

Петька пошёл домой, а они вдвоём направились к канаве и уселись, как обычно, у запруды. В этом месте она составляла метра четыре. Берега покрывала мелкая трава и только у воды она была повыше.

Мутная вода от притока банной воды от городской бани, имела белёсый оттенок. Гуси, старика Кузнецова, плавали здесь с удовольствием, но сегодня их не было. Не было их и в прошлый раз, о котором вспомнил Ревка и, усмехнувшись, спросил:

– Васька, полезем ещё в воду?

– Я чё, дурак? Я три дня болел.

– Хлебать не надо было.

– Да я не хлебал, – обиженно протянул Васька.

Ревка засмеялся, а в памяти всплыли подробности, происшествия, недельной давности.

День был ещё жарче. На этом месте сидели: он, Витька Тимофеев, Васька и Мисюрчик. Все были в трусах и босиком. В такую жару хотелось искупаться, но не в канаве же. Причём, никто из них не умел плавать, потому что парковый пруд был далеко, и лесная речушка Берёзовка протекала в трёх километрах от города. Мисюрчик, который часто выкидывал разные шалости, вдруг говорит:

– Спорим, я пройду по дну эту канаву на тот берег!

– А чё спорить. Возьми да пройди, если такой смелый, – подтрунил его Витька.

Мисюрчик обвёл всех взглядом, все смотрели на него. Он видно колебался и думал, как ему поступить? Не найдя способа отказаться от затеи, он поднялся и стал спускаться к воде. Оглянулся ещё раз, ступил в воду. Сделал несколько шагов и, вода скрыла его плечи. Он высунул из воды руку, зажал нос пальцами и двинулся дальше. Через мгновение голова скрылась под водой. Все встали, всматриваясь в мутную воду. Но тут же из воды показалась его голова, а через несколько шагов, он уже карабкался по откосу.

Усевшись на том берегу, он утёрся рукой и широко улыбнулся:

– Ну, кто ещё сумеет?

– Да мы тоже пройдем, – за всех ответил Витька и стал спускаться к воде.

Он перешёл по дну даже быстрее Мисюрчика, только его макушка так и не скрылась под водой. Ревка решительно двинулся за ним. Ступил ногой в воду и почувствовал, что она прохладная, но отступать нельзя. Дно круто падало вниз и вода обхватила всё тело. Сейчас она показалась даже приятной.

Он зажал нос пальцами, закрыл глаза, глубоко вздохнул и двинулся дальше.

Нога провалилась в яму, вода накрыла голову и попала в уши. Он сделал ещё шаг и наткнулся на уступ: «Только не упасть!», – пронеслось в голове. Поднял ногу выше и почувствовал гладкую поверхность, поднялся на неё, и голова оказалась над водой. Дальше, по крутому склону, нащупывая ногами уступы, выбрался из воды и, подняв победно руку, крикнул:

– Вперёд. Нос!

Тот преодолел опробованный путь и начал улыбаться, едва его голова показалась из воды. Потом по плотине все перешли на свой берег и улеглись на траве, довольные своим мужеством.

Такое «купание» в канаве прошло без последствий у Ревки и Мисюрчика. У Витьки на лице появились два лишая, а у Васьки несколько дней болел живот. Кто-то посоветовал Витьке сжечь на перевёрнутой тарелке лист скомканной бумаги. Там кроме золы будет коричневый налёт. Пока он горячий, пальцем помазать лишай. Он так сделал и лишай исчезли.

Мисюрчик вернулся через какое-то время. То ли чувствуя некоторую вину за прекращённую игру, то ли просто решил сделать приятное, подходя произнёс:

– Угощайтесь, ребя! – и подал каждому по небольшому коричневому кусочку.

Ревка повертел его в руках, рассматривая поверхность в мелких клеточках, и спросил:

– Что это, Вить?

Мисюрчик улыбнулся:

– Это жмых. Бате, вчера на работе дали.

– Чё за жмых? – удивился Васька.

– Батя сказал, что когда отжимают постное масло под прессом, вот и получается жмых, – он попробовал свой кусочек зубами.

Они тоже попробовали. Жмых оказался очень твёрдым, и никак не кусался. Лишь когда намокал от слюны, его можно было чуть соскоблить зубами. Жмых Ревке понравился, но вкус определить было сложно.

– Крепкий, – обсосав кусочек, сказал Ревка.

– Я его кое-как молотком разбил на кусочки, – пояснил Мисюрчик.

Помолчали, скобля зубами жмых. Облизав губы, Васька сказал:

– Вчера опять пушки везли.

– Да пушки уже почти все видели, – заметил Ревка, – вот, говорят, самолёты на платформах возят.

– Самолёты сами могут летать, – с недоверием заметил Васька.

– Пацаны видели как самолёты везли, и крылья рядом уложены, – стоял на своём Ревка.

Мисюрчик вдруг сказал:

– Ходили с Петькой в кино на «Свинарку и пастух», а перед картиной журнал был «Разгром немцев под Москвой». Сколько там машин, танков, пушек побитых и все в снегу.

– Я тоже этот журнал видел, – Ревка обтёр губы и, вспомнив слова Володи, добавил, – их под Москвой поморозило, теперь они на юг полезли.

– Точно. Я слышал по радио, они снова Ростов атакуют, – подтвердил Мисюрчик.

– Я тоже про это слышал, – сказал Васька, подгрызая жмых.

Вскоре все посмеялись друг над другом: у всех вокруг рта было вымазано жёлтым жмыхом. Так пошучивая над собой, они сгрызли жмых и, утираясь, улыбались. Первый ушёл Васька, сказав, что хочет пить. Потом, мать позвала Мисюрчика, и Ревка пошёл домой.

Таскание воды вёдрами, настроения не прибавляет. Не было его и у Ревки. Он надеялся, что может Таня натаскала воды, но бочка была заполнена до половины. Хотел уговорить бабушку, что натаскает потом, но она сказала, что вода должна нагреться до вечернего полива. Жмых утолил голод, и это, наверно, повлияло на сговорчивость – он взялся за вёдра.

Зачерпнув в очередной раз ведром воду из канавы, он вытащил его на край оврага и спустился набирать второе. Вёдра были небольшие и набирал он их чуть больше половины. Вытащив второе, он подхватил дужку первого и понёс их ближе к горке. Опустив вёдра рядом с началом подъёма, стал разминать пальцы: сжимая и разжимая ладони. Он настраивал себя на преодоление самого крутого участка, где нельзя поставить вёдра, без остановки. Несколько раз это ему удавалось. Он взглянул на небо: там ни облачка. Со вздохом и злостью подхватил вёдра и двинулся вверх по дороге с мыслью: «Хоть бы один хороший дождик прошёл, чтобы избавить их с Танькой от этой канители». Дужки сильно врезались в пальцы, но он продолжал тащить не останавливаясь. До конца крутизны оставалось несколько метров, боль стала нестерпимой. Он понял, что на этот раз не дотащит и опустил вёдра. Одним краем поставил на землю, другим на подставленные сандалии, и придерживал за дужки, чтобы сильно не давило на пальцы ног. Постояв в согнутой позе, когда даже утереться от пота нельзя, он подхватил вёдра и теперь дотащил до конца подъёма. Опустив вёдра, он стал растирать пальцы. Проведя рукавом по потному лицу, подумал: «Хорошо Морошкиным и Витьке Мисюрову, у

них канава рядом». Прищурившись на солнце, обозвал себя дураком: «Надо было сразу утром таскать, а я к Витке убежал». С остановками понёс ведра дальше. Когда остановился у соседского дома, заметил, как на него, из-за штакетного забора, смотрит маленький мальчишка со светлой курчавой головой. Ревка увидел его впервые, но знал, что дней десять назад в город привезли ребят, военных сирот, и объявили, что, кто желает может усыновить любого ребёнка. Вот тётя Катя и усыновила. Так на улице появился новый – Герка.

Когда было вылито второе ведро, подошла бабушка, посмотрела и сказала:

– Ещё раз сходишь и как раз будет полная.

Ревка вздохнул: он надеялся, что если её не будет, больше не пойдёт. Видя на его лице недовольство, она сказала:

– Мира, возьми коромысло на нём легче носить, чем на руках.

Он сначала хотел отказаться, ему казалось, что только взрослые носят воду на коромысле. Однако, когда она его принесла, он согласился. С ведрами в одной руке и коромыслом в другой, он приблизился к забору, где стоял мальчишка. Он стоял в нескольких шагах от забора. Увидев Ревку, развернулся и убежал к крыльцу, а он пошёл своей дорогой.

Когда он набрал воды и, зацепив ведра коромыслом, поднял их, удивился: ведра показались ему на много легче. Он поднялся на гору без остановки, а там поставив ведра на землю и, смахнув пот, укорил себя: «Как это я сам не догадался взять коромысло?». Последний переход он сделал без остановки.

Сейчас у соседского дома, у калитки, стояла тётя Катя. Он поздоровался, она ответила и улыбнулась. Белая голова мальчишки виднелась из-за её юбки.

Дома хлюпаясь под умывальником, он всё ещё не мог освободиться от мысли: «Когда эта жара кончится?».

ПЕЧАЛЬНАЯ ОСЕНЬ 42-го

Печальной, осень назвала бабушка, когда сообщили о сокращении на сто граммов количество хлеба по карточкам. Теперь, на иждивенца, то есть, на ребёнка или старика, полагалось триста граммов хлеба, а на работника – пятьсот. Кроме того начиная с середины августа начались частые дожди. Когда начали копать картошку, бабушка сокрушалась:

– Засуха, с июня почти до конца июля, не дала ей нормально расти, а потом мелкие дожди и затяжные с середины августа, вымочили последнее.

Ревка и от других слышал, что картошка не уродилась. Прибавили печали и сообщения по радио. Дед, слушая последние известия, сидел молча и только покачивал головой. Ревка уже слышал про оборону Сталинграда и только спросил у деда:

– Где он находится?

Дед ответил:

– На Волге. Ты знаешь, где Волга?

Ревка кивнул головой:

– Это большая русская река.

– Правильно, – подтвердил дед, – видишь, как далеко они зашли? И на Кавказ прорвались, так что, положение тяжёлое.

Ревка сидел за столом, разложив учебники. День выдался пасмурным, хотя без дождя, но вряд ли кто из ребят был на улице. Потому он решил выполнить письменные задания, чтобы потом не забыть. Дело в том, что на завтра занятия отменили. На последнем уроке оба четвёртых класса построили в зале и директор сказала, что они, выпускники, в этом году окончат школу и, что они почти взрослые. Потом напомнила о тяжёлых боях на фронте с фашистами, где сражаются их отцы и где героически защищают город Сталинград. А в конце сказала, что и они должны помочь Родине в этот трудный момент. Оказалось, в совхозе, что недалеко от города, на одном поле не выкопана картошка, а приближается зима, надо помочь. Сказала, что завтра надо

прийти мальчикам с лопатами, а девочкам с вёдрами. Когда он вернулся со школы, сразу рассказал об этом бабушке.

Та всплеснула руками:

– В чём же идти на поле, в такую погоду?

Потом пошла в кладовку и принесла старые ботинки:

– Померь, как они тебе?

– Так у них подошва оторвана, – ответил он, – оттягивая её.

– Мерь, мерь, попросим деда, починит.

Ревка надел.

– Не жмут?

– Нет, – ответил он, снимая.

Сейчас было слышно, как дед стучал, в соседней комнате, забивая гвозди в подошву ботинка. Ревка с любопытством наблюдал, как дед начинал чинить ботинок. Он установил деревянную подставку металлической лапы между ногами, зажал её коленями, надел на неё ботинок и шилом проколол дырку, вставил гвоздик и забил специальным молотком. Ревку удивило, как это у него ловко получилось. Когда было забито несколько гвоздей, дед взглянул на него поверх очков и сказал:

– Я и второй подошью, на всякий случай.

К удивлению, задачка оказалась лёгкой, и Ревка решил её сразу. Примеры, как всегда решались проще. Решив, очередной пример, он отложил ручку и полез в портфель. Из него он достал спичечный коробок, выдвинул его и высыпал, прямо на раскрытую тетрадь, содержимое – металлические перья для письма. Уже второй год в школе все мальчишки и некоторые девчонки играли в «Пёрышки». Пересчитал: оказалось семнадцать штук. Вспомнил, как сегодня выиграл два пера у Решетникова Кольки и три у Генки Лиханова, которому раньше проигрывал. Игра требует ловкости пальцев. Сначала, предлагающий сыграть, кладёт своё перо выпуклостью вверх. Второй игрок своим пером нажимает на тупой конец пера, переворачивает его. Затем, держа своё перо двумя пальцами, резко чиркает по нему, стараясь перевернуть снова выпуклостью вверх. Это означает, что перо выиграно, и противник должен ставить дру-

гое. Если не удалось перевернуть, ставится своё перо и в игру вступает соперник.

Больше всего в коробке было фигурных перьев с номером 86; в школе разрешали писать только ими. Лучше всего выигрывались прямые перья без фигур, но их было мало. Труднее всего выигрывались перья «Рондо» – плоские с шишечкой на конце и узкие фигурные «Селёдочки», тоже с шишечкой. Ревка ещё какое-то время полюбовался ими, потом сложил своё «богатство» назад в коробочку и, сунув её в портфель, приступил к очередному примеру. Покончив с арифметикой, он достал учебник русского языка и раскрыл на нужной странице. Упражнение, которое надо было переписать, оказалось небольшим. По условию предлагалось вставить пропущенные буквы «О» и «А». Прочитав это, он в который раз подумал:

«Почему все говорят «карова», а писать надо через «О»?». И тут же вспомнил корову Витьки Тимофеева и её вздохи ночью, словно человека, а потом и тот день... Но, отогнав воспоминания, раскрыл тетрадь и, обмакнув перо в чернильницу, начал переписывать упражнение. Тут он понимал, что отвлекаться нельзя: можно наделать кучу ошибок. Писал внимательно, вспоминая правила, и с надеждой, что правильно вставил буквы. Закончив, сложил всё в портфель и подошёл к окну. По пустынной улице прошло только два человека.

На стекле появились мелкие капли дождя. «Чем же заняться?», – спросил он сам себя, понимая, что на улице делать нечего. «Может почитать, как советует мать?», – подумал и, с некоторым колебанием, достал книгу с полки. Сел в материно кресло, где она обычно читает, раскрыл книгу: «Приключения Тома Сойера». Перелистнув лист с заглавием, был удручён, обнаружив, что текст был напечатан довольно мелким шрифтом в две колонки. Он полистал книгу, ища картинки, но их не было. Интерес сразу пропал. Он захлопнул книгу и задумался. Опять вспомнил тот день, в конце июля. Утром они с Витькой Тимофеевым в очередной раз побывали на воинской площадке.

В этот раз им повезло. Прямо перед ними стоял состав с самолётами. Они были покрашены в голубовато-серебристый цвет, с красными звёздами на хвосте и крыльях, уложенных рядом. Все они сияли на солнце. Состав стоял на втором пути, а на первом были пустые платформы. Они не мешали смотреть, но хотелось подойти поближе. Они спустились с площадки, подлезли под платформу и встали перед самолётом. Остроносый, с пропеллером, со стеклянной кабиной, он был очень красив.

Не успели перекинуться и парой слов, как из-за крыльев вышел солдат в гимнастёрке и карабином на плече:

— А ну, кыш отсюда, сорванцы!

Они юркнули под платформу и выскочили на воинскую площадку. Солдат отвернулся. Они постояли, любясь их красотой. В это время, состав тронулся, увозя их на запад. Они проводили их взглядом, рассуждая: почему их не накрыли брезентом? Уже на обратном пути пришли к выводу, что много надо брезента, чтобы их накрыть вместе с крыльями, торчащими вверх. Они не были раздосадованы тем, что их турнул солдат. Все знали, что составы охраняются и даже ходил слух, что одного мужика стрелок застрелил, когда тот хотел перелезть через воинский состав.

Дед перестал стучать, наверно починил ботинки, заключил Ревка, поднимаясь и ставя книгу на место. Появилось желание нарисовать воздушный бой самолётов. Нарисовал цветными карандашами истребитель со звёздами, а потом падающий фашистский самолёт с чёрным, клубящимся хвостом дыма. Продолжая рисовать танки на земле, он вновь вспоминал тот день. Он запомнился ещё и потому, что именно в тот день мать впервые отпустила его ночевать у Витьки на сеновале. Он прибежал с этой радостной вестью, когда Витька, поужинав, вышел во двор. Они были оба рады: можно было вместе погулять на улице допоздна. Проходя около конторы пчелобазы, они взглянули через штакетную ограду на пекарню.

Днём, разглядеть, что делается внутри, невозможно, а сейчас в сумерки, когда внутри горел свет, всё было видно.

– Смотри, – с удивлением сказал Ревка, – тесто ногами месят!

– А я уже видел, – ответил тот.

– И ни разу не сказал, – обиделся Ревка.

В большом деревянном корыте, длиной несколько метров с высокими бортами, около десяти женщин в белых коротких халатах, топтались, меся тесто.

Ревка взглянул на друга и, состроив недовольную рожу, спросил:

– А если кому в уборную захочется?

– Да, прямо туда, – невозмутимо ответил тот, но тут же усмехнулся.

На улице застали Петьку Морошкина, который, как и Витька, ночевал на сеновале, и Мисюрчика. Сели рядом, на обрывистом откосе у дороги, напротив пекарни. Петька рассказывал, как он с матерью ходил в деревню Бобровку, где у них живут родственники. Это в двенадцати километрах от города. Он с удовольствием вспоминал купанье с деревенскими мальчишками в речке. Это не то, что в пруду или на Берёзовке, которая шириной два шага. Сказал, что узнал от деревенских, что нынче не будет урожая на кедровые шишки. И тут же добавил:

– Вот рябчиков будет много, урожай на рябину.

Он пояснил, что такую примету ему сказал отец. В это все поверили, потому, что знали Андрея Ильича, Петькиного отца, как опытного охотника.

Ревка с Витькой похвастались, что видели на платформах новенькие самолёты и какие они красивые. Но их рассказ, не произвёл на них особого впечатления. Мисюрчик вообще, перевёл разговор, на другое, заявив, что начал делать клетку для ловли птиц. Петька ещё раньше говорил, что клетку четырёххлопку и садок для птиц ему отдал двоюродный брат, который пошёл работать. До этого ловлей птиц никто из знакомых пацанов не занимался. Хотя интерес к сказанному возник, они тоже любопытства не проявили и не стали расспрашивать Мисюрчика о его клетке. Сумерки сгущались. Ревка подумал, что пора расходиться.

Ему было интересно, как они устроятся с Витькой на сеновале.

Но вдруг Мисюрчик сказал:

– Надо бы скачок куда-нибудь залепить.

– Какой скачок? – не понял Ревка.

– Ты чё? Тупой? – усмехнулся тот и пояснил, – залезть к кому-нибудь в огород и чем-нибудь поживиться.

То ли обидевшись на свою несообразительность, то ли доказать решимость, Ревка предложил:

– Пойдёмте к нам. У нас нынче в огороде хорошая морковь.

Все как-то сразу согласились.

Ни в одном доме уже не горел свет. Над крышами домов поднялась полная красноватая луна. Подошли к забору Ревкиного огорода.

– Я сейчас быстро, – сказал он и полез на забор.

Остальные остались ждать. Спустившись с забора, он прошёл мимо роз, которые росли в этой части огорода с незапамятных времён, обошёл клумбу с флоксами, прошёл мимо черёмухи и оказался у большой грядки моркови. Со знанием дела он прощупал пальцем вокруг нескольких стеблей, выбирая морковь покрупней, и вытащил первую. Засыпав отверстие от неё, двинулся дальше, отыскивая, покрупней. Так, сделав несколько шагов, он выдернул четыре морковки, почти одинаковые по размеру. Подал ребятам, со словами:

– Ту, что поменьше, оставьте мне, – и полез через забор.

Все деловито начали обтирать морковь ботвой. Отломив её, бросили на землю и довершили обтирку о штаны. Смачно захрустев, отправились назад. Ревка собрал ботву, бросил её в соседский палисадник и догнал товарищей. Уселись на прежнем месте.

Отгрызая морковь, Мисюрчик повернулся к Ревке:

– Что у вас за кусты такие высокие?

– Это розы. Иногда очень сильно цветут и пахнут.

– Я, что-то, ни у кого не видел роз.

– Растут, – подтвердил Петька, – они нашей бабушке кустик дали и у неё в палисаднике тоже цветёт.

– Я видел цветки, подумал шиповник, но высокий, – пояснил Мисюрчик.

– У нас бабушка даже варенье из роз варила, – похвастал Ревка, – до войны, когда сахар был.

– Как варенье? – удивился Петька.

– Да, – подтвердил Ревка, – она брала сито и обрывала лепестки цветков. Прямо полное сито, а потом варила, как обычное варенье. Вкусное, – Ревка аж зажмурился, подтверждая сказанное.

– Ладно, – сказал Мисюрчик, забрасывая огрызок морковки, – а огурцы у вас есть?

– Огурцов нет. Грядку не из чего делать, – ответил Ревка.

– А почему опять к нему? – возмутился Витька.

– О, у нас огурцы хорошие, – подхватил идею Петька, – пойдёмте!

Тут тоже возражений не последовало. Пошли вниз под горку.

Перешли по пешеходному мостику через канаву и двинулись вдоль забора Петькиного огорода. Теперь луна светила удивительно ярко. Оглядевшись, Петька перелез через невысокий забор. Ревка проявил решительность и попросил Витьку подсадить его. Тот помог и Ревка благополучно перелез и спустился вниз. Петька был уже у длинной огуречной грядки. Ревка приблизился к нему и в это время, скрипнула входная дверь дома. Они присели, а потом и припали к земле. Они приподнялись, чтобы увидеть, кто вышел. На крыльце появился Петькин отец. Он был во всём белом. Рубаху и кальсоны ярко освещала луна. Он отошёл от крыльца, помочился, поглядел на луну и пошёл в дом, закрыв за собой дверь.

Ревка в листьях нащупал один небольшой огурчик и сказал Петьке, но тот шепнул:

– Подожди. Вот, видишь, какие я сорвал, – и показал в подоле рубахи три крупных огурца.

Он засунул руку в листву грядки и, сорвав ещё один, мотнул головой:

– Идём.

Огурцы съели прямо здесь, у забора, сидя на узком тротуаре.

Поднимаясь, Петька сказал:

– Надо идти спать, а то папка утром поднимет и найдёт какую-нибудь работу.

Все попрощались и разошлись. Ревка с Витькой поднялись по косогору к его дому. Когда Ревка, вслед за другом, оказался на сеновале, он ощутил приятный запах свежего сена, необычность обстановки. Его охватило непонятное чувство: радости и благодарности к другу, за то, что он позвал его на эту ночёвку. Нащупав расстеленную шубу и подушку, он снял сандалии, бросил их рядом и вытянулся на лежанке, восхитился:

– Хорошо!

Потом повернулся к другу:

– Мы не замёрзнем?

– Нет, – отозвался тот, – вот, рядом тулуп лежит, накроемся.

Ревке нравилось и то, что можно было спать прямо в рубашке и штанах и даже не умыться.

Они немного поговорили о прошедшем дне и Ревка спросил:

– Вить, как думаешь, если бы забрались на платформу к самолёту, стрелок бы выстрелил?

– Запросто. Ему бы за это ничего бы не было.

– Точно. Может даже наградили за бдительность, – уточнил Ревка.

Они замолчали. Ревка ещё раз подумал, как тут хорошо. И вдруг услышал тяжёлый вздох коровы, находящейся под ними, подумал: «Прямо, как человек».

Продолжая рисовать, он вспомнил ещё, что ночевать на сеновале было приятно даже в дождь. Засыпалось легко под его шорох по крыше.

Позвал дед. Он не только подбил подошвы, но и зашил их в двух местах. Ревка поблагодарил его, пошёл показывать бабушке.

На следующее утро погода тоже была пасмурной, но без дождя. Оба класса шли, растянувшись в длинную цепочку,

попарно. Директор школы при построении, предупредила, чтобы шли подальше одна пара от другой, чтобы никого не ударить лопатой: мальчишки водрузили их на плечи, как винтовки.

Ревка шёл рядом с Милкой, впереди Витька Торошенко с Лилькой Пикулевой, а впереди Виталька Верник. Прошли по городским улицам, перешли виадук через железную дорогу и повернули в переулок, от которого дорога вела к совхозу. Взрослые провожали взглядом такую «гвардию» без улыбок.

По дороге Милка рассказала, что они получили письмо от тёти Маруси, из Новосибирска, в котором она сообщила, что дядя Ваня погиб, но вроде не на фронте. Ревка сразу вспомнил его, как он выводил из конюшни Орлика, того красивого в яблоках.

Упоминание о фронте вызвали в памяти у Ревки сразу две печальные новости и он сказал:

– У Витальки отца убили на фронте где-то под Тулой, а брата Геннадия, что жил у нас, взяли на фронт. Ты его помнишь?

– Помню. Матери на работе кто-то сказал, что её племянник находится в эшелоне, на воинской площадке. Она побежала. Кое-как его нашла. Взяли его из училища связи в Томске. Дала ему кусочек хлеба, который брала на работу и побежала домой, чтобы собрать побольше еды.

Но, когда вернулась, эшелона уже не было, так что не успела с ним попрощаться.

Миновали здание больницы, спустились в ложбину. Дома кончились. Когда поднялись на бугор, до совхоза оставалось меньше километра, но на пути их встретила бригадир совхоза: пожилая женщина в телогрейке, тёмной юбке и сапогах. Она сказала, что в совхоз идти не надо, поле здесь рядом, и повела чуть в сторону. Вскоре все остановились. Евгения Степановна и другая учительница поговорили с бригадиром и стали расставлять ребят.

Сказали брать по одному рядку: мальчик подкапывает, девочка выбирает. Копать надо было до кустов, видневшихся вдаль, а потом, вторую половину поля, обратным ходом.

Ревка сначала не мог разобраться, где картофельная ботва, а где просто трава. Бригадир всем пояснила, что картофельная ботва лежит на земле, а трава торчит.

Ревка воткнул лопату рядом с кустом, нажал ногой и, когда лопата вошла в землю, вывернул её, нажимая на черенок. Земля не была сырой, но и не особенно рассыпалась. Милка начала выбирать картошку. Кругом раздались звуки от ударов картошки о пустые вёдра. Ревка принаровился к копке, хотя у себя в огороде, ему не приходилось копать по-

настоящему. Картофелины были средние и мелкие, и в кусте их было немного. Продолжая выворачивать кусты, Ревка спросил:

– Мила, ты раньше копала картошку?

– Нынче помогала маме в огороде.

Рядом копал Витька Торошенко, а с другой стороны Колька Решетников. Бригадир прокричала, чтобы в лунках не оставляли клубней. Видя, как Милка разгребает лунку руками, Ревка, увидев в стороне палочку, поднял её и подал ей:

– Попробуй палочкой.

Та несколько раз провела ей по лунке и, взглянув на него, поблагодарила.

Ревка был доволен. Через некоторое время пришлось расстегнуть верхние пуговицы пальто, хотя ветерок тянул прохладный. Колька, который был на пол головы выше Ревки, стал уходить вперёд. Выдвинулся и Арош с Лилькой. Ревка, чувствуя некоторую обиду на себя, стал активнее напирать на лопату и выворачивать кусты. Однако, посмотрев по сторонам, увидел, что он не в последних рядах и успокоился. Когда наполнилось первое ведро, Ревка, не раздумывая, взял ведро и понёс к месту, где уже образовалась куча высыпанной картошки. «Хорошо, что Милка взяла небольшое ведро», – подумал он, но и оно показалось ему тяжёлым.

Копка продолжалась. Ревка был благодарен деду за то, что он хорошо наточил лопату. Но, не смотря на это, он чувствовал, что копать становится всё труднее. То и дело он оглядывался: далеко ли до кустов? С удручением, отмечал: половина, одна треть ... Он до конца расстегнул пальто и, ему показалось, что копать стало легче. Ладошки горели. Носить полное ведро стало трудней и уже в конце поля Милка схватила ведро:

– Давай я отнесу, – он не стал возражать, но почувствовал какую-то неловкость.

Наконец, докопали до межи. Всем дали отдохнуть. Милка перевернула ведро и села на него. Многие девчонки сделали так же. Мальчишки сели на траву, росшую на довольно широкой меже. Ветерок стал сильнее и холодней. Милка по-

советовала застегнуть пальто, и Ревка послушно выполнил её совет. Хотелось есть и ещё больше пить. Все обрадовались, когда увидели женщину, идущую к ним с ведром. Она подошла и её тут же обступили. Она предупредила, что вода холодная и пить надо осторожно. Из-за этого пили долго, но зато всем хватило. Евгения Степановна сказала:

– У кого есть, что поесть, сделайте это побыстрее, надо продолжать работать.

Нашлось у немногих, потому что вчера на линейке директор сказала, что совхоз покормит обедом. Ревка об этом сказал бабушке, когда она завернула кусочек хлеба в бумажку и сунула ему в карман, сказав:

– Возьми.

Накормят, так накормят. Сейчас он не представлял, как он может достать и съесть этот кусочек, если у других нет. Правда, некоторые, особенно девчонки, достали свёртки и начали есть. Хотя он и понимал, что с начала войны, а особенно с весны этого года, стало правилом не приглашать к еде и не соглашаться на приглашение, но всё равно не решился.

Начали копку в обратную сторону. Эта часть поля была на небольшом склоне, и земля оказалась более сырой. Лопата всё хуже вонзалась в землю. Вскоре земля стала прилипать к лопате и он, довольно часто, просил Милку почистить её палочкой.

Где-то, в середине поля, когда они вновь отстали, Ревка воткнул лопату:

– Передохнём.

Милка выпрямилась и, оттряхивая ладони от земли, спросила:

– Устал?

– Немного, – ответил он, залезая рукой в карман.

Достал кусочек хлеба, развернул бумажку и, разломив его пополам, протянул ей со словами:

– Давай пожуй.

Та виновато улыбнулась, показывая на руки в земле. Он завернул половинку в бумажку и подал ей.

Кусочек был мал, откусив по разу, они отправили остатки в рот. Дожевав, она сказала:

— Спасибо. Копай, а то мы отстали.

Ревка старался, как мог, но правая ладонь побаливала всё сильнее, а в левой руке не хватало силы приподнимать вывороченное.

Единственное, что облегчило работу, это не надо было таскать полные вёдра. Двум мальчишкам из четвёртого «Б» не хватило рядков для копки, потому они носили и высыпали наполненные вёдра. До конца поля оставалась примерно четверть, посыпал мелкий дождь. Все стали поглядывать на учителей, в надежде, что работу приостановят, но те, советуя работать побыстрее, заканчивать и идти в совхоз обедать.

Дождик неожиданно начался, также неожиданно и кончился. Однако, через несколько минут полетели снежинки. Ревка, не смотря на снежок, не застёгивал пальто, но копал из последних сил.

Милка то и дело выпрямлялась и, сморщившись, говорила:

— Спина болит и руки мёрзнут.

Наконец, злополучное поле было докопано. Ревка окинул поле взглядом и успокоился: он был не последним. Ещё трое мальчишек докапывали свои рядки. Что ему показалось странным: падал снежок, а, вроде, стало теплее.

Все двумя группами двинулись к совхозу. Встретила бригадир, переговорила с учительницами и последовала команда, что первым обедает четвёртый «Б», он первым закончил копку. Ревкин класс, сгрудился под небольшим навесом и расселся, кто на чём. Некоторые успели сесть на скамейку, некоторые на обрезки брёвен, привезённых, очевидно, на дрова.

Ревка с Арошем уселись на остатки поленицы. Сюда же уместился и Виталька. Милка, как и все девчонки, помыла руки в умывальнике на три соска, подошла к ним и села на своё ведро. Рядом сели ещё девчонки.

Заговорили о войне. Виталька сказал, что фашисты на окраине Сталинграда. Прорвались к тракторному заводу, но их отбросили. Бои идут на Мамаевом кургане.

– Это, что? Там Мамай жил, когда с Куликова поля бежал? – удивилась Милка.

– Может и жил, – за друга ответил Ревка, который тоже слышал о кургане.

Разговор продолжался, а Ревка подумал: «Хорошо, что никто не спросил у Витальки про отца».

На крыльцо столовой вышла бригадир, но ничего не сказала, спустилась с него и пошла вдоль здания. Столовая располагалась в правой части длинного бревенчатого барака. Взглянув на вывеску над входом, Ревка вспомнил о другой столовой и всё, что с ней связано.

– Ребя, – обратился он, решив рассказать, – в начале сентября, в выходной, мать и ещё четыре учительницы из её школы, поехали собирать чечевицу.

– Чё это такое? – спросил Арош.

– Это, такой мелкий горошек, – пояснил Ревка и продолжил, – мать взяла меня с собой.

Доехали на поезде на «Вертушке» до станции «Почитанка», а потом три километра пешком до колхоза. Председатель, пожилой мужик на деревянной ноге, посадил всех на телегу, дал возницу – пацана и сказал:

– Гришка отвезёт вас на поле, а в четыре часа пригонит вам эту лошадь и вернётесь сюда сами. Он вернётся домой в свою деревню. Приехали, поле большое. Собирать не трудно. Просто вырывали кусты в охапку, и складывали в копны. Конечно, поели этой чечевицы.

– Вкусная? – спросил Виталька.

– Да, как спелый горох. Собираем. В середине дня приезжает председатель, в двухколёсной телеге, запряжённой нетелем.

– На корове, что ли? – удивилась Милка.

– Да, корова большая белая с красными пятнами и комолая. Председатель с телеги не слезил: нога деревянная из неё торчала. Посмотрел, сказал:

– Хорошо. Продолжайте работать, – и уехал. Нетель, как припустила по полю.

Собрали мы, примерно, пол поля. В назначенное время, пригнал пацан эту лошадь с телегой и ушёл. Сели все, едем. Теперь дорога всё на подъём. Едем, едем и в одном месте, у пригорка, лошадь встала и не хочет идти. Как её учительница ни понукает, вожжами ни бьёт, стоит и всё. Никто не знает, что делать. Одна учительница сказала, что надо идти пешком. С ней не согласились. На встречу едет старик на телеге. Остановился. Та, что вожжи держала обращается:

– Дяденька, понукни лошадь.

А он:

– Что сама?

Вторая учительница кричит ему:

– Да, обматери ты её! Она иначе не понимает.

Дед усмехнулся, ударил по своей лошади и уехал. Стоим. Та, что кричала старику, говорит:

– Дайка вожжи мне.

Пересела, дёрнула вожжи и как крикнет грубым голосом:

– Ну, пошла! Ангидрит твою перекись марганца! – и лошадь пошла.

Все засмеялись. Но до конторы доехали. Там нас покормили в столовой похлёбкой из чечевицы. Там столовая в обычном доме. Насыпали нам за работу чечевицы в мешочек на двоих, – Ревка руками показал сколько насыпали, – и все пошли на станцию.

– Похлёбка вкусная? – спросил Арош.

– Вкусная, – ответил он, но не стал рассказывать дальше, тем более о столовой.

Но забудет про неё, он вряд ли. В столовой, куда они вошли, было темно от мух. В воздухе стоял сплошной гул. Два окна виделись, как в густом дыму. За столами сидело несколько человек. Повариха из раздаточного окна показала на ближний стол:

– Садитесь, – выставила глиняные миски с похлёбкой и подала деревянные ложки. Он сел на скамейку у стола, мать поставила перед ним миску, дала ложку и села сама.

В момент почти вся поверхность похлёбки покрылась мухами. Ревка вопросительно взглянул на мать. Та сказала:

– Отодвигай и бери с глубины.

Как не старался он отодвинуть мух, отгонять и отдувать они попадали в рот, и приходилось выплёвывать их на пол. Выгребая со дна варёную чечевицу, сдувал мух с ложки, или убирая руками, он всё-таки решил, что варёная чечевица вкуснее.

Четвёртый «Б» начал выходить из столовой и Евгения Степановна сказала, чтобы и мальчишки помыли руки.

В этой столовой было три окна, один длинный стол со скамейками по обе стороны и совсем мало мух. На столе стояли миски с варёной, круглой картошкой, и гранёные стаканы с молоком. Ложки были деревянные продолговатые, но и ими было неудобно брать круглую картошку, и все стали брать её руками. Ревка попробовал молоко. Оно ему не понравилось, он привык к козьему. Но есть очень хотелось, и он стал набивать рот картошкой и чуть припивать молоком. Когда картошка в миске кончилась, у него осталось четверть стакана молока. Выпить его он не осмелился и предложил Витальке. Тот согласился и он перелил в его стакан.

Вышли из столовой, Ревка чуть не забыл лопату. До виадука и по нему шли попарно, а за ним все разошлись в разные стороны, кому куда надо. Ревка с Витькой – Арошем и Милкой шёл до Пожарного переулка, а дальше один.

ДРОВА

Был вечер. В доме было темно, только в кухне, на столе, стояла коптилка. Ревка сидел на опрокинутом на бок табуретке, подставив спину к открытой духовке. Дома не так холодно, но ощущать спиной тепло было приятно. Полчаса назад, когда пришла Таня, бабушка предложила поужинать, не дожидаясь матери, которая задерживалась на работе. Поели оставшуюся от обеда тушёную капусту с отварной картошкой, потом пили морковный чай с кусочком хлеба. Ревка не смотря на ужин, и сейчас хотелось хлеба. Вообще, в последнее время он всё чаще думал о хлебе. Однако, ос-

тавил кусочек на утро, как советует бабушка, говоря: «Если ты не оставишь хлеба на утро, мать отдаст тебе свой кусочек, а ей работать целый день».

Он смотрел на мерцающий огонёк коптилки и вспоминал: «Последний раз электричество было на новый год, а начали его отключать ещё в ноябре».

Новый год был радостный тем, что за несколько дней до него сообщили об окружении немцев под Сталинградом. Ревка помнил этот день ещё и потому, что когда они с Юркой вышли покататься на коньках по своему переулку, неожиданно появился на коньках Пашка Краев. Его больше года не видели на коньках. Но что их особенно удивило, он вышел со своим большим лохматым псом. Его, как когда-то Милкиного пса, тоже звали Бобкой, только этот был крупнее.

День был ясный и не очень морозный. Ревка с Юркой обычно забирались на пригорок у заднего двора Юркиной школы и от туда катились до Ревкиного дома. Можно было ехать до моста на следующей улицы, но тогда долго добираться до пригорка и всё в гору. Пашкин Бобка с радостью таскал его на длинной верёвке хоть вниз под уклон, хоть на подъём.

Пашка только слегка помогал ему. Съехав, в очередной раз, Пашка сказал, что в этом месяце ему дали первый выходной, и он решил в последний раз покататься на коньках. Они удивились:

– Почему в последний раз?

Он ответил:

– Завтра пойду в военкомат с заявлением, чтобы взяли добровольцем на фронт.

Все знали, что из депо отпускают на фронт только добровольцев, и то с разрешения начальства. Они позавидовали ему. При следующем спуске произошёл забавный случай. Ехали с этого пригорка: первый Пашка на Бобке, за ним Юрка и Ревка.

Подъезжая к своей улице, перед самым носом Бобки, прошмыгнула маленькая собачонка. Тот уже пробежал тропинку, вдруг резко развернулся и кинулся за ней. Пашка с разлёта не успел затормозить, верёвка, намотанная на руку,

увлекла его, и он кувыркнулся в сугроб. Барахтаясь в нём, он дёргал верёвку, Бобка отчаянно лаял вслед собачонке, а они с Юркой хохотали. Пашка поднялся и, отряхиваясь от снега, перестал ругать Бобку – улыбнулся.

Через несколько дней, во время каникул, Ревка встретил Томку, и она сказала, что Пашка ушёл в армию, хотя ему ещё не исполнилось восемнадцать лет. Мать уговаривала его не писать заявление, но он её не слушал.

Ещё каникулы ему запомнились тем, что у него была полная свобода, так как мать была занята в школе. С нового года госпиталь, который размещался в новом здании школы, эвакуировался ближе к фронту. Поэтому все учителя и старшеклассники приводили её в порядок.

Вчера тоже был радостный день. Вечером дед, придя в кухню за кипятком, он ел и пил за своим столиком, сказал:

– Всё, Паулюс сдался, и вся его группировка под Сталинградом капитулировала.

Ревка даже прокричал: «Ура!». Сегодня об этой новости говорили все в школе и учителя, и ученики.

Ревка продолжал смотреть на коптилку. Её сделал дед. Свернул трубочку из жести от консервной банки, вставил её в такой же жестяной кружок, протянул через трубку фитилёк и опустил в небольшую стеклянную банку с керосином. До этого жгли две керосиновые лампы: одна была в кухне, другая у матери. Но перестали продавать керосин, и пришлось светить коптилкой. Мать, для подготовки к урокам, достала где-то несколько свечей.

Пламя коптилки мигнуло – это бабушка встала из-за стола и подошла к плите. Ожидая мать, пощупала, тёплая ли жаровня с капустой: печь догорала.

Мать пришла через несколько минут. Ревка встретил её у порога и помог отряхнуть пальто от снега. Сняв пальто и шапку, она села на сундук под вешалкой и сняла валенки. Ревка взял их, хлопнул один о другой у порога и понёс к духовке, уложив на табурет, на котором только что сидел. Мать отнесла портфель в комнату и, моя руки у домофона, спросила:

– Мира, ты пихтовый отвар пил?

Он сморщился:

– Пил. Он горький.

– Ничего, надо пить. Врачи рекомендуют. Там много полезных веществ.

Потом сказала, обращаясь к нему и Тане:

– Ложитесь пораньше, завтра рано пойдём за дровами. Ревка знал, что завтра предстоит эта работа и отправился спать без разговоров. Начиная с ноября, как только установилась лесная дорога, они каждый выходной занимались вывозкой дров. Ещё с весны дед напоминал матери о заготовке дров, и в августе она наняла двух мужиков из леспромхоза. К середине сентября они напилили большую поленницу, которая была в лесу, примерно в трёх километрах от сенного склада и около четырёх от дома.

Уже в постели он невольно думал о предстоящей вывозке. Ходили вчетвером: бабушка, Таня, он и мать. Деду шёл семьдесят третий год и у него болели ноги. Он во дворе колот привезённые дрова и складывал их в поленницу. Бабушка, которой, как он подсчитал, шёл шестьдесят восьмой год, каждый раз ходила с ними. В ноябре мать купила ещё одни санки, одни взяли на время у соседей, и четвёртые, маленькие, на которых он катался с горы, так что у каждого были свои сани. Уже вывезли больше половины. Но насколько хватило его соображения, этим придётся заниматься и в марте. Подумал: «Только погода была бы нормальной».

Утром, после обычного завтрака, около восьми часов, они вышли со двора. Погода Ревку обрадовала: мороз, державшийся несколько дней, ослаб. Вчера уже было не так холодно. Во всех домах окна были тёмными. Небо тоже было тёмным. Он попытался разглядеть звёзды, но их не было видно.

Дым из некоторых труб поднимался вверх и отклонялся на восток. Тишину нарушал только скрип снега под подшитыми пимами, как тут называют валенки. Как-то само собой, установился порядок: первой шла бабушка, за ней Таня, потом он и за ним мать. «Скорее всего, такой порядок придумала мать», – решил Ревка, вспоминая, как она ему ма-

ленькому, говорила: «Иди впереди, чтобы я тебя видела. Не надо плестись сзади, как хвостик».

К концу города стало светать и по лесной дороге уже шли засветло. Первое время, в ноябре, Ревка любовался заснеженными елями, причудливо изогнутыми ветками берёз и осин, припорошенных снегом, прозрачными кустами с маленькими головками снега на ветках. Сейчас он редко замечал что-то особенное или причудливое. Почти два километра был уклон, потом ложок и подъём почти до места, где была поленница. И вот последний поворот и поленница. Развернули сани по ходу движения, развязали верёвки и стали накладывать поленья. Все брали их из поленницы, а мать спустилась в траншею, образовавшуюся после выемки дров, и брала их с самого низа, с земли. На Ревкины сани помещалось двенадцать поленьев. Он выбирал поменьше. На это никто не обращал внимания. Некоторые поленья были большие. Всё зависело от толщины дерева. Мужики, которые готовили дрова, кололи чурки только попалам. Ревка заметил совпадение: ему шёл двенадцатый год и возил он по двенадцать поленьев. Он знал, как укладывать их горкой, но увязывала поклажу мать. Уложив, он отряхнул рукавицы, посмотрел на поленницу и, смерив взглядом от одной осины до другой между которыми она была сложена, решил, что осталась четверть. Стоять просто так и глазеть, было неудобно, и он стал помогать матери, принимая поленья и укладывая их на санки.

Наконец, всё уложено и увязано. Все стали впрягаться в свои санки. Верёвки у саней были в виде больших петель. Надо было надеть петлю и закинуть её на шею так, чтобы концы привязанные к саням, проходили подмышками. Ревка почти всегда вспоминал в этот момент, как до школы играли в «коняшек». Таким же образом накидывали верёвочку и отдавали концы «всаднику», если сам изображал лошадку. Ему больше нравилось быть конём, можно было показать свой горячий норов. «Вот я лошадка и по-настоящему», — заключил он. Вдохнув, ухватился руками за верёвки, дёрнул санки и пошёл вслед за санями Тани.

Сначала дорога была ровной, потом был небольшой уклон, спуск в ложок и дальше, до самого сенного склада, пологий подъём. Это был самый длинный и трудный участок. По уклону санки шли легко, но сами почти не катились: дорога была не торной, по ней мало кто ездил. Ещё на ровной дороге, едва отъехали, Ревка дёрнул за завязку, развязав ушанку. Согрелись и руки, которые стали застывать, как только кончил укладывать поленья и ждал, когда все закончат увязывать поклажу.

Начался подъём. Ревка знал, что бабушка, обычно, останавливается отдохнуть три, четыре раза. Всегда думал, как бы ему не остановиться раньше, а дотянуть санки до общей остановки. Как-то не хотелось выглядеть слабаком. Санки, вес которых на ровной дороге едва ощущался, сразу потяжелели так, что приходилось наваливаться вперёд всем телом, чтобы их тащить. Единственное, что пимы на рыхлой дороге не скользили, но и тащить было труднее. Становилось жарко, но до первой остановки дотащил санки без отдыха. Отдышавшись, двинулись дальше. Теперь Ревка, как всегда, стал себя уговаривать: «Вот у той ёлочки бабушка обязательно остановится». Если этого не происходило, он выбирал новый объект и так могло быть несколько раз. Этому он научился у матери, когда летом таскали хворост. Она говорила: «Вон до того пенька или столба дойдём и отдохнём», когда подходили, говорила: «Может ещё немного пройдем, а там остановимся». Так сокращая остановки и преодолевая усталость, шли вперёд.

Чтобы верёвка меньше давила на шею, он крепче взялся руками за неё и продолжал тянуть. В ногах начала чувствоваться тяжесть и появился пот на лбу. Он отпустил верёвку левой рукой и провёл рукавичкой над бровями. Приподнял взгляд и нашёл новый ориентир. К его радости, остановились раньше намеченного им места.

Ревка оглянулся назад. Мать промокала лицо верхней стороной рукавицы. Он поправил верёвку, вытащив её на воротник пальто, чтобы она так сильно не давила на шею. Постояли ещё немного и двинулись дальше. На этом участке пути лес отступал далеко в стороны, и впереди было от-

крытое место до самого сennого склада. Зацепиться взглядом за какое-нибудь место было трудно, и он упёр взгляд в движущиеся санки сестры, стараясь вспомнить что-нибудь, способное отвлечь внимание от этой трудной дороги. «Хорошо, если бы сейчас было лето, – начал он рассуждать, – поиграть во что-нибудь на горке. А таскать хворост в жару? Нет, дрова лучше возить. Когда везёшь, не холодно, а хворост нести: то плечо болит, то бок, то рука занемела. Зато летом можно зайти в огород, сорвать и съесть морковку или черёмухи поесть, прямо с дерева, в августе». Тут он понял, что ему очень хочется есть. Мысль перескочила: «Вот, разобьём фашистов, хлеба будет вдоволь». Неожиданно передние сани встали. Ревка облегчённо вздохнул, поправил съехавшую на глаза шапку, взглянул вперёд: это была последняя остановка перед поворотом у сennого склада, на большую дорогу.

Ноги, как-то сами собой, слегка подрагивали. Он снова утёр лоб от пота, потом полез рукавицей под шапку, вытирая струйку пота за ухом. Хотелось расстегнуть пальто, но мать это не разрешала: почти всегда, повернув к городу, ветер дул в лицо. Доехали до основной дороги, передохнули. Теперь предстоял небольшой подъём до водопроводной насыпи, а там три квартала уклон и не очень длинный подъём вдоль забора лесхоза. Потом почти до дома пологий спуск.

Пройдя метров тридцать в сторону водопровода, пришлось стаскивать санки с дороги: навстречу ехала вереница лошадей с пустыми санями. Подъезжая, первый мужик, стоя в санях и погоняя серую лошадь, оглянулся и крикнул следующему возчику, показывая в их сторону кнутом:

– Смотри! Сталинский обоз!

Ревка вытаращил на него глаза, а когда они проехали, повернулся и спросил:

– Он, что? Враг народа?

Мать, как-то странно взглянула на него и ответила:

– Он дурак.

Перевалив насыпь водопровода, везти стало легко, и Ревка то и дело приходила мысль: «Ну, что так медленно

везёт бабушка?». У леспромхоза дорога была хорошо укатана и потому даже на подъём, сани шли на много легче, чем в лесу.

Калитка была открыта. Дед подчищал дорожку от снега. Он отставил лопату, помог всем затащить сани с дровами подальше во двор, и стал развязывать верёвки.

Отдохнув, пока бабушка разогревала обед, который она готовила в субботу на два дня и, пообедав, мать оделась и отправилась снова в лес за дровами. Она каждый выходной ездила два раза.

После её ухода, Ревка, не чувствуя больше усталости, пошёл на горку кататься на лыжах. На горке было много ребят. Вышли все, кто раньше побаивался морозов. Под общий азарт Ревка решился проехать через трамплин, который сам помогал соорудить из снега Петьке и Мисюрчику ещё до морозов. Это был маленький трамплин. Самое главное, что он не упал, удержали ремни крепления, но второй раз ехать через него не решился.

Часа полтора спустя, подул сильный ветер, и кататься стало неприятно. По одному ребята стали расходиться. Он распрощался с Витькой Тимофеевым и оба поехали по домам. Сняв лыжи и подходя к калитке, ему в лицо ударил порыв ветра со снегом такой силы, что он развернулся и двинулся вперёд спиной. Войдя в дом, он застал бабушку у окна. Вглядываясь в него, где уже бушевала пурга, приближавшая сумерки, сокрушённо сказала:

— Как же там Соня? Боже, Боже что творится.

Стемнело. Зажгли коптилку. В печной трубе надсадно гудело. Бабушка подошла к плите, а Ревка сел на её место у окна. Она открыла дверцу печи и посмотрела в топку. Яркий красноватый свет осветил её морщинистое лицо.

Положив в печь два полена, закрыла дверцу, крючком сняла с плиты два кружочка и сдвинула их в сторону. Теперь такой же яркий свет озарил потолок и часть печного обогревателя. Она, зачерпывая совком уголь из ведра, высыпала их несколько раз, задвинула кружки на место, и сказала:

— Ветер, прямо вырывает всё из печи. Выдует всё тепло.

Из спальни доносилась музыка. По радио передавали концерт.

Обычно, мать возвращалась после шести вечера, и время ещё не подошло, но тревога уже захватила Ревку, да и всех, потому, что все молчали. Он пошёл и лёг на свою заправленную кровать. В едва различимом свете из кухни, он разглядел, что дед дремлет в своём кресле. Концерт кон-

чился. Началась передача о работе железнодорожников и, снова говорили о каком-то Постановлении Совнаркома о железной дороге в Сибири. В шесть часов начали передавать последние известия. Сначала передали вести с фронтов. Много говорили об освобождении Северного Кавказа. Называли освобождённые станицы, а потом сказали, что 7 февраля освободили город Батайск. Ревка не знал, где это. Вновь напомнили о разгроме немцев под Сталинградом. Сказали, что за время нашего наступления немцы потеряли убитыми около 800 тысяч солдат, 2000 танков и три тысячи самолётов. Эти цифры Ревка повторил, решив запомнить, чтобы назвать их матери, когда та вернётся. В конце, как и несколько дней назад, говорили о восстановлении на освобождённой территории колхозов и МТС. Слушая это всё, Ревка чуть не уснул, ожидая, когда начнётся передача «Огонь по врагу». Её передавали каждое воскресенье в семь часов вечера. Она полюбилась всем. У кого было радио, спешили домой, а у кого не было, если могли, шли к соседям. Передача велась из Новосибирска. Ведущих было двое: Шмельков и Ветерков. Они шутили, пели, рассказывали прибаутки. На баяне играл знаменитый Маланин. Ревка запомнил его фамилию ещё и потому, что Петькин отец, Андрей Ильич, сам хороший баянист, хвалил его и говорил, что Маланин слепой и раньше, молодым, играл на гармошке у нашего виадука, собирая милостыню, а потом добавлял: «А может и путают что».

Когда началась передача, пришла Таня и села на его кровать. Услышав знакомую мелодию, очнулся от дрёмы дед. Посмотрел в сторону сестры, увидев, очевидно, её силуэт, на фоне кухонного проёма, спросил:

– Мама пришла?

– Нет ещё, – ответила она.

Пришла бабушка послушать и села на свою кровать. Передача была весёлой, но Ревка слушал не очень внимательно. То и дело он прислушивался: не щёлкнет ли щеколда калитки, извещая, что мать вернулась. Но одну прибаутку он сразу запомнил:

– Барон фон Фебель Шик, попал на русский штык, остался от барона только пшик!

И ещё ему понравилась частушка про победу под Сталинградом. Они пропели:

Плачет фюрер по колечку, что ему осталось,

Тридцать три дивизии в колечке оказалось!

«Вот бы запомнить и ребятам рассказать», – подумал он, вновь прислушиваясь к тишине во дворе.

Кончилась передача и тревога за мать возросла ещё больше. В это время она всегда была дома. Ревка пошёл к бабушке. Он сел за столом напротив неё, помолчал, потом всё-таки спросил:

– Баб, что могло случиться? Заблудилась? Она в лесу всегда в другую сторону идёт.

– Нет, – возразила она, – там дорога одна к сенному складу, а от него всегда дорогу найдёт.

– Тогда почему?

– Наверно, везла дрова, устала, зашла к кому-нибудь.

– К кому она может зайти?

Бабушка пожала плечами:

– Вон, какая погода, – и предложила, – давайте ужинать.

После ужина она посоветовала:

– Мира, ложись спать, завтра рано в школу. Я думаю, она скоро придёт. Ты уснёшь, она придёт.

Он послушно пошёл в спальню, загадывая: «Как только лягу, так мама придёт».

Он снял покрывало, сложил его и положил в конце кровати. Быстро разделся, залез под одеяло и вновь стал прислушиваться, надеясь услышать звук открывающейся калитки. Дед убрал звук репродуктора и тоже лёг в кровать. По радио, едва слышно, звучала музыка. Теперь, помня слова бабушки, Ревка решил: «Надо поскорее уснуть. Как усну, мама сразу придёт». Он зажмурил глаза, но невольно продолжал напрягать слух, ожидая стук во дворе. Там было тихо. Он придумывал, что бы сделал, если сейчас вернётся мать. Сразу решил, что будет лучше учиться: «Это матери будет приятно, только, как подтянуть русский? Я заучиваю правила, а ошибки всё равно появляются. Все говорят их

надо применять. А как?». Снова зажмурил глаза, которые сами открылись. «Надо уснуть», — вновь стал себя уговаривать. Но не получалось. Перевернулся на другой бок. Полежал, не помогло. Перевернулся снова на правый. Он продолжал придумывать, чтобы ещё сделал, только бы она скорей вернулась.

По радио прекратилась музыка, и заговорил диктор. Он вслушивался, но разобрать не мог, о чём он говорит. Разобрал одно слово «Батайск», понял, что это последние известия. Потом снова послышалась музыка. Ему пришла новая мысль: «Завтра же начну по-настоящему читать книгу, про «Тома Сойера», которую начинал три раза, ведь мама присила её прочитать; только бы она сейчас пришла».

Приподнял голову, посмотрел в сторону кухни: копилка ещё горела. «Значит, бабушка ждёт маму», — понял он и продолжил уговаривать себя уснуть. Сон не приходил. Через некоторое время прекратилась музыка: радио прекратило работу. Он понял, что наступила полночь. «Надо уснуть, надо уснуть», — уговаривал он себя и натянул одеяло на голову. И тут же подумал: «Может помолиться? Вот баба Маня, соседка, станет на колени перед иконой и молится. Я же сам видел, когда бабушка посылала узнать про рассаду. Так она перед иконой, да и не знаю я ни одной молитвы», — и тут же упрекнул себя: «Как же я буду молиться? Я ведь пионер». И сразу оправдал себя: «Так об этом никто не узнает! Вот наша бабушка не верующая, а тоже говорит: «О, Боже! А баба Маня даже на огороде говорит: — О господи, помилуй!». Тут он услышал звук щеколды калитки. Как вошла мать в дом, он уже не слышал.

Утром мать ушла на работу и, он её не застал, а бабушка сказала, что всё произошло, как она предполагала. Дрова пришлось бросить у сennого склада.

Ревка, конечно, не мог представить, что ей пришлось вынести.

Она уже повернула на лесную дорогу, когда ветер усилился, но она не придавала этому значения. Они вывозили дрова и при более сильном ветре. Уже в лесу, среди деревьев, где обычно ветер стихает, услышала нарастающий

гул. Она прибавила шаг. Ветер стал срывать снег с ветвей деревьев и порошить им в лицо. Порывы ветра усилились так, что ели стали раскачиваться, роняя шапки снега даже с нижних веток. Она чуть не бегом оказалась у поленницы. Быстро наложила поленья, увязала, впряглась и двинулась назад. Ещё не дойдя до спуска из-за бурана, не могла увидеть деревья, стоящие вдоль дороги. На самом спуске сани пришлось тащить, так как перед ними образовывался бруствер из снега. Она удивлялась: «Когда успело наместить столько снега?». На подъёме дороги тоже не было видно. Пришлось тащить сани рывками, нащупывая сначала дорогу. Одолела четверть подъёма, стало смеркаться и очень быстро стемнело. Теперь она вынуждена была повернуться лицом к саням. Нащупав дорогу, отгрести ногой снег впереди саней и подтянуть их к себе. Струи снега хлестали в лицо, но ей было жарко от непосильной работы. Приходилось останавливаться, чтобы хоть немного отдохнуть и тогда она отворачивалась от ветра, понимая, что может продуть. По этой же причине не давала себе отдохнуть подольше. Тревожили мысли о домашних: «Что они сейчас там думают?». И вновь поворачивалась к саням и продолжала их подтягивать к себе. Когда ветер усилился, а снега под санями стало чуть меньше, она поняла, что лес кончился. Однако, дорогу так же приходилось отыскивать и отгребать снег от саней. «До основной дороги осталось с полкилометра», – успокаивала себя и продолжала подтаскивать сани. Не смотря на тяжесть работы, из-за сильного ветра, стали мёрзнуть руки. «Надо бросать дрова и идти домой», – всё чаще посещала мысль, а сама продолжала и продолжала тянуть сани. Появилась другая мысль: «Не останавливаться, иначе замёрзну». Холод залезал в рукава до локтей, мёрзли колени, появился озноб. Подтягивая сани, слышала слабый гудок паровоза. «Ещё немного» – уговаривала она себя.

Протащив ещё метров сто, слышала более громкий гудок паровоза. Обернулась и увидела вдалеке свет паровозного прожектора и на его фоне край крыши сennого склада. Железная дорога проходила за складом. Теперь она приняла окончательное решение: «Сброшу дрова напротив скла-

да, чтобы потом можно было найти. Тащить дальше не хватит сил». Она продолжала тянуть сани, преодолевая себя. Руки в рукавицах ничего не чувствовали, казалось, они находятся в ледяных панцирях. Рывками по несколько сантиметров, она дотащила сани до основной дороги, почувствовав её под ногами. Из последних сил перетащила сани через дорогу метра на полтора и остановилась. Развязать верёвку у неё не было сил, да и руки совсем не слушались. Уперев руки в дрова, ударила коленом одно из верхних поленьев, оно сдвинулось. Потом надавила кулаком в заледенелой рукавице, оно подалось. Вытолкнув, одно полено, второе вышло легче. Так сбросив больше половины, собрав последние силы, приподняла одну сторону саней, и дрова соскользнули в снег. Выдернув сани из-под остатка дров, выбралась на дорогу и пошла в сторону города. Ноги почти не слушались. Даже пустые сани на заснеженной дороге требовали усилия. Выйдя на бугор водопровода, она поняла, что до дома не сможет дойти. У первого дома, небольшой избушки, не раздумывая, нащупала тропинку и пошла к ней. Подойдя к невысокому крыльцу, постучала в окно. Тихо. Только ветер шуршит в щелях навеса. Постучала ещё. Скрипнула входная дверь, из сеней раздался женский голос:

– Кто там?

– Пустите погреться, я замерзаю, – ответила она и удивилась своему голосу.

Дверь отворилась и пожилая женщина сказала:

– Заходи.

В избушке было темно. Хозяйка усадила её на скамью, открыла печь, в которой чуть теплился огонь, и положила в неё несколько поленьев. Передвинув что-то на плите, спросила:

– Откуда идёшь?

– Из лесу, за дровами ходила.

– А где дрова?

– Бросила, сил не было.

– Да, буранище..., – потом попросила, – давай рукавицы, пусть посохнут в духовке.

Забрав их, спросила:

– Может, валенки снимешь?

– Не надо. Ноги вроде не замёрзли, колени и руки...

В неплотно прикрытые дверцы плиты стал пробиваться свет. Хозяйка одела кофту, подошла к столу, взяла большую миску, налила в неё ковшиком воды из ведра, стоявшего на полу и, подойдя, поставила на скамью:

– Опустит руки в воду, скорее отойдут и сильно болеть не будут.

Выполняя её совет, она едва разогнула пальцы. Обычная вода показалась тёплой. Через некоторое время они заныли, потом стали побаливать, но терпимо. Она не знала, сколько надо держать руки в воде, а женщина молчала. Постепенно боль утихла, пальцы стали разгибаться и сгибаться. Печка разгорелась, от плиты пошло тепло. Хозяйка посоветовала расстегнуть пальто и снять шаль. Потом взяла с полки кружку, налила в неё из чайника, что стоял на плите и, подавая, предложила:

– Попей горяченького, сразу согреешься. Теперь, за одно, руки можно погреть.

Обхватив двумя руками кружку, она медленно начала пить. После выпитой горячей воды, она почувствовала себя гораздо лучше. Пальцы совсем перестали ныть. Она пощупала шаль, она была чуть влажной. В ногах, ещё ощущалась тяжесть, но начала проходить.

Ещё через некоторое время, почувствовала себя настолько лучше, что спросила хозяйку:

– Который час?

Та открыла дверцу печки, это осветило кухню. Посмотрев на ходики, висевшие на стене, сказала:

– Без пятнадцати двенадцать.

Она поблагодарила и добавила:

– Надо идти. Дома волнуются.

– Отогрелась? – спросила хозяйка и нагнулась к духовке за рукавицами. Подавая, сказала – Почти высохли.

Сидя на скамейке, она поправила шапку, надвинула шаль, застегнула пальто, поднялась и, надевая рукавицы, поблагодарила эту отзывчивую женщину. Та открыла дверь.

Выйдя в сени, попрощалась, а та, закрывая дверь сеней, напутствовала:

– С Богом!

Буран продолжался, но теперь даже по переметённой дороге она шла уверенно. Корила себя: «Устроила всем неожиданные переживания».

Вернувшись из школы, Ревка увидел во дворе сани, с неразвязанными дровами и сразу понял: бабушка сходила и нашла их.

Заторопился: «Надо поесть, сделать письменные задания и, на горку». О книге про Тома Сойера он уже забыл.

МИЛА. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ КАНИКУЛ!

Она проснулась около десяти часов. Правда, рано утром ей пришлось подняться с постели, чтобы закрыть дверь в сенцах, после ухода матери на работу в больницу. Проводив мать, юркнула в тёплую постель, обрадованная тем, что не нужно идти в школу. Теперь, открыв глаза, не торопилась вылезать из постели. В комнате было не особенно тепло. Обвела взглядом комнату. Всё, как обычно: плательный шкаф из тёмного дерева, большой стол, посередине комнаты, с венскими стульями вокруг. Один стул был из бамбука, покрытый тёмно-бордовым лаком. В комнате ещё была кушетка из бамбука, но она стояла в торце кровати, и отсюда её не было видно. Из-за стола выглядывал угол большого сундука, стоявшего у обогревателя печи. Теперь у него нельзя было погреться: два года печь не использовалась, не хватало дров. Пришлось купить «буржуйку» – металлическую печь с небольшой духовкой, которая и обогревала квартиру, и на ней готовили еду.

Она перевела взгляд на календарь, прикреплённый к косяку дверного проёма в кухню, на котором виднелась крупная цифра «25». «Это всего первый день мартовских каникул, – подумала она, и радостная мысль продолжилась, –

чуть больше месяца и Первомайские праздники, а там уже тепло».

Необычным для неё было то, что с 20 мая у четвероклассников начинались экзамены по четырём предметам. И, хотя училась хорошо, всё равно было страшновато. Вспомнила разговор об экзаменах с Лизой, подругой, с которой вместе возвращались со школы, и её опасения. Но потом та вдруг сказала, что нынче «Пасха» будет в середине апреля и, что её мать считает этот праздник главным. Она сказала Лизе, что её мать тоже отмечает Пасху, правда, яички не всегда красит. В памяти сразу возникло, как в школе, в прошлом году, учительница Евгения Степановна строго предупреждала, чтобы они, как пионеры, убеждали родителей не праздновать Пасху и, ни в коем случае, не есть крашеные яйца. Вспомнила, какой был скандал, когда под партой у Жени Азовцевой нашли крашеные скорлупки. Как её стыдили и заставили привести родителей.

Можно было ещё поваляться в постели, но уже сильно захотелось есть.

Она поднялась, надела платье, кофточку, натянула чулки, сунула ноги в валенки и пошла в кухню. Включила чёрную «тарелку» репродуктора, висевшего на стене, рядом с окном. Передавали музыку. Музыка она любила, особенно песни. Печь, которую мать растопила перед уходом, прогорела и была холодной. На столе в тарелке лежал кусок хлеба, а рядом стояло полстакана молока. Несмотря на то, что есть очень хотелось, решила сначала растопить печь и скипетить воды. Надела пальто, шапку и вышла в сени. Здесь взяла топор, вышла на крыльцо и спустилась во двор. День был пасмурный с небольшим ветром. Она подумала: «Два дня назад светило солнце, начал таять снег, и казалось, вот-вот настанет настоящая весна и, вдруг, опять зима». Съевшись, она пошла к стайке, где были сложены доски и плахи, оставшиеся от развалившейся, два года назад, столы.

Выбрав две доски покороче, положила их на землю, и стала раскалывать на три части. Они легко раскололись. Труднее было порубить их на полешки.

Она положила одну из узких дощечек на выступающее бревно на углу стайки и, отворачивая лицо, ударила по ней топором. Отрубленный кусок подлетел, ударился о стайку и упал. Продолжая разрубать дощечки, невольно вспомнила о брате: «Был бы сейчас Вовка, не пришлось бы ей, да и матери, заниматься дровами». Но, тут же, поняла, что сейчас он бы был на фронте, так что надо рубить... Собрав наготовленные полешки, пошла в дом.

Растапливая печку, смотрела некоторое время, как пламя с бумаги перешло на щепки, а потом на полешки. Закрыла дверцу, заглянула в чайник на плите. В нём оказалось немного воды. Сообразив, что утром мать её кипятила, не стала добавлять: решив только подогреть. Сполоснула руки и села к столу. Отщипнув кусочек хлеба, положила в рот, но не стала жевать, а просто раздавливала языком, наслаждаясь вкусом. Не могла удержаться и проделала это несколько раз, да ещё пригубила молоко. Рука непроизвольно потянулась к хлебу, но она встала и пошла проверить чайник. Он оказался горячим. Долила воды в молоко, приступила к завтраку. Ела медленно, как советовала мать, чтобы было сытнее. Откусывала маленькие кусочки и понемногу припивала из стакана – продлевая удовольствие. По радио передавали последние известия. Диктор сообщал, что после освобождения города Вязьмы четырнадцатого числа к двадцать второму марта был разгромлен Ржевско-Вяземский плацдарм противника. Потом сообщил, что остановлено контрнаступление немцев южнее Харькова.

В окне виднелся заснеженный огород с тонкими полосками жердей дальнего забора. Дома на следующей улице располагались под косогором, и была видна только труба одного из них. А вдали, в голубой дымке, просматривалось несколько улиц с заснеженными домами и стайками.

Вспомнила, как в огороде росла ветвистая берёза. Года полтора, как дедушка спилил её на дрова. До войны, когда ещё не ходила в школу под этой берёзой играли в детский сад. Главным воспитателем была двоюродная сестра Лиля. Их семья жила тогда во второй половине дома, где сейчас жили квартиранты.

Она собрала всех соседских ребятишек: Витьку Торошенко, Ревку Федотова, Борьку Зорина, свою сестру Нину и её. Все стали её воспитанниками. Она учила их играть в лунки, пинашки, в классики, водила с ними хоровод, а потом расстилала на траве, под берёзой, байковое одеяло и укладывала всех спать. Пока они лежали, притворялись спящими, она варила кисель и потом поила их. Варила его из концентрата, если удавалось его достать. Припомнилось ей, как однажды Лиля послала их с Ниной выпрашивать ягоды у тёток, которые продавали их у магазинов. Они по очереди протягивали ладошки лодочкой и просили ягодок попробовать, а потом ссыпали их в кулёк. Так они обходили несколько тёток. При возвращении, из этих ягод, она тоже варила кисель. Иногда Ревка приносил стебли ревеня, который рос у них в огороде, и она варила кисель из него.

Закончив этот лёгкий завтрак, она вымыла стакан, поставила его в буфет и подошла к печке. Щепочкой приоткрыла дверцу: дрова догорали. Она знала, что надо дожидаться, когда они догорят, угли потухнут, закрыть заслонку на железной трубе, чтобы тепло не вытягивало из дома. Пока пошла в комнату, застелила постель, вынула учебники из портфеля и положила их на этажерку.

Полистала тетрадки по арифметике и письму. Большинство оценок, поставленных учительницей, красными чернилами, были: «Хорошо», попадались и «Отлично», только одна была «Посредственно». Положив тетрадки назад в портфель, пошла к печке: проверила и закрыла заслонку.

Сегодня была уже неделя, как мать разрешила ей ходить за хлебом. Ближний магазин находился через два квартала, на пятой улице. Его было видно из комнатного окна. Причём, мать строго предупредила, что хлебные карточки должны быть в одной рукавичке, а деньги в другой и должны быть зажаты. Она не пояснила почему, но она догадалась: чтобы никто не сдёрнул. Она так и ходила, с зажатыми рукавичками. В магазине сначала подавала карточки, продавец вырезала нужное число, она прятала их в рукавичку. Когда хлеб был взвешен, она подавала деньги, продавец опускала хлеб в подставленную сумку и давала сдачу, кото-

рая тоже пряталась в рукавичку. Рукавички не снимала до самого дома. Даже, если оказывался небольшой довесок, отыскивала его в сумке в рукавице и съедала.

На часах шёл уже двенадцатый час. «Можно прямо сейчас пойти за хлебом», – решила она и подошла к буфету. Выдвинув ящик, открыла шкатулку и обомлела: в ней было пусто. Ни карточек, ни денег. Её охватил ужас. Она точно помнила, что положила их вчера, сразу после возвращения из магазина. «Может, мама взяла? – рассуждала она, – так обязательно бы сказала. Куда они делись? Вчера никто не приходил. Сама отлучалась на несколько минут, когда квартирантка тётя Зина пригласила и угостила драниками. Но дверь в сенцах была закрыта на крючок. И тут вспомнила, что у них веранда была открыта. Неужели, пока она была у неё, кто-то прошёл по ней, проник на кухню и украл карточки?» – у неё похолодела спина. «Что же будет? Как можно жить совсем без хлеба?». Она слышала рассказы, как страдали люди, когда теряли или у них воровали карточки. В отчаянье стала перебирать всё, что было в ящике. Карточек не было. Она задвинула ящик, пошла в комнату и упала на кровать. Мысли в голове возникали одна страшней другой и только увеличивали тревожное состояние. «Может, всё-таки мама?», – с надеждой подумала она. А по радио звучала заборная весёлая музыка. Вдруг, она почувствовала, что очень хочет есть. Это её удивило, ведь недавно съела кусок хлеба, а казалось, что не ела со вчерашнего дня. Она поднялась и пошла в кухню. Искать съестное, кроме буфета, нигде. Подставила табурет, поднялась на него и открыла дверцы. Оглядела всё и стала передвигать и проверять посуду. Однажды, она нашла за вазой сухарик из белого хлеба, он был такой вкусный. Проверила вазу, фаянсовую пиалу, там было пусто. В буфете пахло только старым деревом. Спустилась, отставила табурет, открыла дверцы нижнего отделения. Здесь стояли две высокие жестяные банки. Одна была пустая, в другой было немного пшена. Все коробки и мешочки были пусты. Пахло затхлостью и мышами. Удручёная, закрыла буфет и подумала: «Вот бы сейчас пригла-

сила тётя Зина, но она сказала, что они уедут на два дня в какой-то райцентр».

Взгляд остановился на печке и она сразу решила, что сварит супчик с картошкой и пшеном. Не раздумывая, спустилась в подполье. В деревянном ящике лежало несколько картофелин. На момент, задумалась, сосчитала – семь штук. Взяла одну средней величины и поднялась наверх. Предстояло вновь нарубить дров. Быстро оделась, взяла топор, распахнула дверь на крыльцо и увидела мать, которая входила во двор. Бросив топор, Мила кинулась ей навстречу. Она одновременно обрадовалась и испугалась. Обрадовалась, как всегда и, тем более в такой момент, а испугалась тому, как сказать о пропаже карточек.

Мать обняла её за плечи:

– Я сейчас сама нарублю дров.

– Мама, – Мила старалась заглянуть ей в глаза, – я, кажется, потеряла карточки.

– Прости, Милочка, я забыла тебе сказать, что взяла карточки утром. Сегодня я пораньше и купила хлеб по пути. Мила обрадовано улыбнулась, а на глазах появились слёзы.

Дома мать достала из ридикюля бумажку, положила её на стол и сказала, что ей на работе выделили пятьдесят килограммов картофеля, но его надо получить в подсобном хозяйстве, а это почти двадцать километров от города. Поэтому им надо поехать и быстро собраться. Она пошла нарубить дров, а Мила достала ещё несколько картошек и начала их чистить. Пока варился суп, они определили, во что одеться. Мать посоветовала ей обязательно надеть лыжный костюм, так как на улице похолодало, а сама пошла в кладовку за мешком и проверить санки.

Пообедав, они оделись и вышли из дома, повесив на двери большой амбарный замок.

Небо по-прежнему было затянуто серыми низкими тучами, отчего снег казался особенно белым. Вокруг домов ещё лежали сугробы. С некоторых крыш снег уже был сброшен. Дорога была ровная, накатанная полозьями саней, только местами, шаршавая, изъеденная солнцем, в предыдущие дни.

У Ревкиного дома повернули на Школьный переулок и миновали дом Лизы. Никого из них на улице не было. Мила оглянулась на Лизин дом и, почему-то, вспомнила прошлый Октябрьский праздник, когда они вместе выступали в госпитале перед ранеными. Шли туда целой гурьбой, на другой конец города. Выступали в зале перед ранеными, которые могут ходить. Большинство из них были в синих халатах, только несколько человек были в белых рубашках. Белизной выделялись забинтованные руки, ноги и головы. Многие держали рядом костыли. Ребята читали стихи, пели песни, а они с Лизой танцевали танец «Казачок». Причём, ей пришлось танцевать за парня, так как в танцевальный кружок не записался ни один мальчишка. Танцевали под гармошку, на которой играл сын одной учительницы. Танец понравился. Хлопали горячо. Она считала ещё и потому, что она одна выступала в костюме. Остальные, даже Лиза, в своей одежде, а на ней были сапожки, синие шаровары, красная рубашка с кушаком и кубанка. Все эти вещи собирали по всей школе. Зато танец получился настоящий. Вспомнила, как хлопали двое: один правой рукой, другой левой. У одного не было правой руки, а у другого левая была забинтована. Особенно ей было жалко молодого бойца, который сидел в первом ряду. У него не было ног, а он так сильно хлопал в ладоши. Чтецы и певцы ещё выступали в палатах, но танцевать там было негде.

Подходя к мосту на четвёртой улице, Мила сказала:

– Мам, давай я повезу санки.

– Поднимемся на горку, там повезёшь.

На подъёме в гору Мила увидела, как в огороде трое мальчишек возятся у снежной крепости. Двое нападают на неё, а третий, повыше, защищает. То и дело кто-нибудь из них валился в снег, а то и вдвоём. Сразу всплыло в памяти, как в прошлом году, в феврале, они с Ревкой выкопали две пещеры около их дома. Сугроб надуло большой, так что пещеры получились высокие. В них можно было заходить чуть пригнувшись. Потом решили соединить их проходом. Теперь играя, забегали в одну, а выбегали в другую. Дня через два их беготню увидел сосед Витька Торошенко – Арош и ре-

шил прямо со своего двора присоединиться к ним. Слегка проваливаясь, он подошёл к торчащим концам забора, перешагнул и, едва сделал второй шаг, очутился над проходом и рухнул вниз. Лицо исказило такой испуг, что даже, когда вылез из пещеры, на нем сохранялась бледность. Только увидев их улыбки, пришёл в себя и улыбнулся. Потом, играя в «догоняшки», прыгали в этот провал и выбегали из пещеры.

Кончился подъём, она взяла верёвку и повезла санки. По гладкой дороге они скользили легко, без усилия. Вышли на Трактовую улицу и быстро миновали последние дома. Подошли к крутому спуску и, перед ними раскрылась большая лощина с лесом на противоположной стороне. Мила посмотрев в сторону, спросила:

– А там, что за домик, рядом с елками.

– Это бойня. Там скот забивают.

Ответ её обескуражил, и она больше ничего не спрашивала. У края спуска она с задором сказала:

– Давай вместе скатимся.

– Нет, уж, – не согласилась мать, – езжай сама, а я так спущусь.

Мила села на санки и поехала. Скорость оказалась такой большой, что лёгкий морозец защищал щёки. Вспомнила катание с горки в один морозный день. В конце горки санки перевернулись, и в неё врезался на своих санках Виталька Верник, сильно ударив руку. Она пришла домой, разделась, пощупала руку и поняла, что она сломана: в одном месте кость выпирала, бугорком. Она испугалась, что ей попадёт, и ничего не сказала дедушке. И только когда пришла мать, она показала руку. Та ахнула, быстро одела и отвела в свою больницу, где ей наложили гипс. Потом недели две ходила с ним в школу.

Санки вынесли её даже на часть пологого подъёма, а мать шла ещё на половине спуска. Когда Мила дождалась её, похвасталась:

– Ух, и быстро я съехала.

– Видела, – подтвердила мать, забирая у неё верёвку сaney, – дорога длинная у нас, так что давай я повезу.

Кончилось небольшое взгорье и с одной стороны подступили невысокие ёлочки, осинки и кусты, а с другой ещё тянулись поля. Мать сказала:

– Давно я здесь не была. До войны с обеих сторон стоял густой лес.

– Его просто вырубili, – сообразила Мила.

– Да, – согласилась мать, – на дрова и другие нужды, а больше раскорчевали под поля, чтобы картошку сажать.

Вскоре, лес подступил с обеих сторон, и ветерок стих. Миновал небольшой ложок с мостиком, Мила вдруг спросила:

– Мама, а ты ту бумажку взяла?

Она рассматривала её на столе, написанную обычными чернилами с треугольной печатью.

– А кто тебе её дал?

– Это, Наталья Ивановна, наш председатель профкома.

Больше она ничего не спросила, потому что слово «председатель» всколыхнуло память об отце. Ведь он тоже был председателем, только колхоза. Жили в деревне, помнила только свою улицу, полянку перед домом, большую реку, куда часто ходили летом с братом и другими ребятами. Насколько раз брат брал её на гору, где у леса лакомились земляникой. Туда гурьбой ходили все деревенские ребята. С этой горы брат показывал ей в дали мост через реку, по которому проходили поезда и дымили паровозы, которые она не могла себе представить. Вспомнила, как летним вечером, когда мать звала их домой, к дому подъехала кошёвка с двумя военными. Зашли в дом. Вышли вместе с отцом. Он обнял мать, потрепал по голове брата, поднял её на руки, поцеловал, сказал, что скоро вернётся и уехал с военными. Она спросила, куда он поехал. Мать, утирая слёзы, сказала, что по делам и надолго. Потом повела их в дом, утираясь фартуком. Несколько дней спустя, они приехали сюда, в дом деда. Когда она спрашивала об отце, ей говорили, что пройдёт какое-то время, и он приедет, а он не приезжал. Однажды, она уже была в кровати, услышала разговор матери с дедом, который сказал:

– Должны были сказать, за что арестовали.

Мать возмутилась:

– Да никто ничего не сказал. Увезли и всё.

Уже учась в школе, поняла значение этого слова. Поняла, какое это страшное событие, и не решилась ничего спрашивать у матери. Но месяц назад, к их радости, пришло письмо от отца, в котором он сообщил, что едет на фронт. Тогда она спросила:

– Мама, а почему папа не заехал домой повидаться?

Ответила:

– Наверно, был далеко. И, когда берут на фронт, отпусков не дают. «Жалко», – подумала она.

Небо по-прежнему было затянуто тучами. Ели вдоль дороги почти сбросили снежный наряд и стояли тёмной зубчатой полосой. Иногда, к ним примешивались группы других деревьев и кусты, утопающие в снегу. На открытых местах прорывался ветерок, но он не казался холодным. Мила попросила ослабить шарфик. Мать, выполнила её просьбу, и они двинулись дальше.

Дорога приподнялась и открылась даль. Мила вытянула руку и крикнула:

– Смотри, мама, домик! Мы туда идём?

– Нет, Милочка. Это кордон. Там будет только треть нашего пути.

– У..., – сморщила нос, а потом спросила, – зачем этот кордон?

– Там живут лесники, которые охраняют лес.

– Зачем его охранять?

– Его охраняют от пожара, от неправильной вырубki деревьев.

– А..., – понимающе, протянула она, и тут ей стало грустно от того, что идти ещё так далеко.

Прошли этот кордон с двумя домиками и длинным сараем, огороженный изгородью из жердей. Дальше дорога пошла под уклон, и идти стало легче.

Лес у дороги становился выше и гуще. Сюда ветер совсем не проникал. В одном месте, в плотном окружении высоких деревьев, стояла небольшая ёлочка, вся ещё в снежном уборе, словно украшенная ватой.

– Смотри, мама, – показала она рукой, – ёлочка словно новогодняя.

– Правда, похоже, – согласилась та.

А она вспомнила свою первую новогоднюю ёлку. Это было в тридцать седьмом году, они только переехали к деду. Тогда, под новый год, старшая сестра Ревки, Таня, пригласила её трёх двоюродных сестёр к себе на ёлку, и они взяли её с собой. Ёлка ей понравилась. На ней висело много игрушек, конфет в обёртках, бумажные гирлянды, на концах веток были маленькие зажжённые свечи. Помнила, как Ревкина мать, вставила электрическую лампочку в какой-то аппарат и начала крутить ручку: на гладкой печи забегали разные зверюшки, наперегонки. Это наверно первое кино, которое она видела. Потом всех угощали печеньем, пряниками, конфетами с ёлки и пили кисель. Когда уходили, её спросили:

– Милочка, тебе понравилась ёлка?

Она ответила:

– Понравилась... Только кисель был не очень сладкий.

Все примолкли, и она поняла, что сказала что-то не то. До сих пор она испытывала неловкость из-за этого ответа. Но год назад, она ещё раз была у Ревки на ёлке и тогда его сестра показывала этот мультик.

За очередным поворотом показались дома. Мила обрадовалась, но мать сказала, что им идти дальше. Пояснила:

– Подсобное хозяйство находится в другой деревни.

Настроение упало, и она почувствовала, что устала.

У первых домов дорога пошла вниз. Улица оказалась короткой. С одной стороны стояло два дома, с другой три, но в сторону от них тянулась длинная вереница домов. Из нижнего дома вышла женщина и направилась в их сторону. На ней была тёмная юбка, а сверху клетчатая шаль, брошенная на плечи и пимы на голые ноги. Не доходя несколько шагов, она поздоровалась и повернула к соседям. Мать ответила на приветствие, а Мила удивилась:

– Ты её знаешь?

– Нет. В деревни так принято, здороваться со всеми людьми.

– Интересно, – заключила Мила, а мать добавила:

– По-моему, это очень хорошо.

Внизу, за домами, они вышли на мост через речку. Она обозначилась крутым берегом с одной стороны и гладью белого снега, уходящего в даль. Вдоль её и тянулись дома.

За мостом лес снова подступил к дороге. Виднелись огромные кедры.

Едва отошли от деревни, Мила спросила:

– Ещё далеко?

– Не очень, – уклончиво ответила мать.

– Мам, я устала.

Остановились. Мать развязала тесёмку на мешочке, растелила его на санках и сказала:

– Садись, я тебя повезу. Дорога хорошая. Садись спиной к облучку, будет удобнее.

Она уселась, как советовала мать и, взглянув на неё, безнадёжным голосом произнесла:

– Я есть хочу.

Мать сняла рукавицу, сунула руку во внутренний карман своего старенького пальто и достала свёрток в белом платке. Развернула и Мила увидела кусок хлеба. Разломив его, протянула ей большую часть:

– Тольконими рукавичку.

Мать несколько раз откусила, спрятала платок и сказала:

– Поедем.

Санки тронулись. Миле хотелось съесть этот кусок сразу, но она себя сдержала. Кусала, как обычно, маленькими кусочками, тщательно разжёвывая. Чем меньше оставалось хлеба, тем меньше откусывала.

Дорога медленно уходила вдаль. Съеденный хлеб и отдых на санках, поднял настроение. Почему-то вспомнила вновь отца. Сожалела, что он раньше редко бывал дома, даже в выходные дни. Сейчас она твёрдо убедила себя, что он поможет разбить фашистов и обязательно вернётся домой. Вот тогда, будет праздник и хлеба будет вдоволь.

Дорога пошла в гору и это её огорчило:

– Мама, давай я слезу.

– Нет, нет сиди. Мне не тяжело.

Подъём кончился. На большой поляне в лицо дунул холодный ветерок. Она прикрыла его рукавичкой и подумала: «Скорей бы лето. Поиграть в лапту или в классики». Вспом-

нила, как до войны, кто-то из ребят принёс раструб от граммофона и они, все ребята её возраста: Нина, Ревка, Арош, Борька и она, ходили строем друг за другом, а впереди идущий кричал в раструб: «Внимание, внимание! На нас

идёт Германия!». Потом, когда началась война Вовка, брат, говорил:

— Вот, наворожили. Внимание, внимание, пришла Германия!

Вспомнила, как в то время обыграла Витьку Тимофеева. Он тогда ещё не учился. Вышел из дома на поляну, где обычно все играли, но никого из ребят не было. Увидев её, похвастался, что у него целая горсть мелочи и предложил сыграть в «Орла-решку». Она согласилась. Побежала домой, нашла две монетки и вышла играть. Ей везло больше, и вскоре она выиграла у него всю мелочь, он заплакал. Проходивший рядом, старший брат Юрки Колесова спросил:

— В чём дело?

Уяснив: забрал у неё все монеты, разделил их поровну, дал каждому, и они разошлись по домам.

Кое-где санки катились под горку, обгоняли мать. Она притормаживала их верёвкой и в этот момент они встречались взглядами, и она говорила:

— Уже недалеко. Некоторое время санки ехали по ровной дороге. Уплывающий вдаль лес поредел. Над дорогой, вереща, пролетели две сороки и скрылись в лесу. Проводив их взглядом, она вдруг стала соображать: «Пятьдесят килограммов картошки — это много или мало? Сумеют ли они довести её до дома? Ведь она просто так устала идти».

Санки вновь поползли в гору. Мила оглянулась и увидела высокий косогор:

— Мама, я слезу.

Мать остановилась. Когда она поднялась, мать взяла её за руку, и они пошли вверх по крутой дороге. Одолев подъём, они оказались на деревенской улице. У второго дома, мать спросила у женщины, где живёт директор подсобного хозяйства, та пояснила. Вскоре они были у дома с голубыми наличниками и палисадником. Как только подошли к калитке, на крыльцо вышла женщина в цветном платье и валенках. Спросив в чём дело, пригласила в дом. Круглолицая с ямочками на щеках, с серыми слегка прищуренными глазами, создавала впечатление, что она улыбается.

Пятясь назад, пока они поднимались на крыльцо, приговаривала:

– Проходите, проходите.

В большой кухне предложила раздеться и усадила их на широкую скамью. Сказала, что директор, Василий Егорович, скоро придёт. Мать попросила попить. Хозяйка проворно развернулась, подошла к бочке, стоявшей в углу, сняла с гвоздика ковшик и, приподняв крышку, зачерпнула воды, подала матери. Мила тоже попила. Вода была вкусной, но не такая, как дома.

Хозяйка хлопотала у печки и, вскоре по всей избе разнёсся аромат жареной картошки. В это время пришёл директор. Поздоровались. Хозяйка пояснила, что мать из больницы и зачем. Он, не спеша, снял полушубок, шапку, повесил на вешалку и сел на табурет, приглаживая лысеющую голову ладошкой. На нём была солдатская гимнастёрка, на которой были пришиты две полоски: красная и жёлтая. Мила знала, что красная означала тяжёлое ранение, а жёлтая лёгкое. Мать встала, подошла к вешалке, достала из пальто бумажку и подала ему. Он прочёл, прищурив глаза, сунул её в нагрудный карман и сказал:

– Утро вечера мудренее. Завтра всё порешаем. Сейчас главное поужинать и отдохнуть с дальней дороги.

На его морщинистом лице, появилось подобие улыбки. Мила увидела, что на левой руке у него всего два пальца, а сама рука всё время согнута в локте.

Хозяйка пригласила всех к столу и поставила посередине стола большую сковороду с жареной картошкой. Они помыли руки у раковины и сели к столу. Хозяин сел на стул в торце стола, а она расставила большие кружки и прямо из кринки налила всем молока. Подала им алюминиевые ложки, а мужу и себе деревянные. Села на небольшой сундучок с другого торца стола. Видя их некоторую робость, стала уговаривать:

– Едайте, едайте на здоровье.

Мила ела картошку с таким удовольствием, что ей казалось – вкуснее никогда не ела. Часто в ложку попадали обжаренные кусочки сала, которые прямо таяли во рту. И мо-

локо было таким вкусным и густым, что больше походило на сливки, которые она пробовала ещё в деревне. С грустью вспомнила, как полтора месяца назад, когда умер дедушка, на поминки тоже жарили картошку, но жира никакого не было, и мать чуть плеснула молока. Не увидев на столе хлеба, она решила, что как было принято в это время: хлебом не угощали. Позже из разговора с матерью она узнает, что в деревне не давали хлебных карточек, а муки у них не было.

После ужина, хозяйка посередине горницы постелила две шубы, положила две подушки и байковое одеяло. За окном наступили сумерки и хозяйка сказала:

– Дочурка, поди уставиши. Дорога-то кака длинна. Пушай лягает.

Мать сняла с неё кофточку, она сбросила валенки, пошла в комнату и легла на одну из шуб, накрывшись одеялом. Мать осталась в кухне. Мила слышала начало их разговора. Миле стало жутковато, когда мать сказала, что вдоль дороги она часто видела следы крупной рыси и очень боялась. Хозяин успокоил, сказав, что рыси на людей не нападают. Они обычно охотятся с деревьев на зайцев и лис. Правда, – добавил он, – слышал случай, прыгнула сверху на охотника, видать маленьким ей показался. Порвала полушубок, поцарапала шею, но он сумел подняться, она оторопела, и он её в упор застрелил. Рассказ о рыси отогнал сон, и она продолжала слушать. Директор спросил, что там радио передаёт с фронта. Мать ответила:

– Передают, что идут бои местного значения. Неделю назад наши вновь оставили Белгород, а в начале марта освободили Ржев, и через несколько дней Вязьму.

– Ржев? – переспросил он.

– Да, – подтвердила она.

– Меня под Ржевом ранило. Я на Калининском фронте воевал. Под новый год сорок второго, прорвали фронт немцев и заняли город Старицу и пошли дальше. Через неделю подошли к Ржеву. Мы даже его с запада обошли и решили с ходу взять. Не удалось. Столько там наших полегло... А мне ещё повезло – ранило, да вот руку поковеркало. Да, считай

больше года не могли его взять. Крепко там немец сидел. Дальше он начал рассказывать про госпиталь, она уснула.

Утром, когда проснулась, хозяйка спросила:

– Тебя Милой кличут?

Она кивнула головой.

– Иди, умойся и садись завтракать.

Сказала, что мать, пошла получать картошку и скоро придёт. На этот раз её угощали отварной картошкой и драниками с молоком.

Пришла мать. Мила поблагодарила хозяйку и стала одеваться. Распрощавшись, с благодарностью, вышли из дома.

У овощехранилища стоял директор, а рядом запряжённая в сани тёмная с рыжеватым отливом лошадь. Когда они подошли, он сказал:

– Вот Филиппович повезёт картошку в больницу и вас довезёт.

Они увидели, что их санки с мешком картошки, были привязаны к саням. Мать с дрожью в голосе проговорила:

– Спасибо вам, Василий Егорович и Марье Петровне, за всё!

Он похлопал её по плечу:

– Садитесь и с Богом. Возница, старик с окладистой бородой в шубе, сидящий на мешках, прикрытых соломой, сказал:

– Вот, садитесь, укройте им – показал кнутом на тулуп, в санях, – и поедem.

Они уселись на соломенную подстилку, укрылись тулупом и сани тронулись. Помахали директору рукой. Он поднял правую руку.

Мимо проплыли дома, лес подступил к дороге. Санки с мешком катились за ними. Под тулупом было тепло. Мила улыбнулась сама себе и сказала:

– Мама, какие хорошие люди в деревне.

НЕОЖИДАННОСТИ

Первые дни апреля выдались тёплыми. Светило солнце, появились первые проталины. Ревка, когда шёл из школы с

ребятами, увидел первых скворцов. Но потом похолодало и, один день даже шёл снег. Вновь потеплело, только в середине месяца

Сегодня чуть больше месяца до экзаменов, сообщили неожиданную и неприятную новость: экзаменов будет не два, как в прошлом году в четвёртых классах, а четыре. Кроме русского языка и арифметики будут ещё по географии и истории. Удручённый этим событием, Ревка сидел за столом с разложенными учебниками и думал: «Как готовиться к экзаменам по географии и истории? Перечитать оба учебника?», – настроение ещё больше упало. «По русскому будет диктант и главное не наделать ошибок, что самое главное, – рассуждал он, – по арифметике – решить задачу и примеры, тоже понятно. Но перечитать два учебника?! Это и на улице не попадёшь». Он полистал учебник географии и немного успокоился: что такое равнина, плоскогорье и горы он знал. С историей обстояло хуже. «Вот бы, попался вопрос об Александре Невском, Пархоменко или Щёрге, он бы рассказал. В эту зиму он видел все кино про них. А если, что-то другое? Придётся читать, вздохнул он, – может сегодня начать? А на улице погода проясняется».

Прошло всего около часа после обеда, а ему вновь захотелось есть. Сегодня был супчик из чечевицы, которую бабушка высушила и хранила с осени, и тушёная капуста. В начале апреля кончилась картошка. Зимой она начала гнить. На это жаловались и соседи. Ревка видел, как бабушка, довольно часто, отбирала загнивающую картошку, обрезала гниль, а из остатков делала драники. Конечно, они были не такие, как из хорошей картошки, но если, хочется есть, то и они вкусные. А есть хотелось почти всегда. Многие пробовали готовить драники из очисток, но от них рвало.

Бабушка всегда чистила картошку, но снимала с неё очень тонкую кожуру, почти прозрачную. Беда была ещё в том, что к весне заканчивались и другие овощи. Выручала квашёная капуста, которой заготовили больше.

Хлопнула входная дверь. Ревка прислушался: в доме было тихо, значит бабушка вышла во двор. Дед был тоже

там, так как слышался стук, он что-то прибавил. Таня ещё не вернулась из школы. Он поднялся и пошёл в кухню.

Открыв посудный шкаф, он взял свой кусочек хлеба, покрутил его в руках, взял ножик и отрезал тонкий пластик. При бабушке он этого бы не сделал.

Положив хлеб назад, отрезанный ломтик отправил в рот за щёку. Вкус хлеба вызвал настоящее удовольствие. Он вернулся в комнату. Конечно, в это время он не мог читать никакую историю. Отвалившись на спинку стула, зажмурил глаза. Ему хотелось жевнуть этот пластик и съесть, но он понимал, что это будет мгновение и потом ещё больше захочется есть. Но это удовольствие продолжалось недолго. Хлебный пластик быстро убывал и вскоре исчез, хотя он ни разу не жевнул. Когда с последним глотком слюны пропал вкус хлеба, у него появилось желание сходить на кухню ещё, но он решительно взял учебник истории, отвлекая эту мысль. Открыв учебник, постарался углубиться в чтение про князя Олега и его поход на Царьград. Хотя оказалось, что он помнит про этот поход, но решил дочитать до конца.

После перерыва, заговорило радио. Сразу раздалась музыка и зазвучала песня «Спят курганы тёмные». Он вспомнил кино «Большая жизнь». Последний раз он смотрел этот фильм вместе с ребятами в середине февраля. Он зашёл за Витькой Тимофеевым и пошли к Петькиному дому, где уже были Мисюрчик и Васька. Пошли всей гурьбой на четырёхчасовой сеанс.

По дороге разговор зашёл о Васькином доме. Все знали, что в двух квартирах никто не живёт.

Петька спросил:

– Васька, это ты на втором этаже рамы на дрова уволок?

– Ты чё? – состроил обиженную физиономию тот, – их мужик на орсовской лошади увёз. У нас дрова есть.

– Да я пошутил, -- успокоил его Петька.

– У нас с третьей квартиры тоже уезжают. Скоро мы в доме одни останемся, – добавил Васька.

У кассы кинотеатра, в довольно просторном помещении, была большая толпа толкающихся мальчишек. Только трое взрослых стояли у окошка кассы и, купив билеты, вышли.

Пробиться к кассе не было возможности. Они продвинулись в гущу пацанов на сколько было возможно. «Совещание» длилось недолго и, Витька предложил:

– Давай, Вася, ты у нас самый шустрый. Тот не стал возражать. Все отдали ему свои рубли и Петька, Витька и Мисюрчик подняли его кверху и он полез прямо по головам к кассе. Через некоторое время, взъерошенный, с шапкой в руках и хитро улыбающийся, он вылез из толпы с билетами, зажатыми в другом кулаке.

Перед фильмом был киножурнал «Сибирь на экране». Сначала показали, как по железной дороге везут составы на фронт; какого-то машиниста, потом собрание на заводе, где выступал дядька и поздравлял всех с крупной победой Красной Армии и освобождением городов Курска и Белгорода. Тогда и по радио несколько дней об этом говорили. Ревка, да и все ребята надеялись увидеть очередной киносборник про Швейку, как он служит денщиком у Гитлера, но его не показали.

Сам фильм Ревка смотрел не первый раз, но смотрел с удовольствием. Особенно всем нравился Ваня Курский. То и дело в зале раздавался смех, на сказанные им слова. И после сеанса, возвращаясь домой, они наперебой вспоминали, как он говорил. Петька напомнил: «Может у меня душа ширше всех!». А он тогда вспомнил разговор толстяка с Ваней. Толстяк ему: «Мы о тебе вопрос поставим! А тот: «Поставишь? – Поставлю! – Поставишь?».

– Поставлю. – Ну, и поставь!

Все заулыбались. Витька сказал:

– А как он спросил: «Какие ты Макар, мне деньги предлагал? А тот сразу: – Ничего я тебе не предлагал». И заиграл на гармошке. Мисюрчик с неподдельным задором вспомнил: – В «Трактористах» Крючков приезжает, а Курский ему: «Здравствуй, милая мая, я тебя дождался...».

– Там его не Курским звали, – поправил его Витька.

– Ну и что? Всё равно смешно, – отмахнулся тот.

А Васька заметил:

– Когда в прошлом месяце смотрели кино про Пархомен-

ко, как только его увидели, все в зале закричали: «Ваня Курский!».

Петька посетовал, что сидели далековато.

– Нормально, – возразил Ревка, – вот мы с Витькой сидели на первом ряду на «Чапаеве». Смотреть шея устала, голову задирать и мотать в разные стороны.

Сказав это, он виновато взглянул на друга. Тот улыбнулся, но ничего не сказал. А получилось нехорошо. Мест тогда не было. Витька втиснулся, а он сел к нему на колени. Было обидно, что смотрел его не один раз, а когда в последнем кадре, взрыв на весь экран, он отшатнулся назад и разбил головой Витьке нос. Тот зажал нос пальцами, а он твердил, что нечаянно. Из зала вышли и ещё стояли в скверике, пока не перестала идти кровь. Чувствуя вину, он сожалел, что ничего нет холодного, чтобы приложить; вспомнил, какой крепкий нос Юрки Колесова, как тот упал лицом на тротуар, покаябал нос, даже под носом, а кровь не пошла.

– У всех по-разному, – без обиды, чуть гнусавя, ответил Витька.

В тот февральский день, когда возвращались домой, вспоминая Курского, Петька, Васька и Мисюрчик, повернули на Пожарный переулок, а Витька предложил ему пройти через их огород. Они прошли через мост напротив школы и, поворачивая на тропинку, увидели, как, с крутого бугра у школы, катятся двое мальчишек.

– Похоже, там устроили катушку, – сделал вывод Ревка.

– А наши пацаны свернули в переулок и не заметили, – сказал Витька.

– Надо бы здесь покататься, – Ревка взглянул на друга.

Тот согласно кивнул головой. Прошли мимо небольшого двухэтажного, деревянного дома, возле которого почти не было заборов, зашли в огород. На его вопрос, на счёт заборов, Витька ответил:

– Сожгли, наверно. По тропинке вышли к его дому.

Стукнула входная дверь. Ревка пошёл посмотреть, кто пришёл: оказалось Таня и бабушка. И тут же открылась дверь, вошёл дед. Ревка вернулся в комнату и снова взялся за историю. Прочитав страницу, заглянул на следующую:

«Много ли там текста?». И вдруг подумал: «Вот бы на настоящей ладье покататься». Потом вспомнил, что на лодке-то он катался, а на память пришло не совсем приятное катание. Это произошло на второй день, когда он с Витькой увидел ту катушку. Ревке было не совсем приятно, что он предложил пойти на эту катушку, но тот сразу согласился.

Подошли к Юркиной школе, которая стояла на большом бугре. Слева от здания школы, на откосе, виднелась тёмная, ледяная полоса. Лёд оказался гладким, накатанным. Они, не раздумывая, сели на него и с криками:

– Вперёд! – покатались вниз.

Полоса льда была сначала крутой, а потом пологой и довольно длинной, почти до забора соседского дома. Рядом в снегу была вытоптана тропинка, по которой они легко поднялись по откосу.

Съезжая раз, за разом, придумывали разные возгласы: «Ура! Вперёд! Смерть фашистам!». Ревка посетовал:

– У нашей школы ровно такую катушку не построишь. Погода была пасмурной, но без бурана и мороза. Катались с большим удовольствием. Еле слышно в школе прозвенел звонок.

На крыльцо вышло несколько мальчишек. Они что-то закричали, а один начал свистеть. Ревка, посмотрев на них, сказал:

– Вить, я что-то не хочу подниматься. Может пойдём домой? – ему не хотелось признаться, что он опасается, как бы их не поколотили.

Но тот согласился сразу, ни в чём его не заподозрив. Они перешли улицу и по той же тропинке, через огороды пошли назад.

Дома у Витьки никого не было. Он достал откуда-то ключ и открыл висячий замок. Зайдя в сени, вернулся с веником. Они обмели друг друга и валенки от снега и вошли в дом. Витька пояснил, что отчим, дядя Вася, в конторе, Володя с Лидой в школе, а мать, наверно, пошла в магазин. Разделись, повесив пальто на спинку Витькиной кровати, которая стояла в кухне, прямо у входной двери. Рядом, у окна, стоял обеденный стол со скамейкой и табуретами. На стене висел

посудный шкаф. С другой стороны была печь, в которую Витька стал подбрасывать поленья. Рядом маленький столик и умывальник. В комнате стоял небольшой стол со стульями, три кровати и шифоньер. Над столом, между окнами, висела картина, на которой были изображены деревья и два дома с оранжевыми крышами.

Печь разгорелась, и они довольно быстро согрелись. Витька уложил мокрые рукавицы на кирпичи вдоль плиты и они стали фантазировать, как бы залить такую катушку на своей горке.

Неожиданно они почувствовали неприятную вонь. Витька подскочил к плите, думая: начали тлеть рукавицы, но нет. От них шёл лёгкий парок.

Витька подставил нос и скривил физиономию. Ревка подскочил к нему, а тот с рукавицами направился к пальто. Ревка за ним. Подставив носы к развешанным пальто, они почувствовали чуть слабее, но ту же вонь.

– Давай, снегом оттирать, – предложил Витька и, схватив, пальто и рукавицы, выскочил в сени. Ревка со своим пальто и рукавицами за ним.

Расстелив пальто на не тронутом сугробе, они набросали на них снег и стали рукавицами втирать его в материал пальто, а потом отряхивать. Тёрли полы пальто, спины и рукава на локтях. Прodelав это несколько раз, отряхнули снег, и пошли в дом. Подставив полы пальто к открытой топке печи, стали принохиваться.

– Ещё воняет. Мочой, – определил Ревка.

– Не только, – с усмешкой заметил Витька и добавил, – говоря откровенно, говнецом припахивает.

Вновь во двор. Повторили всё ещё несколько раз.

Обтряхивая пальто, Ревка сказал:

– Я ещё тогда подумал, что этот лёд такой чёрный?

– Догадливый, – с ехидством заметил Витька, – обтряхивая пальто.

И на этот раз, принохиваясь у печки, Витька определил:

– Ещё воняет.

Снова на улицу. Не обращая внимания на то, что они без шапок и верхней одежды, да им и не было холодно, присту-

пили к привычному уже делу. Решили тереть дольше. На этот раз, принохиваясь у плиты, пришли к обоюдному согласию: вроде не воняет. Рукавицы настолько намокли, что их пришлось отжимать, но вонять перестали. Высушивая одежду, они корили себя: Как они могли «вляпаться» в такое.

На другой день они узнали, что эта катушка образовалась из-за откачки жижи из школьной уборной. Про этот свой казус они ни кому не рассказывали. Помалкивали.

Ревка посмотрел на прочитанную страницу и понял, что запомнил немного. Он часто корил себя, за то, что отвлекается, но ничего с этим поделать не мог. Опять подумал о еде. Захотелось пойти в кухню. Так, на всякий случай. Но удержал себя: там могла обедать Таня и, увидев её, есть захочется ещё больше. За стеной громче заиграло радио.

Продолжил чтение. Когда, через некоторое время, услышал стук входной двери, пошёл посмотреть, кто пришёл. Оказалось, ушла Таня. Он покрутился в кухне, делая вид, что смотрит в окно. Бабушка, ставя вымытую посуду в шкаф, взглянув на него, спросила:

– Хочешь есть?

Он кивнул головой. Она достала жбан из шкафа, взяла бокал и налила в него молока:

– На, попей.

Он выпил, поблагодарил и пошёл в комнату. Проходя через спальню, посмотрел на деда, который что-то делал, наклоняясь над столом. Ревка прошёл в комнату и сел перед учебником, но читать ему явно не хотелось. Он вдруг подумал, что дед у него хороший. Во-первых, он почти всё умеет делать и чинить. Во-вторых, он научил его играть в шахматы, а через четыре года, в январские каникулы этого года, Ревка выиграл у него одну партию. Дед много лет работал машинистом паровоза. Из бабушкиных рассказов Ревка знал, как во время отступления колчаковцев, дед прятался на заимке знакомого фотографа. Тогда машинистов и помощников под ружьём заставляли вести составы на восток без всякой замены. Удивлялся тому, что дед, имея пять классов и ремесленное училище, после выхода на пенсию,

пошёл работать бухгалтером в артель инвалидов. Он помнил, как дед, в своей кожаной, замшевой, куртке, в красивой кепке, возвращался с работы, ребята кричали:

– Вон твой дедушка идёт! Ему было приятно, и он гордился дедом.

До войны он всегда брился, а с началом войны продал свою германскую бритву, купленную до революции у пленного австрийца, отпустил бороду и усы. «Что он делает за столом, – вдруг подумал Ревка, – ведь читает он, обычно, просто в кресле». Возникшее любопытство заставило пойти посмотреть. Подойдя к деду, он взглянул через его локоть и от неожиданности и удивления глаза расширились, а брови поползли вверх: дед тряпочкой протирал револьвер.

– Вот это да! – вырвалось у него.

Дед повернул голову и взглянул на него, поверх очков:

– Красивый?

– Красивый, – с восхищением согласился он и спросил:

– Откуда он у тебя?

– Это, Мира, мне подарил мой сын Леонид, когда в тридцатом году приезжал в отпуск, из Минска, где тогда работал.

– А сейчас он где? На фронте?

– Не знаю. С тридцать восьмого года писем нет.

– Деда, дай подержать.

– Подержи, – согласился он, подавая его. Ревка осторожно взял револьвер в руку. Он ожидал, что будет тяжелее; ствол был гранёным, а весь блестящий, из белого металла, с костяными планками по бокам рукоятки. Дед пояснил, что он весь никелированный. Ревка покрутил барабан. Он вращался свободно. В барабане, как он подсчитал, было шесть отверстий. Вытянув руку в сторону окна, он стал целиться в трубу Юркиного дома.

– Деда, а патроны есть? – тут же увидел на столе коробочку с патронами.

– Есть, – дед достал один патрон. Он был ровный, из жёлтого металла с медной закруглённой пулей.

– Давай стрельнем, – как-то просто предложил дед.

– Давай, – ещё с большим удивлением согласился Ревка.

Дед взял револьвер, вставил патрон в барабан, повернул его и отодвинул Ревку левой рукой в сторону. Потом, развернулся в кресле, вытянул руку в сторону стены, чуть выше кровати и спросил:

– Ну, что? Стреляем?

– Давай! – с азартом воскликнул Ревка.

Раздался выстрел. Ревка ожидал, что звук будет сильнее, но он был достаточно громким, потому что в дверях спальни появилась бабушка:

– Что удумали, палить в доме! – возмутилась она. Дед промолчал.

В воздухе запахло, каким-то сладковатым и непонятным запахом сгоревшего пороха. Дед вынул гильзу из барабана и отдал Ревке. Она была ещё тёплой. Ревка нагнулся и посмотрел на маленькую дырочку в стене.

Дед в это время выкрутил небольшой шомпол, как он пояснил, располагавшийся под стволом револьвера, и сказал:

– Надо почистить.

Ревка сжимал гильзу в кулаке, наблюдал, как дед снял барабан, намотал на шомпол тряпочку и стал им протирать ствол внутри. Потом сменил тряпочку, смазал её вазелином из железной баночки и снова стал протирать ствол. Собрал револьвер, завернул его и патроны в белую тряпочку и спрятал в ящик стола.

Только после этого Ревка отправился в комнату. Сначала, рассмотрел гильзу и хотел положить её в портфель, но подумав, спрятал среди игрушек. Что-то ему подсказывало, что этим хвалиться нельзя.

Он уселся в материно кресло и мысли его летали в разные стороны: то он жалел, что здесь нет войны, и он не может с этим револьвером мстить фашистам за их злодеяния, то он задерживает шпиона, который не мог представить, что у мальчишки может быть оружие...

Потом он вспомнил, как Андрей Ильич, Петькин отец, рассказал, как в начале войны всех заставили сдать любое оружие. А позже разрешили вернуть только ружья охотникам. «Значит, – сделал он вывод, – о револьвере надо помалкивать».

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ЛЕТА

Утро первого июня Ревка встретил с хорошим настроением: уже не надо думать об экзаменах, которые закончились три дня назад, а вчера он, наконец, получил свидетельство

об окончании начальной школы. Хвастать ему, правда, было нечем. Хотя он и обещал матери подналечь на учёбу и повторение, на экзаменах получил три «поса», что означало «посредственно» и только по географии – хорошо. Теперь он себя чувствовал совершенно свободным. Вчера, как уже не раз, он, Витька Тимофеев и Мисюрчик договорились сходить на воинскую площадку.

Встретились у Витькиного дома и, сокращая путь, двинулись через огород.

На подходе к железной дороге, на их глазах, на третий путь прибыл состав со сбитыми самолётами. На их счастье, первые два пути были свободные. Они прибавили шаг, но увидели красноармейца, поднявшегося на воинскую площадку, и замедлили движение. Он был одет в защитную форму. Такого же цвета была пилотка, обмотки на ногах и даже ремень. Выделялись чёрные ботинки, коричневый приклад винтовки, за спиной, и красные погоны. Он прошёл в сторону казармы стрелков, не обращая на них ни какого внимания.

– Я видел солдата с чёрными погонами, – сказал Мисюрчик.

– И я, – подтвердил Витька.

Ревка не видел чёрные погоны и поэтому сказал:

– Мне дед говорил, что в газете было написано, у разных войск, разный цвет погон. Например, у лётчиков, голубые.

Никто не возразил.

– А я милиционера видел в новой форме: синяя, а погоны малиновые, – сказал Витька.

– Мать ещё в марте видела милиционера в форме, – заметил Ревка и добавил, – она сказала, что в своей шинели, кубанке и шнуром от шеи к револьверу, он похож на царского жандарма.

Остановились на краю платформы, рассматривая самолёты.

– Ребя! – воскликнул Мисюрчик, – можно полазить у этих самолётов, пока паровоз менять будут.

Они тоже знали об этом и, не сговариваясь, побежали к спуску с площадки.

На платформах лежали корпуса самолётов, а крылья были сложены отдельными штабелями. Носы некоторых самолётов были изуродованы, а у некоторых целые и поблёскивали стёклами.

– Вон тормозная площадка, – показал рукой Мисюрчик и они побежали.

На бегу Ревка спросил:

– Почему площадка называется тормозной?

– Так, на ней тормозной штурвал установлен, – пояснил Мисюрчик.

А когда залезли на площадку, он показал рукой:

– Вот, видишь штурвал? Если его покрутить, тормозные колодки зажмут колёса и вагон остановится.

– А... – протянул Ревка и потрогал его рукой.

Самолёт лежал прямо на «брюхе». По бокам были продолговатые отверстия от снятых крыльев. Пахло бензином, маслом и немного гарью.

Нос самолёта был почти целым, а хвост разорван и искорёжен. Снаряд попал прямо в немецкий крест, и его концы виднелись на исковерканном металле. Самолёт был выкрашен в серый цвет и на нём хорошо виднелись отверстия от пуль. Переднее стекло кабины было целым, а стеклянный верх, сдвинутый назад, был побит.

– Подсади, – согнул ногу Мисюрчик, первый ухватился за борт. Ревка с Витькой приподняли его, и он быстро забрался в кабину.

– Ну, как там? – в два голоса спросили они его.

– Приборов полно, рукоятка и педали.

– Рукоятка двигается? – спросил Витька.

– Двигается.

– Вылазь, мы посмотрим, – поторопил его Ревка.

– Провода, трубочки разные, – продолжал говорить Мисюрчик, поднимаясь. Они помогли ему спуститься.

– Вообще ничего особенного, – как-то равнодушно произнёс он, – в кино про лётчиков, это всё показывали.

Ревка взялся за край кабины и подсаженный друзьями, перевалился в кабину и, развернувшись, уселся на сидение из коричневой кожи. В кабине запах был ещё резче. Впере-

ди была панель с приборами. Левая часть её была проломана и, как говорил Мисюрчик, висели провода, виднелись трубки. С правой стороны были три круглых прибора с делениями и цифрами. Надписи над ними были иностранными буквами. Он взялся за рукоятку, стоявшую посередине, и попробовал её двигать. Она свободно уходила вперёд и возвращалась назад, но в сторону не двигалась. Сверху на ней была чёрная кнопка, вроде пуговицы, она легко утапливалась при нажатии пальцем и поднималась при отпускании. Внизу две педали. Одна большая, покрытая ребристой резиной, а вторая маленькая. Ревка дотянулся до них ногой, сползая с сидения: одна большая, легко вдавливалась, а маленькая нет. Он вновь взялся за рукоятку и стал воображать себя лётчиком: вот он выскакивает из облака и перед ним фашистские самолёты, он разворачивается...

– Ты чё, там засиделся? – раздался голос Витьки.

Не отвечая, поднялся, встал на сидение и перекинул ногу через борт, начал спускаться. Его поддержали.

Подсадили Витьку. Ревка с Мисюрчиком стали рассматривать щели от крыльев. Увидели металлические кронштейны, прутки и трубки.

– Его, видать, прямо на земле раздолбали, – определил Мисюрчик, – перед весь целый, а хвост развороченный. Ревка с ним согласился, так как на следующей платформе, можно сказать, лежала грудa металла, едва напоминающая самолёт.

Витька поднялся, чтобы вылезать, и, когда встал на сидении, вытянув вперёд руку, сказал:

– Вон, дальше, по-моему, пулемёт на самолёте торчит.

– Где? – встрепенулся Мисюрчик.

– Вам оттуда не видать.

– А где у этого пулемёт? – спросил Ревка. – По-моему, у него в крыльях, я где-то слышал, – ответил Мисюрчик. – Пойдёмте, посмотрим, что за пулемёт, – предложил Витька, едва коснувшись ногами платформы.

– Обязательно, – за двоих ответил Мисюрчик.

Спрыгнули со ступенек платформы и побежали вдоль состава.

– Вот, – сказал, останавливаясь, Витька.

Здрав головы, они стали рассматривать самолёт. Это оказался советский. Перед был разбит до кабины, а хвост слегка погнут. У него была длинная кабина, и из неё, в сторону хвоста, торчал пулемёт. Самолёт был закопчён, но звёзды на боку и хвосте хорошо видны. Забираться пришлось через тормозную площадку следующей платформы, а потом по буферам, перешагивая через борта.

Мисюрчик и здесь оказался первым. Он схватился руками за борт задней кабины и попросил его посадить, а Витька, поднявшись на выступ отломанного крыла, легко забрался в переднюю кабину, а потом спокойно перебрался в заднюю. Мисюрчик отцепился от борта, но обиды не проявил. Помогая друг другу, они забрались на обломок крыла и стали наблюдать за Витькой. Тот, взявшись за ручки пулемёта, крутил его в разные стороны.

Пулемёт довольно большой. На ребристом стволе был закреплён прицел из нескольких кругов. Вторым забрался Мисюрчик. Он тоже, поворачивал его в разные стороны, трещал языком, имитируя стрельбу. Когда «настрелялся» и поднялся, чтобы вылазить, наклонился и стал рассматривать поворотное устройство. Повернулся и сказал:

– Знать бы заранее. Я бы ключ разводной захватил. Можно было бы этот пулемёт открутить. Он нагнулся над пулемётом и тут же раздался щелчок. Он повернулся и с выражением удивления и восторга произнёс:

– У него затвор работает! – и снова схватился за ручки пулемёта.

– Дай, я залезу, – напомнил о себе Ревка.

Тот, явно без охоты, уступил место. Ревка перелез в кабину, опустился на сидение и, взявшись за ручки, тоже изобразил стрельбу, вращая пулемёт. Оттянул затвор и заглянул в образовавшуюся щель. Вместо отверстия ствола, увидел скошенную головку патрона. Сообщил об этом ребятам и услышал, как Мисюрчик с сожалением произнёс:

– У, дурак! Я не посмотрел.

Ревка обратил внимание, что в кабине совсем нет приборов. Продолжая вращать пулемёт, направил центр при-

цельного круга наверх водоналивной колонки, через которую наливают воду в тендеры паровозов, воображая, что это мотор вражеского самолёта.

– А куда вставляется лента с патронами? – раздался голос за спиной.

Это Витька снова поднялся на выступ от крыла.

– Сюда, наверно, – показал пальцем Ревка на прорезь на боку.

Когда Ревка спустился вниз, и все направились, чтобы прыгнуть с платформы, Мисюрчик остановился у разбитого носа самолёта. Мотор был весь в земле, а рядом множество изогнутых трубок и проводов. Мисюрчик потянул одну из медных трубок:

– Вот бы: отломить, на поджигу. Попробовал, но она не поддавалась.

В это время скрылось солнце: по первому пути походила «Овечка» – маневровый паровоз приземистый, чёрный, как начищенный хромовый сапог, с отблесками солнца. Из большой высокой трубы валил густой дым. Он толкал впереди себя два вагона в сторону пакгауза. Шипя, сопя и постукивая на рельсовых стыках, проследовал мимо. Из окна будки выглядывал машинист в форменной фуражке. На будке были написаны две буквы: большая «О» и маленькая «в» и номер. Из-за этих букв он и получил своё прозвище. Проехав, он осыпал их крупной гарью и они стали отряхивать чёрные «песчинки» с одежды и голов.

Через двое путей, с другой стороны, прогремел товарный состав. Его тащил мощный паровоз марки «ФД». Из его низкой трубы дым был не такой густой, а ветерок относил его в другую сторону.

Перешагнув борт, наступая на его шарнир, прыгнули по очереди на землю. Отходя от состава, увидели, как три пацана пробежали рядом и юркнули под состав.

– Это саямщики, – сказал Мисюрчик, – они соль воруют с платформ.

Ревка о них слышал, но сейчас увидел, как они это делают. Когда он с друзьями поднялся на воинскую площадку, было хорошо видно, как эти пацаны, забравшись на плат-

форму с солью и стали нагребать её в подолы своих рубаш. Когда те спустились вниз, на платформе с солью, чёрной от паровозной копоти, засияли белые пятна мест, где была взята соль. Вскоре, они выскочили на воинскую площадку, поддерживая подолы рубаш с солью, и побежали в проулок. Витька, в шутку, крикнул им вдогонку:

– Почём соль?

А один из них обернулся и серьёзно ответил:

– Рупь стакан!

Ревка вдруг посчитал: «Пять стаканов и пирожок на хитром рынке». Невольно разговор зашёл о соли и все пришли к тому, что риска никакого: составы с солью не охраняются стрелками. Разве только милиционер может поймать, так соль бросил и убежал. Все пришли к выводу, что этим запросто можно заняться.

Однако, Ревка не мог себе представить, как он бежит по улице и кричит:

– Кому соли! Кому соли! Рупь стакан! Рупь стакан!

Пацаны скрылись за поворотом и разговор вернулся к самолётам, особенно к пулемёту. Мисюрчик рассуждал, как было бы здорово иметь настоящий пулемёт для игры в войну. Все бы пацаны с других улиц им бы завидовали. Они соглашались с ним во всём. Витька заменил:

– Целый состав сбитых самолётов и больше немецких.

Ревка поддержал друга:

– Конечно, больше, – и тут же понял, что ему хотелось, чтобы было так.

Ведь они не проходили вдоль всего состава. Решив подкрепить свои слова, сказал со знанием дела:

– По радио всю весну сообщали, что идут воздушные бои на Юго-Западном и Северо-Кавказском фронте, вот и насбиwали.

Подходя к своей улице, распрощались. Договорились после обеда поиграть в городки. Ревка пошёл к своему дому, а они дальше на горку.

Во дворе дед, сидя на скамейке возле кладовки, точил напильником двухручную пилу, которой, он обычно, пилил дрова один. Посередине двора стояла новая двухколёсная

тележка, которую по просьбе матери сделал школьный столяр. Мать привезла её в начале мая и, в первый же выходной, как подсохла дорога, они вдвоём поехали за хворостом и привезли довольно много. «Это не то, что на себе таскать вязанки», — заключил он тогда. К этому времени тележки имели почти все. Однако, Ревка даже гордился такой аккуратной и лёгкой. Она вся была из дерева. Металлической была ось из трубы и обода на колёсах.

Бабушка хлопотала на кухне. Увидев его появление, спросила:

— Погулял?

Ревка насторожился, предчувствуя, что в нём появляется нужда, и осторожно ответил:

— Немного, — намекая на то, что желание осталось.

— Много вечером погуляешь, а сейчас у меня просьба: съездить за хворостом.

— Баб..., я..., то есть мы договорились...

— Подожди, Мира, я не договорила. У меня обед почти готов. Я тебя покормлю, и ты съездишь с тележкой. Положишь немного и вернёшься быстро.

— Мы же с мамой много хвороста привезли.

— Осталось только на завтра.

— Вот завтра я и съезжу, — упорствовал Ревка.

— Мира, сегодня такая погода, а завтра неизвестно...

Вдруг испортится да надолго. Тогда придётся жечь дрова, а дедушка говорит, что если экономить их и зимой топить углем, то хватит на две зимы.

Ревка уже начал колебаться, но выдвинул последнюю причину:

— Я же тебе говорил, что на шестой улице Дорожкины пацаны дерутся... Колотят всех подряд.

Бабушка на какой-то момент задумалась, потом повернулась к нему и обрадовано сказал:

— Ты возьми у деда револьвер и, если они будут подходить, выстрелишь вверх. Они испугаются...

— Ты что?! Баба! — от удивления вытаращил глаза Ревка, — меня же сразу посадят!

тележка, которую по просьбе матери сделал школьный столяр. Мать привезла её в начале мая и, в первый же выходной, как подсохла дорога, они вдвоём поехали за хворостом и привезли довольно много. «Это не то, что на себе таскать вязанки», – заключил он тогда. К этому времени тележки имели почти все. Однако, Ревка даже гордился такой аккуратной и лёгкой. Она вся была из дерева. Металлической была ось из трубы и обода на колёсах.

Бабушка хлопотала на кухне. Увидев его появление, спросила:

– Погулял?

Ревка насторожился, предчувствуя, что в нём появляется нужда, и осторожно ответил:

– Немного, – намекая на то, что желание осталось.

– Много вечером погуляешь, а сейчас у меня просьба: съездить за хворостом.

– Баб..., я..., то есть мы договорились...

– Подожди, Мира, я не договорила. У меня обед почти готов. Я тебя покормлю, и ты съездишь с тележкой. Положишь немного и вернёшься быстро.

– Мы же с мамой много хвороста привезли.

– Осталось только на завтра.

– Вот завтра я и съезжу, – упорствовал Ревка.

– Мира, сегодня такая погода, а завтра неизвестно... Вдруг испортится да надолго. Тогда придётся жечь дрова, а дедушка говорит, что если экономить их и зимой топить углем, то хватит на две зимы.

Ревка уже начал колебаться, но выдвинул последнюю причину:

– Я же тебе говорил, что на шестой улице Дорожкины пацаны дерутся... Колотят всех подряд.

Бабушка на какой-то момент задумалась, потом повернулась к нему и обрадовано сказала:

– Ты возьми у деда револьвер и, если они будут подходить, выстрелишь вверх. Они испугаются...

– Ты что?! Баба! – от удивления вытаращил глаза Ревка, – меня же сразу посадят!

– За что? – в свою очередь удивилась она, – ты же не в них выстрелишь.

– Ну и что! Сразу арестуют.

Бабушка пожала плечами:

– Тогда не знаю, как быть, но хворост нужен.

Почувствовав, после такого разговора, всю серьёзность с хворостом, он согласился:

– Ладно, попробую проскочить мимо них, – и пошёл к умывальнику.

Он ел морковный суп с чечевицей и думал: «Как бабушка не понимает, что показываться с револьвером на улице нельзя?». На второе она положила ему немного пшённой каши и полила её ложечкой постного масла. Он ел и вспоминал о котлетах, которые недавно готовила бабушка. В конце апреля мать принесла с работы несколько килограммов мяса. В школе была лошадь для вывозки угля, дров и других работ, но прошлым летом из-за дождей мало заготовили сена, и её пришлось забить. Мясо разделили между всеми работниками школы. Оно, можно сказать, выручило в самый трудный момент: кончилась картошка, основная еда и нехватка овощей. Бабушка расходовала его очень экономно и хранила в кастрюле с солёной водой в подполье. Котлеты ели с капустой, иногда со свёклой. «Жалко, что оно кончилось», думал он, облизывая тарелку.

Тележка катилась легко. Ещё во дворе он укоротил верёвку с лямкой по своему росту, чтобы потом было легче тянуть гружёную тележку.

Выехав на тракт и, минуя дом Дорожкиных, он видел, что мелюзга играет у дома, никто не обращает на него внимания. Это он бабушке специально преувеличивал их драчливость – ехать-то не хотелось.

Удерживая тележку, спустился с горы и поехал обычной дорогой за бойню. Подъехав к лесу, не стал углубляться в него, а повернул в другую сторону, куда никто не ездит, считая, что близко ничего уже нет. Остановился на маленькой полянке. Оставил тележку и пошёл обходить кусты. Ярко зелёный ковёр поляны пестрел жёлтыми петушками, а ближе к кустам голубели медунки. Обойдя несколько кустов и

ёлочек, он наткнулся на кучу разбросанных веток. Кто-то срубил большую осину и обрубил ветки. Он подкатил тележку, развязал верёвку и стал накладывать ветки. Некоторые ветки были толстые и тяжелые, так как не успели высохнуть. Понимая, что всё не увезти, он положил несколько крупных и средних, стал их увязывать. Затем стал подтыкать под верёвку небольшие ветки. Убедившись, что верёвка туго натянута и груз не растрясётся, он надел на себя лямку и, взяв перекладину, поднял оглобли. Его обрадовало, что груз оказался по центру и не поднимал, и не давил на оглобли. С приподнятым настроением двинулся вперёд. До дороги был небольшой уклон, и он выкатил тележку без особого труда. По дороге до бойни, пришлось подналечь на лямку, а дальше, до самого тракта, тележка катилась сама, надо было её сдерживать.

Солнце было почти в зените. Он чувствовал, как рубашка, натянутая на плечах, становилась просто горячей. Выехав на тракт, он повернул к горе и, протащив тележку метров пятнадцать на подъём, остановился. Он знал, что вытаскивать тележку с таким грузом наверх, ему не под силу, и надо ждать попутчика. Тут у горы, сложилась уже традиция: помогать друг другу, то есть, подъехавший с грузом вторым, помогает первому втащить тележку наверх, потом они спускаются и затаскивают тележку второго.

Ревка снял лямку и, сев на оглоблю, стал ждать. Сидеть на ней было неудобно. Он поднялся, посмотрел вокруг и, никого не увидев, пошёл к обочине и сел прямо на пыльную траву. Его взгляд устремился вдоль уходящего тракта, откуда мог показаться долгожданный попутчик. С сожалением подумал: «Зря поехал так рано. Все ездят за хворостом ближе к вечеру, когда приходят с работы. Да и жары в это время нет». Прищулив глаза, с неудовольствием взглянул на солнце.

Вдали виднелась щербатая кромка леса, голубое небо с редкими пушистыми облаками и одним длинным словно перо, а ниже, уходящая дорога, исчезающая за бугром. Никто не появлялся.

Глядя вдаль, он вспомнил, как второго мая Петька предложил устроить «охоту» на лягушек, именно там, за бугром, в разлившихся кюветах у тракта.

За неделю до этого, он появился на улице с луком и стрелой. Конечно, все загорелись желанием тоже сделать себе лук. Главное было: из чего. Петька хитро улыбался, на рас-

спросы, но потом сказал про куст талины, росшей у канавы, протекающей возле забора пекарни. На следующий день все были с луками. Стрелу он сделал из прямого стебля розы, а изготавливая наконечник из жестянки консервной банки, помучился. Несколько дней хвастались: у кого стрела выше взлетит, у кого улетит дальше и кто лучше попадёт в цель, намазанную грязью, на сплошном заборе пекарни. В цель лучше всех стрелял Петька. Были удачи у Мисюрчика, а Васька и он, в основном, мазали. Правда, через пару дней и у него стало получаться. Однажды, попал прямо в середину мишени, жаль, это видел только Витька, Петькин брат. И вот в праздник пошли на «охоту». Ещё поднимаясь на тот бугор, услышали лягушачий гвалт. Их было полно в каждом придорожном кювете, в каждой луже.

День был солнечный с небольшим ветерком. За стеной невысокого ельника, подступающего к кюветам, было тихо. Лишь иногда ветерок поворачивал и, когда на воде появлялась рябь, лягушки прятались. У каждого было по несколько стрел. Сам он изготовил ещё две стрелы, но с наконечником была одна. Её он решил использовать у берега, чтобы можно было достать. Все ходили вдоль берега, выбирая цель. Мисюрчик выкрикнул:

– Смотрите, ребя, как я её сейчас! – но промахнулся, – у чёрт! Чуть, чуть мимо! – воскликнул он и повернулся к Петьке.

Тот выцеливал лягушку вблизи берега. Натянув тетеву, он прищурил левый глаз, скривил, приоткрытый рот... Лягушка исчезла.

– Вот зараза, – возмутился он, – я бы сейчас точно попал.

Ревка решил не хвастать, а лучше целиться. В прозрачной воде лягушку хорошо видно. Вот она замерла, высунув глаза из воды. «Ну, сейчас точно попаду», – мелькнула у него мысль, выпуская стрелу, но она прошла мимо. Васька закричал, что он её ранил. Но в это мало кто поверил. Так с возгласами отчаянья, прошло какое-то время, у всех осталось по одной стреле. Ему бы жалко стрелу с наконечником, а лягушки перестали подплывать к самому берегу. Петька сказал:

– А была, не была! – прицелился последней стрелой.

И этот выстрел оказался удачным: стрела пробила лягушку насквозь и опрокинулась на поверхность воды. Петька взял лук за один конец и стал подгребать воду к берегу, а потом и стрелу. Когда он её поднял вместе с лягушкой, все сгрудились её посмотреть. Похвалили его за меткость. Когда Ревка увидел беспомощно свисающие задние лапки лягушки, он понял, что ему очень жалко её, хотя сам, наверно, тоже радовался бы, попади в неё сам. Пока все рассматривали убитую добычу, Мисюрчик отошёл, а вскоре услышали его голос:

– Смотрите! Я лягушку поймал.

Он стоял у соседней лужи и в поднятой руке держал лягушку за заднюю лапку. Она слегка подёргивалась. Все стали спрашивать, как это ему удалось. Он ответил, что увидел, как она забралась под листок у берега, и схватил её. Ревка тогда вспомнил про свой кожаный шлем. Сшитый из кусочков, он не пропускал воду.

– Я унесу её домой, – заявил он, – и выпущу в бочку, в огороде.

Он снял шлем, вывернул его и зачерпнул воды из кювета. Мисюрчик аккуратно опустил её в шлем. Петька сбросил со стрелы убитую лягушку и все не сговариваясь, направились к городу. Он зажал шлем по плотней, чтобы пленницы не выскочила, и так донёс её до дома. Выпущенную в бочку лягушку, на второй день он не обнаружил.

Прошло уже порядочно времени, а дорога словно вымерла – ни одного человека ни в ту, ни в эту сторону. Ревка вновь пожалел, что поехал в середине дня. Захотелось пить. Он поднялся, посмотрел в разные стороны, не увидев никого, опустился на прежнее место.

Продолжая смотреть на дорогу, он вспомнил, как в середине мая копали целину под картошку. Небольшую полянку нашли, как раз напротив того места, где они «охотились» на лягушек. Копали втроем: мать, бабушка и он. Ему было обидно, что не взяли сестру, но мать напомнила о её выпускных экзаменах. Он возразил, что у него тоже выпускные. Мать ответила, что если бы он был в десятом, тоже бы не

пошёл. Копали целый день. Он даже натёр мозоль на левой руке. До этого никто из них не копал целину. На второй день, вечером, вдвоём с матерью, садили картошку. Посадили довольно быстро. Нынче мать купила для посадки новый сорт, под названием «Кориневка». Ей сказали, что она не гниёт. Чтобы не вести назад пустую тележку, поехали за хворостом.

Ждать надоело. Он встал, посмотрел в сторону горы, и никого не увидев, подумал: «Может попробовать самому?». Склон горы был выбит копытами нескольких стад коров и представлял собой большую «стиральную доску». Впадины чередовались с буграми. Решил затаскивать тележку особым способом. Он впрягся в неё и, с большим трудом, дотащил до первой впадины. Отдыхая, решил, что будет разворачивая тележку, перекачивать одно колесо через бугор, а потом, поворачивая в другую сторону, перекачивать другое. Изрядно попотев, ему удалось перекатить тележку, через пять бугорков. Хорошо, что находясь во впадинах, колёса не съезжали вниз. Утерев рукавом пот со лба и, промокнув воротником за ушами, он увидел наверху горы голову мужчины. Обрадовался, не то слово, хотя понимал, что полной уверенности в его помощи нет, но он верил. Это был старик. Подходя, он покачал головой:

– Многовато нагрузил.

Ревка виновато улыбнулся.

– Ну, что ж, давай помогу, – его серые глаза выразили усмешку.

Он взялся одной рукой за перекладину между оглоблями и потянул. Перекачиваясь по бугоркам, тележка поползла вверх. Дед был щуплым, невысокого роста и Ревка тянул в полную силу. На середине горы ему казалось надо передохнуть, но его спаситель продолжал тянуть, и Ревка, пересиливая себя, тянул. Когда, наконец, они оказались на верху и старик отпустил перекладину, Ревка остановился, переводя дух. Он поблагодарил деда, а тот, махнув ему рукой, направился к спуску. Сзади, за поесом, у него был маленький топорик. «Пошёл за вениками», – подумал о нём Ревка.

Отдохнув и вытерев пот с лица, покатил тележку дальше. Странно, тут она не показалась ему такой тяжёлой. По своему переулку, до моста на четвёртой улице, ему пришлось сдерживать тележку, а потом налегать на лямку со всей силой. Этот пологий подъём всегда его удручал. На середине пришлось остановиться: лямка больно давила на левое плечо. Переложил на правое и двинулся дальше. За ушами, как на той горе, потекли ручейки. Там, помогая, старик сказал:

– Парит – дождь будет.

«Какой дождь? – Мысленно ворчал Ревка, – жарит, как на сковородке». Подъезжая к дому, ему казалось, что у него нет уже никаких сил. «Хоть бы кто в доме увидел», – повторялась мысль. Но его не увидели. Из последних сил протаскивал тележку вокруг киоска, по-прежнему стоявшего у их дома без дела, и подъехал к воротам. Опустив оглобли, снял лямку и на дрожащих ногах открыл калитку. Прошёл во двор и сел на лавку возле кладовки. В проёме огородной калитки показалась бабушка. Увидев его, повернулась и позвала деда. Когда он открыл ворота и вкатил тележку, бабушка удивилась:

– Боже мой! Как же ты, Мира, дотащил столько? – и погладила его по мокрой голове.

Почему-то, вместо гордости за себя, ему передалась её жалость и у него выступили слёзы. Он сидел, не поднимая головы.

– Пойдём, я тебя покормлю, – сказала она и пошла в дом.

Умывшись и поев, он, как ни в чём не бывало, пошёл на горку. Выйдя наверх, никого из ребят не увидел. Прошёл дальше и, заметив Ароша во дворе, направился к нему. Во дворе, здороваясь с ним за руку, спросил:

– Вить, ребята были на горке?

– Были, – ответил, садясь на ступеньку крыльца, – недавно перестали играть и разошлись.

– А ты, что не приходил?

– Ездил в лес, за хворостом.

– А..., – протянул Витька и, вставая, сказал, – я сейчас тебя угощу, – поднялся по ступеням в дом.

Через пару минут появился с улыбкой на лице, зажимая, что-то в кулаке. Он сел рядом, разжал кулак и Ревка увидел запечённые кусочки хлеба. Взяв себе два, остальные подал ему. В руке оказались пять шершавых, продолговатых ломтиков. Ревка с удивлением взглянул на друга и поблагодарил.

– Это «грибки», – пояснил Витька, – мама с работы приносит.

– Вкусные «грибки», – признался Ревка, с удовольствием разжёвывая, похрустывающие кусочки.

Он знал, что его мать, уже больше года работает разносчицей хлеба в пекарне. С начала войны большинство лошадей тоже были мобилизованы в армию, и их стало не хватать. Хлеб по магазинам стали разносить люди, большей частью, женщины. Носилки, в виде большого ящика с ручками, куда накладывали булки хлеба, несли двое. Чтобы было легче нести, женщины надевали на плечи широкую лямку, концы которой были привязаны к ручкам носилок.

Ревка с особым наслаждением, не торопясь, разжёвывал хрустящие «грибки» и ему казалось, что он никогда не ел такого вкусного хлеба. Витька пояснил, что носильщицы, когда отдыхают по пути, отламывают наплывы на булках – эти «грибки».

– Булки-то по счёту принимают, а не повесу, – добавил он.

– Спасибо, – ещё раз поблагодарил его Ревка, собирая языком последние крошки во рту.

Он приподнялся, сел на ступеньку выше и спросил:

– Помнишь, Вить, как нам ваша коза помешала выполнить домашнее задание по арифметике?

– Помню, – ответил тот улыбаясь.

Ревка никогда не забывал, как над ними смеялись: Милка, её брат, сёстры и Таня, когда они пришли к Милке за заданием и рассказали в чём дело.

Это было в сентябре, когда учились во втором классе. В тёплый солнечный денёк они вышли на крыльцо с заданием и листками бумаги, чтобы на черновике решить домашнее задание. Только присели на ступеньки крыльца, рас-

крыв задачник на нужной странице, как их позвал Юрка Колесов. Они подошли к калитке, и он о чём-то их спросил. Они начали отвечать, и вдруг Юрка раскрыл глаза и мотнул головой... Они оглянулись и увидели: Витькина коза поднялась на несколько ступеней и жуёт листки из задачника.

Они бросились к ней. Она, дожёвывая листы, прыгнула со ступеней. Листки, с заданными примерами, исчезли в козьей морде.

Поговорив об этой истории, Ревка решил похвастать их походом на воинскую площадку. Он с удовольствием рассказывал о самолётах и, видя в его глазах интерес, с подъёмом описывал устройство кабин и, конечно, о пулемёте. Стал рассуждать, по примеру Мисюрчика, как бы было здорово, если бы удалось открутить этот пулемёт у самолёта. Рассказывая, он взглянул на небо, которое вдруг потускнело. Тот тоже взглянул и сказал:

– Погода портится.

Ревка вспомнив того старика, подтвердил:

– Сильно парило – будет дождь.

– Не скоро, – ещё раз, взглянув вверх, уточнил Витька.

Ревка продолжил рассказывать и даже, упомянул про «саямщиков», и про их возможные заработки. После этого Арош сказал, что получили письмо от тёти, где она пишет, что у них одно время не было соли даже по карточкам. Услышав про письмо, Ревка встрепнулся:

– Сегодня пришло письмо от брата Гены, с фронта.

– А у нас хозяйка получила на брата похоронку.

– На Анатолия?

– Да, – тот кивнул головой.

Ревка ещё хотел рассказать о письме, что написано карандашом и не очень разборчиво, поэтому сам не смог прочитать. Но неожиданность об Анатолии, переключила его мысли. Анатолий первый человек, погибший на фронте, которого он знал. Его взяли в первые дни войны. Ревка помнил, как он до войны играл со своими сверстниками в футбол и лапту: высокий, стройный, светловолосый.

Ревка почувствовал, что настроение у него испортилось. Он подумал о брате, который уже несколько месяцев на

фронте. Поговорив ещё некоторое время об Анатолии, он решил поискать ещё кого-нибудь из ребят. Арош отказался идти на улицу, так как ему надо было дожидаться прихода матери с работы.

За воротами он решил идти к Витьке Тимофееву, но в это время, ему в шею попала крупная капля дождя. Он взглянул вверх: тучи не было, просто серое небо. Вторая капля скользнула по лицу, и он повернул к дому, а потом и побежал. Во дворе бабушка встретила его словами:

– Видишь, дождь. А ты говорил завтра поеду за хворостом.

Он промолчал, подумав: «Как это у неё все слова сбываются? И довольно часто».

Таня ещё не пришла, а мать была дома. Он зашёл в комнату и поздоровался, так как мать ушла на работу, когда он спал. Она сидела в своём кресле и читала книгу. Письмо лежало на столе. Ревка понял, что она его прочла. Ревка подошёл и попросил:

– Мам, прочитай письмо. Тани не было, а я только прочёл: Здравствуйте, тётя Соня, и с приветом к вам.., а дальше не разобрал.

– Прочту, – согласилась она, откладывая книгу, – мне бабушка сказала, что ты сегодня привёз хвороста. Молодец.

Ревке была приятна её похвала, но он скромно ответил:

– Да, бабушка попросила.., – и придвинулся к матери, садясь на круглый подлокотник кресла.

Мать, внимательно взглянув на него, сказала:

– Таня сегодня сдала геометрию на хорошо.

Ревка почувствовал некоторый укор, за его посредственные оценки по основным предметам, но промолчал.

Она взяла конверт, вынула письмо, развернула и стала читать: «...с приветом к вам и ко всей семье, бабушке и дедушке – Геннадий. Вот уже три месяца, как я на фронте. Нахожусь на одном из участков Центрального фронта. Пока по своей специальности...».

Ревка перебил её:

– А какая у него специальность?

Мать повернула голову:

– Ты что, забыл? В начале февраля была открытка. Писал, что учится на миномётчика.

Ревка закивал головой.

Она продолжила: «Пока по своей специальности и сейчас держим оборону. Фрицам уже не раз попадало от нас».

– Вот они молодцы! – вырвалось у Ревки.

Мать взглянула на него и продолжила: «Тётя Соня! С места высадки из эшелона до места назначения, мы прошли около двухсот километров пешком...».

– Двести километров пешком? – удивился Ревка.

– Да, он же не будет обманывать, – сказала она и продолжила: «...по местности освобождённой Красной Армией и вот я собственными глазами увидел то, о чём приходилось читать в газетах. Эти гады уничтожили всё, в полном смысле этого слова. В деревнях безлюдно, редко увидишь человека. Мы шли несколько суток, и ночевать приходилось под открытым небом, потому что в «деревнях» не осталось ни одного дома. Так почти во всех населённых пунктах: Гжатске, Вязьме».

Ревка покачал головой, но ничего не сказал. Мать продолжала читать: «За всё, за это мы будем мстить, мстить, мстить. Смерть, гадам-фашистам!».

– Вот, правильно! – Не выдержал Ревка, – надо всех до одного фашиста убить! Мать кивнула головой, в знак согласия и продолжила: «...Ну, пока всё. Ещё большой красноармейский привет всем, всем! Большое красноармейское спасибо от меня и от товарищей, за посылаемые нам подарки. Мы здесь получаем их, возможно и часть была ваших. Досвидания.».

– Мам, а мы посылали подарки?

– Да, – ответила она, сложив письмо и, вкладывая его в конверт, – у нас в школе к каждому празднику, да и так, собирают посылки для фронта.

– А что тудаложите?

– Надо говорить – кладёте, – поправила она его.

Потом пояснила:

– Разное: шерстяные носки, перчатки, шьют кисеты, носовые платки, махорку.

Ревка помолчал и, вспомнив, сказал:

– Мне Витя Торошенко сказал: Анатолия Селиванова убили на фронте.

Мать, как-то по-особому, посмотрела на него, уголки рта опустились и она, помолчав, сказала:

– Война тем и страшна, что убивают людей.

Ревка поднялся с подлокотника, намереваясь пойти на кухню, но вдруг решил сказать:

– Мама, а мне сегодня баба предложила взять револьвер у деда, когда я собрался ехать за хворостом.

Брови матери приподнялись, а он пояснил:

– Это, чтобы я попугал Дорожкиных пацанов, если они полезут.

– Какой револьвер? – глаза матери расширились.

– Ты, что не знаешь? У деда.

– Ладно. Я с ней и дедом поговорю. Его давно надо было сдать. А ты смотри никому, не похвались про револьвер.

– Я, что? Не понимаю? – с обидой, ответил он, и пошёл на кухню.

«ФАШИСТЫ»

В первой половине дня Ревка с матерью ходили с тележкой за хворостом, а после обеда он пошёл к Витьке Тимофееву. Друга застал помогающим матери что-то перекладывать в складе. Ревка поздоровался. Витька сказал:

– Я сейчас. Подожди.

Он отошёл от дверей склада и забрался на кошёвку, стоявшую в углу двора. Ждать не пришлось. Тот быстро освободился и они пошли на улицу. По пути решили: если ещё кто придёт, поиграют в «Царя».

Когда они вышли из калитки и миновали угол забора пекарни, то увидели, как Мисюрчик и Петька из прачей, как они называли рогатки, стреляют по гнезду ласточек, которые прилепили его под стрельчатым карнизом крыши пекарни.

– Вы что, гады, делаете? – Заорал Ревка.

– А, чё? – ухмыльнулся Мисюрчик и тут же выстрелил по гнезду.

Петька выстрелил и от верхней кромки гнезда, отвалился кусочек.

– Вы, что дураки? Чем вам помешали ласточки? – урезонил их Витька.

А Ревка от возмущения выпалил:

– Вы, как настоящие фашисты!

На что Мисюрчик выстрелил в него: галька пролетела в нескольких сантиметрах от плеча. Петька тоже направил рогатку в их сторону – галька ударилась о землю у Витькиной ноги. Пришлось укрыться за углом забора. В след им раздался смех, свист Петьки и ещё один камень ударился об угол забора. Витька подобрал два куса сухой земли. Ревка взял у него один, они выскочили из-за забора и швырнули в нападающих. Один ком пролетел мимо, а второй, не долетев, ударился о землю, рассыпался и мелкие куски полетели им в ноги. Сразу последовал ответ: галька ударилась о забор, за который они вновь укрылись. Витька нашёл четвертинку кирпича, расколол его о край тротуара. С этими «снарядами» они выскочили из-за укрытия и метнули их в сторону удаляющихся противников. Камни пролетели мимо. Мисюрчик оглянулся и не целясь выстрелил из рогатки: камешек пролетел над их головами и прошелестел в листве тополя, росшего у колодца. В ответ на это Ревка прокричал: «фашисты!». Те продолжали идти не оглядываясь.

Рассуждая о случившемся, Ревка во всём винил Мисюрчика и убеждал, что Петька сам бы ни за что этого не сделал.

Витька резонно заметил:

– В гнездо же он попал.

Ревке ничего не оставалось, как признать:

– Конечно, оба виноваты

У канавы Петька пошёл к мостку, а Мисюрчик повернул к своему дому. Он посмотрел с их сторону и погрозил поднятой рогаткой. В ответ Ревка показал ему кулак.

Через некоторое время, когда они вышли на поляну и уселись на обычном месте, на краю мелкого кювета, на гор-

ке появился Юрка Колесов. Раздетый до пояса и без того смуглый, сейчас удивлял своим тёмно-коричневым загаром. Он поздоровался с ними за руку, и они тут же рассказали ему о случившемся. Выразив удивление, что они стреляли по гнезду, спросил:

– В вас-то они зачем стреляли?

Ревка умолчал, что обозвал их фашистами, и заявил:

– Я и говорю гады!

Надо же так случиться, что в это время, со стороны кособора показалась голова Мисюрчика, а потом и он сам. Вглядываясь в их сторону, он склонил голову набок и остановился, решая, очевидно, идти ли дальше. Ревка снова погрозил ему кулаком, а Юра сделал вид, что поднял камень, двинулся к нему. Тот медленно развернулся и пошёл назад. На ходу он выдернул рогатку из кармана и помахал ею, разматывая резину. Это был явный ответ на Юркин порыв и намёк на продолжение вражды. Юрка повернул назад. Мисюрчик засунул руку в левый карман, обернулся и выстрелил из рогатки.

Камешек пролетел мимо Юрки и ударился о дорогу, подняв облачко пыли. Тот развернулся и побежал к Мисюрчику со словами:

– Я ж тебя, подлюга, догоню и удавлю!

Мисюрчик побежал вниз и скрылся из виду. Юрка вернулся, сел на прежнее место и сказал:

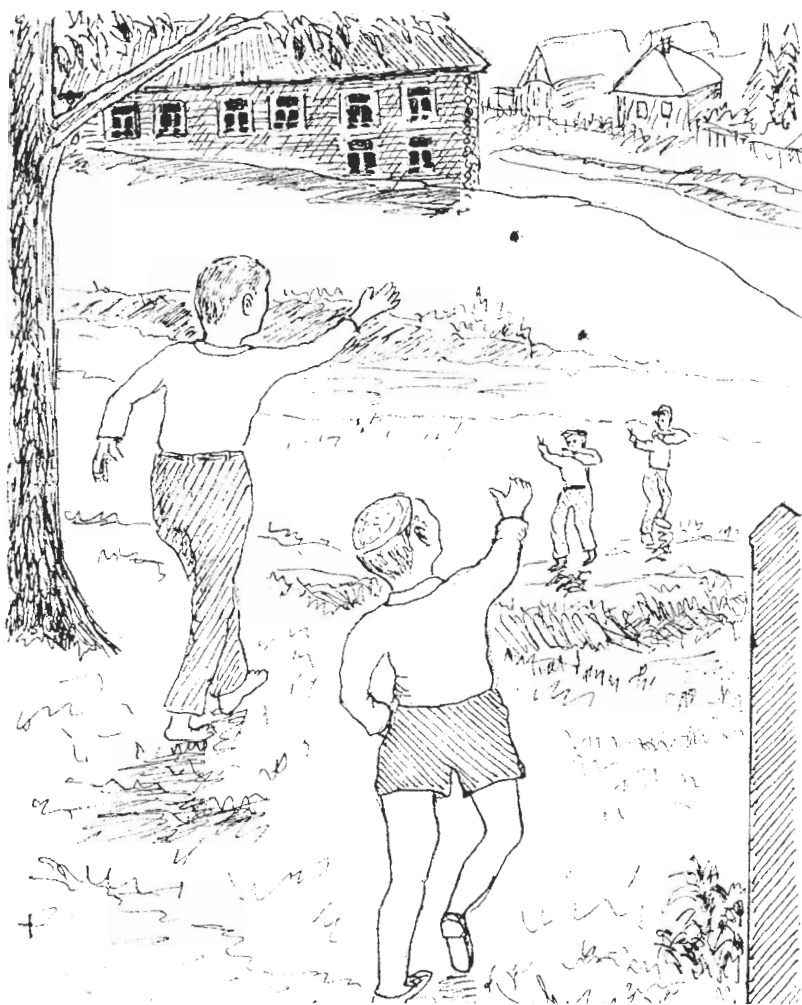
– Надо камней побольше насобирать про запас, и спрятать в разных местах. Если они сунутся, со своими пращами, мы их камнями встретим.

– Тут на горке камней не найдёшь, – с сожалением произнёс Ревка.

– Надо кирпичи искать и поколоть, – сказал Витька.

– Правильно Тимоха, – поддержал его Юрка, и все разошлись искать кирпичи.

Первые две половинки выковыряли у ворот старика Комлева. Одну нашли в Милкином дворе. На улице появился Арош и, узнав в чём дело, сказал, что у них у стайки валяются какие-то кирпичи. Все бросились к нему во двор. Там нашли половинку и несколько обломков.

Всё, что нашли, притащили к наружному крыльцу Милкиного дома. Юрка начал колоть половинки: ударя одну о другую. Кололось плохо. Во двор вышла Милка. Услышав Юркины удары, подошла к открытой калитке и с удивлением спросила, что они делают. Ей объяснили. Ревка приукрасил коварство зачинщиков и, когда Юрка попросил дать топор,

она сразу его вынесла. Юрка быстро расколол обухом все половинки на необходимые куски. Потом все быстро разнесли этот «боевой арсенал» по трём местам, которые выбрал Юрка: у телеграфного столба, в ямку в кювете, у самого спуска с горы, и у тополя возле колодца. Прodelав такую подготовку, возникло желание, проверить, что делает противник. Почти не сговариваясь, вышли на край косогора, откуда было видна вся округа. К Ревкиному разочарованию Мисюрчик и Петька сидели на краю канавы, спинами в их сторону, и не наблюдалось ни какого приготовления к «военным действиям». Ревке хотелось крикнуть, обратить их внимание, и показать всю решительность к бою, но признав руководство Юрки, не крикнул. Тот развернулся, чтобы идти назад и жестом позвал всех следовать за ним. Разворачиваясь, Ревка заметил, как от раскуроченного Васькиного дома, побежал он сам и, не посмотрев в их сторону, побежал к сидящим у канавы.

— Ну, точно, Васька тоже будет с ними, — произнёс он, оборачиваясь к Юрке.

— Да, что Васька, — Юрка в пол-оборота взглянул в ту сторону и пошёл.

Чуть задержавшись, Ревка увидел, как, очевидно, услышав бег Васьки, оглянулся Петька. Увидев их команду на бугре, он толкнул Мисюрчика, и они встали. Подбежавший Васька тоже оглянулся. Уходя за всеми, Ревка всё-таки угрозил им кулаком.

Уселись на том же крыльце. Юрка сказал:

— Я думаю, они побоятся на нас рыпаться, а если нет, мы их встретим. Его слова всех подбодрили, и в тоже время, успокоили.

Разговор о сегодняшних событиях, перешёл о настоящей войне. Стали вспоминать, кто, что слышал о событиях на фронте. Юрка сказал, что идут бои местного значения и, что под Курском сбито много фашистских самолётов. Ревка добавил, что он точно слышал по радио, что сбито сто сорок пять самолётов.

— Наших тоже, наверно, много сбили, — сказал Витька и повернулся к Ревке, — мы с ним видели.

– Точно, везли целый состав сбитых, немецких и наших,
– подтвердил Ревка.

Молчавший Арош, произнёс:

– Папке на работе сказали, что американцы посылают нам самолёты и грузовики.

– Это точно, Витька, – Юрка повернулся к Арошу, – про грузовики слышал, а на счёт самолётов, помните, недели две назад, летела большая эскадрилья? И все двуххвостые.

– Помним! – в раз подхватили Ревка с Витькой.

Потом вспомнили о партизанах, как они пускают под откос фашистские составы – это они видели в киножурналах. Вспомнили киносборник про Швейка, как он дурачит фрицев на фронте.

Разговор о войне приподнял боевой дух и Ревка не вытерпел:

– Сбегаю, посмотрю, что они делают.

– Сбегай, – согласился Юрка.

Ревка выбежал на край косогора и увидел: Мисюрчик, Петька и Васька стоят у торца Васькиного дома и что-то раскладывают по карманам. Он сразу догадался, что это камешки для рогаток. Снизу от моста к ним бежал Витька, Петькин брат. Заметив Ревку, Мисюрчик зарядил рогатку и выстрелил. Камешек пролетел довольно далеко от него. Он обернулся и крикнул:

– Они снова стреляют! Все бросились к нему. Юрка мельком взглянул на низ и подбежал к ямке. Все за ним. Похватав камни, из припасённых, двинулись ближе к спуску. Те, почти в раз, выстрелили и промахнулись. Считая, наверно, что до них далеко, спокойно заряжали рогатки. Но первый камень, брошенный Юркой, ударился об угол дома и упал к их ногам. Они спешно выстрелили. В их сторону полетели камни всех остальных.

Ревка удивился, что его камень попал прямо в то место, где стоял Петька, но они все успели скрыться за домом. Юрка сказал:

– Зря камни не бросайте, а как только они выскочат.

Они тут же появились, и Юрка швырнул в них камень с криком:

– Мы вам покажем, гады, как стреляться!

Те торопясь промахнулись и камни, брошенные в них, упали, когда они скрылись. Стычка продолжалась в том же духе. Ни тем, ни им не удалось в кого-либо попасть. Наступило затишье. Они не появлялись из-за своего укрытия.

– У них, наверно, камешки кончились, – заметил Витька.

В ямке тоже камней не осталось. Понаблюдав некоторое время и, не увидев противника, направились назад: наперебой рассказывая, чей камень чуть не попал в кого-то или галька пролетела почти возле уха.

Милка на крыльце спросила, когда они подошли:

– Вы их победили?

– Мы их за Васькин дом загнали и, они больше не высываются, – ответил Юрка, добавив, – завтра посмотрим.

В этот вечер «боевые действия» не возобновлялись. Хотя несколько раз, по очереди, бегали в разведку, но «противник» не показывался.

На второй день с утра все занялись заготовкой камней. Витька притащил две половинки кирпича, которые он нашёл у проходной пекарни. Ревка притащил целый кирпич, обнаружив его во дворе, за ящиком с углём. Юрка пришёл вместе с Женькой Песцовым и оба принесли по несколько обломков кирпича, найденных на Школьном переулке. Помогали искать и собирать камни и обломки кирпичей Милка и её подруга Лиза. Закончив заготовку камней, Юрка вернул топор Милке и все начали разносить камни по намеченным местам. После этого вышли к спуску с горы и увидели, что «противник» в полной боевой готовности. Их оказалось тоже пятеро. К ним присоединился Володька Перфилов и тоже с рогаткой. Они сразу начали стрелять, а им пришлось вернуться за камнями. Те приняли это за отступление и начали свистеть. Набрав камней, они с яростью бросились вперёд, швыряя камни. Как и вчера при полёте камней, те скрывались за углом дома. Отбегая назад, за камнями, Витька удивился:

– Откуда у Васки рогатка? Её у него не было.

– У Володьки тоже не было. Я точно знаю. Наверно, Петька свою вторую отдал, – заявил Ревка.

Они схватили по камню в каждую руку и побежали на ко-
согор. Впереди них оказался Женька. Он так удачно бросил
камень, что Мисюрчик и Володька едва увернулись, а Петь-
ка отскочил в сторону. Ревка бросил камень в него но он
пролетел мимо. Из-за угла выскочили Мисюрчик и Васька.
Витька успел бросить в них – камень пролетел выше, они
успели выстрелить. В это момент Ревка собирался бросить
второй камень, как почувствовал боль в ноге, ниже колена.
Он ой-кнул и присел. Мисюрчик захохотал. Ревка поднялся
и со злостью швырнул камень, который чуть не задел вы-
скочившего Володьку. Когда Юрка, Женька и Витька броси-
ли в них почти в раз, они скрылись за углом. Но это были
последние камни из ямки, и им пришлось отойти. Те выдви-
нулись вперед и стреляли им в след. Юрка оглянулся и, в
этот момент, галька попала ему в левое плечо. Он невольно
схватился за него, быстро подбежал к столбу, схватил два
камня и бросился на них. Они продолжали стрелять, а он
смело ринулся на них и они побежали от него. Он швырнул
камень вдогонку и угодил в ногу Володьке. Тот хромя бе-
жал за остальными.

Наступила передышка. Ревке галька попала вскользь и
на ноге была царапина, а у Юрки выступил синяк. К середи-
не дня наступила жара. Юрка предложил всем разойтись и
собраться часа в четыре.

В назначенное время почти все собрались. Опоздал
Женька, но и он скоро пришёл, притащив половину кирпича.
Ревка знал где у Милки в сенях стоит топор, притащил его
Юрке и тот быстро превратил половинку в «боевые снаря-
ды». Разведав, что «противника» пока не видно, по пред-
ложению Юрки, все запасённые камни от столба и тополя
перенесли в небольшую ложбинку обросшую травой, у об-
рывчика, на спуске с горы. Отсюда можно было бросать
камни и не возвращаться за ними, как раньше. Закончив
подготовку, они сели на этот обрывчик, в нескольких шагах
от склада «снарядов». Ждать пришлось не долго. Первым
увидели Володьку, который пробежал от моста к Васькино-
му дому. А через несколько минут из-за дома появилась вся
компания. Первым выстрелил Витька, Петькин брат, этот

шкет уже неплохо владел рогаткой. За ним выстрелили другие и схватка началась.

Юрка и все остальные похватили камни и с криками:

– Бей фашистов! – Бросились в атаку.

Те с криками:

– Сами фашисты! – Вели довольно быструю стрельбу. Однако, град камней заставил их отступить. Один камень с отскока попал Петьке в ногу. Они скрылись за домом, но тут же высочили и, на этот раз стрельба была удачной: одна галька ударила Витьку в ногу, а вторая попала Ревке в правую руку. Он схватился за больное место и аж присел от боли. Юрка с Женькой, схватив камни, не стали их бросать, а ринулись прямо к дому, те убежали вглубь двора. Арош, оказавшийся рядом с Ревкой, спросил:

– Болит рука?

– Болит, – морщась ответил тот.

Он уже не мог ею бросать. Витька прихрамывал. Вернулись Юрка с Женькой, последний сказал:

– Мы их в конец двора загнали.

«Противник» не появлялся и все решили, что борьба закончилась, но вдруг из четырёх окон заброшенных квартир, полетели гальки. Все, кроме Ревки, стали бросать камни в окна, но попасть в кого-то было уже невозможно. Стрельба с их стороны походила на расстрел. Одна галька попала Юрке в грудь. Женька с камнем в руке побежал к дому, но в это момент галька ударила ему в скулу. Он зажал лицо руками и пошёл вверх горки. Все, понимая, что равного боя не получается, последовали за ним. Странно, но те прекратили стрельбу.

Когда они расселись на крыльце, со двора вышли девочки. Милка спросила:

– Ну, как?

Юрка ответил:

– Мы их в дом загнали, а они из разбитых окон стали стрелять: там их камнями не достать.

Женька, продолжая щупать свою припухшую скулу, сказал:

– Надо в дом ворваться и там всех отколошматить.

Юрка попросил Милку вынести попить. Та принесла ковшик с водой. Юрка начал пить, а Лиза, глядя на Женькино лицо, сказала:

– Надо холод приложить, а то глаз заплывёт и синяк будет.

Юрка перестал пить:

– На ковшик приложи.

Тот приставил ковшик к скуле. Все терпеливо ждали, хотя всем хотелось пить. Арош, единственный уцелевший, побежал пить домой.

В этот вечер война не возобновилась и все «раненые» разошлись по домам.

На другой день погода испортилась и, два дня лил дождь. Появление синяка Ревка соврал бабушке, что запнулся у Милкиного крыльца и ударился о ступеньку. Больше всего он жалел, что не успел сделать рогатку, ведь за три дня до этих событий Петька дал ему кусок резины. Первые три дня не торопился делать, а потом не мог найти подходящую рогатулину. Теперь он ещё раз тщательно перебирал мелкие ветки, порубленного дедом хвороста, выискивая что-нибудь подходящее. С трудом отыскал кривоватую ветку, из которой можно было сделать неказистую рогатку. Он обрезал ножом не нужные концы, очистил кору, вырезал кожанку с двумя отверстиями и, найдя крепкие нитки, пошёл к деду. Он попросил его помочь растянуть резинки в местах присоединения их к рогатке и кожанке. Дед согласился, но спросил:

– Ты, что? Собираешься кому-то окна побить?

– Нет, буду по воробьям стрелять.

Когда рогатка была готова, Ревка, чувствуя хорошее расположение деда, попросил:

– Деда, давай стрельнем из револьвера.

– Нет его. Соня забрала. Сказала, его давно надо было сдать. Смотри ни кому о нём не говори.

– Я знаю, – кивнул головой Ревка.

Теперь он с нетерпением ждал, когда установится погода. Утро третьего дня было солнечным и Ревка, засунув рогатку в карман, побежал на горку.

Тут он был сильно удивлён: Юрка с Женькой мирно разговаривали с Васькой и Мисюрчиком. Он поздоровался за руку с Юркой и Женькой и молча сел рядом на край кювета. Мисюрчик видать тоже только пришёл потому, что Юрка спросил:

– Зачем вы стали стрелять в пацанов? Я у Васьки ничего не понял.

– Да, вон Ревка нас с Петькой фашистами обозвал, вот мы и пульнули в него, а они стали камнями кидаться.

– А зачем в гнездо стреляли?

– С обидой спросил Ревка.

– Да мы просто так. И Петька чуть в край попал.

– Ну вот, – подтвердил их вину Ревка.

Вскоре стали вспоминать, кто в кого попал, и некоторые моменты вспоминали со смехом. Через пару дней все забыли про эту стычку.

НЕОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ

Несколько дней кряду все Ревкины товарищи ходили кататься на маневровых поездах. Кто первым предложил, он не помнил, но затея всем понравилась. Благо середина июня была солнечной и не очень жаркой, так что кататься было одно удовольствие. В этот день Ревка предложил своему другу, Витьке Тимофееву, сходить на воинскую площадку: вдруг повезёт увидеть какую-нибудь военную технику, на проходящих поездах, а может и покататься на маневровых. Тот сразу согласился, потому что точно знал о завтрашнем окучивании картошки в поле. Дома Ревка тоже слышал, как бабушка говорила матери об окучивании в поле, только не знал, заставят его или нет.

На воинской площадке они наблюдали за проходящими составами, но это были обычные поезда с закрытыми вагонами, и интерес к этому пропал. Мимо, перед ними, пыхтя и дымя своей высокой трубой, проехала «Овечка», таща пять вагонов. Через пару минут паровоз двинулся назад, толкая вагоны перед собой.

– Покатаемся? – предложил Ревка, и так посмотрел на друга, что он едва ли бы отказался.

– Давай! – с блеском в глазах, поддержал тот и первый побежал к спуску с площадки.

Как раз к этому времени пять вагонов прошли мимо них. Паровоз обдал их паром, а когда отъехал, опсыпал мелкой гарью. Они бросились его догонять по другой стороне пути, где щебёнка была ровнее. Бежали недолго. Раздался звук ударившихся буферов и паровоз остановился. Они пробежали мимо него, торопясь добежать до тормозной площадки второго вагона. Витька первый подбежал и, ухватившись за поручни, заскочил на ступеньки. Ревка следом. Едва он встал на нижнюю ступень, как состав дёрнулся и медленно двинулся назад. Они поднялись на площадку и радостно улынулись друг другу.

Поезд набрал скорость. С обеих сторон замелькали вагоны, а вскоре, у войсковой площадки, они кончились, и перед ними поплыл высокий забор, за ним коричневые крыши домов и высокие густые тополя. Проехали здание из красного кирпича бывшей церкви: с башенками, но без куполов.

– Мне говорили, что там военный склад, – сказал Витька.

– Нет, – возразил Ревка, – был склад, а уже года полтора, там гауптвахта. Это мне Мисюрчик говорил.

– Какая... вахта? – Гауптвахта. Туда сажают под арест всех железнодорожников, которые опаздывают на работу, больше чем на пять минут и за другие проступки.

– И это они там сидят и не работают?

– Ты, чё? На работу их под ружьём водят и назад тоже.

Витька покачал головой, а Ревка добавил:

– И родные должны им приносить еду. Витька снова покачал головой.

Проплыли два барака в конце воинской площадки, и открылся вид на город. Ближние дома стояли в низине и просматривалось несколько улиц, с разнообразными домишками и зеленью в палисадниках.

Поезд выехал почти к восточному переезду, остановился и двинулся назад.

Все строения проплыли в обратном порядке, а потом с обеих сторон замелькали вагоны. Вскоре между ними промелькнул вокзал и Ревка забеспокоился:

– Что-то он нас далеко везет.

– Не увезет, – резонно заметил Витька, – паровоз сзади толкает.

Ревке стало неловко, что он допустил такую промашку и решил напомнить:

– Ты ведь знаешь, как Мисюрчика с Васькой, так же паровоз толкал вагоны и уталкал на разъезд Узель. Потом они семь километров топали пёхом.

– Надо было дожидаться какого-нибудь товарняка, – возразил Витька.

– Ждали. Три прошли, не останавливаясь, вот и пошли.

– Надо было прыгнуть, пока скорость была небольшая.

– Так они же не думали, что он со станции уйдёт, – возразил Ревка.

Витька сказал о спрыгивании с поезда потому, что ещё в первый раз, когда пошли с Петькой покататься, тот советовал, что прыгать надо по ходу поезда и сразу бежать.

Поезд развил приличную скорость. Ревка почувствовал восторг:

– Летим, как на самолёте!

– Ты что? Летал? – хитро улыбнулся Витька, зная, что этого не могло быть.

– Причёт тут летал. В кино ведь показывают.

Миновали виадук, и вот уже между вагонами промелькнуло первое здание паровозного депо. Скорость стала снижаться. Ещё момент и состав замедлил ход, потом резкий удар буферов и, поезд остановился. Они посмотрели по обе стороны состава, надеясь, что прицепят ещё вагоны и они вновь поедут, но паровоз гуднул и уехал. Они спрыгнули со ступеней площадки и пошли вдоль состава.

– Отсюда далеко до дома топать, – произнёс Витька с явной досадой.

– Дойдём до деповского переезда и выйдем в город, – сказал Ревка, как будто от этого расстояние уменьшится.

Вдруг он заметил, что паровоз, который их вёз, возвращается.

– Смотри, Вить, он назад идёт по соседнему пути. Это он за этими тремя углярками.

Давай в них залезем, и он нас назад увезёт. Больше не сговариваясь, они подбежали к одной из них. Большие четырёхосные углярки не имели тормозных площадок, но имели небольшие металлические лесенки, чтобы можно было забираться внутрь вагона. Ревка поднялся по лесенке, схватился за угол вагона, ступил на буфер, а потом через открытый торцовый створ в углярку. Друг последовал за ним. Все три вагона имели открытые створы и просматривались насквозь. Пол, состоящий из закрытых люков, был засыпан не углём, а корой деревьев, щепками и опилками. Через пару минут лязгнули буфера: они схватились за выступающие части створа, чтобы не упасть. Не отпускаясь, они ждали, вот-вот паровоз дёрнет и двинется, но вагоны стояли.

Увидев, что в первой углярке весь пол в опилках, Ревка предложил:

– Давай туда вперёд перейдём, а то если быстро поедет, все эти опилки поднимутся и полетят на нас.

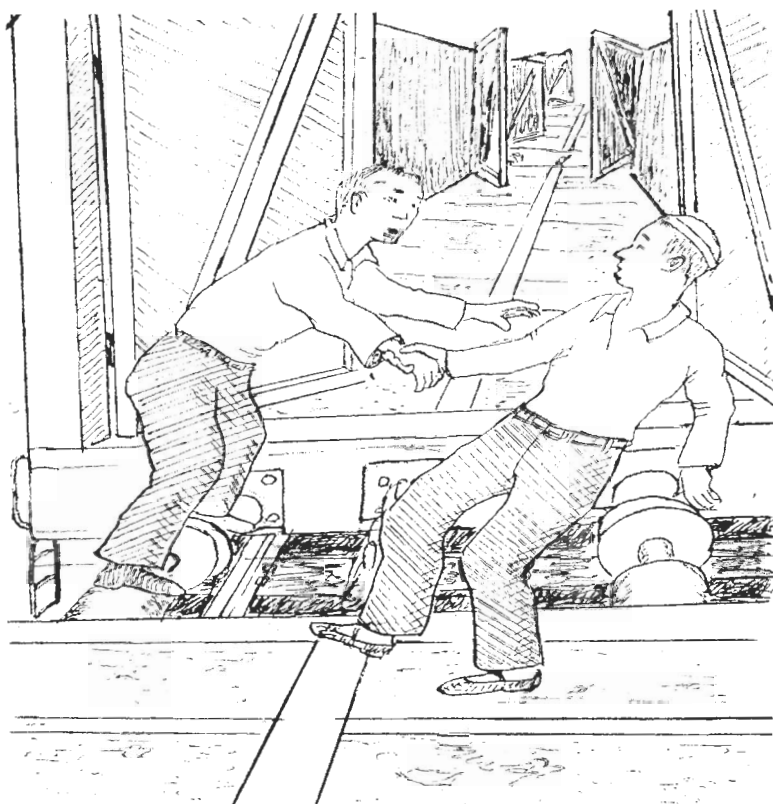
Витька не успел ответить, как Ревка ступил на один буфер, перешагнул тарелки, ступил на второй и шагнул в первую углярку. Витька двинулся за ним: ступил на первый буфер, шагнул на второй и в этот миг паровоз с силой дёрнул вагоны. Витька взглянул на Ревку широко раскрытыми в испуге и, как бы удивлёнными, глазами, раскинул руки и стал падать между вагонами. Ревка схватил его за руку и с силой дёрнул на себя. Витька упал на колени, но уже рядом с Ревкой. Приподнимаясь, ещё с испуганным взглядом, он произнёс:

– Вот... – покрутил головой, не находя слов, стал отряхивать колени от мусора.

Уже когда перешли вперёд углярки и остановились у полуоткрытого створа, он сказал с некоторым удивлением:

– Ревка, ты меня спас.

Тому стало как-то неловко и он ответил:

– Ну, уж спас. Ты бы на сцепку упал и зацепился.

– Не знаю. Нет, ты точно меня спас.

– Да, ладно..., – неопределённо протянул Ревка, но самому вдруг стало приятно, что друг так серьёзно оценил его поступок.

Паровоз протасил углярки до пакгауза и остановился. Они вопросительно посмотрели друг на друга, решая без слов, слезить им или нет. Но паровоз двинул углярки в обратную сторону. Пережив случившееся, они не особенно реагировали, куда их везут. Паровоз провёз вагоны метров на сто дальше того места, где они слезли в прошлый раз и остановился, звякнув буферами. Они подождали, надеясь,

что он вновь повезёт их вперёд, куда им хотелось, но тут же увидели, как под буфер пригнулся сцепщик, скинул петлю с крюка и исчез. Паровоз гуднул и отъехал. Они спустились с вагона и побрели вдоль соседнего состава. Не доходя до пакгауза, на деповском переезде повернули и вышли в город.

Напротив старинного здания гастронома, который все называли «Зелёным» и красили его всегда в зелёный цвет, находилась толкучка, где продавали всякую всячину. Люди прозвали её «Хитрым рынком».

– Зайдём, посмотреть, – предложил Ревка. Витька согласился, но показал на чёрные от копоти ладошки.

Ревка взглянул на свои и улыбнулся:

– Вот у забора, в кювете помоем.

Помыв руки, обтёрли их об одежду, и пошли на рынок. Народу было не очень много. С краю продавали вещи. Продавцы носили их в руках, больше всего одежду. Пожилой худощавый дядька носил серый пиджак, женщина в цветном платье с накрашенными губами, шубу, перекинув её через руку. Какой-то мужик со скуластым лицом, в кожаной кепке сказал ей:

– Кто летом шубу купит.

На что она ответила:

– Сани и шубы надо покупать летом.

Мужик улыбнулся и согласился, кивнув головой.

Продавали: шапки, фуражки, чулки, галоши, чюни с шахтёрскими галошами, литовки и самодельные тятки. С одной стороны, в основном старики, продавали различные инструменты, топорища, гвозди, пилы и другие вещи, разложив их на тряпках или мешках.

Где-то в стороне кричал мужик:

– Хомут, хомут для средней коровы!

В глубине толкучки стояли два длинных, криво сколоченных стола, за которыми стояло несколько тёток и, как по очереди, выкрикивали:

– Варенец! Варенец!

– Кому капуста! Кому капуста!

– Пирожки! Пирожки!

– Кому сметаны!

Ребята подошли ближе к столам, обходя женщин разговаривающих с продавцами. Активнее других выкрикивала тётка с пирожками. Она стояла с края стола. Перед ней стояла эмалированная кастрюля, наполовину прикрытая полотенцем. Круглолицая, с белой косынкой на голове и алюминиевой вилкой в руке. Она звонким голосом выкрикивала:

– Пирожки! Пирожки! С картошкой – два рубля! С мясом – пять рублей!

Когда она кричала «пирожки», щёки её раздвигались, словно в улыбке, глаза суживались и, всё её лицо выражало искреннюю доброжелательность. Ревка засмотрелся на неё, сожалея, что у них нет денег. Она тоже заметила его, собираясь прокричать свой призыв. В этот момент, из-за её спины, сбоку, появился белобрысый мальчишка, мигом сунул руку в кастрюлю, схватил пирожок и, отскочив в сторону, побежал прочь. Тётка вытаращила глаза и заорала:

– Паразит! Пирожок украл! Держите его!

Мальчишка бежал уже вдоль улицы. Она взглянула на Ревку и закричала:

– Да у них тут целая шайка! Хватайте их, паразитов!

Ревка с Витькой переглянулись и юркнули в толпу, но опасаясь, что кто-нибудь на самом деле их схватит, быстро выскочили с рынка и побежали к магазину. Там, убедившись, что за ними никто не гонится, спокойно отправились домой.

– Вот так ни за что поймают и отлупят, – подвёл итог посещения «Хитрого рынка» Витька.

– Запросто, – согласился Ревка.

После обеда на горке оказался Юрка, Мисюрчик и Васька.

Когда Ревка подошёл, Юрка спросил:

– В «Чикку» будешь играть? – и, не дожидаясь ответа, добавил, – Витька пошёл за деньгами и Женька сейчас подойдёт.

Ревка побежал домой за монетами. По дороге подумал: «В «Чикку» играли и раньше, но в последнее время, чаще».

Он связывал это с переездом Женьки Песцова, большого любителя этой игры.

Дома Ревка достал из портфеля пенал, где хранил мелочь. Обычно, деньги на игру все ребята выпрашивали, когда шли повторные фильмы. Детский билет в кино стоил один рубль, а повторные картины шли три, четыре раза в месяц. В пенале было пятьдесят копеек. Он взял сорок копеек, оставив десятник на «развод», как говорит Мисюрчик, и пошёл из дома. По дороге мелькнула мысль: «Выиграть бы пятьдесят копеек, будет рубль; попросить завтра на «Пархоменко» и можно купить пирожок с картошкой».

Когда он вернулся, там уже был Витька и следом пришёл Женька. Юрка на тропинке, где не было травы, прочертил своим битком поперечную черту и, собрав у всех деньги, из расчета пять копеек, установил их стопкой, решками вверх. Отмерив семь шагов, провел ещё одну черту, из-за которой предстояло бросать биток. Встав за ней, он прицелился и бросил биток, который упал за стопкой монет, сантиметрах в десяти. Биток был из свинца, примерно в два раза больше пятака и такой же круглый и плоский. Юрка говорил, что сам его отлил. Спору, кому за кем бросать не было, потому что по правилам, у кого он упадёт ближе к монетам, тот и будет бить первым.

По броскам получилась неожиданность: первым оказался Васька, оттеснив Юрку на второе место. Витька был на третьем, а Мисюрчик на четвёртом. Женька бросил биток и повёл линию так, что Мисюрчик оказывался за ним. Он возмутился:

– Ты чего так чертишь? Скривил линию дугой. Чудила!

Подошёл Юрка, забрал биток, провёл линию и Женька оказался за Мисюрчиком, но спорить не стал – хитрость не удалась. Ревка оказался последним, так как биток не долетел до черты с монетами.

Васька ударил битком по стопке монет, они рассыпались, одна перевернулась «Орлом» (гербом) вверх и он её забрал. Ударил второй раз – ни одна больше не перевернулась. Биток взял Юрка и с первого удара выбил десятник, но больше не получилось. Пятак выбил Витька. Мисюрчик вы-

играл последний пятак. Женьке и Ревке не досталось удари́ть.

Собрали деньги на второй кон. На этот раз Ревка оказался третьим, после Женьки и Юрки. Женька сделал чикку, то есть, биток задел стопку монет и рассыпал её. Он выиграл две монеты, Юрка одну. Дождавшись очереди, Ревка выиграл пятак. Последнюю снова выиграл Мисюрчик. Ему стало везти в третьем кону. Он приговаривая:

— Я вот так! Я вот так!

Выиграл три монеты, а оставшийся дватцатник Женька, по примеру Мисюрчика проговорил:

— А я, бац, и готово!

Ревка проиграл пока десять копеек, но настроение началось портиться. Однако, хотелось отыгаться. Мисюрчик, довольный игрой, стоял рядом и смачно жевал серу. Ревка завидуя его удаче и, видя, с каким удовольствием он жуёт, попросил:

— Вить, дай на зубок.

Тот не задумываясь, высунул часть серы, откусил её и подал. Ревка засунул серу в рот, почувствовал её аромат и, жуя, подумал: «Считай, два куса серы проиграл». Её продавали почти у каждого магазина по пять копеек кусочек. Ещё Пашка Краев ему говорил, что сера – это варёная еловая или кедровая живица. Застывший кусочек во рту размягчался и, его можно было жевать очень долго. Если её надо было оставить на потом: прилепляли к низу столешницы или снизу крышки парты, если жевали в школе. Игра продолжалась. Первым проигрался Васька, потом Ревка и Витька. Продолжали играть трое, а проигравшие, сидели рядом, на краю кювета, напротив соседского палисадника, и наблюдали. Ревка поругивал себя за проигрыш, но вслух не высказывался. Витька сказал, что проиграл тридцать копеек, но тоже огорчения не высказывал. Везение у Мисюрчика кончилось и, вскоре, игру прекратили. Больше всех выиграл Женька. Он подбрасывал в ладошке мелочь и говорил:

— Может, ещё у кого есть гроши? Поиграли бы.

Мисюрчик сказал, что у него остался десятник, но он играть больше не будет.

– Почему? – Спросил Юрка.
– Оставляю до следующей игры. Мне иногда везёт.
– Так давай, сейчас отыграйся, – настаивал Женька.
– Не...а, – отказался тот.
– Чё? Сдрейфил? – Ехидно спросил Женька, сузив свои чёрные глаза.

– Я? – Привстал и нагнулся к нему Мисюрчик.
– Ну, я штоли, – ухмыльнулся Женька.
– Ладно. Играем. По десятиру, – заявил Мисюрчик.

Установили три десятника. После бросков, первым оказался Юрка, вторым Мисюрчик, последним Женька. Все наблюдали, кому повезёт. Юрка ударил по стопке – выиграл две монеты, третью перевернуть не удалось. Мисюрчик, очевидно, со злости, с придыханием, сильно ударил по десятнику. Тот подпрыгнул, но не перевернулся. Женька со словами:

– Я его вот так, – легонько ударил и монета перевернулась.

Он забрал её, но ничего не сказал. Мисюрчик сел рядом с Ревкой:

– Зря согласился. Сегодня мне бросило везти.

– В другой раз повезёт, – успокоил его Юрка.

Женька побренчал монетами и со словами:

– Надо домой сходить, – ушёл.

Следом распрощался Юрка. Проигравшие остались сидеть на месте. Настроение у всех было плохое, разговор не клеился. Мисюрчик достал из кармана рогатку, с которой, видать, не расставался, размотал резину и огляделся. Увидев у дороги, подходящий камешек, он встал, поднял его и, не целясь, выстрелил в сторону киоска, который по-прежнему стоял у Ревкиного дома. Раздался звон разбитого стекла – это камень попал в фонарь на крыше киоска. Он представлял собой четырёхугольник, по сторонам которого было по шесть небольших окошечек. Одно из которых и было разбито. Случилось невероятное: все вдруг вскочили, похватали засохшие куски грязи на дороге и бросились к киоску. Толи обида за проигрыш, то ли от того, что этот киоск с начала войны не работал, всех охватило желание разбить,

хоть одно стекло. С бугра хорошо была видна плоская крыша и стёкла этого фонаря. Они стали с невероятным азартом швырять эти куски на крышу киоска. Зазвенело ещё одно стекло. Мисюрчик оставил рогатку и кидал что попадёт по руку. Зазвенело и разлетелось ещё одно стекло и Ревка закричал:

– Я попал!

Через момент зазвенели ещё два стекла. В это время, мужик, идущий по переулку, закричал:

– Вы, что делаете! Хулиганы! – И побежал к ним.

Все бросились наутёк, на горку. Оглядываясь назад, видели, что он продолжает бежать и довольно быстро. Они добежали до косогора и ринулись вниз. Белая рубашка и чёрные штаны продолжали мелькать сзади. Мисюрчик первый перебежал по узкой плотине, устроенной на канаве, все за ним. Они думали, что он побоится здесь пробежать, но он быстро проскочил по ней. Ничего не оставалось, устремиться вперёд по Пожарному переулку в сторону четвёртой улицы. Он не отставал. Бежать становилось труднее и труднее. Сердце Ревки колотилось всё сильнее и от бега и от страха. Рядом пыхтел, как и он, Витька весь красный; чуть впереди бежали Мисюрчик и Васька. Добежали до угла улицы и побежали по ней. Мужик продолжал бежать и, казалось, расстояние сокращается. Улица уходила вверх по пологому холму. Из последних сил они продолжали бежать, да ещё солнце продолжало греть. Ревка чувствовал, что у него едва ли хватит сил добежать до верха и до следующего переулка. Пот заливал глаза. Был сильно удивлён, когда они всё-таки забежали на бугор и оглянулись: мужик остановился на половине подъёма, посмотрел на них и повернул назад. Они проводили его взглядом и рухнули на траву у ближайшего палисадника.

– Вот гад, сколько бежал, – сказал Васька, тоже красный и потный, едва переводя дух.

Все, молча, с ним согласились.

Кое-как отдышались. Назад не пошли, а по следующему переулку повернули сторону своей улицы и вернулись на свою горку.

Васька пошёл домой, а остальные пошли к колодцу у Витькиного дома, чтобы напиться. Витька ловко спустил прицепленное ведро, притормаживая ворот рукой, и быстро выкрутил почти полное ведро. Все с огромным удовольствием напились прохладной воды, а потом уселись на траву у крутого откоса, возле пекарни. Невольно вспомнили свой недавний бег и все согласились, что ещё немного и все бы попадали. Ревка вспомнил:

– Я чуть серой не подавился, когда через платину перебегал.

– А я сразу её выплюнул, как только побежали, – уточнил Мисюрчик.

Витька заметил:

– Но мужик упорный. Два с половиной квартала за нами бежал.

К проходной пекарни подошёл мужчина в сером костюме и вытирая лицо и шею платком, нажал на кнопку звонка. Его, еле слышный звук послышался в дальнем конце пекарни. Сверху откоса им было видна часть двора, как раз до конца пекарни. Из самой дальней двери, вышел мужик в белой рубашке и направился к проходной. Ребята знали, что на проходной давно никто не дежурит. Основные грузы возят через ворота со стороны второй улицы. Открыв дверь, он впустил мужчину и они пошли вдоль пекарни. Когда они зашли внутрь, Мисюрчик вдруг быстро спустился с откоса, подбежал и нажал кнопку звонка. Ревка с Витькой, как по команде, спрятались за забором, туда же поднялся и Мисюрчик. Сквоз щели в заборе они увидели, как этот же мужик направился к проходной. Он открыл дверь, убедился, что никого нет, и пошёл назад. Мисюрчик хотел снова спуститься вниз, но Ревка его остановил:

– Подожди. Я придумал. Идёмте, – и направился в сторону дороги, на косогоре.

За дорогой, они подошли к невысокому обрывчику, на котором иногда сидели, и где была небольшая яма, в которой брали глину для своих поделок. Ревка нашёл палочку, наковырял комок глины, и стал его разминать. Когда он превра-

тился в тестообразную массу, Мисюрчик первым сообразил:

— Давай я пришлѣпну!

Ревка не спешил:

— Подожди, надо щепочку найти.

Её быстро нашли и приложили к липкой массе. Мисюрчик схватил глину и побежал к проходной. У Ревки и, наверно, у них, появилось почему-то чувство мести к мужику в белой рубашке и чёрных брюках; и не важно, что это был не тот мужик. Мисюрчик подбежал и сходу шлѣпнул глину на кнопку. Все спрятались в прежнем месте. Появился мужик и быстрым шагом пошёл к проходной. Он резко открыл дверь, постоял и двинулся назад. Внизу, очевидно, было хуже слышно, чем им наверху, и потому он прошёл, примерно, четверть пути и только потом развернулся и побежал. Ребята засмеялись, прикрывая рты. На этот раз он вышел наружу, осмотрелся, и взглянул на кнопку звонка: отлепил глину, бросил во двор пекарни, закрыл дверь и пошёл. Они, продолжая улыбаться, посмотрели ему вслед, но разгаданную проказу, не стали повторять.

После того, как они ещё раз попили воды, оставшейся в ведре и, набрав её в рот, сполоснули руки от глины, Мисюрчик ушёл домой. Оставшись вдвоём, они отошли от колодца, не зная чем заняться, и Витька предложил:

— Пойдѣм, попросим воска пожевать. Пошли к нему во двор. Там на месте старой избушки, недалеко от стайки, пчелобаза построила маленькую мастерскую по изготовлению вошины для пчелиных ульев.

В мастерской было очень жарко. Две молодые женщины в коротких лёгких юбках и майках, с каплями пота на лицах, улыбнулись на их приветствие:

— Здравствуйте, здравствуйте, ребята! Пришли помочь? — Сказала, продолжая улыбаться, старшая Надя, которая крутила вальцы.

Между ними вылазил жёлтый, широкий и тонкий лист вошины. Витька охотно взялся за рукоятку и продолжил вращать вальцы. Плоский лист упал на стол, обитый оцинкованным железом. Вторая женщина (Ревка уже бывал здесь

и знал, что её зовут Зиной) взяла этот лист, накрыла его деревянной рамкой, обрезала ножом со всех сторон и положила в стопку, таких же готовых. Надя, круглолицая, черноволосая с весёлыми глазами, смахнула рукой капли пота со лба, приложила продолговатый брусок к вальцам и Витька продолжил крутить. Зина собрала обрезки и бросила их в котёл, под которым была топка с горящими дровами. Она же разливала черпаком жидкий воск по противням, где он остывал, превращаясь в бруски.

Ревке было неудобно, что стоит без дела и, когда прокручивая третий лист, на лице друга появился пот, попросил:

– Дай мне покрутить.

Витька уступил ему рукоятку. После второго листа Ревка тоже спотел. Надя посмотрела на него:

– Ладно, ребята, спасибо за помощь, – и забрала рукоятку, а Зине сказала, – дай им вошинки пожевать.

Та подала им скомканный кусочек. Они поблагодарили и вышли во двор. Здесь Ревке показалось просто прохладно. Затолкав куски вошины в рот, они направились в угол двора и забрались на кошёвку.

– Приходи сегодня ночевать ко мне на сеновал, – предложил Витька.

Ревка было согласился, но вспомнив разговор, ответил:

– Тебя завтра рано поднимут – картошку окучивать.

– А, точно, – с сожалением махнул он рукой.

– Вить, а почему вы в эту кошёвку Рыжуху никогда не запрягаете?

– Так на ней ничего не привезёшь. Вот если в какой-нибудь колхоз ехать, где пасеки, или в район в управление, тогда запрягают.

Воск легко жевался, но Ревка много затолкал в рот и через некоторое время почувствовал, что скулы начали неприятно ныть. Стал жевать медленней. Поговорили, вспоминая дядьку, который гнался за ними, и с улыбкой мужика из пекарни. Ревка с некоторым удивлением, пожав плечами, произнёс:

– И чё это мы начали бить эти стёкла?

Витька сделал гримасу, тоже пожал плечами, потом его карие глаза сузились в улыбку и он ответил:

– Сдуру, или за компанию.

Женщины из мастерской закончили работу и пошли домой. Ревка крикнул: До свидания! Они махнули им рукой.

– Пойду домой. Есть охота, – сказал он, хотя есть хотелось почти всегда.

Он ступил одной ногой на жестяное крыло-подножку и, опустив вторую ногу к земле, вдруг вскрикнул от боли: острый, загнутый вверх, угол подножки впился в ногу у самого края шорт. Дёрнув ногу вверх, он спрыгнул с подножки. Из узкой треугольной ранки хлынула струйка тёмной крови. Ревка пальцем прижал вырванный кусочек тела к ране и, выплюнув воск, взглянул на друга. Тот с выражением некоторого испуга, спрыгнул с кошёвки:

– Рева, потерпи. Надо подорожник! Я мигом! – И убежал на улицу.

Первая резкая боль прошла. Прижатый треугольник тела закрыл рану, но по краям пальца кровь сочилась. Кровавый след спустился по ноге до сандалия.

Витька вернулся с двумя большими листьями подорожника:

– На, приложи.

Ревка облизал один из них и стал осторожно прикладывать. В момент, когда отпустил палец, чтобы подсунуть лист, кровь вырвалась из ранки. Он прижал лист двумя пальцами: кровь прекратилась. Стоять согнувшись было неудобно и он повернулся и сел на подножку, ближе к крылу заднего колеса. Витька крикнул:

– Сейчас! – и побежал в дом.

Вернулся с длинной полоской цветной материи:

– Надо завязать и потуже.

Ревка держал лист, а Витька обмотал ногу поверх листа и затянув, завязал на два узла. Кровь из-под листа не появилась. Витька рассмотрел загнутый кончик подножки:

– Острый, паразит.

Посидев некоторое время, Ревка поднялся:

– Пойду.

Витька решил его проводить. Ревка шёл, стараясь не сгибать ногу, чтобы повязка не сползла. Выйдя к дороге, Ревка сказал:

– Ладно, Витя, я доковыляю.

У соседского дома заметил белобрысую голову Герки, смотревшего на него через штакетины забора, и состроил ему рожицу.

Подходя к дому, взглянул на крышу киоска: в фонаре зияло пять дыр. Целым оставалось одно крайнее стекло. Треугольный осколок стекла в соседней шибке ярко светился, отражая лучи вечернего солнца. Он подумал:

«Может это мне наказание за этот киоск и того мужика в пекарне? Тётя Надя Морошкина иногда говорит своим сыновьям:

– Будите безобразничать – Бог накажет.

Проковыляв ещё несколько шагов, он ухватился за мысль:

«Витьку-то, я спас!...».

УБОРКА СЕНА

Утром, как обычно, когда нет особых дел, Ревка выбежал на горку. Ребят на улице не было. Он прошёл к спуску с горы и увидел Петьку, который что-то делал в своём дворе.

Ревка любил бывать у Морошкиных. Ему всегда было у них интересно. Трое мальчишек, правда, Вовка ещё малолетка, отец, Андрей Ильич – весёлый, любящий подшутить над своими сыновьями или женой; хороший рассказчик, как большинство охотников; мать – тётя Надя, добрая и тоже весёлая. Часто, Андрея Ильича, как баяниста приглашали на различные семейные вечеринки. При возвращении с них, невзирая на время года, он на ходу наигрывал на баяне, а она, держа его под руку, звонко пела. Над его шутками она сдержано улыбалась, иногда журила его. Даже, когда она ругала своих сыновей, получалось это без злобы.

Ревка побежал вниз по склону, перебежал по дощатому мостку через канаву и забежал в открытую калитку их двора. Его приветливым лаем встретила собака Розка, приподни-

маясь на задние лапы из-за цепи. Она ласкалась ко всем ребятам. Петька вышел из-под навеса с вилами в руках и поставил их у забора. Поздоровался с ним за руку и сказал:

– Пойдём с папкой на покос. Надо ещё один стожок сметать.

На крыльцо вышел Витька и здороваясь с Ревкой, сразу предложил:

– Пойдём с нами на покос.

Ревка пожал плечами и спросил:

– Петь, вы долго там будете?

– Папка выйдет, спросим, но думаю недолго.

На крыльце появился шестилетний Вовка: круглолицый, со светлой, слегка кудрявой, головой, и сразу заявил:

– Я тоже хочу на покос.

– Это ты у папки спроси, – сказал Петька, а Витька дотронулся пальцем до его курного носа и сказал:

– Волнушка, вот подрастёшь, станешь боровичком, тогда и пойдёшь.

Тот в ответ высунул язык.

Из сеней вышел отец. Он был в светло-серой рубашке, тёмных брюках и сапогах.

– Здравствуйте, Андрей Ильич! – поспешил поздороваться Ревка.

– Здравствуй, Рева. Ну, что там хорошего наговорило радио? – Улыбаясь спросил он, и вокруг его светло-голубых глаз, словно лучики, появились мелкие морщинки.

Ревка знал, что у них, как у многих, пока нет радио, и охотно ответил.

– Уже несколько дней передают о наступлении немцев на Воронежском и Центральном фронте, а наши ведут оборонительные бои. И, говорят, у них появились новые танки «Тигры» и «Пантеры».

– Я слышал, они с двух сторон наступают с этими хищниками.

– Да, от города Орла и ещё какого-то города, – вспомнил Ревка.

– Поколотят их наши. Мы же умеем хищников стрелять, – сказал он, и потрепал его по голове.

Взглянув на Витьку, сказал:

– Принеси топорик из кладовки.

– Пап, мы там долго будем? – спросил Петька.

– Вот те раз! Едрёный корень! Ещё туда не пришли, а ты уже назад хочешь.

– Нет, – возразил тот, – вот, Ревка спрашивает. Если не долго, он бы с нами пошёл.

– Думаю, не долго. Часа в четыре вернёмся.

– Я тоже хочу на покос, – снова заявил Вовка, обращаясь к отцу.

– Вова, – отец слегка наклонился к нему, – до покоса почти пять километров, да назад, устанешь.

– Я не устану! Я не устану! – затораторил тот, готовый заплакать.

В это время подошёл Витька и подал топорик. Засунув его сзади за ремень, отец нагнулся к Вовке:

– Сынок, я тебе обещаю. Поедем за сеном, мы тебя обязательно возьмём. Знаешь, как интересно ехать на возу с сеном.

Тот потупился, но не заплакал, а Ревка подумал: «На возу с сеном ехать бывает и страшновато, когда воз раскачивается на рытвинах».

Андрей Ильич взял вилы и грабли, положил их на плечо и посмотрел на Витькины ноги:

– Иди надень старые сандалии. Босиком там ноги наколишь.

– Так они же раззявились. Я..., – он не договорил.

– Ничего. Главное подошва целая, – и повернулся к Петьке, – отцепи Розку.

Та, повизгивая, металась в разные стороны. Петька нагнулся, отцепляя её, она лизнула его в лицо и уже свободной, бросилась в ноги Андрея Ильича, коснулась боком Ревкиной ноги, уткнулась носом в Вовкин живот и выбежала в открытую калитку.

На крыльцо вышла тётя Надя. Ревка поздоровался, она ответила кивком головы и сказала:

– Еду не забудьте, – и приподняла мешочек в руке.

– Витька понесёт, – ответил Андрей Ильич и направился к калитке.

Петька взял вторые вилы, взглянул на Ревку, и они двинулись следом. За воротами их догнал Витька с мешочком в руке.

Шли по Пожарному переулку. Утро выдалось солнечным, безоблачным. Июль стоял жаркий, но сейчас, около девяти утра, идти было приятно. Розка бежала впереди, делая зигзаги от заборов до края канавы и частенько оглядывалась на хозяина. Минувя следующую улицу, Петька показал на другой берег канавы:

– Смотри сколько репья выросло у того забора. Надо в августе сюда придти, пошелушить семена.

Ревка поддакнул ему и сразу вспомнил, как прошлый год помогал ему собирать спелые головки репья, а потом шелушить, проветривая семена, прежде, чем ссыпать в банку. Эти семена лучший корм для щеглов. И, хотя Петька предупредил его, что мелкие волосики в головках репья, если попадут под рубашку, будут неприятно колоть, он не уберёгся. Когда стало колоть за воротником и в рукавах, он снял рубашку, выхлопал её, но это не помогло. Пришлось идти домой, вымыться до пояса и сменить рубашку.

Ловлей щеглов Ревка заинтересовался прошлой осенью, когда увидел щегла вблизи, в Петькином садке. Он восхитился его красотой: головка красная, с чёрными полосками, и белыми щёчками, желтоватая грудка с белым брюшком, коричневая спинка, а крылья и хвост чёрные. Но на крыльях очень ярко-жёлтые полосы. Кроме того, он красиво пел. А в следующее воскресенье он с утра пришёл к Петьке и просидел с ним несколько часов, наблюдая за ловлей щеглов. На высоком шесте, в огороде, была подвешена клетка со щеглом. При пролёте стаи, он начинал петь, и сородичи опускались на ветку, прибитую к шесту. Рассматривая щегла в клетке, они видели зёрнышки репья в хлопках-ловушках. Если какой-нибудь из них садился на дверку ловушки, а потом на палочку, чтобы полакомиться приманкой – палочка падала, ловушка захлопывалась: гость оказывался пойманным. В тот раз попались два щегла.

Особенно Ревку поразило, когда он, однажды, пришёл к нему зимой. Тогда у него остался один щегол и жил до весны, потом его выпустили. Петька сказал:

– Сейчас тебе кое-что покажу, – взял баян и сел на кровать в комнате.

Он уже хорошо играл на нём.

– Смотри, – он мотнул головой в сторону садка со щеголом, и быстро заиграл «Во саду ли в огороде».

Щегол вдруг спрыгнул с насеста на дно садка и стал стучать по нему лапками и петь.

– Пляшет! – восхитился Ревка. – Вот здорово! – и посмотрел на Петьку.

Тот улыбнулся:

– Это папка заметил. А если другую мелодию заиграть, плясать не станет.

Он заиграл вальс «На сопках Манжурских». Щегол вспорхнул на насест и стал громко илькать.

– Здорово! – ещё раз восхитился Ревка и с этого момента ему захотелось сделать клетку и держать щеголов.

Сейчас, вспоминая это на ходу, Ревка решил похвастать:

– Я клетку начал делать. Мне Мисюрчик подсказал. Уже каркас сколотил и одну сторону спицами загородил. Петька посоветовал делать спицы из бамбука, но Ревка сказал, что его у него нет. Тогда, он рассказал, как вставлять спицы из обычного дерева, как прожечь отверстия для гужей, если нет тонкого воротка. И, даже, пообещал найти сыромятной кожи для гужей.

Это разговор видать надоел Витьке, и он побежал догонять отца, смешно подбрасывая ногу, с рваной сандалией. Нагнав, законючил:

– Папка, мне плохо идти в этой обуви. Тот улыбнулся, взглянув на него:

– Сними и дуй босиком. На покосе обуешь.

Витка подождал Петьку и протянул ему мешочек с просьбой поддержать, пока он разуется. Сбросив сандалии, он сморщил нос:

– Я устал его тащить.

– Неси, неси не приставляйся, – понужнул его тот.

– Давай мне, – предложил Ревка, – а он пусть свои сандалии несёт.

Мешочек был нетяжёлым. Продолжая разговор, сказал:

– Юрка Колесов четырёххлопку делает.

У многих, кто давно птиц ловит, такие клетки есть, уточнил Петька.

За разговорами не заметили, как вышли из города. Обогнув кладбище, прошли по небольшой гати, через болото, и вышли к опушке леса. Дорога углубилась в него по пологому склону. Одна сторона леса, по бугру, освещённая солнцем, была залита яркой зеленью; другая, в низине, с большим количеством елей, утопала в густой тени. Розка моментально исчезла в густой траве и через какое-то мгновение выскочила на дорогу далеко впереди. Вскоре, свернули с основной дороги и кроны деревьев сомкнулись над их головами. Зазвенели комары. Но вскоре, дорога стала пересекать небольшие полянки, и комаров стало меньше. Выйдя на одну из них, Витька, которого отец вёл за руку, поднял руку с сандалиями и прокричал:

– Вон, за теми ёлками, наш покос!

Поляна оказалась не такой маленькой, как представлялось Ревке, по рассказу Петьки. Розка, с высунутым языком, пробежала рядом и устремилась через поляну в дальний перелесок. Две копны стояли поодаль, а три недалеко от того места, где они остановились.

Андрей Ильич положил грабли и вилы на траву, сел на старый ствол берёзы, лежавший между кустами, забрал у Ревки мешочек и, достав из него бутылку, подал Петьке, со словами:

– Спрячь в ямку и накрой лопухами.

Тот ушёл в кусты, а он повернулся к ребятам:

– На солнце комаров меньше. Сейчас здесь отдохнём и за работу.

Витька с Ревкай сели рядом. Пришёл Петька и отец послал его принести рогатину.

– А где она?

– В зарослях волчей ягоды, – ответил отец.

– Под жёлтым кустом? – улыбнулся Петька и пошёл.

Андрей Ильич тоже улыбнулся, посмотрел на Ревку и решил пояснить:

– Это у нас в Бобровке отец с сыном закончили работу на покосе, и сын кричит отцу через всю поляну: «Папка! Я грабли под этот жёлтый куст положил! – Ладно! – отвечает тот. На другой день приходят к жёлтому кусту, сын лезет под него, оборачивается и шёпотом говорит: «Папка их украли». Когда прятали – орали, а когда украли шёпотом. Надо было на оборот. Ревка улыбнулся и сказал:

– Как мой дед говорит: «Сваляли дурака».

Ещё заканчивая эту историю, он взял у Витьки оторванный сандалий, проколол подошву перочинным ножом, срезал с ветки акации полоску лыка, продел её в щель подошвы и привязал к верхним ремешкам:

– На, надевай. Ещё и до дома, в них дотопаешь.

Вернулся Петька с рогатиной. Это оказались специальные вилы, сделанные из тонкого деревца с тремя длинными заострёнными концами, направленными в разные стороны. Он положил их рядом с другими и сказал:

– Розка сейчас зайчишку спугнула. Выскочил из-под куста и, как дал стрекача. Она за ним погналась, но он быстро исчез.

– Большой? – спросил Ревка.

– Нет, маленький.

– Здесь их целый выводок, – пояснил Андрей Ильич, – по первому снежку надо сюда наведаться с ружьишком.

– Это надо с кем-то, у кого гончая есть, – деловито заметил Петька.

– У кого во дворе гончая, тот браконьер.

– Почему? – удивился Ревка.

– А эти, с гончими, не дожидаются, когда снег упадёт, а по осени охотятся. Зайцы ещё не полиняли – пегие, прячутся по кустам, а они их гоняют и бьют. Раз заяц не отлинял, его нельзя добывать. Потому и браконьеры.

– Так надо пригласить с гончаком, когда снег ляжет, – уточнил Петька.

– Да я без гончей умею на зайцев охотиться. Надо знать их повадки и уметь читать следы, – лицо Андрея Ильича

выразило какую-то загадочность: глаза сузились и он с хитрой улыбкой продолжил, – я зайца подстреливал, когда он затаился, на бегу, на лету и даже на дереве.

– Как это на дереве? – почти в раз спросили Ревка и Витька.

– Давно это было. Петьке, наверно, года полтора было. Пошли мы с шурином Кузьмой на охоту. У него шустрый кобелёк был, Пушком звали. Разошлись с ним в лесу. Он с Пушком, в одну сторону, я в другую. Через некоторое время, слышу лай. Думаю, наверно Пушок белку засёк, но выстрела нет и лай затих. Я иду, ружьишко наготове, в их сторону поглядываю. Вдруг, натываюсь на заячий след. Оглядел вокруг, больше следов нет. С боку сломанная берёза, по толще этой, но комель у неё не на земле, а держится у слома на высоте, примерно, метра два. Глянул вверх и замер: заяц забрался по этой широкой берёзе и затаился у самого разлома. Я вскинул ружьё и он готов. Кому ни говорил, зайца на дереве убил – не верят.

– А в лёт? – спросил Витька.

– Это лет пять назад было, – сказал Андрей Ильич, отгоняя комара и почёсывая щёку.

– Уговорил, как-то Роман, сослуживец, пойти на зайцев. У него две гончие собаки. Снежок уже упал и я согласился. Предложил ему на Торовские поляны идти, а сам пошёл к Глухому логу: посмотреть по следам, кто там обитает. Договорились, что я круг сделаю и к нему выйду. Побродил я у этого лога, подстрелил одну белку, и двинулся к тем полянам. Вышел из ельника, слышу вдалеке лай. Значит, гонят зайца его гончие. Перед поляной овраг. Неширокий, но глубокий. Спустился, побыстрее вниз, и слышу лай приближается, да так быстро. Думаю, вылезти не успею, а лай всё ближе. Я ружьё вскинул, как на уток, и тут заяц прыг и летит через овраг. Ну, я его влёт и шлёпнул. Перелетел он овраг, но был готов. Пока я из оврага выбирался, подошёл Роман и всё удивлялся, как я так сумел. Если б не свидетель, никто бы не поверил.

– А собаки овраг не перепрыгнули? – спросил Ревка.

– Нет. Они на том краю крутились и повизгивали.

– Папка, ещё про..., – что-то хотел спросить Петька, но Андрей Ильич прервал его:

– Всё, ребята, байки кончились. Пошли работать. Берите вилы, я буду рогатиной таскать, ты Витя охапками. Сначала перетаскиваем те две дальние копны к этой средней.

Ревка удивился, что вилы оказались такими лёгкими. Когда подошли к первой копне, Ревка поспешил воткнуть вилы в сено и потянуть на себя, но сено даже не шелохнулось. Андрей Ильич ухмыльнулся:

– Подождите, ребята. Я сейчас макушку сброшу, а вы потом берите небольшими пластами, а то будет тяжело нести.

Он воткнул рогатину, нажал, и макушка съехала вниз. Потом он взял на рогатину большой пласт и понёс. Петька тоже оторвал навильник сена, приподнял его, как отец, и понёс. Ревка последовал его примеру, но оторвать пласт не смог. Тогда воткнул вилы не так глубоко и получилось. Он поднял навильник над головой, прислонил черенок к плечу и понёс. Мелкая труха налетела за воротник и неприятно покалывала. Нести было не очень тяжело, но к концу пути почувствовал вес. Возвращающийся назад Андрей Ильич сказал:

– Рева, бери поменьше.

Сбросив навильник на вновь образованную кучу, он пошёл назад, отряхивая на ходу труху с шеи.

Второй навильник сена он взял меньше, и нести было легче. На полдороги он увидел, что Петька с отцом сняли рубахи. Идя навстречу, посоветывали и ему. Он внял совету и, когда нёс очередной навильник, ощутил, что хотя труха и липла к телу, но не кололась. Андрей Ильич забирал такие большие навильники сена, что скоро первая копна почти исчезла. Он заставил Витку взять грабли и подгрести остатки.

Таская навильники с сеном, Ревка испытывал некоторую гордость за себя, что он помогает в таком серьёзном и важном деле. Дома ему не приходилось иметь дело с сеном. Обычно для коз покупали воз сена и дед сам таскал его и поднимал на сеновал.

При перетаскивании второй копны, Ревка почувствовал, что правое плечо начинает побаливать и стал прижимать черенок вил к левому плечу, но это было как-то неудобно. Стал брать сена поменьше и не так прижимать черенок к плечу. При последних навильниках второй копны, у него закрутилась мысль: «Не зря ли он напросился на этот покос?». И тут же отогнал её: «Это не хворост таскать в вязанках, когда всё тело болит». И прибодрённо улыбнулся Петьке, идущему навстречу. Витька с серьёзным видом работал граблями. Наконец, закончилась и вторая копна. Андрей Ильич поставил рогатину у одной из копён и сказал:

– Сейчас перекусим и продолжим.

Расположились вокруг невысокого пенька, рядом с поваленной берёзой. Ревка со стороны наблюдал, как Андрей Ильич расстелил на нём короткое полотенце и выложил из мешочка варёную картошку, завернутую в газету, он её сразу раскрыл, три яичка, три куса хлеба и пучок зелёного лука. Ревка понимал, что тётя Надя готовила еду на своих, и не знал как себя вести. Толи отказаться от еды или сослаться, что болит живот и уйти в кусты, или...

– Рева, – обратился к нему Андрей Ильич, – Ты чего там на отшибе, садись сюда, ближе, – доставая небольшую кружечку из мешка, велел Петьке принести бутылку.

Ревка с некоторым колебанием присел у пенька. Петька вернулся с бутылкой и сел рядом с ним. Из кустов выскочила Розка, очевидно, почуяв еду. До этого она носилась по лесу и редко выбегала на поляну. Петька прогнал её, а отец похвалил:

– Правильно, нельзя приучать, чтобы была рядом, когда едят.

Он разломал куски хлеба пополам и сказал:

– Кто работает – должен есть! Ешьте картошку с луком и яйца, а хлеб будем с молоком.

Ревка ел картошку, похрустывал луком и ему казалось, что давно не ел его с таким удовольствием. Андрей Ильич сложил несколько перьев лука, но прежде, чем отправить их в рот, посмотрел на Витьку, оплетавшего картошку, сказал:

– Не части.

Тот сделал удивленные глаза, но замедлил жевание, а Ревка вспомнил: «Однажды зимой, он ждал Петьку у них дома. Вся семья ела жареную картошку с большой сковороды и Андрей Ильич, точно так же сказал Витьке и добавил:

– Вовка же маленький.

Витька с набитым ртом, ответил:

– Да, ты не знаешь! Он на обеих сторонах жуёт!

Сейчас, глядя на него, Ревка улыбнулся.

Когда Петька стал облупливать яйцо, Андрей Ильич сказал:

– Рева, бери яйцо, не стесняйся, вам пацанам надо расти, сил набирать, – подбадривал он, – вот, соль на бумажке.

Когда дело дошло до хлеба с молоком, Ревка вновь почувствовал неловкость: во-первых, хлебом давно никто не угощал, а во-вторых, он привык только к козьему молоку. Андрей Ильич налил почти полную кружечку молока и сказал:

– Берите по кусочку и припевайте по очереди.

Ревка с какой-то неловкостью взял кусочек хлеба – это был обычный чёрный хлеб с примесью картошки, который выпекала пекарня. Когда Петька с Витькой отхлебнули молока, а Ревка медлил, Андрей Ильич подбодрил его:

– Пей, пей ещё больше полбутылки.

Ревка сообразил, что сейчас говорить, что любит, и что не любит, просто неудобно. Он поднёс кружку и отхлебнул.

К его удивлению, прохладное молоко показалось даже приятным. Это сразу сняло напряжение и он довольный, без стеснения взял ещё ломтик хлеба, предложенный Петькой.

Когда с едой было покончено, Андрей Ильич встал и сказал:

– Всё, орлы! За дело. Витя, скорлупу размельчи и рассыпь – птички склюют. Полотенце и всё остальное в мешочек.

– Пап, ты же обещал рассказать, – напомнил Петька.

– Рассказывать, вроде не резон.

– Мамка говорит, еда должна улежаться, – вдруг заявил Витька.

– Та-ак, – с удивлением посмотрел на него отец, – ладно, тогда я дымком побалуюсь.

Он сел на берёзу, достал кисет из кармана, цветной матерчатый мешочек. Достал из него нарезанную из газеты бумажку, сложил её лодочкой, насыпал на неё щепотку махорки и ловко скрутил. Послюнил край бумажки, провёл по ней пальцами и готовую скрутку, которую называл «цигаркой», вставил в рот. Потом, пошарил в кисете, достал желтоватый камешек, продолговатую железку-кресало и трут из скрученных ниток. Положил камешек на трут, ударил по нему два раза кресалом и стал дуть на трут. От него пошёл дымок. Прикурив, он потушил трут о камешек, спрятал всё в кисет и сунул его в карман.

Ревка часто видел его курящим на лавочке перед домом и удивился, что здесь в лесу, он закурил только сейчас.

Выпустив дым тонкой струйкой, он начал рассказывать:

– Вот такой случай. С тем же Кузьмой вышли мы из Бобровки. Зима, лёгкий морозец. Он с ружьём, а я с котомкой со старыми валенками. Взял у тётки на подшиву. Он пошёл в лес и сказал, что выйдет ко второму повороту дороги. Я пошёл прямо, а потом решил срезать напрямик: снег был ещё не глубокий. Прошёл сквозь придорожный осинник и вижу широкую заячью тропу. Думаю: «Вот хорошо. Я по ней, как по дорожке пройду». Он курнул несколько раз и продолжил:

– Шагаю. День солнечный, снег поскрипывает. Иду легко. Слышу выстрел Кузьмы. Соображаю: в кого он мог стрелять? А через минуту на эту тропу выскакивает заяц и во весь дух бежит мне навстречу. Бежит и не сворачивает. Вот уже рядом и летит прямо на меня. Я размахиваюсь, как его шваркну валенком. Он отлетел в снег, толи очумел, но выскакивает на тропу и опять на меня. Я его другой ногой шарах! Тут он отлетел в сторону и бросился в кусты. Я тогда ничего не мог понять. Встретился с Кузьмой. Рассказываю. Он смеётся, но не верит. Тут я взглянул на валенки и вижу на них белые шерстинки. Говорю: «Вот, видишь?». Он только тогда поверил.

– Папка, он, что бешеный был? – спросил Витька.

– Нет, – отец курнул последний раз, плюнул на окурочок и, раздавив его о берёзу, бросил на землю, – пояснил, – позже один знающий человек сказал, что заяц перед собой градусов десять и столько же сзади – не видит. Вот он с перепуга, после выстрела, и бежал по своей тропе и не видел меня.

– Какие градусы? – сморщил нос Витька.

– Будешь дальше учиться, узнаешь, – ответил отец и добавил, – Петька дома расскажет.

Он поднял рогатину и, ни слова не говоря, пошёл к копнам.

Вооружившись вилами, ребята пошли за ним.

Теперь таскать было недалеко и с третьей копной справились быстро. Ещё меньшее расстояние было от четвёртой копны. Андрей Ильич забрал вилы у Петьки со словами:

– Поноси рогатиной, только много не бери, а я начну стожок складывать.

Хотя Ревка брал небольшие навильники сена, но плечо чувствовало ношу. Продолжая носить сено, Ревка с удивлением заметил, как Петькин отец из бесформенной кучи сена сложил основу стога, и теперь он рос на глазах.

Когда он, в очередной раз, принёс навильник сена, Андрей Ильич спросил:

– Рева, ты когда-нибудь стоял на стогу?

– Нет, – честно признался он.

– Это не сложно. Давай я тебе подсажу.

Вмиг, Ревка оказался на зыбкой кучи сена. Первое задание было утоптать, чем он и занялся. В это время, Петька попросил помочь перетащить остатки четвёртой копны. За это время Ревка утоптал сено и, ноги перестали проваливаться в глубину, как раньше. Андрей Ильич подал ему вилы:

– Мы с Петькой будем подавать сено, а ты его раскладывай и показывай нам куда бросать. Понял?

– Понял, – кивнул головой Ревка.

Первые подачи сена, немного испугали Ревку. Он засомневался: справится ли он, особенно, когда Андрей Ильич, подавал огромные навильники своей рогатиной. Но тот сам угадывал, куда надо положить. Ревка приминал, кое-где пе-

рекладывал сено своими вилами, просил забросить по-
дальше к центру.

В какой-то момент ему показалось, что они ускорили по-
дачу сена. Ему приходилось принимать с разных сторон, и
он боялся не успеть за ними.

Стог стал быстро расти. Солнце пригревало, по телу по-
бежали струйки пота.

Настало время, когда подавать сено стал только Андрей Ильич. Ревка уже с полной уверенностью и удовлетворением подсказывал ему, куда подавать. Он чувствовал себя самым важным в этом деле и жалел, что в это время его не видят родные или знакомые.

Дунул лёгкий ветерок и приятно остудил потное тело. Внизу заканючил Витька:

– Папка, я хочу пить.

Отец обратился к Петьке:

– Возьми бутылку и сходи к ручью, принеси водички.

Пить уже хотелось всем. Петька бросил вилы и побежал к месту, где остался мешочек и рубахи. Вдогонку отец ему крикнул:

– Возьми, там под ёлкой, помятое ведро, что Витька прошлый раз нашёл у дороги; вымой хорошенько и принеси воды помыться.

Петька с бутылкой, ведром и Розкой, оказавшейся рядом, побежал в сторону опушки, за которой виднелись вершины елей, спускающихся по откосу.

Подавая очередной раз сено, Андрей Ильич посоветовал Ревка:

– Начинаем вершить. Подтягивай постепенно к центру.

Поправляя пласты сена, как ему велели, он ощутил себя знатоком этого дела. Остатки ближней копны убывали, и вскоре, на том месте орудовал граблями Витька. И вот, последний навильник. Андрей Ильич улыбнулся:

– Рева, постой ещё там. Я срублю жёрдочки, чтобы пригрузить макушку.

Он пошёл к берёзе, у которой ели, взял топорик и исчез в зарослях леса.

Ревка огляделся: высокие кусты по краю перелеска казались маленькими, а до верха молодых осин можно было дотянуться рукой, если бы они были рядом. Только редкие ели, по прежнему, возвышались. Вдруг, у него мелькнула мысль: «Как же я буду отсюда слазить? Высоко, не спрыгнешь...».

Появился Петька с водой. Ревке захотелось пить ещё тогда: после заявления Витьки. Сейчас он только облизнул

губы. Петька поднял голову, прикрыл глаза от солнца и спросил:

– Завершили? А чё, папка тебя не спустил оттуда?

– Он за какими-то жёрдочками пошёл.

Петька понимающе кивнул головой. Подбежал Витька. Тот подал ему бутылку с напутствием:

– Много не пей, всем пить охота.

– Петь, – обратился Ревка, – вилы ещё нужны?

– Нет наверно. Сена больше нет. Бросай, только черенком вниз.

Сбросив вилы, Ревка уселся на стог. В это время он почувствовал покалывание на плечах. Он понял, что слегка подгорел, хотя до этого много раз бегал без рубахи.

Из ближних кустов вышел Андрей Ильич с четырьмя тонкими берёзками подмышкой. Подойдя к стогу, он связал две зелёные макушки и протянул одну из них:

– Затащи и перекинь их через макушку.

Ревка выполнил. Вторую связку, как сказали, положил поперёк первой. Потом Андрей Ильич взял грабли, поднял их и, прислонив к стогу, сказал:

– Ложись на живот и спускайся ногами к граблям. Ревка лёг и с опаской стал спускаться, но тут же, упёрся ногами в грабли. Те медленно стали опускаться. Ревка поехал вниз. Потом грабли исчезли из-под ног и Андрей Ильич, подхватив его на руки, опустил на землю. Он с огромным удовольствием напился прохладной воды и отдал бутылку Витьке, который подал её отцу. Петька пошёл прятать рогатину, а Андрей Ильич, напившись, поблагодарил Ревку за помощь и добавил, что без него, они бы провозились гораздо дольше. После этих слов, Ревка с явной гордостью посмотрел на сложенный стог.

Потом все вытрясли свои рубахи и стали умываться, поливая друг друга из ведра. Вода была довольно прохладной и дома Ревка вряд ли бы согласился такой обливаться. Здесь, глядя на других и, особенно на Андрея Ильича, который с удовольствием пофыркивал, когда Петька поливал на спину. Ревка с замиранием изображал удовольствие.

По дороге Ревка снова завёл разговор о щеглах и клетках. За разговором они не заметили, как подошли к своей улице.

Дома, когда он рассказал, чем занимался, мать не стала ругать за то, что не пришёл на обед и заставил её волноваться. А бабушка даже похвалила.

СОБИРАНИЕ УГЛЯ

Было около семи часов утра. Ревка с матерью спустился по лестнице виадука на перрон вокзала. Поезд, на котором им предстояло ехать, стоял у перрона. Ещё за день, мать предупредила Ревку о сегодняшней поездке в соседний город для сбора угля. Ему было невдомёк, как это можно собирать уголь? Собирать можно грибы в лесу. А уголь? Мать тогда ответила:

– Там увидишь.

Поезд из шести вагонов, все называли «Вертушкой»: на нём возили железнодорожников на подсобные хозяйства. Подойдя к нему, они увидели, что вагоны набиты людьми так, что заняты даже подножки. Мать сказала:

– Пойдём на ту сторону.

Они спустились с низкого перрона и обошли задний вагон. С этой стороны тоже, у двух вагонов, люди стояли на ступеньках лесенок. Ревка подбежал к четвёртому вагону, ухватился за поручень и легко запрыгнул на ступеньку: сказался опыт катания на маневровых поездах. Когда подошла мать, он поднялся выше, взялся левой рукой за решётку ограждения двери и протянул ей руку. Она поднялась на нижнюю ступень, упёрлась спиной в высокий поручень, взялась левой рукой, на которой висела сумка, за решётку двери, а правой обхватила его бок. Ревка поднялся на третью подножку, одной рукой держался за ту же решётку двери, а второй за поручень перед ним, в который упиралась мать и закреплённый над его головой. Рядом, на лесенку соседнего вагона, встали мужик и мальчишка.

Послышался звон колокола, гудок паровоза и, звякнув сцепками и буферами, поезд двинулся.

Ревкина голова, была чуть выше материной, и он хорошо видел, как начали «проплывать» вагоны, остающиеся на станции. Поверх вагонов были видны верхушки тополей на воинской площадке, а вскоре, кончились дома города и перед глазами, словно закружились деревья. Колёса всё чаще стучали на рельсовых стыках – скорость увеличивалась. Ревка посмотрел на мать: из-под цветной косынки, завязанной сзади, выбилась тёмная прядь волос. Она взглянула на него и словно улыбнулась одними глазами. Они были карими, нос и губы были такие аккуратные, что он считал ее самой красивой. На ней была вязаная кофта и синее платье в мелкие цветы с длинными рукавами.

Сумка с поклажей, приготовленная бабушкой, сползла по вытянутой руке до самой груди.

– Тебе удобно стоять? – спросил Ревка.

– Удобно. Я же спиной опираюсь.

Он перевёл взгляд на лес, который стал темнее из-за количества елей. Солнце уже поднялось над лесом. Его тепло ощущалось на лице, как и положено, в конце июля, но, благодаря ветру, от скорости движения, сохранялась утренняя свежесть. Через некоторое время поезд стал притормаживать и вскоре остановился на разъезде, но с этой стороны был сплошной лес. В тамбуре вагона слышался стук, звуки движения, разговоры, очевидно, кто-то выходил. Поезд быстро двинулся дальше. Снова перед глазами закружились ели. Смотреть стало неинтересно. Он невольно и с радостью вспомнил, что за день до этой поездки закончил изготовление клетки. Петька хорошо подсказал, как прожигать отверстия под гужи. Первые два отверстия он прожигал во дворе. Пришлось бегать с расколённым гвоздём, зажатый щипцами, по несколько раз от печки до скамейки: гвоздь быстро остывал. Два других решил прожигать у печки. Открыл дверцу, накалил гвоздь и подставил в намеченное место: гвоздь прошёл сквозь рейку за один раз, но вспыхнула рейка. Он бросился к рамоунику и залил водой. То же случилось и со вторым отверстием. Конечно, дым оказался в кухне, а вошедшая бабушка ахнула:

– Ты говорил будешь прожигать во дворе? А сам задымил весь дом!

– Так получилось, – Ревка виновато сморщил нос и быстро убежал во двор.

В последние дни он закончил вставлять спицы. Сделал две дверцы для хлопок-ловушек и маленькую для садка. Закончил – устройством гужей. Сделал длинный разрез в сыромятной кожанке, просунул в отверстия, вставил в разрез длинную палочку, а по краям клетки вставил в разрез две короткие палочки и, накручивая их, скрутил кожу так, что она отбросила палочку, как пружина. Связав ниткой палочку с дверкой ловушки, хлопок-ловушка была готова. Так же изготовил и вторую. Он был очень рад и горд выполненной работой и похвастался, показывая клетку деду, бабушке и даже матери. Сейчас, глядя на мелькающие перед глазами ели, он думал: «Скорей бы осень, когда начнётся ловля птиц».

Постоянно меняющаяся, зубчатая стена леса становилась всё выше и темнее. Даже, когда поезд замедлил ход и остановился во второй раз, эта стена леса не поредела: станция снова была на другой стороне.

– Половину проехали. Это разъезд «Пихтовый», – сказала мать, разминая пальцы левой руки.

Ревка, по её примеру, отпустил решётку и стал шевелить пальцами.

– Держись, сейчас поедem, – предупредила мать, и они вновь взялись за решётку. Поезд тронулся и быстро набрал скорость.

Перед глазами вновь мелькающая зелень и, на этот раз, мысли улетели в пионерский лагерь, куда мать купила путёвку на третий сезон. В памяти возникла лесная дорога от станции до лагеря, речка, высокий косогор, на котором он располагался; деревянные корпуса на четыре палаты, для отрядов, кухня и столовая, в виде длинной крытой веранды; трибуна и флагшток, на котором, на торжественной линейке утром и вечером поднимали и опускали флаг лагеря. Вспомнил, как медсестра убегала от быка. Посетовал, что там нет моря, как в Артеке, лишь лес.

Солнце слепило глаза, и он опустил взгляд на лицо матери. Она задумчиво смотрела между вагонами.

– Мама, – обратился он с неожиданным, даже для себя, вопросом, – почему Гена пишет с фронта, а папа нет? – и вспомнил, что про отца спрашивал.

Она посмотрела на него:

– Не знаю.. Во время войны всё может быть. Может, попал в такое место, откуда нельзя писать.

Последнее Ревку успокоило. Он даже пофантазировал, что отец, скорее всего, попал в партизаны и героически сражается.

За разными мыслями он не заметил, как резко поредел лес, а едва вдали показались домишки, поезд въехал на станцию и сразу показался вокзал.

Мать сказала:

– Приехали.

Сзади Ревки, в тамбуре послышался шум. Им пришлось отцепиться, от решётки двери. Она с трудом открылась, и Ревка увидел мужчину в полосатой рубашке с мешком в руках. Вагон остановился, мать спустилась на землю и подала Ревке руку, но он спрыгнул сам. Они не пошли к вокзалу, а через открытые воротца в штакетной ограде, вышли на широкую пыльную площадь. Мать отошла в сторону и подошла к пожилой женщине с корзинкой, а Ревка стал рассматривать здание вокзала. Он был каменным, с высоким входом, большими окнами, но гораздо меньше, чем на их станции. Мать махнула ему рукой, и они пошли мимо небольшой рощицы молодых тополей, на прилегающую к площади улицу. Дома, как и в их городе, были деревянные с палисадниками и покосившимися звборами. Дорога, покрытая толстым слоем пыли, вилась между большими рывтинами. Поэтому они шли по траве, вблизи палисадников. За домами и огородами Ревка увидел высокую, правильной формы, гору и сразу спросил, что это за гора.

Мать ответила:

– Это и есть шахта, куда мы идём.

Дошли до переулка и повернули на следующую улицу. На ней были такие же дома и палисадники, которые просто от-

личались друг от друга. Гора всё увеличивалась. Улица закончилась и, обойдя угол последнего забора из жердей, они вышли в ложбину. За ней была большая поляна, на другой стороне которой, и возвышалась эта гора. Подошли ближе и Ревка увидел, в стороне от её подножья, толпится с десяток человек. Подошли к ним. Все стояли около женщины, в розовом платье, с большой книгой в руках. Рядом стояла вереница деревянных ящиков с номерами на боку. Мать отдала ему сумку и направилась к этой женщине, а он задрал головы и стал рассматривать гору. Почти сразу заметил, что по пологому склону, от кирпичного приземистого здания, ползёт маленький вагончик и поднимается всё выше и выше. Наконец, он доехал до самого верха и, у торчащей рога-тулины, опрокинулся. Вниз, по крутому склону, полетели камни, а вагончик пополз вниз.

Ревка подошёл к матери, как раз, когда она отошла от женщины.

– Идём, – сказала она, забирая у него сумку.

– Сейчас, – ответил он, а сам подошёл к женщине с книгой. Поздоровался и спросил:

– Это и есть шахта? – кивнул головой в сторону горы.

– Нет, – улыбнулась она, – это терриконик, а шахта под землёй.

– А..., – протянул Ревка и поспешил к матери.

Они отошли к ложбине. Мать положила сумку около небольшого куста конского щавеля. Невдалеке лежали пожитки других людей. Подойдя, Ревка обрадовано заявил:

– Мама, это не шахта, а терри..., – он забыл название дальше.

– Террикон или терриконик, – уточнила она.

– Правильно, – с удивлением подтвердил он и поспешил добавить, – а шахта под землёй.

Она согласно кивнула головой и сказала:

– Вокруг него мы будем собирать уголь и складывать в ящик под номером четыре.

Он спросил:

– Мам, если мы наберём полный ящик, нам заплатят деньги?

– Нет, Мира. Этот уголь, привезут к нам в город, и мы получим его в Гортопе, заплатив за перевозку.

Ещё несколько человек положили, невядалеке, свои сумки и узелки и отправились к террикону. Когда он с матерью подошёл к этой огромной горе чёрных камней, заявил:

– Фу, сколько угля! Мы этот ящик мигом наполним.

– Нет, Мира, это не всё уголь. Та женщина сказала и показала, что уголь блестящий, а камни нет. Вот, видишь, – она подняла кусок, чуть больше кулака, – этот на изломе блестит – это уголь. – Она подняла ещё один, небольшой, – Этот тусклый, не блестит, это камень – порода. Тусклые тяжелее. Понял?

– Понял, – кивнул он головой.

– И ещё. Когда навверх поднимается вагонетка, надо отходить в сторону и подальше, чтобы не ударило падающими камнями. Ну, а теперь, давай искать уголь.

Мимо уже прошло несколько человек с кусками угля в руках.

– А вот! – радостно воскликнул Ревка и поднял кусок, больше, чем у матери.

– Правильно, – похвалила она, – давай я отнесу оба, а ты поищешь.

Ревка шагнул в сторону и увидел кусок угля, побольше. Он обрадовался, схватил его и побежал к ящику. Обгоняя мать, приподнял его:

– Во, какой!

– Молодец, – похвалила она.

Он бросил кусок в ящик и побежал к террикону.

Эта работа ему понравилась. Только бегать надо было осторожно: кругом валялось много камней.

Собирающих было человек двенадцать. В соседние ящики собирали: две женщины, женщина с девчонкой, мужик с парнишкой и ещё женщина. А, рядом, в пятый ящик, собирал мужчина в гимнастёрке, но без знаков различия, в гаулифе и сапогах. Ревка, когда они встретились у ящиков, спросил у него:

– Что за колёсики крутятся на тех вышках?

Он охотно ответил:

– Эти вышки называют копрами. На них установлены колёса, через которые на канатах поднимают уголь и породу, на других, в специальных клетях, спускают и поднимают людей, которые работают в шахте.

Ревка с интересом слушал его пояснения и отметил, что у него хорошо выбрито лицо, аккуратно подстрижены тёмно-русые волосы, а серые глаза смотрят с доброжелательной усмешкой.

– Интересно, – сказал Ревка и, поблагодарив, побежал к террикону.

Сбор продолжался. Однажды, он схватил довольно большой кусок и уже понёс его, но это оказалась порода, как сказала одна женщина, и его пришлось бросить. Ему стало не удобно за оплошность, но больше он не ошибался. Бросив в ящик очередной кусок, он заглянул в него и удивился, что там едва закрыто дно. Ему казалось, что он уже притащил много кусков и ещё мать, а там так мало.

Продолжая таскать уголь и возвращаясь назад, он хорошо разглядел окрестности и увидел ещё два терриконика и понял, что в городе ещё две шахты.

Так вышло, что с девчонкой, которая таскала в шестой ящик, у Ревки получилось что-то вроде соревнования. Они поглядывали друг на друга и, найдя уголь, каждый старался скорее отнести его в ящик, иногда, обгоняя один другого. Девчонка была рыжеватой, с двумя косичками, со светлыми глазами и вздёрнутым в веснушках, носом. На ней был цветной сарафан и Ревка нашёл её похожей на девчонку, нарисованную в книжке. И на этот раз, подняв кусок угля, он нашёл её взглядом и, заметив, что она его видит, побежал к ящику. Мать, идя навстречу, предупредила, чтобы он был осторожнее. Одна из женщин крикнула:

– Смотрите, вагонетка!

Все сборщики, в очередной раз, заторопились отойти на довольно большое расстояние. Когда вагонетка высыпала содержимое и большие камни, подпрыгивая, раскатились по полюне, все поспешили к тому месту, где осыпалась большая часть. На этот раз Ревке повезло, он сразу наткнулся на большой кусок и, приподняв его, понял, что нести будет

трудно. Пришлось привалить к груди. Увидев это, мать предложила:

– Мира, давай я отнесу.

– Нет. Я сам, – он, может быть, и согласился, но в это время встретился взглядом с девочкой и решительно двинулся вперёд.

Кусочище действительно был тяжёлым. У ящика, который по высоте доходил ему до носа, надо было приподнять кусок, а сил уже не было. Он из последних сил поднял его: правая рука оказалась сильнее левой, глыбу перекосило и, когда он прислонил её к болту, она больно прищемила мизинец. Он вскрикнул и отскочил от ящика. Глыба всё-таки упала в ящик, а он схватился за палец и запрыгал на месте. Когда краем глаза увидел мелькнувший сарафан, отпустил палец, помахал рукой и пошёл навстречу. Девчонка пробежала мимо. Он снова скривился от боли, и это заметила мать, оказавшаяся перед ним: .

– Что случилось?

– Палец прищемил, – признался он, дую на мизинец.

– Вот, видишь. Надо было отдать мне.

– Ладно, – протянул он и, помахивая рукой, пошёл продолжать поиски угля. Он продолжал таскать уголь, но когда шёл назад, всё ощупывал мизинец: под ногтём образовалось синенькое пятнышко.

Солнце пригревало. Хорошо, что ещё раньше старик на телеге с тёмно-рыжей лошадёшкой, привёз бачок с водой. Мужик с парнишкой помогли ему снять его с телеги и установить на небольшой ящик, рядом, с большими. Бачок, был закрыт на замочек, и к нему на цепочке была прицеплена алюминиевая кружка. Некоторые уже по несколько раз подходили утолить жажду. Ревка пошёл в первый раз и предложил матери. Она сказала, что пока не хочет пить. Ревка напился. Вода имела, какой-то другой вкус, но была приятно-прохладной.

Таская найденный уголь, Ревка понимал, что участвует в важном деле. И здраво рассуждал: «Раз будет больше угля, зимой будет теплее и дров надо будет меньше. Лучше здесь собирать уголь, чем зимой в мороз или пургу возить дрова из лесу. Бабушка говорила, что если угля будет больше, то дров, на растопку, может хватить на два года. Правда, летом надо возить хворост, но это тоже лучше, чем дрова зимой».

Бросая кусок угля в ящик, он ещё раз заглянул в него и убедился, что наполняется он медленно. От этого настрое-

ние упало. Но к середине дня, ящик наполнился почти до половины.

Большинство из сборщиков стали разбредаться по поляне. Многие пошли к ложбине, где на траве блестела небольшая лужа – помыть руки. Ревка с матерью тоже отправились туда. Недалеко от того места, где лежала их сумка, уселся на траву мужчина, сосед по ящику. Он уже помыл руки и, скрутив самокрутку, закурил. Когда, помыв руки, подошли к сумке, мать сказала:

– Мира, собирай палочки, ветки. Мы разведём костёр и сварим супчик.

Ревка удивлённо посмотрел на неё, а она достала из сумки небольшую кастрюльку и, когда приподняла крышку, он увидел в ней две очищенные картошки, морковку и нарезанный зелёный лук, приготовленные бабушкой.

– Иди, ищи дрова. Что ты стоишь? – удивилась она.

Он побежал к забору огорода, возле которого виднелись какие-то ветки. Они оказались сухими и Ревка их легко ломал. Он принёс целую охапку. Мать уже дорезала морковку.

– Ещё? – спросил он.

– Наверно, надо ещё немного. В это время к ним обратился сосед:

– Извините. Вы, я вижу, собираетесь варить похлёбку.

– Да, ответила мать, с какой-то извиняющейся улыбкой.

– Давайте объединимся. У меня есть кусок колбасы, а есть всухомятку не хочется.

– Пожалуйста, – ответила она, – неси ещё веток, кивнула головой в сторону Ревки.

Он побежал. Ломая ветки, он видел, как тот развернул бумагу и подал колбасу матери. Когда он принёс ещё охапку ломаных веток, мать дорезала колбасу на мелкие кусочки. Ревка сел рядом и, почувствовав аромат колбасы, сразу вспомнил довоенные годы, когда, бывало, на ужин пили сладкий чай и ели сайки с колбасой. Сосед поднялся, отряхнул галифе и, сказав:

– Я сейчас, – отправился к ложбине.

Обойдя лужу, он перешагнул через низкий забор из почерневших жердей, и подошёл к светло-зелёному квадрату,

росшей капусты. Отломив два небольших листочка, он вернулся назад. Подходя, увидев удивлённый взгляд матери, подавая, сказал:

– Я думаю, хозяева не отказали бы.

– Наверное, – слегка улыбнулась мать и принялась крошить листы ножом.

Сосед пошёл к террикону и вернулся с большим плоским камнем. Положил его и направился снова. Ревка догадался, что тот решил между двух камней развести костёр, а на них поставить кастрюлю. Мать дорезав листы, взяла кастрюльку за дужку из проволоки, очевидно, сделанную дедом, и пошла к бачку наполнить водой. Ревка, сидя на траве, рассматривал свой побаливающий мизинец. Пришёл сосед ещё с одним камнем и положил его рядом. Вернулась мать, он забрал у неё кастрюльку и поставил на камни. Ревка притащил сюда хворост и стал заталкивать под кастрюльку. Мать высыпала из бумажки соль в будущую похлёбку, помешала ложкой и закрыла крышкой.

– Как вас зовут? – спросил мать новый компаньон.

– Софья Кондратьевна.

– А меня Николай Иванович.

– У меня муж Николай.

– А где он сейчас?

– Очевидно, воюет. Написал: «Ждём мобилизации» и больше писем не было.

– Да.., – произнёс новый знакомый, – во время войны происходят невероятные события.

Он стал ломать ветки на более мелкие и подсовывать под кастрюльку. Наложив почти до верха, взял бумагу из-под колбасы, засунул под хворост и поджог спичкой. Когда ветки загорелись, он повернулся к Ревке:

– А тебя как звать?

– Рева.

– А полное как? – он взглянул на мать.

– Ревмир, – пояснила она.

– Серьёзное имя, – улыбнулся он и повернулся к нему, – будешь, Ревмир, главным кочегаром. Как огонь уменьшится, подбрасывай.

Он поднялся и пошёл к луже. Сполоснув руки, вернулся и сел на прежнее место.

– Вы военный, судя по одежде? – спросила мать.

– Я военврач. Сейчас здесь расформировывается госпиталь. Поедем ближе к фронту. Ну, а сюда в полной форме неудобно.

– У нас в школе тоже был госпиталь. Расформировали перед новым годом. С января вновь в ней занимаемся.

– В нашем было много тяжело раненых и с осложнениями. С января новые раненые не поступили, долечивали. Сейчас последних выписываем.

– Если вас расформировывают, зачем уголь?

– У меня в этом городе сестра живёт. Зять на фронте погиб. Она одна с ребяташками, надо помочь.

Мать понимающе кивнула головой. Ревка, продолжая следить за огнём, решил спросить:

– Николай Иванович, вы воевали?

– Как сказать, он провёл рукой по своим аккуратным волосам, – я же врач. Сразу попал в прифронтовой госпиталь. Это, примерно, двадцать километров от передовой. А при отступлении были совсем рядом. Под Тулой эвакуировались под обстрелом. По профессии я терапевт, хотя приходилось и хирургом поработать, первое время. А с зимы сорок второго в тыловом госпитале, вот сюда направили.

Мать помешала ложкой варево, закрыла крышку и спросила:

– Николай Иванович, что-нибудь слышали нового с фронта?

– Нового вряд ли. У нас специальной информации не поступает. А по радио слышал, идут тяжёлые оборонительные бои юго-западнее Курска. Немцы применили новый танк.

– Тигры и Пантеры, – вклинился в разговор Ревка.

– Правильно, – подтвердил Николай Иванович и добавил, – и самоходные пушки «Фердинанды». Вклинились в нашу оборону километров двадцать пять. Это в направлении Ивня – Обоянь. Я был в тех местах. Обоянь немцы не взяли, вот я и прикинул расстояние. К нам с Урала, из командировки, вернулся врач и говорит, что там в госпиталь поступил

раненый старший офицер и рассказал, что двенадцатого июля у деревни Прохоровка было сражение, в котором участвовало до тысячи танков с обеих сторон. Немцы понесли большие потери. А сегодня по радио сообщили, вы наверно не слышали, войска Брянского фронта перешли в наступление в направлении города Орла.

Ревка спросил про новые немецкие танки, но он ответил, что кроме того, что у них толще броня, ничего не знает.

Мать снова заглянула в кастрюлю, достала, что-то на пробу и сказала:

– Суп готов. Она сняла кастрюлю с огня и поставила на траву.

– Может, вы горячий любите? – обратилась она к врачу и протянула ложку

– Нет, нет. Спасибо. Ешьте. Я пока покурю.

Подождали, пока суп немного остынет. Мать достала завёрнутый в газету хлеб, подала Ревке один из кусочков и ложку. Есть было не очень удобно, так как кастрюлька стояла на траве. Зато супчик оказался такой вкусный, что Ревке казалось, будто он ничего вкуснее никогда не ел. Мать предупредила, чтобы он не налегал на хлеб и не торопился. Ревка прямо млел от удовольствия: молодая капуста слегка хрустывала, картошка с морковкой расплывались во рту, кусочки колбасы так изумительно пахли, разжёванные, придавали всему такой вкус и аромат, что Ревка невольно улыбался от удовольствия.

Николай Иванович повернулся к ним:

– Вы ешьте так, чтобы на дне не осталась одна колбаса.

Ревка и без того, старался зачерпывать ложкой так, чтобы в ней всегда попадал ломтик колбасы. Однако, мать так внимательно посмотрела на него, что он понял и снизил активность вылавливания.

Когда в кастрюльке осталось чуть меньше половины, Ревка почувствовал, что наелся, но колбасы бы ещё поел, но мать кивнула ему головой, и он положил ложку. Она достала из сумки, завёрнутую в платок бутылку с водой, открыла пробку и, поливая на ложку, обратилась к врачу:

– Николай Иванович, возьмите кастрюльку.

Он обернулся, взял её за дужку, потом протянутую ложку и взглянул на мать:

— Что-то вы много оставили.

— Ешьте, ешьте. Мы наелись.

Он достал из кармана свёрток, достал из него хлеб, поставил кастрюльку на один из камней, придвинулся и начал есть.

Ревка развалился на траве и, глядя в голубое небо, подумал, что обязательно расскажет ребятам про супчик и про броню немецких танков.

Потрогал мизинец: если не нажимать, то не болит, хотя синяк под ногтём потемнел.

Когда с обедом закончили и всё было сложено в сумку, пошли собирать уголь. Другие сборщики, перекусив, давно приступили к работе.

Ревка с хорошим настроением и особым рвением приступил к сбору угля и мать, то и дело, говорила ему, чтобы он был осторожнее, среди этих разбросанных камней. Постепенно притупь прошла: он не суетился, отыскивая уголь, перестал бегать бегом, не обращал внимания на девчонку. Через некоторое время, почувствовал усталость в руках. Особенно это проявлялось, когда попадал кусок побольше и его надо было поднять, бросая в ящик. Наступил момент, когда он с тоской поглядывал на эту огромную чёрно-серую гору, а мысли улетали на родную улицу, где наверно собираются ребята и решают, во что поиграть.

Солнце продолжало греть. На лице у него появился пот, он смахивал его рукавом. С небольшим куском угля он нагнал мать и спросил:

— Мам, можно из бутылочки попить?

— Попей, но она наверно тёплая.

Ему просто хотелось отойти от этих ящиков подальше. Он бросил уголь и пошёл к сумке. Вода, действительно была тёплой. Он медленно заткнул пробку, положил бутылку в сумку, посидел. Ему очень хотелось упасть на траву. Подумал: «Полежу, скажу, устал. Да, мама и ругать не будет...». Но вдруг ему стало неловко за эту мысль и, появилось чувство стыда перед матерью, и даже перед этим Николаем

Ивановичем. Он поднялся и медленно побрёл к террикону. Он носил уголь, а мысли были о чём угодно, только не об угле. Его не радовало, какой кусок угля он нашёл. Подул лёгкий ветерок. Жара стала спадать, это немного подбодрило. Солнце клонилось к западу. Он таскал и даже перестал заглядывать в ящик. Вдруг увидел, что у двух женщин ящик полный, даже с верхом. Заглянул в свой: до верха оставалось сантиметров двадцать.

Появилась женщина с книгой, та, что утром всех записывала. Через некоторое время мать сказала:

– Всё, Мира, давай по последнему разу принесём и пойдём, чтобы на поезд успеть. Бросив по последнему куску, мать велела ему идти мыть руки, а сама подошла к женщине с книгой.

Помыв руки, он сел около сумки. Он видел, как мать получила какую-то бумажку у женщины, поговорила с Николаем Ивановичем, и пошла к нему.

Она положила бумажку в сумку и пошла мыть руки.

По дороге на станцию, он спросил, что за бумажку ей дали. Она ответила, что они собрали восемьсот килограммов. До станции дошли быстро. Им повезло, зайти в вагон и даже один мужчина уступил место матери. Поезд тронулся, она придвинула его к себе и посадила на колени. Под стук колёс он задремал.

ЗА ШИШКАМИ

Вчера после обеда Ревка вернулся из пионерского лагеря. Вечером он не успел повидать всех ребят, однако, узнал главную новость: к Милке, во вторую половину дома, переехала семья Синакиных, в которой двое ребят. Валька, постарше, он уже один год отучился в ЖУ – железнодорожном училище, и Федька, ровесник Юрки Колесова. Оказалось, что он учится с ним в одном классе. Снова стали играть в лапту. Говорили, что Федька прочитал уйму книг. Однажды, рассказывал им до позднего вечера про какого-то графа Монте..., Ревка не мог вспомнить полное имя, в общем, французского графа. Вчера Ревка так и не увидел этого

Федьку – тот не появился на улице. Зато, вечером увиделся с Петькой и тот пригласил его и Мисюрчика бить шишки у деревни Бобровка. Сказал, что поедут всей семьёй, на телеге, с дядей Кузей и, что отец разрешил позвать ребят. Он, да и Мисюрчик, сразу согласились, хотя дома ещё надо было отпроситься. Но он не сомневался, что его отпустят, тем более со взрослыми. Сегодня бабушка принесла из кладовки небольшой мешок, с которым он не раз ходил в лес, положила в него свёрток с куском хлеба и двумя морковками. Мать сказала:

– Будь осторожен, если будешь лазать.

– Мы будем собирать, – успокоил он её, выходя в сени.

Спускаясь с горки он увидел, что Петька, Витька, Вовка и Мисюрчик стояли на улице возле их ворот. Вышел Андрей Ильич со свёртком мешков и тётя Надя с большой корзиной и ведром. Отец отдал мешки Петьке, забрал корзину у тёти Нади и сказал:

– Идёмте по переулку.

Ревка удивился: ведь Петька говорил, что поедут на телеге, а лошади нет. Спросить постеснялся, только подумал: «До Бобровки двенадцать километров», – настроение упало.

Когда вышли на следующую улицу, Петька, показывая вперёд, вытянул руку:

– Вон, у магазина, дядя Кузя ждёт.

Там действительно виднелась запряженная лошадь. У Ревки мелькнула мысль: «Как бы он протопал пешком такое расстояние?».

Подойдя к ожидавшему дяде Кузе, поздоровались. Это был коренастый, круглолицый мужик, одетый в серый пиджак, такие же брюки, заправленные в сапоги и в белой кепке. Он, улыбнулся, здороваясь с Андреем Ильичом:

– Карета подана!

Все расселись на телеге, и он понукнул лошадь. Ревке нравилось езда в любой повозке запряженной лошастью. И, вообще, ему нравились кони. До школы он мечтал стать конником или возчиком. Эта пятнистая лошадь тоже понравилась.

Город быстро закончился. Спустились с горы, притормаживая лошадь, миновали картофельные поля, и лес подступил к дороге, которую все называли Бобровским трактом.

Ревка сидел между Петькой и Мисюрчиком. Впереди Петьки сидел дядя Кузьма и правил лошадей. Иногда он погонял её, покручивая в воздухе концами вожжей. С другой стороны сидели: Петькин отец, мать, Вовка и Витька. Утро было, по-летнему, теплое, хотя было немногим больше восьми часов. На небе ни облачка. Стрельчатые ели и пихты тянулись перед глазами тёмно-зелёной стеной. Только иногда они расступались, уступая место ярко-зелёным куполам осин и берёз. А перед этой стеной клубилась пена кустов.

Петька завёл разговор о том, что пора заготавливать корм для щеглов. Ревка похвастался, что клетка у него готова.

– А я, четырёх-хлопку закончил, – заявил Мисюрчик.

– Витька, ты же её поломал! – с удивлением, заглянул ему в лицо Ревка.

– Недели две к ней не подходил, а потом стал чинить.

Ревка не мог забыть, как перед самым лагерем, тот пригласил его посмотреть клетку. В дровянике у его отца был верстак, на нем и стояла клетка. Она ему очень понравилась. Он, по-настоящему, позавидовал ему, зная, как это не просто делается. Оставалось вставить несколько спиц.

Витька их быстро изготовил и начал вставлять, а они, одна, за одной, стали ломаться. Когда сломалась последняя спица из приготовленных, он психанул, схватил молоток и замахнулся. Ревка подставил руку, но молоток, вскользь достиг цели: одна рейка сломалась и с ней ещё несколько спиц. Бросив молоток, Витка выскочил во двор. Там он сел на ступени крыльца и не хотел разговаривать. Он его утешал, говорил, что всё можно наладить, а он продолжал молчать. Позвал его на улицу, но тот не пошёл.

– Много спиц сломал, пока чинил? – ехидно спросил Ревка.

– Не-а, – усмехнулся Мисюрчик, – я их день в воде мочил.

– Правильно, – похвалил Петька.

— Да я ему ещё тогда советовал, — уточнил Ревка.

— А, как получилось, что ты её поломал? — спросил Петька.

— А, просто, психанул, — махнул рукой Мисюрчик.

Какое-то время, проехали, молча, и вдруг, Петька повернулся к Ревке и спросил:

— Про какие огненные столбы в пионерском лагере, ты вчера рассказывал?

— Мне Васька сказал, когда домой пошли. Ревка вспомнил, они с Мисюрчиком подошли позже и не слышали.

— Непонятно, что это было, — пожал плечами Ревка, посмотрев на одного и другого.

Их лица выражали полное внимание. Он продолжил:

— Проснулся как-то ночью и пошёл в туалет. Открываю дверь палаты и вижу в окнах кухни яркий свет, словно там зажгли несколько ламп. В лагере ведь электричества не было. Спустился с крыльца веранды и побежал к туалету. Но он далеко у оврага. «Я, — Ревка оглянулся на тётю Надю, — помочился под кустик, повернулся, а в боковых окнах кухни темно! Мне стало жутко, я бегом назад. Поднимаюсь по ступенькам на веранду, сам смотрю на кухню. Поднялся выше и вдруг торцовые окна снова ярко вспыхнули! Посмотрел вперёд и остановился: на небе, с самого верха и до горизонта стоят: три огненных столба. Один посередине, самый яркий, и два по сторонам, чуть бледнее. Вот в окнах и отражался их свет».

— Широкие? — спросил Мисюрчик.

— Как сказать? У нас за корпусом футбольное поле и вдалеке ворота стоят, вот средний столб был, как раз по их ширине, и те два такой же ширины.

— Далеко друг от друга были? — спросил Петька.

— Средний, посередине футбольного поля, а те на одинаковом расстоянии, в стороне от поляны, над лесом. Я так перепугался, забежал в палату и с головой под одеяло сразу уснул. Утром рассказываю ребятам, никто не верит. Потом стали говорить: Это к победе! А через несколько дней, кто-то приехал из города и нам на линейке объявили о победе на Курской дуге. Я потом так жалел, что ребят не раз-

будил. Вожатая сказала, что это могло быть северное сияние, оно иногда бывает в Сибири. Я ей говорю: «Так столбы на западе были. Она только плечами пожала».

– Да, – произнёс Петька, – что-то непонятное.

А Мисюрчик сузил серые глаза и хитро ухмыльнулся:

– Может ты это придумал?

– Зачем мне придумывать? Чтобы рассказать, как я испугался? – с обидой возразил Ревка.

Вдруг повернул голову дядя Кузьма:

– Это видение. Оно всегда только одному человеку является.

Все помолчали. Потом раздался голос Андрея Ильича:

– Рева, что там нового радио сообщает?

– Больше всего про разгром немцев на Курской дуге, – ответил он, – и ещё об освобождении 23 августа города Харькова.

– Значит и на юге их погнали, – сказал дядя Кузьма.

Проехали в логу через мост над ручьём, за которым начинался крутой подъём. Дядя Кузьма спрыгнул с телеги со словами:

– Пройдёмся пешочком.

Все, кроме тёти Нади и Вовки, спрыгнули с телеги. Шагая в гору, Мисюрчик сказал:

– Батя в газете «Гудок» прочёл о потерях немцев на Курской дуге, а потом я сам прочёл. Они потеряли: полторы тыщи танков, три тыщи пушек и больше трёх тыщ самолётов.

– А пятого августа в Москве был салют из пушек, в честь освобождения Орла и Белгорода, – напомнил Петька.

– Нам в лагере об этом тоже говорили, – заявил Ревка, чтобы не подумали, что он этого не знает.

На верху горы все вновь уселись на телегу. Дорога пошла под уклон и дядя Кузьма, покрутил концами вожжей и ударил по лошади:

– Ну, Пегашка, пробежись!

Лошадь рванула телегу и побежала. Хотя, дорога была ровной и накатанной, но при быстрой езде, даже на маленьких неровностях, телега подпрыгивала, и их всех изрядно

трясло. При такой езде разговаривать было трудно, и ребята просто радовались этой скорости.

Через некоторое время миновали кордон лесника: два дома и длинный сарай. Переехали насыпь водопровода, проложенного на станцию ещё при царе. Дорога вновь пошла под уклон, но была в рытвинах, и возница больше не погонял лошадь. Лес стал выше и ближе подступил к дороге. Петька, показывая рукой, крикнул:

– Вон, рябина! Ветки гнутся под кистями ягод.

Рябина была развесистой, Ревка плохо различал ягоды, но ветки действительно гнулись к земле.

– Раз много рябины, будет много рябчиков, – добавил он.

Ребята уже много раз слышали от него об этом. Потом он стал рассказывать, что на рябчиков не только можно охотиться, но и ловить силками. Рассказал, как устанавливается палка с двумя петельками, а посередине подвешивают кисти рябины. Мисюрчик слушал с интересом, а Ревка слышал об этом ещё прошлой зимой, но в разговор не вступал. Когда Петька сказал, что рябчики очень любят рябину, Ревка заявил:

– Я сам её люблю, хотя она и горькая.

– Она вкусная, – взглянул на него Петька, – особенно когда морозом ударит.

С этим согласился и Мисюрчик.

Мужчины тоже переговаривались между собой. Сейчас Ревка услышал, что дядя Кузьма вчера вывез последний воз сена, что опять несколько лошадей забрали на фронт. Осталось восемь старых и Пегашка – масть не подошла. За спиной раздался голос Вовки:

– Мама, Витька щекочет!

Ревка оглянулся: тётя Надя взглянула на Витьку, мотнула головой, но ничего не сказала.

Очевидно, разговор о вкусной рябине, вызвал у Петьки мысль о еде и он спросил:

– Рева, в лагере хорошо кормили?

Тот ухмыльнулся:

– Половину сезона хорошо. Даже два раза печенье на ужин давали. А потом продукты кончились. Осталась одна квашеная капуста.

– Чё? Одной капустой кормили? – удивился Мисюрчик.

– Ну, хлеб давали, кисель варили и чай, а утром тушёная капуста, в обед щи и тушёная капуста и на ужин тоже тушёная.

– Да..., – протянул Петька и ничего больше не сказал.

– У нас ребята даже песенку сочинили, – сказал Ревка и пропел на мотив песенки из фильма «Волга-Волга»:

Раз, составил я меню
Никогда не отменю,
Хоть завой, хоть запищи
Сегодня щи и завтра щи!

– Здорово! – восхитился Мисюрчик.

Ревка довольный улыбнулся, но постеснялся, сказал, что сочинил этот стишок он и только последнюю строчку выкрикнул сосед по койке Юрка Логинов.

За спиной раздался голос Витьки:

– Вон Бобровку видать!

Ребята стали наклоняться в разные стороны, чтобы из-за спины возницы что-нибудь увидеть. Ревка только мельком увидел крышу одного дома. Однако, в деревню не заехали. Дядя Кузьма повернул лошадь и въехали в лес. Дорога была узкой, поросшей травой, но с продавленной засохшей колеёй и телегу потряхивало. Ветки кустов и деревьев почти касались телеги. Через некоторое время деревья сомкнулись над головой. Появился особый смолистый запах. Остановились в густом лесу. Кругом стояли стволы кедров, а местами густели ельники. Кое-где выделялись светлые осины и заросли кустов. По совету Андрея Ильича, расположились в стороне, около трёх елей и зарослей черёмухи. Там были брошены мешки. Тётя Надя поставила ведро с корзиной и сказала:

– Тут и костерок разложить можно.

Дядя Кузьма сгрёб мешки на которых сидел, и бросил в общую кучу.

– Располагайтесь, – сказал он, – я сейчас, – и направился к дальним зарослям кустов.

Ревка с Мисюрчиком сняли свои котомки и положили рядом с мешками. Отойдя чуть в сторону Мисюрчик закричал, подняв руку вверх:

– Вижу шишки! Много!

– Где? Где? – заметался Вовка.

Ревка подошёл и запрокинул голову: на фоне голубого неба, на верхних ветках кедра, чётко виднелись крупные точки шишек, по две, три на каждой ветке. Вернулся Петкин дядя, неся в одной руке большое четырёхугольное сито с круглыми отверстиями, в другой, за ручку доску с нарезанными зубцами, а под мышкой держал небольшую чурку с такой же насечкой. Ревка сравнил доску с зубцами с вальком, которым бабушка катала бельё. Положив принесённое рядом с мешками, пояснил:

– Давал Степану Хромому. Они позавчера в той стороне, – он махнул рукой, – у лога били. Вчера утром забрал, когда за сеном поехал.

Подойдя к лошади, забрал вожжи, заброшенные на её круп, и обернулся:

– Вы, Андрей, начинайте колотить, а я отгоню лошадь и договарюсь, чтобы дали на завтра.

Сел на телегу и понукнул лошадь. Ревка с Мисюрчиком переглянулись, ведь они дома не сказали, что едут с ночёвкой.

– У меня дома будут волноваться, – сказал Ревка.

– У меня тоже, – подтвердил тот.

Вдогонку Андрей Ильич крикнул:

– Кузьма, когти не забудь! Тот в ответ поднял руку.

– Ну, ребята, идёте работать, – пригласил всех Андрей Ильич, направляясь к одному из кедров.

Подошли, он хлопнул Петку по плечу:

– Лезь на эту кедёрку. Она потоньше и сучки не высоко.

Отец посадил его и тот полез. Когда его ноги встали на первые ветки, он посмотрел вниз и спросил:

– Папка, а палка нужна?

– Нет. Шишки спелые, чуть тряхнёшь ветку – полетят.

Ребята смотрели, как он ловко поднимается всё выше и выше. Ревка подумал: «Забрался бы он на этот кедр?». Ему приходилось лазать на несколько кедёрок, как они их называют, но они были раз в два тоньше и пониже. Хотя с некоторой гордостью вспомнил, как много раз с Витькой Тимофеевым залазили на тополя у их дома. Причём, до самого верха, так, что аэродром за городом был виден.

Петька долез до верха, и полетели первые шишки. Ребята отошли чуть в сторону, опасаясь удара шишкой. Но вот, шишки стали падать с другой стороны и все бросились собирать. Под деревом травы было совсем мало и собирать было легко.

– Бросайте в одну кучу, потом сложите в мешок, – посоветовал Андрей Ильич.

Постепенно они перестали бояться и, даже Вовка стал собирать. Когда шишки перестали падать, сверху раздался голос Петьки:

– Всё!

– Раз всё, слазь, – отозвался отец и посмотрел на Витьку, – сбегай за мешком.

Тот побежал, а он подошёл к соседнему кедру, с более толстым стволом, обхватил его и полез вверх. Ревка удивился, как у такого пожилого человека, так ловко получается. Ветки начинались высоко, но он быстро до них долез. Когда Петька спустился вниз, они почти всё собрали в мешок.

– Четверть мешка есть, – довольный собой произнёс он и посмотрел вверх: отец был уже высоко.

Посыпались шишки. К сбору присоединился и Петька. Перед этим Мисюрчик обшелушил несколько шишек и сложил орех в карман. Теперь в любой перерывчик, пощёлкивал орехи. Ревка и Витька сделали тоже самое. С этого кедра собрали в два раза больше. Бой шишек продолжался. Петька с отцом по очереди забирались на кедр, а они успешно собирали. Уже набили более полутора мешка шишек, когда появился Петькин дядя. В руках он нёс бидон, ведро с водой и две железяки через плечо. Подойдя, подал бидон и ведро племянникам:

– Отнесите к матери. Это молоко и родниковая вода.

Петька с Витькой понесли, а он, сбросил железяки на землю, спросил у Андрея Ильича:

– Какие тут кедр, неподъёмные?

– Да, вот рядом, в полтора обхвата, и поодаль ещё одна.

– Эта, так эта, – согласился он.

Ревка понял, что это и есть когти. Они представляли собой две изогнутые пластины в виде буквы «Г», только перевернутые. Он вставил сапог под ремешок на короткой стороне, длинную пластину притулил к внутренней стороне голенища и привязал выше сапога к ноге специальными верёвочками. На изгибе находился острый шип, направленный под углом вниз. Надев второй коготь, он подошёл к стволу, обхватил его на сколько было возможно, приподнял ногу и ударом вонзил шип в ствол. Приподнявшись на нём, поднял другую ногу и тоже вонзил шип. Выдернув первый, вонзил его выше. Так медленно, но уверенно он поднялся до веток, стал подниматься без когтей. С этого кедра было сбито, чуть меньше полмешка.

Бой шишек продолжался. Ревка с Мисюрчиком собирали шишки сбитые Андреем Ильичом, а оба брата ушли со своим дядей. Вовка остался около матери. В один раз, когда шишки падали уже с другой стороны ствола, Ревка услышал стук над головой и невольно взглянул вверх, но вернуться не успел, шишка ударила его в спину. Особой боли он не почувствовал и сказал об этом Мисюрчику. Тот сказал:

– А мне шишка саданула прямо по кумпалу, даже кепка слетела, но тоже не больно – вскользь.

Андрей Ильич спустился с очередного кедра и сказал:

– Собирайте, а я пока те два мешка отнесу.

Травы здесь было побольше, собирать было труднее, но всё-таки к его приходу собрали всё. Он взвалил на плечи и этот, почти полный мешок и позвал:

– Идёмте ребята, надо немного отдохнуть.

Они пошли за ним.

Поставив мешок рядом с другими, он обтёр лоб рукавом и поднял сито. Ревка спросил:

– Дядя Андрей, это всё шишки шелушить?

– Сейчас увидите, – ответил он, привязывая верёвки, прикреплённые к ситу, к изогнутому стволу черёмухи.

Когда сито было подвешено, с небольшим уклоном, тётя Надя достала их мешка большую тряпку, похожую на старую скатерть и постелила под ситом. В это время Андрей Ильич расстелил два мешка рядом, положил на них чурку с зубчатой насечкой и прибитой доской, чтобы она не переворачивалась, и высыпал из мешка немного шишек. Встав на колени, взял в руку валёк, положил на зубчатую поверхность чурки шишку и проехал по ней зубцами валька – шишка рассыпалась. Взял другую. Ребята с интересом наблюдали за его действиями и даже перестали щелкать, а Вовка присел на корточки рядом с отцом. Расшелушив, все высыпанные шишки, он поднял с мешком всю эту кучу и высыпал на сито. На расстеленную тряпку посыпались орехи. Когда он кончил шуровать рукой в сите, под ним образовалась небольшая горка орехов. Крупная шелуха осталась на сите. Он ловким движением сбросил её в сторону и сказал:

– Вот так! Понятно?

– Да, – ответили они, закивав головами.

– Надя, – обратился он к жене, – мы ещё пойдём поколотим, а ты пошелуши сколько сможешь.

– Хорошо, но время-то за полдень. Надо костёр разложить, картошки напечь. Вовка уже есть хочет.

Тот виновато сморщил нос, посмотрев на отца.

– Пусть пока орехи грызёт, а костёр сейчас сварганим.

Ребята без указаний побежали собирать хворост. Они натаскали столько, что Андрей Ильич похвалил их и сказал:

– Хватит.

Он переломал крупные ветки через колено и сложил в кучу, а часть оставил. Присев на пенёк у ели, сказал:

– Сейчас разожгу и за одно покурю.

Он полез в карман за кисетом, а Мисюрчик шепнул Ревке:

– Пойдём, черёмухи поедем.

Они обошли заросли с другой стороны, ухватились за ветку, нагнули одну из них, и стали объедать. Спелые терпкие, сладковатые ягоды расплывались во рту, оставляя голые косточки. Позвали Вовку. Он прибежал, но едва они на-

рвали ему горсть кистей, как раздался треск, вспыхнувшего костра и голос Андрея Ильича:

– Идёмте, ребята!

Отпустив черёмуху, которая тут же выпрямилась, они пошли к нему. Костёр горел.

Дым густым столбом поднимался вверх. Андрей Ильич выволок из-под елей большую корягу и водрузил на костёр, подняв сноп искр. Ревка подошёл к своему мешку, развязал, достал из свёртка две морковки и протянул одну Вовке:

– На, погрызи.

Повернулся к Мисюрчику:

– А это мы вдвоём.

– Не надо, – отказался тот, – у меня брюква есть, – развязал свой мешок.

Андрей Ильич взял из кучи один мешок, забросил его на плечо и взглянул на Ревку:

– Пойдёмте, ещё маленько поколотим. На этот раз, он пошёл в другую сторону, огибая густой ельник. Они шли следом, угощая друг друга морковкой и брюквой.

Две первые кедёрки были небольшими, и шишек было немного, зато с третьей сбито столько, что стало почти половина мешка. Около четвёртой дядя Андрей снял мешок со спины, обошёл могучий ствол кругом, глянул на довольно высоко расположенные ветки и сказал:

– Это не кедёрка, а солидный кедр. Пусть на него Кузьма лезет.

Взял мешок и пошёл дальше, пробираясь сквозь кусты. Вдруг раздался свист. Дядя Андрей ответил свистом. Развернулся:

– Ладно, хватит. Идёмте, наши возвращаются.

Когда подходили к стану, поровнялись с Петькой и дядей Кузей. Тот нёс полный мешок, а Петька полмешка. Витька убежал вперёд. Взрослые говорили о том, где ещё не оббитые кедр, а Мисюрчик спросил Петьку, лазил ли он или собирал. Он ответил, что собирал.

– А где когти оставили? – спросил Ревка, – дядя без них идёт.

– Витька их унёс, – ответил он.

Когда подошли к стану, костёр прогорел, и на его месте лежала большая куча пепла. Брошенные Вовкой несколько веточек, быстро загорелись. Под ситом была довольно большая горка орехов. Тётя Надя сказала, что картошка скоро будет готова, и можно будет обедать. Витька с прутиком гонял трёх полосатых бурундуков. Он гнал одного, а другой подбегал к куче орехов и быстро набирал их в пасть, а чуть-чего убегал, задрвав хвост, ровный, как карандаш.

Мужчины попили воды. Кузьма сказал, что сходит ещё за мешком и ушёл. Ребята сгрудились у ведра с водой, утоляя жажду. Андрей Ильич предложил сначала накормить ребят и обратился к ним:

– Так, пацаны, чтобы не тратить воду на мытьё рук, вон куст «Волчьей ягоды». Наберите ягод в ладошки, раздавите, а потом оттирайте травой.

Все направились к кусту. Мыть руки ягодой показалось интересным. После протирания травой на ладошках остались мелкие пятнышки от смолы.

Ребята расселись на пустых мешках, рядом с потухшим костром. Андрей Ильич палкой, из большой кучи пепла, стал выкатывать печёные картошки и подбивать их каждому из сидящих, предупреждая, чтобы не обожглись. Беря картофелины, они перебрасывали их из руки в руку, роняли на траву, вновь поднимали и, когда жжение становилось терпимым, начинали есть. Тётя Надя поставила перед ними берестяную коробочку с солью. Ревка любил печёную картошку даже без соли, а с ней, та была просто объедение. Все ели с таким же удовольствием. Вернулся дядя Кузьма, поставил мешок рядом с другими, утёрся рукавом и сказал:

– В той стороне делать нечего, надо в ту сторону идти, – махнул он рукой, указывая направление.

Андрей Ильич, продолжая шуровать палкой, согласился:

– Там ещё есть.

Тётя Надя, взяв бидон, спросила:

– Кузьма, кто тебе налил молока?

Тот, усаживаясь на пенёк, ответил:

– Егоровна.

– Полосухина, чёль?

– Да. Ты ведь знаешь. Она ж моей Клавке двоюродная тётка.

– Родня, – улыбнулась она и похвалила, – молоко хорошее, – и стала разливать по кружкам.

Одну подала Ревке с Мисюрчиком, вторую сыновьям. Когда они съели по несколько картофелин, она достала несколько кусков хлеба. Ревка быстро развернул свой свёрток и достал хлеб, показывая этим, что у него есть. Тоже сделал и Мисюрчик. Она долила им молока. Ревке оно не очень нравилось, не было холодным, как на покосе. То он пил почти с удовольствием. Но понял, что с хлебом его можно есть.

Когда они поели и встали со своих мест, утираясь рукавами, Андрей Ильич сказал, обращаясь к Ревке и Мисюрчику:

– День клонится к вечеру, вам, ребята, надо двигать к дому. Давайте ваши мешки.

Ревка подал свой. Дядя Андрей поставил ведро на землю, и наполнил его из мешка шишками.

Высыпал в подставленный мешок, ловко его завязал, помог надеть на спину.

Когда также снарядил Мисюрчика, спросил:

– Дорогу найдёте?

– Найдём, – за двоих ответил Мисюрчик.

– Спасибо вам за помощь, – тут он наклонился, набрал две горсти орехов и насыпал им в карманы, – на дорожку. Она, вон за той кедёркой, направо.

Когда отошли, до них донёсся голос Петькиного отца:

– Поедим и ещё побъём, а шелушить будем ночью.

Выйдя на лесную дорогу, Мисюрчик сказал:

– Фу, я бы два ведра унёс.

Ревка не чувствуя особой тяжести, ответил:

– И я тоже.

Дорога была узкой, и местами приходилось идти друг за другом. Тогда они шли молча, пощёлкивая орехи. Бодрости особой у Ревки не было, даже не смотря на то, что шли домой. Дорога предстояла длинная. Разве солнце, просвечивая сквозь листву, как-то добавляло настроение. Несмотря на это, ему показалось, что они быстро вышли на тракт. Те-

перь солнце светило им спереди, и вскоре почувствовали, что оно греет по-летнему. Ревка расстегнул куртку. Мисюрчик сделал это раньше, и, поэтому, щурясь на солнце, улыбнулся и спросил:

– Греет?

– Ага, – согласился Ревка.

Помолчав, Мисюрчик спросил:

– В лагере интересно было?

– Интересно. Четыре раза купались на речке, играли в городки, в футбол. Были разные соревнования. Ходили есть землянику.

– Куда? – удивился друг.

– Напротив лагеря, за речкой, большая гора, а на ней полно земляники. Один раз ходили с вожатой. Ягода мелкая, но вкусная, сладкая, – Ревка попытался выразить лицом удовольствие. – Мы потом ещё два раза сами бегали. Один раз обошлось, а второй раз опоздали на построение и нас потом стыдили на вечерней линейке за самовольный уход.

– Там что, такие строгие порядки?

Ревка взглянул на него и, увидев в его глазах удивление и интерес, ответил:

– Дисциплина, конечно. Распорядок дня, линейки...

Зная, что тот ни разу не был в пионерском лагере, рассказал о подъёме утром по сигналу горна, о зарядке, об утренней и вечерней линейке... Прервав свой рассказ, спросил:

– Вить, тебе верёвки на плечи не дают? – и подсунул большие пальцы под верёвки у самых плеч.

– Дают, но не очень. У меня куртка поплотней, – уточнил он. Но вскоре и он взялся руками за верёвки. Ревка продолжил рассказывать. Упомянул, как пацаны приспособились ловить наволочкой мальков в речке. Двое наловили с пригоршню, и повариха зажарила им этих рыбёшек. Рассказал о походе на старую мельницу на речке. И о том, что там находили золотистые камешки в виде мелких кубиков. Все думали, что это золото, но старшая вожатая сказала, что золото тяжёлое, а они лёгкие. Поведал о двух выходах всем

лагерем на прополку колхозных полей от осота. На это Витька заметил:

– Это, по-моему, не интересно, – и усмехнулся.

– Конечно, – согласился он.

Помолчав, произнёс:

– Говорят в лапту снова стали играть.

– Играли уж раз десять. Много ребят собиралось?

– Ну, все наши. Двое Федькиных друзей приходило, Милка с Лизой и ещё их подружки были. Раза четыре Валька играл.

– Понятно, – протянул Ревка.

Солнце клонилось к западу и светило им прямо в лицо. Дорога была довольно ровной, но кое-где приходилось обходить засохшие колдобины. Всё чаще приходилось утираться от пота.

Навстречу шла женщина в светлом, цветном платье, в розовой кофте и белой косынке. В руках несла небольшую корзинку. Поровнявшись с ними, она кивнула головой и поздоровалась. Они ответили, и тут же переглянулись.

– Чё это она? – удивился Мисюрчик, – она тебя знает?

– Откуда?! – удивился и Ревка.

Некоторое время шли молча, потом Ревка поинтересовался, что рассказывал Федька о французском графе. Мисюрчик пояснил:

– Сначала тот не был графом. Как звали, не помню. В общем, посадили его в тюрьму. Он сделал подкоп и попал в камеру к старику. Тот рассказал ему про клад и умер. А этот бежал, отыскал клад и стал богатым. Вернулся, назвал себя графом Монтекрисом и стал мстить обидчикам. Здорово! – с восхищением произнёс Ревка, – надо эту книжку почитать.

– Он говорил, в школьной библиотеке, есть. Осенью пойдём в эту школу, спросим, – уверенно заявил Ревка.

За поворотом показалась насыпь водопровода. До неё, не разговаривали, а когда поднялись на насыпь, Мисюрчик сказал:

– Большую часть прошли. Осталось шесть километров. Ревка об этом знал, и настроение это ему не прибавило: плечи так оттягивало назад, что хотелось их сдвинуть впе-

рѣд, а верѣвки не давали. Кроме того они уже побаливали, а пальцы под верѣвками приходилось всё время перехватывать, так как они немели. Начался пологий, но длинный подъѣм. Чтобы не думать об этой проклятой дороге, Ревка начал рассказывать, как в лагере играли в войну между «Красными и Синими». Уточнил, что нынче их отряд был среди красных и командовал ими Чапаев на лошади. Изображал его всё тот же Гришка – возчик. У него были приклеенные усы, на нём была кубанка с красной полосой и бурка.

– Настоящая? – удивился Мисюрчик.

– Нет. Она была из чёрного одеяла, – пояснил Ревка, – но красивая. Развевалась, когда он скакал на коне, с саблей в руке.

– Как у Чапаева в кино?

– Точно, – подтвердил Ревка.

Рассказал, как они неожиданно пошли в атаку и застали «Синих» врасплох. Вспомнил, как первоклашке Вовке, которого поселили в их отряд на свободную койку, Генка Сизов настукал градусник и докторша, ахнув, увела его в изолятор. А утром, он улыбающийся шѣл назад с подушкой и одеялом.

Ревка взглянул на друга: тот взял и сжал руками обе верѣвки на груди. Он сделал тоже самое и почувствовал, что теперь верѣвки давили в другом месте и, пока плечам не было больно. Ревка съехидничал:

– Вить, а тебе не добавить ещё ведѣрko шишек? Тот растянул губы, наподобие улыбки:

– А тебе? – помолчал и произнёс. – Мог бы ведь дядя Андрей насыпать нам немного орех, а не эти шишки.

Ревка давно об этом думал, но сказать это об Андрее Ильиче ему было неловко и протянул:

– Да...

Дорога, выравнялась и идти стало легче. Вдруг Мисюрчик с удивлением и любопытством, произнёс:

– Как это солдаты с винтовками, скатками и вещмешками шагают помногу километров?

– Их сначала тренируют, – заметил Ревка.

– Кто их во время войны будет тренировать? Научат стрелять, в ногу ходить и на фронт.

Ревка молча согласился, а потом сказал:

– У нас в лагере, после того, как объявили о победе на Курской дуге, устроили соревнование: чей отряд лучше всех пройдёт строем. Но было ещё одно условие, чтобы отряд выучил и прошёл с песней. Мы разучили «Марш артиллеристов» и так прошли, что заняли первое место. Ты слышал этот марш?

Тот сделал гримасу и дёрнул плечами.

Ревка подтянул мешок повыше, удерживая верёвки, сказал:

– Припев хороший. Там такие слова, – нараспев, проговорил: – Артиллеристы, Сталин дал приказ, артиллеристы, зовёт Отчизна вас! Из сотен тысяч батарей, за слёзы наших матерей огонь, огонь, огонь!

Мисюрчик с улыбкой взглянул на него:

– Хорошая песня. Где-то слышал. Наверно, в киножурнале.

Подшли к спуску с горы перед мостом. На склоне мешки подгоняли и пришлось ускорить шаг, но ноги плохо слушались и была боязнь упасть. На мосту Витька предложил попить. Ревка было хотел возразить, что это не родник, а ручей и течёт со стороны города. Однако, пить хотелось так, что он сбросил мешок на брёвна моста и последовал за другом. Спустились с мелкой насыпи. Мисюрчик сорвал стебель с засохшим зонтиком и быстро сделал из него трубку. Встав на четвереньки, он опустил трубку в воду и стал пить. Ревка с нетерпением ждал. Наконец, он вынул трубку из воды, плеснул ладошкой несколько раз водой в лицо и, поднимаясь, подал ему трубку. Ревка пил с особым наслаждением. Пил и хотелось пить. Ему казалось, прохладная вода растекается по всему телу. Почувствовав, что пить уже некуда, умыл лицо и шею. На мосту Мисюрчик сел у перил:

– Давай отдохнём.

Ревка, которому вода, прибавила бодрости, возразил:

– Вить, расслабься – совсем сил не будет.

Он помнил, как бывает трудно двинуться с тележкой хвоста, после долгой остановки на отдых.

– Пойдём, Вить, нам ещё этот подъём и гора у города.

Он поднял мешок на перила, надел верёвки на плечи и, едва отошёл, плечи сразу заныли. Друг, видя его решимость, поднялся. Ревка снял с головы вязаную тубетейку, сложил её в четверо, и подложил под верёвку правого плеча, где сильнее чувствовалась боль. Левую верёвку взял двумя руками и повернулся к другу:

– Смотри, Вить.

Тот скомкал кепку и тоже подложил под верёвку. Медленно и молча двинулись по пологому взгорью. Преодолев подъём и, выйдя на ровную дорогу, перевели дух, и какое-то время продолжали молчать. Почувствовав, что, не отвлекаясь разговором, идти тяжелее, Ревка спросил:

– Ты какое-нибудь новое кино видел?

– Ходили с Васькой второй раз на «Котовского».

– Я тоже один раз видел, – сказал Ревка, – мировая кинуха!

– Помнишь? – Мисюрчик, почти с улыбкой посмотрел на него: «Судья: как вам удалось бежать?». Он: «Один солдат стоял здесь, другой тут, я отступил назад...».

– И он их лбами! – подхватил Ревка.

– Ага, прыг через перила и убежал.

– А как в тюрьме? «В камере был какой-то шум или мне так просто показалось...», – напомнил Ревка.

– Да, достаёт финку и к Катовскому, а тот, как даст ему, и тот кубарем. Поднимается: это Катовский!

– Точно. А как он на коне перед окопами... и Ура! В атаку! Шаркая усталыми ногами по пыли, продолжали вспоминать кино: про атаку в одном белье, про стрижку «под Катовского», про случай в театре, когда Катовский явился и сказал: «Я обещал – я здесь!».

За разговорами и воспоминаниями они отвлеклись и не заметили, как кончился лес, поля и они подошли к последней горе перед городом. Ревка переложил тубетейку под верёвку левого плеча, утёрся рукавом и двинулся за другом. Сколько раз он преодолевал этот крутой подъём, но сейчас это было особенно трудно. Уперев взгляд в рытвины дороги,

он с усилием переставлял ноги, шаг за шагом. Мысленно корил себя: «Почему не расспросил Петьку, что назад придётся идти пешком; зачем вообще нужны шишки, если их приходится так тащить!». Наклонясь вперёд, чтобы груз меньше давил на плечи, медленно, обливаясь потом, они, наконец, вышли наверх. Утираясь рукавами, двинулись дальше. Теперь, и по ровной дороге, шли не разговаривая, просто на это уже не было сил. Только, когда подошли к Школьному переулку, Мисюрчик произнёс:

– Пойду прямо, там до дома нет горок.

Ревка в ответ только кивнул головой, и повернул в проулок. Он шёл ни на что не обращая внимания, даже на прохожих. Солнце было уже низко над горизонтом и теперь светило с боку. Заходя в тень дома, он ощущал прохладу лёгкого ветерка. Когда у моста приподнял взгляд и увидел крышу своего дома, почувствовал, что сил никаких нет. Теперь, обливаясь потом, он не утирался, чтобы не отпускать верёвки у плеч. «Ещё немного и будет мостик соседского дома, – уговаривал он себя, – ещё чуть, чуть и поворот к дому».

Когда он, наконец, подошёл к калитке, то с трудом поднял руку, чтобы открыть щеколду. Так, согнутый, он зашёл во двор и, как прошлый раз с хворостом, услышал голос бабушки:

– Ой, Мира, как ты это донёс?!

Он видел только её ноги в серых матерчатых туфлях. Она сняла с него мешок и он, от напряжения и бессилия, упал на четвереньки. Она опустила мешок и помогла ему подняться. Он кое-как разогнул спину. Она усадила его на скамью, закрыла калитку и, помогая ему подняться, повела в дом.

В КОНЦЕ СЕНТЯБРЯ

Утро последнего воскресения было солнечным. Оно едва поднялось, когда Ревка повесил клетку со щеглом на специальный шест, в углу огорода. Для наблюдения, он забрался на навес крытого двора. Тут он притулился к стенке сеновала и укутался старым бабушкиным пальто. Было прохладно. Он мысленно позавидовал Петьке, который в таких случаях, кутался в отцовский тулуп. Отсюда, с высоты, было видно, что в переулке, на дощатых тротуарах, ещё поблескивали иней.

Щегол в клетке прыгал и щебетал. Ревка с благодарностью вспомнил Петьку, который дал ему второго пойманного щегла. В то же время подумал, что так и должно было быть: ведь «седока» ходили ловить вместе. Раньше он не знал, что так зовут не старых щеглов, а совсем молодых, у кото-

рых ещё не появились на голове красные и чёрные пёрышки. Это было за три дня до школы. Петька сказал, что первых щеглов продают по десять рублей, а то и дороже. Таких денег, никто бы не дал, и он предложил поймать «седака» самим. Ревка с радостью согласился. Вышли за город. Петька предложил идти в сторону их покоса. Обогнув кладбище, по гати, вышли к опушке леса. Тут он указал на большие заросли репейника и сказал:

– Сюда обязательно прилетят.

В кустах он срезал перочинным ножом длинный прут и срезал с него все веточки. Потом, вытащил из кармана тонкую медную проволочку, сделал из неё петельку и привязал к концу прута.

– Пойдём к тем двум кустам рядом с репейником, – предложил он.

Сидя между кустами, разговаривали шёпотом. Петька пояснил, что это отец подсказал, как можно поймать молодого щегла. Ревка еще намеревался спросить, но Петька приложил палец к губам – на репейник опустилась стайка щеглов. Петька высунул прут между стеблями репья, но щеглы сидели поодаль, и дотянуться до них не было возможности. Он взглянул на Ревку, молча закрыл глаза и слегка кивнул головой. Что очевидно означало: ничего обождём. И действительно. Щеглы, расклёвывая головки репья, как бы выбирая, перелетали с одного стебля на другой.

Выдержка Петьки увенчалась успехом: на ближний стебель уселся красивый щегол, но едва прут появился рядом, сразу перепархнул в сторону.

И всё-таки повезло. Через минуту вблизи уселся «седак». Петька поднял прут, когда он тормозил головку репья, а едва он поднял голову, как Петька надел на неё петельку и вмиг он затрепыхался. Петька быстро перехватил прут и взял щегла в руку. Вся стая взмыла вверх. Петька освободил петельку и передал прут ему:

– Отвяжи проволоку.

Он выполнил указание и сунул её ему в карман. Щегол несколько раз пискнул, а потом сидел молча.

Ревка оглядел небо, посмотрел на клетку – щеглов не было. Мысли вновь вернулись к Петьке. Когда возвращались назад, он погладил пальцем по серой головке щегла и сказал:

– Такой же петелькой на пруте ловят бурундуков.

– Бурундуков?! – удивился он.

– Да. В апреле их приманивают манком, и они подбегают прямо рядом. Надеваешь ему на голову петельку и, всё, поймал.

– А что потом? Куда его девать? Он же кусаться будет.

– Какой, кусаться. Пока висит, нажимаешь на грудную клетку и сердце останавливается – он готов, и в сумку.

Ревка тогда невольно поёжился от этих слов, но ничего не сказал. Потом сообразил, что разницы нет, если бы охотник убил его из ружья.

А на «седока» Петька на второй день поймал двух щеглов, и одного отдал ему. Отдавая, рассказал забавный случай. Когда поймал двух, решил этого молодого выпустить. Прилетела стайка щеглов, он его выпустил. Тот заверещал, сделал полукруг и сел на ветку рядом со щеглами. Осмотрелся, перелетел на клетку и попался. Потом выпустил одного и он улетел.

Ревка поглядывал на небо, по которому плыли не частые, но довольно большие кучевые облака, силясь увидеть, хотя бы небольшую стайку щеглов, но она не появлялась. Он жалел, что во второй выходной, когда Петька поймал трёх штук, он вместе с матерью и бабушкой копал картошку в поле.

Накопали три мешка и с большим трудом привезли её на тележке. В гору перед городом, пришлось завозить по одному мешку. Третий помог завести подошедший мужик. Он же помог загрузить первые два.

В первое воскресенье, рано утром, он поймал одного, а потом погода испортилась. Имея двух щеглов, он рассказывал всем об этом, надеясь, что слух дойдёт до кого-нибудь, кому можно продать щегла, но никто интереса не проявлял. Эти разговоры он вёл в школе, так как у ребят соседей, кто занимался ловлей птиц, они уже были. Теперь он учился в

школе, где учились Юрка и Петька. В 5 «Б» попали вместе с ним: Мисюрчик, Арош, который летом переехал на другую квартиру, Васька, Милка и Лиза и несколько ребят из прежней школы, поэтому переход не тяготил, а было интересно и весело. Только Виталька Верник, переехав в другой район города, пошёл в другую школу. Такое скопление друзей в одном классе, подталкивало побаловаться и на уроках было довольно шумно. А на переменах, как обычно, мальчишки завязывали борьбу, подставляли между собой подножки или девчонкам, гонялись друг за другом. Однажды, после звонка, выскочив в коридор, они увидели девятиклассников, которые сразу стали раздавать им подзатыльники или удары ботинком под зад. При этом, всем объяснили, что сегодня по школе дежурит Мария Павловна и все должны ходить спокойно, вдоль стенок. И они этого добились. Потом они узнали, что Мария Павловна учительница химии, в старших классах. Странно, что в дальнейшем, если говорили о её дежурстве, все вели себя тихо. Учёба в этой школе, радовала его тем, что она была близко. Он уходил на занятия позже матери, и можно было не брать с собой учебники, будто их нет, как у многих ребят, а тетрадки носил за пазухой.

Заверещал щегол. Ревка нагнулся, чтобы лучше видеть клетку. На ветке около нее сидели четыре щегла. Ревка затаил дыхание в ожидании: сядут на клетку или нет? Те поглядывали на друга в клетке, но не спускались ниже, а потом вспорхнули и улетели. Ревка с досадой вздохнул и в этот момент увидел, как по жерди забора медленно двигается чёрный соседский кот.

– «Паразит!», – мысленно обругал его Ревка и уже хотел крикнуть на него, но тот прыгнул с забора и направился в сторону своего дома.

Ревка в отчаяние откинулся на спину и подумал о коте: «Надо же ему появиться в самый важный момент». Продолжая смотреть в синеву неба, он увидел на большой высоте клин птиц. «Наверно утки», – предположил он, а вспомнил о журавлях. Прошлой осенью, когда на горке были почти все ребята, появился клин журавлей, и довольно низко. Петька

начал свистеть. К нему присоединились Мисюрчик и Витька Тимофеев. Журавли развернулись и сделали круг. Ребята продолжали свистеть – журавли поднялись выше и сделали ещё круг и только, когда свист прекратили, журавли повернули на юг и улетели. Кто-то сказал, что так же будет, если их громко считать. И через несколько дней это подтвердилось. Когда появились журавли на горке были: он, Арош, Милка и Васька. Никто не умел пронзительно свистеть и потому стали громко считать: один, два, три... И, на самом деле, журавли стали кружиться, поднимаясь всё выше и выше. И там на высоте, после третьего круга, не смотря на крики, продолжили свой путь. У кого Ревка не спрашивал, почему так случалось, никто не мог объяснить.

Вспомнив о ребятах, сразу в памяти всплыли игры в лапту, в конце августа и начале сентября, пока не началась копка картошки. Особенно запомнилась одна игра, когда собралось много ребят. Сам он попал в команду Юрки и Федьки, туда же вошли Витька, Арош, Мисюрчик и Васька. Валька Синакин взял к себе Петьку, трёх девчонок, к ним пришла ещё их подружка Галька Рузаева, Тольку, дружка Федьки, и Володьку Перфилова. Федькиной команде выпало бить лаптой, а Валькиной голить в поле. К этой игре Юрка сделал настоящую лапту, такую увесистую лопатку на длинной ручке. Били от угла палисадника Торошкиных, а бежать надо было до «сала», телеграфного столба, стоявшего около конца Милкиного двора. Федька с Юркой решили бить последними, чтобы можно было выручить тех, кто плохо пробьёт. От тех, кто голил в поле, мячи для бьющих подбрасывала Милка. Первым ударил лаптой по мячу Мисюрчик и удачно. Мяч полетел далеко и он сразу побежал. Добежав до столба, хотел бежать назад, но Петька бросил мяч Вальке и пришлось вернуться к столбу, чтобы его не осалили. Арош ударил хорошо, но мяч поймал Толька, Арош попытался бежать, но вернулся. Витька ударил хорошо и пока Володька, ловил подпрыгивающий мяч, они троём успели добежать до столба, а Мисюрчик успел вернуться. Федька своим ударом позволил Ваське ~~они~~ убежать, а им троим вернуться к лапте. Но Валька хитро расставил своих игро-

ков: троих ребят поставил в конце поля, сам встал посередине, где бегают бьющие, а рядом девчонок. Ребята перебрасывали ему мяч, а он мог салить. Так он и приловил Ревку. После Юркиного удара лаптой, Ревка решил пробежать туда и обратно, но мяч быстро оказался у Вальки и он попал ему мячом в левый бок. Так Ревка на себе испытал жёсткость Юркиного гутперчивого мяча. Теперь им пришлось голить. За вечер их команде три раза удалось бить лаптой и два раза голить...

Из-за облака выглянуло солнце и тепло его лучей приятно ощутило лицо. Ревка закрыл от удовольствия глаза. «Так можно и уснуть», – подумал. Вдруг услышал нарастающий гул. Открыв глаза, увидел самолёты. Летели они довольно высоко, поблёскивая в голубом небе. Три тройки летели на одинаковом расстоянии друг от друга. В каждой один самолёт – чуть впереди.

Летели с востока на запад. Ревка и другие ребята видели такие перелёты не один раз. Он приподнялся, провожая их взглядом, пока они не скрылись за крышей сеновала. «На фронт», – мысленно заключил он. Гул стих. А он вспомнил, что вчера передали по радио об освобождении Смоленска. За два дня до этого пришла открытка от брата, где он писал, что они успешно бьют фашистов, что его приняли в партию и, что их дивизия освободила город Сафоново. Дед посмотрел на карту и сказал, что скоро освободят город Смоленск. В школе он с гордостью похвалился военными успехами брата.

Только Мисюрчик сказал, что его брат тоже успешно бьёт фашистов. Сейчас с улыбкой вспомнил первый урок немецкого языка. Учительница вошла в класс, остановилась и сказала:

– Гутен таг! Я сказала вам: – Добрый день. Мы с вами будем изучать немецкий язык.

Все наперебой закричали:

– Не хотим учить фашистский язык!

Она пыталась что-то объяснить, но все стали стучать по крышкам парт или хлопать ими и кричать:

– Не хотим! Не хотим!

Учительница ушла.

Тут же пришла директор и с ней военрук. Пока убеждала директор, ребята нет, нет выкрикивали:

– Не хотим!

Потом начал говорить военрук, поблёскивая очками и размахивая кулаком:

– Как успешно можно воевать с врагом не зная его языка? Как допрашивать пленных? Как прочитать захваченные вражеские документы?

Эти слова и весь его вид в солдатской гимнастёрке, галифе, с обмотками и солдатскими ботинками на ногах, убедили всех. Класс замолчал. Вернулась учительница и урок начался.

Потом урок проходил, как обычно, но особого интереса к языку не проявлялось. Вспомнил он и неприятный случай тогда. Когда стали изучать первые буквы, учительница написала на доске короткое предложение и сказала:

– Здесь написано: «Анна и Марта купаются. По-немецки: Анна унд Марта Баден».

И попросила прочитать нескольких учеников. Когда очередь дошла до него, он прочёл, но она сказала, что слог «ба» надо прочесть долгим.

Он набрал воздуха и прочёл:

– Анна унд Марта бааа..., – он тянул с минуту этот слог.

За это «усердие» его выгнали из класса. Увидев в коридоре ещё одного неудачника из соседнего класса, договорился с ним поиграть в «Зоску». Вышли во двор школы и за глухой стеной школы приступили к игре. В неё играли ещё до войны старшие мальчишки, потом перестали, а год или полтора игра возобновилась. Зоску он сделал сам. Петька дал маленький кусочек кожанки с длинной шерстью, а он пришил к ней расплюснутую свинцовую пластинку и, как и многие, всегда носил её в кармане. Игра была простая. Подбрасывали зоску, а потом, стоя на одной ноге, другой, внутренней стороной стопы, подбивали её вверх, она подлетала переворачивалась, опускалась и её вновь ударяли ногой. Выигрывал тот, кто больше раз подбросит её ногой, пока она не упадёт на землю, тот и победил. Сам он играл на

уровне остальных, а всех в классе побеждал Котов. Тот набивал больше ста двадцати. Говорили, что некоторые набивают больше трёх сот. Таня, увидев у него зоску, сказала, что до войны один парнишка, Володька Спицин набивал до пятисот. У него воспалился пах и он умер. Об этом слышали и другие, а играть в неё продолжали...

Пригретый солнцем, он и в правду, чуть не задремал, но в это время усилено запел щегол. На этот раз на ветку у клетки уселась стая побольше и он даже не стал их считать. Сразу два щегла опустились на клетку. Ревка мысленно умолял их продвинуться поближе к краю, где можно увидеть насыпанные семена. И один из них, словно повинаясь его желанию, перепархнул к краю, потом на дверку хлопколовушки. Ревка замер в ожидании. Щегол посмотрел на корм одним глазом, другим, потянулся клювом, задел палочку и дверка захлопнулась. Щегол забился в ловушке. Ревка от радости откинулся назад, под нависающую крышу сеновала. Когда вновь посмотрел на клетку, стаи не было. Он спустился с навеса, подбежал к шесту, поднял с земли специальную палку с прибитой дощечкой и гвоздём. При помощи её, снял клетку с шеста. Поставив её на землю, приоткрыл дверку, просунул туда ладонь и взял щегла. Посадив его в компанию к сидящему там, настроил хлопушку, и повесил клетку снова на шест. Забравшись на прежнее место, он улёгся на пальто, довольный, хотя и не большой, но удачей.

Пробыл он в своём укрытии почти до обеда, но больше щеглы не прилетали. Сняв клетку пошёл в сени, где пересадил щеглов в просторный садок. Теперь у него было три щегла. Насыпав корма, добавил немного семян конопли, выпрошенных у Петьки, и сменил воду в баночке. Затем перевесил садок так, чтобы солнце попадало на него до вечера, и зашёл в дом.

Бабушка сказала, что скоро будет обед. Ревка направился в комнату. Дед, как обычно перед обедом, читал газету. По радио передавали музыку. В комнате мать сидела за столом с тетрадкой и ручкой в руках. Почувствовав его появление, повернулась к нему:

- Ты все домашние задания выполнил?
- Все, – не моргнув глазом, ответил он.
- Покажи, – попросила она.

Он достал из портфеля тетрадь по арифметике и подал матери. По этому предмету он действительно выполнил задание. Он сам не знал почему, но Анастасию Павловну, учительницу арифметики, он побаивался и задания выполнял. Мать проверила примеры и сказала:

- Хорошо. Надо писать почище. А по русскому?
- По русскому тетрадь взяли на проверку, – соврал он.

В тетрадке красовалось размашистое – «Плохо», поставленное ранее. Ревка в обиде, решил не выполнять задания. Учительница по русскому языку была совсем молодой и её никто не слушал. Пустили слух, что она окончила всего девять классов. На уроке стоял такой шум, гам и разговоры, что понять, о чём она говорит было трудно, а он и не старался. Домашнюю тетрадку он иногда совсем не брал в школу. И, однажды, соврал учительнице, что он где-то потерял её или украли, а больше у него тетрадки нет. Галина Сидоровна сказала, что надо сделать тетрадь из газеты, там можно писать между строк, как у некоторых, а лучше из обёрточной бумаги и разлиновать. Такие тетрадки были у многих.

- А другие предметы приготовил?
- Да, – кивнул он, – там география и ботаника.

Он даже пояснил, что проходят, а по ботанике показал тетрадь.

Он всегда её носил, потому что там надо было рисовать цветы, пестики тычинки и это ему нравилось. На Ревкино счастье, мать не попросила показать, что в портфеле и бабушка позвала обедать.

На горке, куда Ревка пришёл после обеда, застал Ваську и Витьку Морозкина. Первый сидел на обрывчике, у начала спуска, второй щепкой выковыривал в ямке глину. Ревка похвастался, что поймал ещё одного щегла. Витька поднял на него взгляд своих голубых глаз и, с хитрым прищуром, улыбнулся:

- А Петька три штуки.

– Ну и что? – с напускным равнодушием ответил Ревка.

В это время на крыльцо Морошкиных вышел Петька и свистнул. Витька обернулся, а тот махнул рукой. Бросив щепку, он прилепил кусочек глины к куску и побежал к дому.

– Что он хотел лепить? – спросил Ревка.

Васька хмыкнул:

– Петька заставил катать шарики из глины, для стрельбы из рогатки. Они когда высохнут, летят в цель лучше, чем камешки. Мисюрчик их тоже накатал и сушит.

Он поднялся и мотнул головой:

– Вон сеструха идёт, пойду обедать, – и пошёл.

Их семья продолжала жить в этом полуразрушенном доме.

Ревка встал и пошёл к Витьке. Минувя контору и выйдя во двор, увидел друга за оградой огорода, у стены воцаренной мастерской. Он смотрел в сторону, где в углу огорода, на шесте висела клетка. Подойдя, Ревка протянул руку и при пожатии, удивился:

– Ты что? Ещё ловишь? Сейчас они почти не летают.

– Я недавно одного поймал. И перед тобой прилетали, да какой-то возчик во дворе пекарни, заорал на лошадь, они улетели.

– Ты бы перенёс шест, в другой угол огорода, – посоветовал Ревка.

– Ты же знаешь, тут рядом тропинка, часто кто-нибудь проходит.

Соглашаясь, Ревка кивнул головой, а потом напомнил:

– Мы с тобой договаривались на воинскую площадку сходиться, если погода будет хорошей. – Она в самый раз.

– Давай, сходим, – согласился Витька и побежал снимать клетку.

Во двор вышел Володя. Увидев Ревку, подошёл к ограде. Ревка поздоровался.

– Ну, как щеглопёры, дела? Спросил он, улыбаясь.

– Нормально, – ответил он и спросил:

– А ты никогда птиц не ловил?

– В деревне жуланов ловил.

– Что за жуланы?

– Снегирей у нас так называют – красивые, красногрудые.

– Так, что? Пойдём? – закрывая калитку, спросил Витька.

– Идём, – подтвердил Ревка и, махнув рукой Володе, пошёл по тропинке.

По дороге он рассказал об увиденных самолётах и об освобождении Смоленска. Витька сказал, что самолёты видел, а про Смоленск не слышал.

– Брат воюет, где-то под Смоленском, может и он его освобождал, – уточнил Ревка.

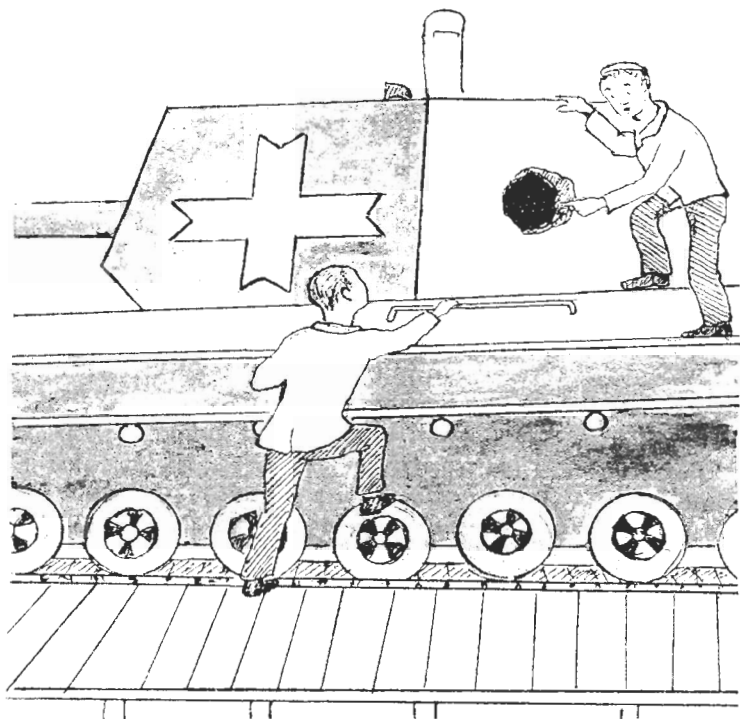
– А я в конторе по радио слышал, Полтаву освободили на Украине.

– Дед говорил, дня четыре назад, – подтвердил Ревка.

Облаков стало меньше и солнце пригревало их спины, когда они подходили к воинской площадке. Выйдя на неё, не увидели ничего интересного. Первые два пути были свободными, только ближе к пакгаузу, на первом пути, стояло несколько вагонов. На остальных путях стояли обычные крытые вагоны. Постояв, решили идти домой, но по второму пути стал приближаться состав. Они задержались. Мимо шипя и посвистывая проехал паровоз ФД и замелькали платформы. На них были покорёженные остовы машин, какие-то обгорелые бронированные машины без башен и просто груды металла. Поезд замедлил ход и вдруг они увидели на платформе, медленно подъезжающий немецкий танк с крестом. Точно такой, как показывали в киножурналах. Жёлтовато-зеленоватый, на гусеницах, с квадратной башней. Пушка с набалдашником на конце. Он проплыл мимо них, замедляя ход, и остановился, в метрах тридцати. Не сговариваясь, они бросились к спуску с площадки. Не добежав до платформы с танком, они поднялись по ступеням тормозной площадки соседней платформы и перешли по буферам, на следующую, где кроме танка ничего не было.

Под гусеницами лежали половинки чурок. Подходя к танку сзади, они увидели с левой стороны башни огромную пробоину. Ревка взялся рукой за подкрылок над гусеницами, ступил на невысокое колесо внутри гусеницы, перехватился за поручень на корпусе танка и легко поднялся на подкры-

лок. Одновременно и Витка поднялся на танк. Броня, освещённая солнцем, была тёплой, а в тени прохладной. Стали рассматривать пробойну.

– Здорово его долбанули, – заметил Витка.

– Если голову повернуть, запросто пролезет, – сказал Ревка, но пробовать не стал.

Растопыбив пальцы, приложил их к рваной броне пробойны, толщина оказалась шире. По зазубринам было видно, что броня не просто пробита, вырвана. Верхний люк был открыт и через пробойну они увидели заднюю часть пушки и два круглых сидения.

Поднялись на башню и друг за другом спустились внутрь. Там стоял неприятный затхлый запах. Внутри танк был вы-

крашен в белый с жёлтизной цвет. Вся поверхность была в бурых пятнах.

– Это, наверно, кровь, – предположил Ревка.

– А что же ещё? – без сомнения подтвердил Витька.

Много места занимала пушка. С задней стороны и с правого бока было много полукруглых крючков с застёжками, и они догадались, что места для снарядов. С левой стороны пушки – сидение, а чуть выше, впереди, два диска с рукоятками. Ревка сел на него взялся за ручки. Попробовал крутить: левая чуть сдвинулась и застопорилась, а правая стала вращаться и вдруг, пушка в танке стала опускаться. В другую сторону – стала подниматься.

– Дай я попробую, – попросил Витька.

Ревка уступил место. Он крутил ручку и пушка то поднималась, то опускалась.

– Не надо, – вдруг сообразил Ревка, – ствол задирается, кто-нибудь увидит и догадается, что мы тут.

Витька слез с сидения и вместе, они стали рассматривать и ощупывать пушку. Ствол был закрыт большим блестящим, квадратным куском металла. Перед ним был лоток и им стало понятно, что это место для укладки снаряда.

– Эта штукавина должна убираться, – рассудил Витька, – иначе, как снаряд заталкивать?

Ревка заключил:

– Это, скорее всего затвор, как у винтовки, – и добавил, – потяни за этот рычаг справа.

Тот потянул, но всё осталось на месте.

– Может сильнее? – взглянул он на Ревку.

– Тяни.

Он взялся двумя руками и дёрнул: затвор провалился вниз и там остался. Ревка взглянул в открывшийся ствол: он был блестящий, с полой резьбой и через него было видно пятно голубого неба. Заглянул туда и Витька. Стали дёргать рычаг, чтобы затвор стал на место, но это им не удалось. Около ствола, который выходил из башни, через вертикальный проём, закрытый снаружи, находились два круглых отверстия. Слева, по железной рамке с болтами, вокруг отверстия, определили, что это место для прицела.

– А с права зачем? – Ревка взглянул на друга.

Тот пожал плечами:

– Может для пулемёта?

– Точно! – подхватил Ревка, – жалко ни того, ни другого нет.

Над верхним сидением, с потолка башни, свисала чёрная ручка. Витька ухватился за неё и, подтянувшись, посмотрел в коробку, выше ручки.

– Рева, а тут стекло. Слушай! Я вижу дым от паровоза.

– Ну-ка, ну-ка, – заторопился Ревка, – покаж!

Тот уступил место. Ревка ухватился руками за ручку, забрался коленями на сидение и прислонился лбом к этой штуковине: в стекле показались платформы с искорёженным металлом и вдали дымящий паровоз.

– Через эту штуковину они и наблюдали из танка, – заключил он, с некоторым восхищением.

– Конечно, – согласился Витька, – в прицел всё не увидишь. Дай я ещё посмотрю.

Внизу находилось сидение водителя. На броне была панель с приборами, а рядом с сидением две рукоятки. Ревка хотел протиснуться между Витькой и пушкой, чтобы пробраться туда, но в этот момент звякнули буфера и танк вздрогнул – прицепился паровоз.

Они выбрались из танка, спрыгнули с него, и Витка не побежал к платформе с площадкой, а перешагнул через борт платформы и спрыгнул на землю. Ревке пришлось последовать за ним. Спрыгнув, чуть не упал, но друг поддержал его. Они оглянулись на танк и пошли к воинской площадке.

По дороге домой рассуждали о снаряде, какой он должен быть, чтобы пробить такую броню; об устройстве танка; о том, как им будут завидовать пацаны, когда они расскажут о своей удаче.

НОВЫЙ ГОД

За пять дней до нового года Ревка заболел. Бабушка, как всегда, подогрела на плите керосин, натёрла ему грудь и спину, укрыла двумя одеялами и сказала:

– Пропотеешь, и всё будет хорошо. Ревка всегда помнил и в этот раз, с особым чувством благодарности, ощутил при-

косновение шаршавых ладошек, их спокойное, плавное движение по его телу. А такой привычный запах керосина, придавал ему веру, что он быстро поправится.

Ночью, он действительно, пропотел и, когда заворочался, к нему подошла мать и сменила рубашку. После этого он вновь быстро уснул. Утром мать приложила ладонь к его лбу и поставила градусник. Оказалось, температура снизилась до тридцати восьми. Она предупредила, чтобы он не вставал ни в коем случае, и ушла на работу. Чувствовал он себя неплохо, но знал, что вставать ему не дадут несколько дней, а то и больше. Это удручало тем, что он не попадёт на новогоднюю ёлку в школе.

Врач-женщина, которая пришла к нему, вместо так знакомого старичка с бородкой, сказала, что у него воспаление лёгких.

– Я так и знала, – сказала бабушка, – этим он болеет не первый раз.

Ревка знал, что простыл на горке, когда катался на лыжах. Остановился отдохнуть, да ещё заслушался разговора между Юркой и Федькой, вот и просквозило.

Шёл уже седьмой день, как он лежал в постели. Получалось так: утром температура снижалась, почти до нормальной, а вечером, вновь поднималась. За это время произошли два радостных события: тридцать первого числа вновь зажглись электрические лампочки, а вчера, первого января, мать разрешила посидеть со всеми за столом. Бабушка испекла картофельный торт, который ему очень понравился. Как всегда, в таких случаях, ему казалось, что ничего вкуснее он не ел. По радио пели песни, читали стихи и говорили о победах на фронте.

Когда в окне спальни забрезжил рассвет (здесь не было лампочки), бабушка принесла поесть. Присев на краю кровати, подала ему бокал тёплого молока, а на блюде держала кусочек хлеба, посыпанный сахаром и, к его радости, небольшой кусочек вчерашнего торта. Ревка не любил тёплое молоко, но когда болел, не возражал. После такого завтрака, настроение поднялось.

В это время диктор по радио говорил: «В своём выступлении Михаил Иванович Калинин, поздравил всех с наступающим тысяча девятьсот сорок четвёртым годом, рассказал о победах Красной Армии в прошедшем году, но предупредил, что враг ещё силен, однако, ближайшая задача, очистить нашу территорию от фашистских захватчиков. В подтверждение его слов, начавшееся двадцать четвёртого декабря наступление войск первого Украинского фронта, в районе Житомира, успешно продолжается. Освобождено несколько населённых пунктов. Враг несёт большие потери».

Проходя на кухню, дед нагнулся, потрепал его по голове:

– Что, солдат? Когда рану залечишь? Ревка улыбнулся и юркнул под одеяло.

Передача о войне и шутка деда, вдруг напомнили о брате. В память врезался день 15 октября. Он вернулся из школы и застал бабушку плачущей. Она сидела за столом, у лица держала скомканный платок. Он ни разу не видел её такой. Посмотрев на него покрасневшими глазами, сказала:

– Гену убили.

До этих слов он успел сдёрнуть шапку с головы и так и застыл, держа шапку за ухо. Новость так его пронзила, что, продолжая стоять, не мог понять, как это, Гену, и вдруг, убили?

– Раздевайся, – сказала бабушка.

Он сбросил пальто на сундук и подошёл к ней. Она обняла его:

– Нет больше Гены.

У Ревка навернулись слёзы, а она кивнула головой:

– Вот похоронка.

На столе лежала небольшая бумажка. Сейчас он не помнил всё, что там было написано, но помнил обращение к матери: «...Ваш племянник Лазебный Геннадий Трофимович был убит 6 сентября 1943 года у деревни Дарькино..., какого-то района, Смоленской области».

У него появилась странная обида за брата, что ему не пришлось освободить Смоленск, как он думал и рассказывал ребятам. Помнил он, как несколько дней дома все мало

разговаривали и говорили тихо, чуть не шёпотом. А в школе ему не хотелось баловаться и бороться на переменах... Вспомнил, как брат отводил его в первый класс, так как мать была занята в своей школе; вспомнил, как брат с другом Костей устроили в снежной пещере, рядом со стенкой двора, химическую лабо..., Ревка не мог вспомнить название, но у них там произошёл взрыв. Дед ругался, что они могут устроить пожар и спалить двор, а вместе с ним и дом, запретил им заниматься.

Диктор в репродукторе продолжал: «...Советские люди надеются, что руководители союзных держав пообещав, в конце ноября на Тегеранской встрече, открыть второй фронт, приблизят эту дату.». Заиграла музыка, и стали передавать песни из кинофильма «Весёлые ребята». Ревка помнил всю картину. Видел её три раза. Там было много смешного, но его очень рассмешила переключка стада, когда Утёсов выкрикивал:

– Марья Ивановна!

Корова выходила вперёд и...: – Мууу!

После песен опять заговорил диктор, рассказывая о восстановлении угольных шахт Донбасса. После слов: ...В ноябре и декабре восстановление пошло широким фронтом...

Интерес у Ревки пропал, а упоминание «ноября», невольно заставило вспомнить, не совсем приятное, – вывозку угля. Снег выпал в первых числах. Праздничные дни 7-е, 8-е ноября были особенно радостными: вместе с поздравлениями, диктор сообщил об освобождении Киева, столицы Украины. Приподнятое настроение упало накануне первого выходного, после праздника, когда мать сказала, что надо вывозить уголь, собранный у шахты.

На самые большие санки установили и привязали ванну. Как сказала бабушка, в ней его купали, когда был маленький. Утром, едва начался рассвет, они вышли из дома, и пошли в сторону их горки. Мать пояснила, что справку о сборе угля она отдала директору школы, в которой он учился. Уголь вывезли туда, и отсюда ближе вывозить, чем с угольного склада. Небольшой морозец не был помехой.

Снег приятно поскрипывал под валенками. На спуске Ревка сел в ванну и съехал. Дождавшись мать, спросил:

– Как мы тут будем затаскивать?

– Нам придётся объезжать по второй улице. Это будет дальше, но подъём у вашей школы пологий.

Он шёл впереди. К этому его приучила мать с детства. «Иди впереди, – говорила она, – чтобы я тебя видела». Нескольким раз возникала мысль: «Вот Таньке везёт. Приехала на праздник и снова уехала на учёбу, а уголь мне возить. Утешала надежда, что ещё рано и, после привоза угля, он успеет погулять и покататься на лыжах.

Во дворе школы, таком знакомом Ревке, сарай, в котором хранится уголь, был открыт. Створки дверей легко отворились. Ревка развернул санки и всунул в склад. Мать взяла широкую лопату и стала насыпать уголь в ванну.

Санки ехали довольно легко. Мать впряглась в верёвку, привязанную с двух сторон, а Ревка тянул за одну из верёвок с боку. Тяжелее было на небольших подъёмах. На спуске, на второй улице, пришлось тормозить. Мать это делала верёвкой, а Ревка, удерживал ванну за ручку, упираясь валенками и скользя на них. Облегчало то, что дорога ещё не была утоптана и укатана.

Это помогало и на подъёме – ноги не скользили. Мать тянула впереди, он толкал сзади, упираясь руками в высокий борт ванны. Подъём был длинный и, когда вывели санки наверх, ему стало, по-настоящему жарко. Хотелось растегнуть верх пальто, но начался небольшой спуск, к своему переулку, и пришлось вновь тормозить.

Во дворе пришлось позвать деда, чтобы тащить сани, где не было снега. Когда дед с матерью перевернули ванну с углём, Ревка спросил:

– Мам, я могу идти?

– Куда? – удивилась она.

– Гулять.

Она качнула головой:

– Нет, Мира. Нам надо сегодня съездить три раза.

Настроение его сразу упало. Она пояснила:

– Всего нам надо съездить двенадцать раз. Три выходных в этом месяце и один в декабре.

На горке ребят ещё не было. Ревка хотел съехать, но мать напомнила, что она грязная. Ему пришлось сбежать с горки рядом с саями, притормаживая верёвкой. Постепенно осознав, что вывозить уголь надо, обида на мать прошла. У следующего переулка он взял верёвку и повёз их сам.

У сарая, устанавливая санки, он вспомнил, услышанное по радио, и спросил:

– Мама, а Житомир где? Передали, что наши войска начали наступление в направлении на Житомир.

Насыпая уголь, она помолчала, потом ответила:

– Он на Украине, где-то недалеко от Киева.

– Мама, – вдруг произнёс он, – а почему здесь никого нет? Так любой приедет и наберёт угля.

– Нет, Мира, сторожика смотрит в окно и записывает, сколько раз мы приедем. Если кто другой, она в милицию позвонит.

– А.., – протянул он и оглянулся: в окне школы он увидел женщину.

На этот раз ему показалось, что они привезли быстрее.

Сейчас, лёжа в постели, он подумал о себе с некоторым удовлетворением. В тот первый день, когда они пошли за углём в третий раз, мать завела разговор о его учёбе. Было ясно, что она увидела два «Плохо» по русскому языку. Ему было неприятно и стыдно. Он с завистью смотрел на катающихся ребят, поднимал руку, отвечая на приветствие, и твердил:

– Мама, я учу правила, учу, а ошибки сами вылазят.

Уголь был привезён и он настроился, после запоздалого обеда, хоть немного покататься на горке и избежать неприятного разговора об учёбе дома. Быстро разделся и стал мыть руки. Мать повесила пальто на вешелку и обратилась к нему:

– Мира, давай ещё раз съездим за углём. В следующие выходные неизвестно, какая будет погода.

Он, на какой-то момент замер, с мокрыми руками у раковины, и решил отказаться, но, взглянув на её усталый вид, с особым внимательным взглядом, ответил:

– Поедем.

Она провела по его голове рукой и пошла в комнату.

В следующие выходные было действительно трудно. В один была метель, в другой, погода была лучше, и съездили четыре раза, а в декабре был мороз, так что ему прихватило нос, и мать оттирала его шерстяной варежкой. Правда, это была одна и последняя поездка.

День выдался солнечный и в проходной комнате, где стояла его кровать, было довольно светло. Большая часть света проникала через дверной проём в кухню, где окно выходило на юг. Над кроватью бабушки и деда висели их портреты. Они сфотографированы ещё молодыми. Бабушка красивая в интересном платье, дед с усами в белой рубашке, со стоячим воротником, с бабочкой, в чёрном пиджаке. Ревка когда-то задумался: дед был машинистом, рабочим, а в учебнике истории написано, да и учителя рассказывают, что до революции, рабочие жили плохо, ютились в бараках и картинки в учебнике подтверждали это. Однажды, глядя на эти портреты, он спросил у бабушки:

– Вы до революции были буржуями?

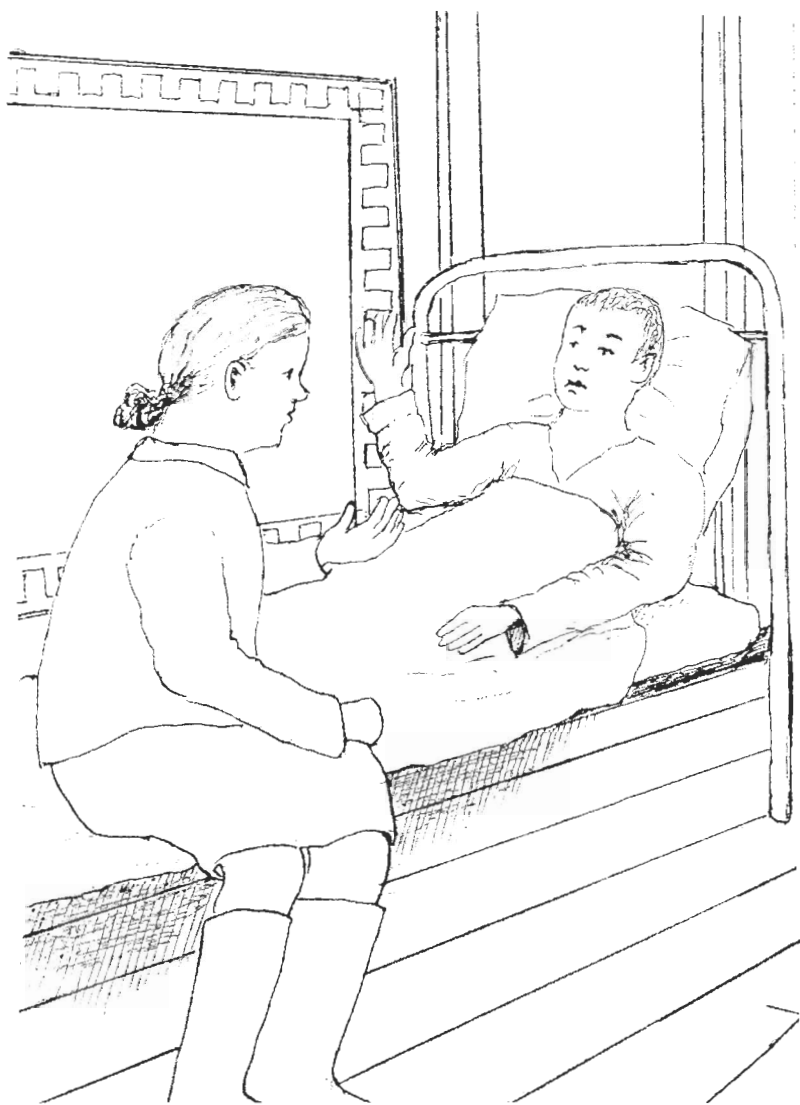
Она удивилась и ответила, что когда были сделаны эти портреты, дед работал слесарем в паровозном депо. Сначала он ей не поверил, но потом из её рассказов понял, что так было на самом деле. Ревка перевёл взгляд на деда. Он сидел на своём кресле и, как обычно, читал газету. На нём была толстая тужурка, на голове тубетейка. Он говорил, что без неё мёрзнет лысина. Сейчас у него была окладистая борода. На носу поблёскивали очки. Теперь, он мало походил на того с бабочкой.

На обед бабушка накормила его картофельным супом и тушеной свёклой, потом дала карамельку в бумажке. Радио молчало – был перерыв. В доме наступила тишина. Вскоре дед задремал в кресле. Бабушка забрала у него газету и пошла читать на кухню.

Он сам чуть не задремал, но вдруг раздался звук щеколды у калитки. Ревка увидел в тёмном окне, которое выходило в крытый двор, как открылась и закрылась калитка. Кто прошёл, не было видно, и он решил, что пришла мать. Оказалось, к нему пришла Милка. Он обрадовался ей, так как за время болезни, ни кто из ребят к нему не приходил. Он повернулся на бок и посмотрел в кухню, как только услышал, как она поздоровалась с бабушкой. Та предложила ей раздеться. Он смотрел, как она сняла рукавицы, шапку, пальто. Положила на сундук и хотела снять валенки, но бабушка сказала, чтобы не снимала, так как у нас пол холодный. Она была в тёмном платье, в котором ходила в школу, и синей вязаной кофте. Лицо румяное от мороза, две небольшие косички с бантиками и улыбка, с которой она подошла к нему, выражали здоровье. Они поздоровались,

Ревка подвинулся, предлагая сесть на кровать. Садясь спросила:

- Долго ты собираешься болеть?
- Не знаю, но врач сказала, скорее всего с месяц.
- Ничего себе, – удивилась она и кивнула головой, – хватит приставляться, выздоравливай скорей.
- Мила, ладно про болезнь. Ты на ёлке была?
- Была.
- Расскажи, как там было.
- Елку установили под лампочкой в зале, а вторая светила со сцены.
- Ёлка красивая была?
- Красивая. Ты же знаешь. Все классы готовили игрушки: флажки, гирлянды, были заводские игрушки, разные зверушки...
- А как начинали? Гимн пели?
- Зачем?
- Так нам говорили, когда его разучивали, что его будут исполнять в торжественных случаях.

Милка пожала плечами. Ревка навсегда запомнил, как сначала на уроке русского языка записали текст гимна, а потом целую неделю, все классы, вместо первого урока, стоя в зале, учились петь хором. Руководила со сцены учительни-

ца литературы старших классов. Сначала хором повторяли текст куплета, а потом под баян пели. Милка подумала и сказала:

– Он же вместо интернационала, а его пели только по праздникам: первого мая и седьмого ноября. Вот и его, тогда будут петь.

С этим Ревка согласился и спросил:

– Весело было?

– Да, как сказать. Читали стихи, водили хоровод с песнями вокруг ёлки. Какой-то дядька приглашённый играл на баяне.

– В костюмах много ребят было?

– Нет. Мы с Лизой были снежинками, нам из марли сшили костюмы и ещё четверо были в масках. Там холодно было. Мы немного потанцевали и пришлось одеться.

– Мила, а как это «Ёлка путешественница»? Такой заго- ловок висел над залом.

– Не знаю, – она вновь пожала плечами, – всё, как обычно.

– А наши ребята были?

– Были.

– Жалко меня не было.

– Да они только баловались, боролись и ножки подставляли. Приходил Ванька Голованов. Помнишь, его в декабре хотели выгнать? А он сам ушёл в ЖУ.

Ревка кивнул головой, а сказал о своём:

– С ребятами веселей, чем тут лежать.

– Конечно, – согласилась она, а потом добавила, – под конец братья Зукины появились и всё испортили. Ты, наверно, слышал, одного в прошлом году выгнали, а второго нынче в октябре из 6-го «Б».

– Знаю. Они где-то на окраине живут. И, что они испортили?

– Праздник, – она подняла брови, – один свет потушил, а второй уронил ёлку, похватал игрушки и убежал. Свет за- жгли, Вера Ивановна с баянистом её поставили, повесили упавшие игрушки и, только повели хоровод, опять свет по- гас, ёлка упала, чуть меня не задела.

– Там, что больше взрослых не было?

– Не было. Поставили двух мальчишек у выключателя на сцене, так их один из братьев оттолкнул и снова свет выключил и ёлка упала. В этот раз даже ребята стали игрушки хватать.

Она замолчала, сморщила нос, глаза прищурились и она сказала:

– Стыдно, но я тоже схватила одну картонную.

Ревка соорудил мину, не то удивления, не то изумления, но тут же сообразил:

– Ерунда. Пойдёшь в школу, отдашь и скажешь, что нашла у входа.

Милка качнула головой, улыбнулась и согласилась:

– Правильно, а то я думаю, думаю.

– Подарки были? – отвлёк её Ревка.

– Были. В кулке было семь конфет подушечек, пять печенюшек и пряник. Сказали, кто на ёлку не пришёл, отдадут, когда занятия начнутся.

– Табели выдавали?

– Тридцатого, на классном часе. У меня только одна «Удочка», остальные «Хоры».

– У меня, наверно, штуки три «Плохо». По русскому точно, – со вздохом произнёс Ревка.

– Нам, про тех, кого не было, не говорили. Так, что я не знаю.

Перед уходом сказала:

– Рева, хватит болеть, а то все каникулы проваляешься.

– Хорошо бы... Не болеть, – улыбнулся он.

После её ухода, с грустью подумал об учёбе и, больше всего, расстроился тем, как будет недовольна мать, когда он принесёт табель. Силился придумать причину, которая могла бы оправдать такие неудачи во второй четверти, но ничего не получалось. Подумал о морозе, когда заставили всех принести чернильницы-непроливашки и оставить в школе. Причина была в срыве первых уроков, так как в принесённых чернильницах, замерзали чернила, и их приходилось отогревать за пазухой. Упоминание Милкой Ваньки Голванова, заставило вспомнить один из уроков русского

языка, по которому у Ревки было совсем плохо. Это случилось в первых числах декабря.

Шёл урок. В классе было шумно, Ревке прилетела в шею бумажная пулька, выпущенная из резинки Мисюрчиком. Было больно и смеющемуся обидчику он показал кулак. Отомстила за него Грязева, когда он попал в неё. Она схватила портфель и огрела его. Правда, голову он успел убрать, но по плечу попало. Завозились двое бараковских, и стали бить друг друга шапками. Галина Сидоровна писала на доске предложение, повернулась и пошла к ним. Они прекратили возню. Обведя взглядом класс, она вернулась к доске и продолжила писать. Она уже заканчивала, когда Ванька поднялся и швырнул в доску кусок шлака. Раздался удар и шлак рассыпался на мелкие кусочки. Ванька быстро сел. Все посмотрели на учительницу: она резко обернулась. Ревке показалось, что она дольше всех смотрела на него, и ему стало неловко под её взглядом. Не сказав ни слова, она быстро ушла из класса. Ревка помакнул ручку в чернильницу и, торопясь стал дописывать предложение с доски, так как решил, что, если увидят недописанное предложение — подумают на него. Он покосился на Ваньку, который тоже сидел один на соседней задней парте, рядом. Тот уже дописал предложение.

Вернулась учительница вместе с директрисой. Та стала стыдить весь класс, просила сознаться, кто это сделал, если он не трус. Все молчали. Стали проверять руки, но Ванька уже давно поплевал на руки и протёр. Когда директор уже собиралась уходить, в открытую дверь класса заглянул военрук:

— Что? Опять 5 «Б»?

Ему показали на рассыпанный шлак у доски и пояснили. Он нагнулся к Галине Сидоровне и сразу пошёл к задним партам. Первую проверил у Ревки, засунув руку в парту, потом у Ваньки и там нащупал крошки от шлака. Схватил его за плечо и вывел к доске. Директор и военрук увели его из класса. Как всегда вызвали его мать в школу, а он вёл себя по-прежнему, но шлаком больше не бросался. Злился на военрука, которогонедолюбливал весь класс, из-за одного

случая. Сейчас, Ревка хорошо помнил, как нравился всем мальчишкам военрук в середине октября. С этого месяца было два урока военного дела в неделю. На одном, занимались строевой подготовкой, на другом, изучали материальную часть, то есть винтовку. Это мальчишкам особенно нравилось. Военрук даже удивлялся, как они хорошо всё запоминают. Ревка без труда запомнил основные части винтовки и мог даже сейчас их перечислить: ствол, приклад, спусковой крючок, магазин, цевьё, прицел, мушка, крепёжные кольца и шомпол. Труднее стало, когда приступили изучать затвор, но он и здесь помнил все детали и даже зуб отсечки отражателя, благодаря которому выбрасывается стреляная гильза. На нём военрук «ловил» тех, кто не полностью знал устройство. Но вот, во время строевой подготовки, когда повторяли приёмы с оружием (деревянными винтовками) случилось непредвиденное. День был пасмурный. Утром моросил дождь и трава была мокрой и вдруг военрук командует:

— Ложись!

Все посмотрели на него, но никто не лёг. Он скомандовал ещё раз — не послушались. Он сказал, что на фронте, когда надо, ложатся даже в лужи. Ревка тогда не мог себе представить, как лечь на мокрую траву в только что надетом костюме. Вчера его принесла мать. Им на работе раздали американские и английские подарки. В материном свёртке оказались: бежевая кофта и платье, а у другой учительницы халат и детский костюм защитного цвета. Он оказался ей ненужным, и мать обменяла его на платье. И, вдруг, в этом костюме лечь? Ревка ни за что бы этого не сделал, даже, если бы другие легли. Военрук сказал, что на фронте за невыполнение приказа, могут расстрелять. Потом стал стыдить и сказал, что из таких чистоплюев вырастают трусы и предатели. Звонок прервал его, а ребята, не дожидаясь команды, побросали деревянные винтовки и побежали в школу. Через два дня должен был состояться его урок уже в классе. Но все обиделись на его оскорбления и когда кто-то крикнул:

— Закрывать дверь. — Ольга Шерп, схватила стул и вставила ножку в ручку двери.

Все выразили восторг и раздались крики:

– Ура! Правильно! Пусть знает – мы не трусы!

За дверью раздался стук, Ольга подошла к двери и сказала:

– Мамы дома нет, а она не велела открывать.

Грохнул смех. Стуки продолжались, но к дверям никто не подходил. Ванька со своими друзьями сел играть в карты. Двое боролись на свободном месте, у доски. Девчонки читали – готовясь к следующему уроку. Ревка на промакашке рисовал карандашом лошадь. Кто-то запел песню «Три танкиста» и некоторые подхватили. Так прошло время урока. Раздался звонок на перемену. Ванька крикнул:

– Давайте не будем открывать до конца уроков!

Но Ольга возразила:

– Сейчас большая перемена, надо идти за хлебом. Открыла дверь: в коридоре никого из учителей. Она ушла и вскоре вернулась с деревянным подносом, накрытым её шерстяным платком. Все сгрудились и она, вытаскивая кусочки хлеба, подавала каждому в руку. Так раздавала она после того, как однажды, Котов ударил по подносу снизу и все эти пятидесятиграммовые кусочки разлетелись. Кое-кто похватал по два, три кусочка, а кому-то не досталось. Едва кончили жевать, в класс пришли директор и военрук. Как обычно, начали стыдить, допытываться, кто закрыл дверь, но Ольгу никто не выдал. Зашла географичка и в некотором недоумении, слушала этот разговор. Директор и военрук вынуждены были уйти. Особых последствий не было.

Сейчас Ревкина мысль перекинулась на учительницу географии Полину Сергеевну. Она была из эвакуированных. На первом уроке она рассказывала, что работала в Москве и преподавала в школе, где училась дочь Сталина Светлана. Говорила, что она круглая отличница и очень хорошая девочка: аккуратная и послушная. Все слушали с большим интересом. Но потом всем стало странным: она все слова говорила через «О»: хОрошая, хОлмы, плОскогорие, Озёра. Все удивлялись: неужели так все говорят в Москве? Кто-то сказал, что так разговаривают на Волге или ещё где-то, и все засомневались, работала ли она в Москве? Ему геогра-

фия давалась легко, что в прежней школе, что здесь, и за этот предмет он был спокоен.

О немецком языке подумал с удручением, и заключил, что здесь полный «швах», то есть, плохо. Учить фашистские слова, как говорили ребята, ему не хотелось, а после гибели на фронте брата, тем более. Подумав о ботанике, решил, что по ней может быть даже «Хорошо». В журнале видел два «хора» и одно «уд». И потом, учительница два раза его хвалила. Тут он не мог не вспомнить особый «сладкий», как потом шутили, урок ботаники. В тот день она была первым уроком. Минут за десять до начала урока, пришли бараковские пацаны, и все несли шапки в руках. Оказалось, они у них наполнены сахарным песком. Сказали, чтобы все готовили: кому куда насыпать и, что сами уже объелись. Ревка вырвал листок из тетрадки и свернул кулёк. Многие, поступили так же. Некоторые подставили шапки. Девчонки: платочки или тоже фунтики. Все тут же приступили есть. Когда зашла Зоя Ивановна, все попрятали своё лакомство в парты, переглядывались друг с другом, улыбались и утирались. Ревка не мог утерпеть, и когда учительница отворачивалась, наклонялся и высыпал немного сахара в рот. Так поступали почти все. На перемене, кто быстро съел, подходили за добавкой и те рассыпали остатки. У Ревки фунтик был большой, и он доел сахар на второй перемене. Тогда он спросил Ваньку:

– Где достали?

Он ответил:

– Идём по воинской площадке, под одним вагоном белая горка из сахара. Видать, кто-то проткнул дырку, – он хитро посмотрел на Ваську Котова, – вот он и посыпался. Первым он прыгнул, а мы за ним. Сначала начали горстями есть, а потом решили в шапки набрать. По дороге ещё ели и вам приволокли.

Вспомнив это, он облизнулся: «Вот бы сейчас столько сахара».

Мать пришла на много раньше, чем обычно. Ревка развернулся в постели и посмотрел, когда она вошла в дом. Она, снимая пальто, внимательно посмотрела в его сторону

и, он почувствовал что-то неладное. Поговорив с бабушкой о нём, вымыла руки под умывальником, и молча, прошла в комнату.

Через несколько минут она подошла к изголовью кровати и протянула ему листок:

– Была в вашей школе. Полюбуйся на свой табель. Он взял его и сразу увидел: русский язык – «плохо», немецкий язык – «плохо». Остальные, кроме ботаники, географии, военного дела, стояли «уды» – удовлетворительно. Удивило, что военрук поставил «хор».

– По-моему, ты совсем не занимался, – сказала она и добавила, – после каникул будешь учиться в нашей школе.

НЕОБЫЧНАЯ ЗИМА

Была середина марта и два месяца, как Ревка учился в школе, где работала мать. Из разговоров, да и сам он видел, что вторая половина зимы выдалась необычной. В середине января ударили трескучие морозы, аж за сорок градусов. Бабушка назвала их «Крещенские». Ревку они не коснулись, так как он, в то время, ещё болел. На занятия он пошёл только 23 января. Ясная, с лёгким морозцем, погода продержалась с неделю, потом начались бураны. Вьюжило почти весь февраль. Взрослые говорили, что таких буранов не было лет семь. Март приготовил новый сюрприз: первые десять дней были ясными и по-весеннему тёплые. Потом, небо затянули густые низкие тучи, а 12 числа из них хлынул дождь. Лил с час, затем подул ветер, похолодало, а ночью ударил мороз. Все дороги превратились в сплошной лёд. Люди ходили по обочинам дорог, превращённых дождём в шаршавый наст. Ребятишки, у которых были коньки, высыпали на дороги.

Сейчас Ревка сидел за столом и думал над задачей по арифметике. По русскому языку он уже выполнил задание, а с задачей опять заваyka. Он посмотрел на часы, которые стояли на столе, у стенки. На них было без пятнадцати четыре. Вчера все ребята договорились выйти кататься в шесть часов. Он отгонял мысль об этом и старался вникнуть

в условия задачи, и подумал о том, что надо вытягивать третью четверть, так как учёба шла неважно.

Класс встретил нормально. Удивила дисциплина и рапорт дежурного по классу, перед началом урока, учителю. По понедельникам, перед занятиями проводили политинформацию. В тот первый, когда он пришёл, учительница истории, рассказала об успехах на фронте и, что войска какого-то фронта 20 января освободили город Новгород – древнейший на Руси. Все радостно похлопали. Хотя Ревка уже знал об этом, но ему тоже было приятно. Несколько дней спустя, почувствовав, что он отстаёт по знаниям от ребят в классе, стал ссылаться на болезнь и учителя, какое-то время, не ставили ему плохие оценки. Но вскоре начались неприятности. Это опять: русский, немецкий и добавилась арифметика. По ней провалил контрольную. На уроках немецкого ребята уже неплохо читали, а он толком не знал всех букв.

Пришлось учить, но успехов не было. Учительница по русскому языку, Наталья Федоровна, ему очень нравилась, и он старался учить всё, что она задаёт, но письменные работы не мог писать без ошибок. Это его очень удручало. Не зная, как сладить с этими ошибками, он утратил интерес и к другим предметам. В конце февраля его, как пионера, «разбирали» на совете отряда за неуспеваемость. Он обещал постараться. Больше всего ему было стыдно перед матерью. Причём, с месяц никто не знал, что завуч школы его мать. Но однажды учительница немецкого языка Евгения Абрамовна сказала:

– Такой учёбой ты позоришь мать, работника школы.

После этого все узнали. С этого момента он стал вести себя так, чтобы не подумали, что он пай-мальчик. Шалости на уроках привели к тому, что однажды, его выгнали с урока немецкого языка. В коридоре вспомнил: «Опять немецкий!».

Состоялся трудный разговор с матерью, и ему пришлось поубавить свой пыл.

Настоящих друзей не появилось. Более дружеские отношения сложились с Володькой Кирюхиным. Он жил где-то по проспекту и Ревка часто возвращался с ним домой. У

виадука, через железную дорогу, они расставались. Володька был «хорошист» и даже предлагал ему помочь в учёбе. Но он не представлял, как можно помочь не делать ошибок. По другим предметам он надеялся справиться. Нормальные отношения были: с Колькой Юрковым, Валеркой Красновым, Борькой Бутко и с Костей Подпаловым. Костя был почти отличник; больше читал что-нибудь, чем разговаривал с ребятами. С девчонками отношения были хорошими. Галка Журина, Танька Астапова, Тамарка Волнова часто с ним общались, да и другие тоже. Только однажды, Галка Свиридова пожаловалась на него учительнице, когда выхватил у неё учебник истории.

Прочитав ещё раз условие задачи, он с удивлением и радостью вдруг сообразил, как её надо решать. Хотя был уверен в правильности всех действий, не стал с черновика переписывать в тетрадь. Решил всё-таки показать матери.

Заговорило радио, время перерыва кончилось. Диктор начал передавать сообщения от «Информбюро». Он сразу сказал, что 13 марта войска третьего Украинского фронта освободили город Херсон. Ревка не знал где это, но догадался, что на Украине, раз фронт Украинский. Он побежал сообщить это бабушке. Она его внимательно выслушала и улыбнулась.

– Ты, что? Знала? – удивился он.

– Мира, мне дед перед обедом, сказал.

Он с сожалением, что не удалось её обрадовать, вернулся в комнату. Достав учебник истории, сел на сундук и прислонился спиной к тёплому печному обогревателю. Тут он всегда учил устные предметы. История древнего мира ему нравилась, только удручало, что надо было запоминать даты, а это не всегда удавалось. Открыл нужную страницу с заголовком: «Первая Пуническая война». Читал с интересом, многое помнил из рассказа учительницы...

Хлопнула входная дверь. Ревка понял, что вернулся дед. Он начал понемногу отбрасывать снег от стен дома, хотя бабушка ему говорила, что ещё могут быть бураны.

Мысль оторвалась от Первой Пунической войны Рима с Карфагеном и в памяти всплыла борьба со снегом. Обычно,

для помощи в уборке снега на железнодорожных путях посылали старшие классы, а в этот февраль даже шестые и пятые классы, два раза. Сначала все обрадовались, что их сняли с занятий, но когда вышли на улицу и двинулись по дороге, а ветер стал хлестать струями снега в лицо, энтузиазм поубавился. Возле депо военрук сказал кому куда идти. Два пятых класса, во главе со старшей пионервожатой Марией Евгеньевной, пошли к путейскому отделению, недалеко от паровозного депо. Это было небольшое одноэтажное здание с деревянной пристройкой. Как раз из неё женщина-кладовщик, по распоряжению какого-то дядьки, стала выдавать лопаты. Они были разные: большие из фанеры, обитые жёстью, и поменьше, просто деревянные. Ревка взял именно такую, сообразив, что большую со снегом ему не поднять. Такие лопаты выдали всем девчонкам. Но под конец и нескольким мальчишкам. Потом, тот же дядька повёл их вдоль путей, по едва заметной тропинке. Шли не долго. Он рассказал:

– Мы сейчас стоим на одном пути, а рядом другой (ни этот, ни другой не было видно).

Он взял лопату, у рядом стоящего Бутко, разгрёб снег, и все увидели два рельса.

– Ваша задача с этого пути весь снег перебросить на этот, – указал он рукой.

Увидев некоторое удивление Марии Евгеньевны, добавил:

– Потом по этому пути пройдёт снегоочистительный поезд и всё соберёт. Приступайте.

Всех расставили вдоль пути и работа началась. Черенок лопаты был довольно толстый, и держать его Ревке было неудобно. Кроме того, вязанные рукавички, в которых он ходил в школу, были тонкие, ветер их продувал, и руки сразу замёрзли. Он понял, что копать надо как можно быстрее, чтобы согреться самому и рукам. Бросать снег приходилось метра на три, что не всегда получалось. Тогда надо было бросать ещё раз. Вскоре сам он согрелся, а руки продолжали мёрзнуть. И у других тоже. Юрков первый, бросил лопату и засунул руки подмышки. Ревка последовал его примеру.

Так поступили ещё некоторые, в том числе и Кирюхин, который копал рядом. Борька Бутко, продолжал кидать снег. Увидев их позы, улыбнулся во всё своё широкое лицо и сказал:

– А у меня руки не мёрзнут, – снял рукавицы, – могу дать погреться.

Но тут же надел их снова. Отогрев пальцы Ревка стал кидать снег ещё побыстрее. Через какое-то время, он уже не отворачивал лицо от ветра. Правда, его напор несколько снижал товарный состав на третьем пути. За ним то и дело проезжали поезда, то в одну, то в другую сторону. Руки перестали мёрзнуть. Путь очищался, а на соседнем, рос конусный вал снега. Стали раздаваться смешки, повизгивали девчонки. Кто-то кого-то обсыпал снегом. Проходя мимо, Мария Евгеньевна попросила всех не баловаться.

Володька Кирюхин спросил:

– До сколько будем работать?

Она ответила:

– До двух.

– А у кого-нибудь часы есть?

– Нам скажут, – ответила она.

Часа через полтора этот участок был очищен, и поступила команда, идти по этому пути дальше. Состав на третьем пути остался позади и ветер усилился. На открытом месте снега оказалось меньше. Этот участок очистили побыстрее. Пришёл снова тот дядька и сказал, что теперь надо очистить третий путь до состава, а снег бросать снова на второй путь. Уходя, повернулся:

– Закончите и пойдёте сдавать лопаты.

Это всех прибодрило. Теперь работать было легче: снег по ветру летел дальше и дуло в спину. Только когда проезжали поезда, он дул с завихрением. Закончив очистку и этого пути, все пошли к Марии Евгеньевне, которая стояла у вагона. Юрков подставил Ревке подножку, и он упал, зацепив лопатой Бутко. Тот обернулся, понял, в чём дело, и съездил по шее, улыбающегося Юркова:

– Ты чё? Тут же рельсы.

Ревка поднялся, отряхнулся и стукнул лопатой по ноге, обогнавшего его Юркова. Тот запнулся, но не упал.

– Кончайте, ребята! – урезонил всех Кирюхин.

Едва вышли из-за вагона, как раздался низкий тревожный гудок: по пути, на который они бросали снег, двигался снегоуборочный поезд. Все вернулись назад за вагон. Поезд двигался медленно. Два раскосых лемеха не давали снегу рассыпаться, а внизу, словно широкая лопата поддевала его и отправляла внутрь вагонов. Высокая кабина машиниста находилась сзади.

– Это поезд Гавриленко, – сказал Подпалов.

Ревка сначала подумал, что это фамилия машиниста, но, оказалось, так называется сам поезд.

Отгоняя воспоминания, стал читать вслух о войне римлян. Потом уговаривал себя: «Надо, как-то запомнить даты – 264 – 241 год до нашей эры», – и поднял глаза к потолку, повторяя цифры. Он дочитал параграф до конца. Ещё раз посмотрел, где произошли крупные победы римлян: при Милах и Эгатских островах, и закрыл учебник.

В это время, по радио вновь напомнили об освобождении Херсона. Диктор пояснил, что теперь отрезан сухопутный путь отступления немцев из Крыма и, недалёк час, когда Крым будет освобождён и в том числе геройский Севастополь, который больше года держал оборону в начале войны.

Уже с открытым учебником географии, услышав о Севастополе, он с улыбкой вспомнил о Лёвке Бронштейне из 6 «Б». Он эвакуированный. До войны семья жила в Севастополе. В начале февраля на собрании дружины, по поводу подготовке ко «Дню Красной Армии», он выступил и стал рассказывать, как он с другими мальчишками, помогали матросам и солдатам во время обороны Севастополя. Как носили на позиции воду, а случалось и патроны, как прятались в подвалах при обстрелах и бомбёжках. Ему дали поручение: написать об этом в стенную газету к этому празднику. И он написал. В газете было три колонки его рассказа. Вся школа, даже старшеклассники приходили её читать. Он ходил в героях. Но девчонка, живущая рядом с домом, где он жил на квартире с матерью, узнала через взрослых, что

Лёвка с матерью были эвакуированы из Севастополя первым пароходом, до начала обороны города. И она сказала ему об этом накануне праздника. На торжественном собрании дружины 23 февраля он выступил. Все ждали дальнейших подробностей, а он сказал, что это всё придумал, потому, что хотел таким быть. Его простили и даже не дразнили.

На часах было без пятнадцати пять. Тема в учебнике не вызывала особого интереса: «Валдайская возвышенность. Рельеф местности». Он прочёл главу и снова взглянул на часы: большая стрелка чуть сдвинулась со своего места.

Подумал: «Может прямо сейчас пойти на улицу? Нет, — возразил сам себе, — кататься, больше часа одному, не интересно». Вчера ему очень понравилась затея Юрки и Федьки — покататься по переулку на кошёвке. Катание на ней всем понравилось, и сегодня решили продолжить. Он и раньше видел её в углу Юркиного двора. Когда спросил его, откуда она у них. Тот ответил, что раньше у деда была лошадь, вот с тех пор и осталась. Добавил, что дед был десятником и руководил строительством железобетонного виадука на нашей станции. Ревка тогда понял, почему у них такой большой дом, на три квартиры, чердак с застеклённым окном, двор с большим сараем, и даже баня. В округе ни у кого из соседей бани не было. Все ходили в городскую. Юрка, однажды, ему показывал её.

По радио зазвучала песня: «Вдоль по улице метелица метёт...». Мысль о бане и эти слова напомнили о втором походе на «борьбу» со снегом. В этот раз предупредили заранее и все оделись теплее. Днём буран немного ослаб, зато усилился мороз. Работали в другом месте. Так же как и прошлый раз, очищали один путь, бросали на другой. Приходилось работать без остановок, потому, что ветерок с морозом сразу пронизывали. Когда закончили работу и объявили, что пятые классы идут в баню на «прожарку», даже обрадовались.

Туда водили все классы по очереди, где сдавали всю одежду на обработку от вшей, независимо есть они или нет. В бане, так как мальчишек было много, всё пришлось делить на двоих: один ящик для верхней одежды, один тазик и

один маленький кусочек хозяйственного мыла. Ему с Вовкой Кирюхиным достался 21 ящик. Всем выдали по большому проволочному кольцу с номерком и предупредили, чтобы его запомнили. Два конца проволоки надо было рассоединить и вешать на неё одежду. Рубашки и куртки вешали за петельки, брюки за бретельки, трусы и майки просто надевали на проволоку, а носки и портянки завязывали на ней. Повесив одежду, он зацепил крючки концов, посмотрел ещё раз на жестяной номерок (он был 44), и отдал в специальное окно женщине. Ящики с верхней одеждой закрывала и открывала тоже пожилая тётка.

В моечном отделении стоял шум, смех, грохот тазов. Места всем не хватало и некоторые стояли у своих тазов. В баню их привёл военрук. Он уселся на скамейку у стены, где была дверь в парную. С другой стороны скамьи, была стена с дверью, почерневшей от времени и влаги. Пацаны услышали за ней смех и визг девчонок и поняли, что дверь ведёт в женское отделение. Двое мальчишек из другого класса, стали тарабанить в эту дверь Военрук, смыв с головы мыло, прикрикнул на них:

– Прекратите сейчас же!

Они отошли и пристроились к одной из скамеек. Военрук ополоснулся из тазика и пошёл к кранам. Набрав воды, зашёл в парную. Эти два пацана снова бросились к двери и стали стучать. Потом, решили бить в неё тазиком. Гул раздавался на всё отделение.

Ревка смыл пену с головы и уступил место Вовке. Вернулся военрук и сразу крикнул, тем двоим:

– Я же сказал прекратить!

Они нехотя отошли со своим тазиком. Он набрал воды и только сел на скамейку, как чёрная дверь открылась и быстро вошла Наталья Фёдоровна. Она была в красной кофточке и тёмной юбке. Военрук прикрылся, опрокинув на себя тазик. Она не взглянула на него, а каким-то чутьём, сразу посмотрела на этих пацанов с тазиком:

– Это вы наглецы, без конца стучали? А ну, идите сюда! Я вас отведу в то отделение! – и сделала шаг в их сторону. Они бросились от неё.

– Бессовестные! – сказала она, развернулась и ушла, закрыв за собой дверь.

Вовка взглянул на него одним промытым глазом:

– Я её никогда не видел такой сердитой.

Сначала наступила тишина, а потом стали подсмеиваться над этими мальчишками. Военрук погрозил им пальцем и пошёл набирать воду. Бутко, воспользовавшись, что все смотрели в одну сторону, окатил Волкова холодной водой. Тот выгнулся, отскочил и заорал:

– Ты чё! Бут, паразит!

Рядом захохотали. Они с Вовкой потёрли друг другу спины, намыленными ладошками, ополоснулись, сходили по очереди погреться в парную, а потом, просто плескались, ожидая, когда скажут о выдаче одежды.

Её выдавали через то же окно. Подавая, женщина называла номер и предупреждала первых, чтобы не обожглись проволокой. Полотенец не было, и военрук сказал, что, надев нижнее бельё, надо посидеть. Оно тёплое и быстро высохнет. Ревка так и сделал, а некоторые одевались сразу.

Эти отвлечённые мысли и не интересная тема, ничего не оставили в голове и он решил прочитать главу ещё раз, по внимательней, время всё равно тянулось медленно.

По радио диктор читал постановление Совнаркома ЦК «О плане развития сельского хозяйства на 1944 год». Его ровный голос и тема не отвлекали и он прочёл параграф ещё раз. Теперь всё было понятно и он захлопнул учебник. На часах было десять минут шестого. Он убрал учебник в портфель и пошёл на кухню. Бабушка в это время кормила коз. Из решётки под столом высунулась часть мордочки козлёнка. Он засунул руку и потрепал его по голове. Потом подошёл к плите, заглянул в кастрюлю, взял одну варёную картошину и засунул в рот. Прожевав, захотелось ещё, но удержался: знал, что это на ужин. Чтобы не соблазняться решил идти на улицу пораньше. Надел валенки, прикрутил коньки, оделся и вышел из дома. Во дворе отсутствовала бабушка:

– Допоздна, не бегай.

– Ладно, – ответил он, закрывая калитку.

Неожиданной радостью для него было то, что ворота Юркиного дома были открыты и Юрка, Федька и его брат Валька, выкатывали кошёвку. Он поздоровался и присоединился к ним. На дороге её легко развернули и повезли в сторону соседней улицы. Сразу начался постепенный подъём, а ближе к улице, дорога круто пошла вверх до самой школьной ограды. Федька взглянул на Ревку и спросил:

– Ты тоже решил пораньше выйти?

– Да я ещё раньше хотел выйти, – признался он, – но кататься одному скучно.

Посмотрев на Федьку, подумал: «Какие они с братом разные. Он круглолицый с тёмными карими глазами, с массой мелких тёмных веснушек, а у брата лицо вытянутое, глаза серые и веснушек меньше и они светлее. Он единственный из мальчишек, кто курил, по-настоящему».

Мимо проносились на коньках не знакомые пацаны, которых тоже привлекала эта горка. На верху, в проёме, широко раскрытой школьной калитки, кошёвку развернули. Юрка сказал:

– Будем, как вчера: я впереди, Федя с лева, Ревка справа, а ты Валь, разгоняй и запрыгивай в кошёвку (он был без коньков).

Ревка с Федькой встали сзади розвальней и взялись за перекладину, они удерживали кошёвку от заносов в сторону. Юрка, на своих коньках-дутьшах, встал впереди направлять движение, слегка присев на передок, скомандовал:

– Поехали!

Валька упёрся руками в спинку кошёвки, толкнул её, пробежал несколько шагов и встал на полозья. Быстро перевалился через спинку и уселся в ней. Кошёвка набрала скорость. Коньки, на мелких неровностях льда, постукивали дробью. От быстрой езды образовался морозный ветерок и начал пощипывать щёки. Ревка с восторгом поглядывал на мелькающие заборы, прохожих на обочине, на пацанов, стонущихся их, проплывающие дома. Валька крикнул:

– Хороша моя тройка!

Иногда Ревка опускал голову, спасая щёки от ветра. Вот уже промелькнул его дом, Лизин, других соседей и мост на

четвёртой улице. Кошёвка продолжала ехать, замедляя ход на новом подъёме, и остановилась.

Развернулись, встали по местам, Валька разогнал и снова промелькнул мост, пара домов и чуть не доехали до Лизино дома. Отсюда кошёвку приходилось толкать, но она скользила легко. Миновав Ревкин дом, увидели Милку и Лизу. Они, скользя и вскрикивая, спускались по уличной дороге. Вчера, проезжая мимо, пригласили Лизу покататься, вот она и пришла с подругой. Валька, поддерживая их, подвёл к кошёвке:

– Как говориться, «Хочешь кататься – люби и саночки возить!».

Они с удовольствием ухватились за неё, так как идти по льду было очень трудно. У Юркиного дома присоединился Женька Песцов, без коньков, и тоже взялся за кошёвку.

Наверху развернулись. Девчонки сели на сидение, Женька перед ними. Валька сказал, что поедет сзади, стоя на полозьях. Юрка оглянулся, увидел, что Федька с Ревкой стоят по своим местам и командовал:

– Поехали!

Валька разогнал кошёвку. Скорость быстро нарастала.

– Ой, как быстро! – воскликнула Милка, а Женька пронзительно свистнул.

Валька тут же предложил:

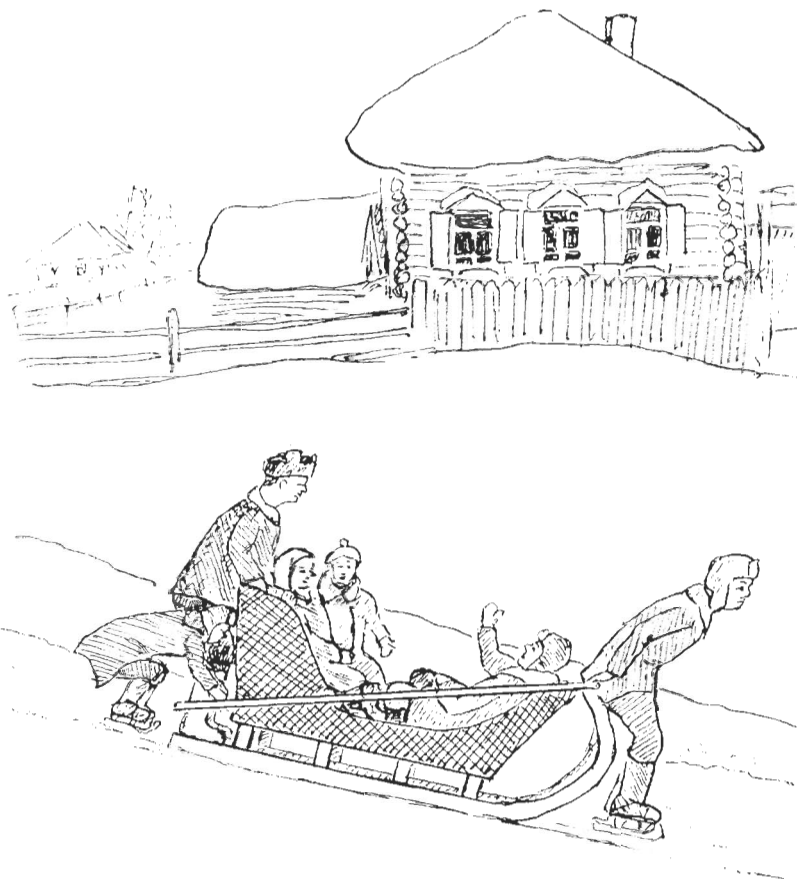
– Женька, смотри вперёд. Будешь главным свистуном, чтобы никто из катающихся пацанов не попал под кошёвку.

Вновь коньки выстукивали дробь и всё кругом мелькало. На этот раз кошёвка выехала за мостом чуть не на треть горы. Девчонки стали подниматься, но Валька их остановил:

– Сидите, сейчас поедem вниз.

К третьему спуску на Школьный переулок выехал на коньках Мисюрчик. Здесь всегда дорога была шире и накатаннее. Ревка пригласил:

– Давай с нами. Когда поднялись наверх, ему предложили сесть рядом с Женькой. Кошёвка ринулась вниз, набирая скорость и заставляя пацанов шарахаться на обочины. На следующий раз, поняв, что к чему, Мисюрчик предложил заменить Ревку на его месте у розвальней. Он согласился. К

этому времени солнце было у самого горизонта и тени были тёмные и длинные. Ревка сидел боком и ему в лицо то светило солнце, то падала тень, быстро сменяя друг друга, отчего скорость казалась ещё выше. Теперь, он с Мисюрчиком, по очереди, меняли друг друга. Солнце село и сразу засветила луна. Кататься стало ещё интереснее. Ушли с дороги пацаны, меньше стало прохожих. Однажды девчонки

запели «Катюшу», но мальчишки постеснялись их поддержать.

Когда, после очередного спуска, все двигались вверх по переулку, Ревка заметил, как к дому повернула мать. Он вспомнил, как месяц назад, буран был такой, что от крыши дома до дороги был сплошной сугроб. Он вылез по лестнице через дыру с подветренной стороны навеса и прямо с крыши двора стал топтать тропинку до дороги, чтобы мать могла попасть домой. Три часа он ходил взад вперёд, пока тропинка стала твёрдой. Потом он расставил по краям палки от гороха. По ним мать поняла, где идти и через дыру в навесе спустилась во двор. Утром они по тропинке ушли в школу. Дед только к середине дня откопал калитку и дорожку.

Сейчас ему домой не хотелось, так как никто из компании уходить не торопился. Кошёвку толкали: Валька, Женька и девчонки, а все кто на коньках ехали сзади. Они помогали, когда начинался крутой подъём. Скользя рядом, Ревка взглянул на Юрка:

– Сегодня сказали по радио, что освободили город Херсон.

Вдруг обернулся Женька:

– Ты, чё? Такого города нету!

Юрка с Федькой захохотали. Ревка не понял в чём дело:

– Да, я сам слышал!

Женька всё ещё оглядывался и состроил гримасу.

– Есть такой город на Украине, – сказал Федька.

– Я тоже слышал, – подтвердил Юрка.

Валька съездил Женьке подзатыльник:

– Лучше учиться надо! Теперь засмеялись девчонки.

Съехали в очередной раз и, когда везли кошёвку назад, Федька сказал:

– Ещё раз прокатимся и надо по домам. Мне ещё надо кое-что прочитать.

– И мне тоже, – отозвался Юрка.

Валька убрал руки от кошёвки:

– Покурю, – и отошёл на обочину.

Юрка занял его место. Закурив, тот нагнал компанию и шёл рядом. Ревку вдруг озарила мысль, и он высказал её Федьке:

– Можно к кошёвке приделать руль с одним коньком и ещё по бокам по коньку. Тогда всем можно садиться в кошёвку, а один будет рулить.

– Во! – Воскликнул Валька, выпуская струйку дыма, – у нас свой изобретатель.

Все засмеялись. Юрка оглянулся и спросил:

– Свои коньки дашь? Чтобы прибить.

– А их можно сделать съёмными, – возразил Ревка.

– Точно, свой Кулибин, – сказал Федька.

Ревка ничего про такого не слышал и не знал, быть довольным или обижаться.

Наверху, перед спуском, Валька сказал:

– Сейчас докурю и поедем.

Все стояли в ожидании, а он деловито затягивался. Мисюрчик подвинулся к нему:

– Дай попробовать.

Валька подставил ему сигарку. Тот затянулся слегка и закашлялся. Юрка посоветовал:

– Ты затянись посильней.

Но тот отвернулся, покрутив головой.

– Дай мне покурить, – решил попробовать Ревка.

Валька протянул и ему. Ревка потянул воздух в себя, но ничего не получалось. Он потянул сильнее – дыма всё равно не было. Валька, делая не довольный вид, проворчал:

– Я ему даю бычок, а он палец сосёт.

Раздался дружный смех. Ревка смущённо улыбнулся.

– Всё, – сказал Валька, бросая окурок, – поехали. Залезай, Кулибин, – подтолкнул Ревку.

Кошёвка понеслась вниз. Ревка смотрел вперёд. Почти полная луна всё заливала своим светом. Белые крыши домов, с наледью после дождя, то и дело поблёскивали, отражая её лучи. Ревка подумал: «Такой сказочной ночи, ещё никогда не было».

ЖАРКИЙ ДЕНЬ И НЕПРИЯТНОСТИ

Была последняя декада июля и неделя настоящей жары. После обеда Ревка отправился к Витальке Вернику. Когда он отворил калитку и вошёл во двор, Виталька сидел на крыльце и строгал деревяшку. Они поздоровались за руку и, садясь рядом, он спросил:

– Это что будет?

– Не догадываешься?

– Наган?

– Нет, пистолет, – уточнил Виталька. От сосредоточенного внимания он даже высунул кончик языка, продолжая строгать.

Дом, в котором сейчас жила их семья, был большой, на две половины. И снова, как на третьей улице, вторая половина почему-то пустовала.

Первый раз, как они переехали, Виталька пришёл к нему в январские каникулы, когда он болел. Тогда он и рассказал, где они живут. В феврале, во время буранов, идти не хотелось. А в марте, когда заледенели все дороги, он поехал к нему на коньках, хотя погода была морозной. Ему не терпелось тогда рассказать, как они здорово катаются на кошёвке. Правда, с семнадцатого марта вдруг мороз усилился аж за двадцать градусов, а иногда и больше, и катанье на кошёвке прекратили. Но на коньках все катались. Взрослые опять заговорили о необычных морозах. Когда он к нему приехал, тот быстро надел коньки и пошли кататься. Переулок рядом тоже был довольно накатанный и имел небольшой уклон. Поэтому, от самой железной дороги можно было ехать два квартала и заворачивать к его дому. В тот раз с ним произошёл курьёзный случай. Всё шло нормально. Прокатившись раз пять, почувствовали, что мороз поджигает. Шапки вокруг лиц заиндевели, но главное замёрзли руки. Он предложил:

– Вить, давай этот раз съедем и пойдём греться. У меня руки, как крюки, – показал он свои стёганные рукавицы.

Виталька согласился, но предложил:

– Подъедем к той мастерской. Я там такие классные об-
резки из железа видел!

Подъехали. Виталька разгрёб коньком снег у кучи под ок-
ном, и они увидели россыпь длинных и узких железных тре-
угольников. Виталька поднял два и, показывая один, сказал:

– Во! Прямо настоящий кинжал!

Он тоже нашёл подходящую железку.

Во дворе у крыльца Виталька подал свои железки:

– На мои, и заходи в дом, я сейчас, – и отправился в сто-
рону уборной.

Взяв железки, поднялся на крыльцо, легко открыл дверь
в сени и, не закрывая её, подошёл к двери в дом. Она была
тяжёлой, обитая чем-то чёрным. Попытался открыть правой
рукой, где была его железка, но скрюченные пальцы и же-
лезка не позволили хорошо взяться за ручку. Надо было пе-
реложить железку в левую руку, но мелькнула мысль, что
тогда он их перепутает, и он сунул железку в рот. Губы мо-
ментально прилипли. Он быстро дёрнул ручку, распахнул
дверь и шагнул в кухню. Железка под своей тяжестью раз-
вернулась, перекосив губы. Тонкая часть зацепилась за нос.
Тётя Нюра всплеснула руками:

– Что же ты наделал!

Она закрыла дверь и сказала:

– Подержи рукой. Я сейчас намочу тряпку горячей водой.

Он повернул железку правой рукой в горизонтальное по-
ложение и оторвал её от губ. Кожа осталась на заиндевевшей
железке. Бросив их находки на пол, он с виноватым видом,
о допущенной глупости, подвернул губы и стал их облизы-
вать языком. Вошёл Виталька, взглянул на него и спросил:

– Ты что?

Тётя Нюра пояснила:

– Сунул железку в рот.

– Зачем? – удивился тот.

Он пожал плечами:

– Дверь не мог открыть.

Потом они это вспоминали, когда он приходил к ним но-
чевать.

Виталька понял, что работы с пистолетом ещё много, а другу сидеть рядом не интересно, встал, вытянул руку, как бы прицеливаясь, потом повернулся и зашёл в сени. Вернулся без поделки и ножа. В это время хлопнула калитка, и во двор вошёл Вовка, его младший брат. Он поздоровался и предложил:

– Пойдёмте в ножичек поиграем.

В руках у него был перочинный нож с блестящей ручкой.

– У него сегодня день рождения, ему мать складник подарила, – сказал Виталька.

– Поздравляю, – Ревка пожал руку, подошедшему имениннику.

– Так поиграем? – спросил он, сощутив глаза на солнце.

– Пойдём, – согласился Ревка и оглянулся на Витальку.

Вышли на улицу, которая была довольно широкой, с небольшим уклоном в сторону противоположных домов, вся поросшая мелкой травой. Колея дороги едва угадывалась. Частные деревянные дома под разными крышам, разноцветными наличниками и ставнями тянулись, слегка изогнутой чередой. Кое-где их заслоняли деревья в покосившихся палисадниках. Место с низенькой травкой нашли прямо перед домом.

Первым бросал нож Вовка. Во всех элементах нож должен воткнуться в землю. У него это неплохо получалось. Правда, первые элементы простые: бросание ножа, держа за ручку, «Вилка» с двух пальцев с переворотом, тоже с кулака, с установкой ножа на указательный палец, на голову. Вот это у него не получилось. Ревка все эти элементы выполнял, «Лыска» со лба, не получилась. Он прижал лезвие, чуть выше лба тремя пальцами и дёрнул вниз. Нож должен был воткнуться, но этого не случилось. Взял нож Виталька. У него всё шло удачно. В это время Вовка достал из кармана пулю и, покрутив её в руке, стал подбрасывать. Виталька спросил:

– Откуда она у тебя?

– Санька, соседский пацан, дал. Я ему ножик дал пострелять, – ответил Вовка.

– Покажи, – попросил Виталька.

Тот подал. Это была обычная пуля от винтовочного патрона. Ревка тоже подержал её в руках и вернул Вовке. Игра продолжалась. Виталька удачно проделал все элементы, в том числе и «Зубок», когда лезвие берётся в зубы и нож подбрасывается. Нож воткнулся. Осталось последнее: стоя бросить нож, держа его за лезвие так, чтобы, сделав несколько оборотов, он воткнулся. Виталька изготавился, размахнулся... В это миг, подброшенную пулю Вовка не поймал и она упала на траву. Он протянул руку за ней, а брошенный нож уже летел. Лезвие чиркнуло по Вовкиной руке, между большим и указательным пальцем и упал. Вовка вскрикнул и замахал рукой:

– Ты, чё? Дурак! – заплакал он.

На руке показалась кровь.

– А ты, что её подставляешь?! – крикнул Виталька.

Ревка взял руку Вовки: из ранки сочилась кровь.

– Надо подорожник приложить, – сказал Виталька.

– Подорожник! – сквозь слёзы, передразнил его Вовка.

Ревка отошёл в сторону, у забора сорвал листок, вернулся и протянул Вовке:

– Оближи, приложи к ранке и прижми.

Виталька сложил нож и сунул его в карман коротких штанов Вовки. Пошли во двор. Уселись на крыльце. Вовка перестал плакать, продолжая держать прижатым листок.

– Слушай, – Виталька взглянул на Ревку, – так чем кончилась вся эта история про пацанов?

– Про каких? – не понял Ревка.

– Ну, в той книжке, которую ты рассказывал.

– А-а-а, – протянул Ревка, соображая, что ответить, – ты знаешь... Там, паразитство, последние страницы были оторваны, – будто с сожалением произнёс он, а на самом деле обрадовался своей придумке.

– Жалко, – сказал Виталька, – книжка интересная.

Это было в мартовские каникулы. Ревка два раза отпрашивался ночевать к Витальке. У них мать перешла работать вызывальщицей в паровозное депо и иногда работала по ночам. Вызывала на работу машинистов и помощников.

В те вечера Виталька жарил картошку на воде. Один раз даже не было соли и всё равно они с удовольствием её съели. Спали все вместе на большой русской печи, а перед сном, обычно, что-нибудь рассказывали. Ревке было обидно, что Виталька больше, чем он прочёл книжек, а признаваться в этом не хотелось. Он вспомнил, что когда-то сестра читала ему книжку «Старая крепость». Помнил про какие-то драки гимназистов-скаутов с ребятами из бедных семей или пионеров. Вот и начал придумывать. Так два вечера рассказывал, будто прочитанную книгу. Про то: как бывшие гимназисты-скауты, отлупили мальчишку, а Гришка собрал своих друзей-пионеров и отомстил. Рассказывал, как началась между ними настоящая «война». Драка у реки. Оборона разрушенного дома. Гранаты с известью, которые взрываются от воды. Разгон скаутов, мальчишкой на коне с прутком.

И, много ещё чего. И, конечно, побеждали, в основном, Гришкины друзья. Рассказывая всё это, он не мог придумать конец. И теперь был рад, что так ловко вывернулся.

– Ну-ка, покажи, – обратился он к Вовке.

Тот протянул руку. Ревка осторожно отлепил листок: ранка затянулась.

– Всё, засохла. Иди обмой водой, но ранку не мочи, – предупредил Ревка.

Он пошёл в дом, а когда тот вернулся, попросил:

– Принеси попить. Жарко.

Вовка вынес ковш с водой. Ревка с удовольствием попил и предложил Витальке. Он сделал несколько глотков, и отдавая ковш Вовке, сказал:

– Может в «Царя» сыграем?

– Давай, – согласился Ревка, – ещё кто-нибудь будет?

– Пока Вовка, может, кто подойдёт. У меня здесь только двое пацанов знакомых. Недалеко живут.

Он взял четыре биты и городок. Ревка поинтересовался, когда он их сделал.

– Ещё в мае из жёрдочек, рухнувшего на огороде забора.

Вышли на улицу. Перехватывая битку руками – голить досталось Ревке. Он взял городок и поставил в квадрат очи-

щенный от травы. Игра шла своим чередом. Никто из других ребят не пришел, играли втроём. Виталька кидал биты без промаха и стал «Царём». Он три раза бил по городку, стоя рядом, как ему положено, выручая Вовку. Но после этого сразу промахнулся. Смазал и Вовка, так что голить пришлось ему. Ревка тоже удачно бросал. Солнце припекало. Он выдернул рубашку из штанов и расстегнул. Ему оставалось бросить с ближней черты, когда приблизилась ватага мальчишек. Их было человек семь. Среди них Ревка увидел Костю Подпалова. Он тоже заметил его и, подняв руку, крикнул:

– Пойдёмте купаться!

Ревка не успел ответить. У дома наискосок открылась калитка, из неё выбежала женщина в светлом платье, и закричала:

– Костя, вернись!

Он не обернулся. Она вновь закричала:

– Костя! Утонешь, домой не приходи!

Ревка с Виталькой удивлённо переглянулись.

– Чё, это она? – произнёс Виталька.

Ревка соорудил не понимающую мину. Игра продолжалась. Он удачно бросил биту и тоже стал «Царём». Теперь сидя на траве, наблюдал, как бросает Витька. Со второй черты он промахнулся и Ревка, ударив по городку, выручил его. Бросая с дальней черты, бита выскользнула у него из руки и полетела чуть в сторону, ударив Вовку по ноге. Он вскрикнул, поднял ногу и прыгая на другой, со слезами закричал:

– Ты чё, дурак! Нарошно по ногам бьёшь!

Виталька бросился к нему:

– Вова, я нечаянно! Вырвалась.

– Ага, нечаянно! – плача возразил Вовка и, сев на траву, обхватил щиколотку босой ноги.

Виталька нагнулся к нему:

– Покажи.

Хныкая, он отпустил руки. Виталька пощупал ногу:

– Вова, до свадьбы заживёт.

– Ага, тебе бы так, – продолжал тот хныкать.

– Надо бы что-нибудь холодное приложить, чтобы синяка не было, – посоветовал Ревка.

– Я сейчас, – сказал Виталька и побежал домой.

Быстро вернулся с намоченной тряпкой и приложил её к больной ноге.

– Лучше? – спросил.

– Лучше, – надув губы, ответил тот, перестав плакать.

Игра прекратилась. Занесли биты во двор. Приковылял Вовка. Уселись на привычном месте, на крыльце. Виталька вынес воды и все попили. Отнёс ковш, вернулся и сел рядом с Вовкой:

– Болит ещё?

– Нет, – буркнул тот.

– Может тоже пойти искупаться, – предложил Виталька, посмотрев на Ревку.

– Можно, – согласился он и повернулся к Вовке:

– Пойдёшь?

– Тот кивнул головой.

Виталька закрыл сени на большой амбарный замок, спрятал ключ под крыльцом и они вышли на улицу.

Пруд, на который они шли, Ревка знал только понаслышке. Его построили, когда здесь прошла железная дорога. Построили водокачку, но воды стало не хватать и провели водопровод с речки, а пруд остался. Ревка на нём ещё ни разу не был.

По дороге он вдруг вспомнил и повернулся к Витальке:

– Двадцатого июня освободили город Выборг.

– А где это? – спросил он.

– Точно не знаю. Но освободили его Ленинградский фронт и Балтийский флот.

– Значит, где-то рядом с Ленинградом, – заключил Виталька и продолжил, – теперь, когда союзники открыли второй фронт, наши немцев погонят скорее.

– Конечно, – поддержал его Ревка, обняв Вовку за плечи. Потом заглянул ему в лицо:

– Что же тебе так не везёт в день рождения? То ножик по руке, то удар по ноге. Ничего. Зато, наверно, весь год будет счастливым! Вовка улыбнулся.

Пруд был довольно большой. Они вышли со стороны, где были кирпичные развалины старой насосной. За плотиной виднелся лес. Несколько ближних елей выделялись на голубизне неба. На другой стороне, на самом верху холма, стояли хозяйственные постройки совхоза и несколько домов. У воды было довольно много народа. С этой стороны купалась та компания, которая раньше прошла мимо них. Все были в воде.

Виталька решил остановиться, не доходя до них, сказав, что в этом месте он уже купался и дно хорошее. Вода была мутной. «Это не то, что в лесной речке «Берёзовке», – подумал Ревка. Он два раза, в прошлом году, ходил туда со своими ребятами. Правда, это далекоовато в лесу, и вода холодная.

Виталька быстро разделся, сбросив всё, кинул одежду на траву, и нырнул прямо с берега. Ревка взглянул на тот берег, где виднелись женские платья, но было далеко, и тоже сбросил всё. Вода оказалась почти тёплой. Он заходил в воду медленно, прощупывая дно. Вовка шёл следом. Виталька встал, показывая глубину:

– Вот, здесь мне по шею, а дальше глубже.

Он развернулся и поплыл. Ревка тоже поплыл, только в сторону берега и, начав погружаться в воду, встал на дно. Друг проплыл по дуге, вернулся и встал рядом.

– Я здесь нынче третий раз, – сказал, утирая лицо ладошкой, – с Серёжкой ходили. Это один из тех, про которых я говорил. Он мне кое-что подсказал. Я уже немного могу в размашку.

– А я, по собачьи, метра два, – признался Ревка.

Вовка плескался у берега. Оттолкнувшись от дна, барахтаясь, Ревка поплыл к берегу. Виталька крикнул:

– Опусти голову, не задирай и греби медленнее!

Он послушался совета, плыть стало легче, но, почему-то стал опускаться под воду. Встал на дно и повернулся к другу:

– Наверно, метра три проплыл. Виталька улыбнулся.

Вылезли на берег и улеглись на траве. Солнце приятно грело. То и дело до них долетали выкрики и смех, купаю-

щейся компании. Слышались всплески воды – это мальчишки прыгали в воду, с небольшого обрывчика. Через некоторое время, Виталька предложил:

– Давайте ещё искупнёмся и пойдём домой.

Он снова нырнул. Ревка прыгать не решился. Когда окунулся, вода показалась ещё теплее. Вдруг, долетел крик: «Он утонул!». Они посмотрели в ту сторону. Пацаны повыскакивали из воды. Один из них показывал на воду и что-то говорил, но что, не было слышно. Двое стали быстро одеваться. Один побежал в их сторону. Когда оказался около них, Виталька спросил:

– Что случилось? Кто утонул?

Мальчишка на момент остановился:

– Костя утонул.

– Какой? – невольно спросил Ревка.

– Костя Подпалов!

– Ты куда побежал? – спросил Виталька, приближаясь к берегу.

– Надо кого-нибудь из взрослых позвать. У нас никто толком плавать не умеет. Костя лучше всех плавал. Вот и заплыл... Мальчишка побежал дальше.

Они выбрались на берег и стали одеваться, не дожидаясь пока высохнут.

– Вовка, как случилось, – произнёс Виталька, прыгая на одной ноге, надевая штаны.

– Утонешь, не приходи, – напомнил слова женщины Ревка.

– Конечно не придёт, – сказал Вовка, сиюсь найти рукав у рубашки.

По дороге Виталька сказал Вовке:

– Ты маме не говори про утонувшего, а то она запретит купаться.

– Она всё равно узнает от соседей, – не согласился Вовка.

– Пусть позже узнает и не от нас. Вовка дёрнул плечами.

Почти всю дорогу Ревка молчал, ошарашенный этим случаем. Как-то не укладывалось в голове: «Только что шёл,

улыбался и вдруг его нет...». Виталька тоже молчал. Ревка, как бы продолжая мысль, произнёс вслух:

– Ну, Костя.

– Ты что, его знал? – удивился Виталька.

– Мы с ним в одном классе учились, – тихо ответил он, – нормальный мальчишка, почти отличник.

– А я удивлялся: на улице вижу, в школе нет, – пояснил Виталька.

– Ты же, наверно, знаешь, что наша школа была в вашем здании, а когда госпиталь в январе сорок третьего уехал, все классы перешли в своё здание. Кто хотел, мог перейти в вашу школу, а он остался в своём классе.

– По-нят-но, – произнёс Виталька.

Во дворе Вовка вырвался вперёд, достал ключ и поторопился открыть замок. Все зашли в сени напиться, потом Ревка с Виталькой вышли на крыльцо, а Вовка зашёл в дом. Большая часть крыльца была уже в тени, где они и уселись. За спиной раздался голос Вовки:

– Уже шесть часов, скоро мама придёт.

Только он вышел на крыльцо, распахнулась калитка и вошла их мать. На ней было цветное платье и белая косынка на голове. Ревке она нравилась. У ней было приятного цвета лицо, карие глаза, изогнутые тёмные брови, прямой нос и аккуратные, как бы с усмешкой губы. Виталька сильно походил на неё.

Ревка поздоровался. Она ответила и спросила, глядя на Витальку:

– Вы ели?

– Ели. Ты же оставляла.

Она поднялась на крыльцо и вновь обратилась к нему:

– Я тебе достала путёвку в пионерский лагерь с третьего числа.

Виталька кивнул головой. Она посмотрела на Ревку:

– Могу и тебе достать, но надо половину оплатить, это сто рублей. Если тебе дадут, и сегодня принесёшь, завтра выкуплю. Поехали бы вместе.

– Спасибо, тётя Нюра, – обрадовано поблагодарил он, – я сейчас побегу. Думаю, дадут. Он хлопнул Витальку по

плечу, сбежал с крыльца и бросился к калитке. Он решил бежать напрямки: по переулку, через пути, на воинскую площадку, а там совсем близко. Несмотря на небольшой подъём, он миновал один квартал, проспект, чуть замедлил бег у пристанционных домов и вышел к путям. Сердце кололось от бега и волнения. На станции в этом месте всегда стояло несколько составов. На этот раз тоже. Он посмотрел в одну и другую сторону: концов состава не было видно. Едва хотел под него подлезть, как он звякнув, дёрнулся и начал медленно двигаться. Он заметался, поворачивая головы, ища тормозную площадку, но её не было. В отчаянии смотрел, как движется перед ним четырёхосный полувагон. Проводив его взглядом, от нетерпения топтался на месте. Вот медленно проезжает ещё одна колёсная пара. Глядя на это медленное вращение колёс, он вдруг решает: «Успею» — прямо за проехавшими колёсами, бросается под вагон. Мгновение и он на другой стороне. Даже не оглядываясь на движущийся состав, чтобы оценить свою прыть, ныряет под вагон, рядом стоявшего состава, потом ещё под один. Дальше пути оказались свободными. Оглядываясь по сторонам, быстрым шагом перешёл пути и поднялся на воинскую площадку. Отсюда вновь побежал. Миновал забор стрелковой охраны, школьный двор, улицу и только у Юркиного дома пошёл шагом. Он устал. Надо было отдышаться, успокоиться, перед разговором с матерью. Дома он напился, ополоснул лицо, утёрся и пошёл в комнату к матери. Она сидела в своём кресле и читала. Он высказал свою просьбу, пояснил, как будет хорошо, если он поедет в лагерь вместе с Виталькой. Она внимательно его выслушала и сказала:

— Мира, я была бы рада, если бы это было возможным. Но, во-первых, у меня сейчас нет таких денег, во-вторых, я взяла тебе путёвку на детскую площадку, которая открывается в нашей школе с первого числа. Он опустил голову и, хотя всё понимал, что она сказала, какая-то обида на мать появилась. Вышел из дома, идти никуда не хотелось. Не зная, что делать, забрался на крышу сени и лёг на пологом скате. Солнце клонилось к западу, но было ещё довольно

высоко. Он расстегнул рубашку, подставляя живот его лучам, а лицо закрыл согнутой рукой. С такой надеждой бежал он домой. Его захлестнула обида и, не только на это. «Почему я такой невезучий?», – пожалел он себя. Вспомнил, как неудачно закончился учебный год. По немецкому и русскому языку его оставили на осень. Он уже думал, как будет готовиться всё лето, чтобы не стать второгодником. Однако мать сказала:

– Ничего ты до осени не выучишь, поэтому будешь учиться в пятом классе ещё раз. Вспомнил железку, засунутую в рот. А теперь, и эта поездка сорвалась. Вспомнив об учёбе, успокоил себя: «Хоть летом не будет этой мороки».

С огорода во двор зашёл дед. Поставил лопату у стены, где обычно стоит инструмент, и пошёл в дом. Ревка услышал, как он за собой закрыл дверь, и почему-то вспомнил о его болезни.

Это случилось во время каникул. Он вернулся после ночёвки у Витальки и от бабушки узнал, что дед заболел, и его положили в больницу. Через несколько дней, попрощавшись, сказала:

– Говорят у него чуть ли не водянка, а он, скорее всего, от голода пухнет.

Даже сейчас, вспоминая дальнейший разговор, ему стало не по себе. Она сказала:

– Мира, если деду не принести нормальной еды, он умрёт.

Ревка не понял, чем он может помочь. Она продолжила:

– Мира, ты один сейчас в доме мужчины, зарежь последнего козлёнка. Я деду приготовлю жаркое.

Он от удивления и ужаса раскрыл глаза:

– Баба, ты что? Я не могу..., – и убежал из дома.

Когда поздно вечером он вернулся домой, узнал, что она сама зарезала козлёнка и ободрала. Она не обиделась на него, но сказала:

– Знай, Мира, есть такое слово – «Надо».

Всё мясо было сложено в солёную воду, бабушка готовила по кусочку и носила ему каждый день. Через две недели дед выздоровел и вернулся домой.

Раздался свист Витьки Тимофеева. Ревка приподнялся и увидел его у забора. Быстро спустился и выбежал на улицу. Они утром виделись и Витька, без лишних расспросов, сразу предложил:

– Поедем сегодня в ночное, коней пасти.

Ревка удивился, но согласился сразу:

– Поедем.

Он даже не подумал, что ещё надо отпрашиваться.

– А Лёнька? – вспомнил он о его сводном брате, который жил в деревне у бабушки, и в начале июня приехал.

– Он с отцом поехал в Лебедянку забрать все его вещи и документы. Он теперь будет тут учиться в пятом классе. Ты, наверно, знаешь, бате пришла повестка из военкомата, его забирают в трудармию на восстановление Донбасса.

– Знаю.

– Вот они сейчас и поехали.

– Во сколько поедем?

– Часов в одиннадцать.

Ревка кивнул головой:

– Поедем.

– Ладно, пойду. Мне ещё немного надо картошку потяпать в огороде, – сказал Витька и побежал на горку.

Ревка проводил его взглядом и пошёл к себе, вспомнив, что у него тоже есть задание. Утром он пообещал натаскать воды для полива и забыл.

Он прикинул, что надо выполнить обещанное, прежде чем отпрашиваться. Взяв вёдра для полива и коромысло, вышел на улицу.

Шагая в третий раз к канаве с пустыми вёдрами, он взглянул на Витькин дом и вспомнил разговор о Лёньке, а потом и о поездке на окучивание картошки. Неделью назад, во второй половине дня, он оказался около Витькиного дома, в тот момент, когда из ворот выехали три брата на телеге, запряжённой Рыжухой. На вопрос, куда они едут, ответил Витька и пригласил с собой. Он с радостью согласился и запрыгнул на телегу. Правил Володя. На нём был одет серый плащ, что немного удивило. Правда, жары не было, а солнце светило через пелену облаков. С Лёнькой он уже был

знаком, и расспросов не было. Они сказали, что поле недалеко, а втроём быстро огребут. Поле действительно было рядом с городом. На меже стояла большая ель, чудом оставшаяся среди полей. Все ветки снизу и до середины были обрублены. Ещё выезжая из города, все поглядывали на небо, которое затягивала жёлтоватая туча. Володя посмотрел на неё и определил, что дождя не должно быть. У поля, только все спрыгнули с телеги, полетели первые градины. Володя мигом забрался под телегу. Они тоже бросились туда, а он со смехом стал их отгонять. Поняв, что под телегу им не попасть, братья кинулись к ели, ствол которой был чуть по толще столба. Ревка за ними. Витька боком прижался к стволу, к нему Лёнька, а он к Лёньке. Град усиливался и уже сыпал сплошной стеной.словно косые белые струны были протянуты с высоты до самой земли. Ревкина беда заключалась в том, что ветер отклонял их, то в одну, то в другую сторону и градины больно били то по заду, и он выдвигался вперёд, то по животу, и он пятился назад. Глядя на него, Володя хохотал под телегой. Рыжуха, опустив голову, даже не шелохнулась. На их радость, град быстро прекратился.

— Ну, как Ревка, попало по заднице? — усмехнулся Володя, сгребая с телеги градины, связанными тяпками. Ревка, молча, улыбнулся.

Володя расстелил на мокрой телеге плащ, все сели и поехали назад.

Бабушка, увидев его, когда он четвёртый раз принёс воду и выливал её в бочку, похвалила его и позвала ужинать.

В одиннадцатом часу Ревка вышел из дома недовольный собой. После ужина, мать упрекнула его, что он только бегаёт и совсем не читает, а без этого он никогда не будет писать грамотно. И тут он, вдруг, ляпнул, что сам решил почитать, только до десяти, так как Витька попросил его поночевать с ним на сеновале, если она разрешит. Она разрешила. Если бы сначала отпросился, можно было погулять, а так почти два часа читал этого «Тома Сойера», которого начинал раз пять, и добрался только до двадцать восьмой страницы.

Во дворе стояли обе лошади, привязанные поводками к телеге. Рыжуха была на пчелобазе давно, а Чернуху пригнали из райцентра ранней весной, как сказал Витька, чтобы успеть развести вошину по пасекам, всех ближних колхозов. Он подошёл к Чернухе. Она была вороной масти с некоторым коричневатым оттенком, чуть ниже Рыжухи и не такая стройная. Ноги у копыт были косматые. Он погладил её по шее, она скосила на него тёмные с синеватым отливом глаза, и чуть повернула голову к нему. В этом он увидел её благодарное расположение. Вышел Витька. Ревка повернулся к нему:

– Вить, я же ни разу верхом не ездил.

– Ничего особенного, научишься, – ответил он, направляясь в конюшню.

Оттуда он вынес, как сказал, два потника. Это были матерчатые стёганные квадраты. Положив один на спину Чернухи, сказал:

– Поедешь на ней, она спокойнее.

Положил второй потник на Рыжуху, вынес из конюшни цепные путы и верёвку, повесил их на потник Рыжухи и отвязал Чернуху. Поставив её боком к телеге, сказал:

– Залазь на телегу и садись на неё.

Ревка быстро выполнил указание, а он через голову лошади подал повод и пошёл открывать ворота. Открыв полувину, махнул ему рукой:

– Выезжай.

Ревка, как видел в кино, ткнул пятками сандалией в бока лошади и та послушно пошла со двора. Ревка был в восторге, что сам едет на лошади, но одновременно и побаивался. Витька на Рыжухе нагнал его, едва он выехал на дорогу. Ехали шагом. Проезжая мимо дома, Ревка подумал: «Вот бы лихо проскакать на лошади, чтобы его увидели», – и тут же остудил своё желание: во-первых, надо уметь ездить, во-вторых, никто дома в окна смотреть не будет. Солнце село, но было совсем светло. Ехали рядом. Ревка рассказал другу, как был у Витальки, как купались на пруду и, что утонул Костя, и про слова женщины, кричащей вслед. Потом, он спросил, надолго ли забирают дядю Васю. Витька ответил,

что не говорят на сколько, а обязанности директора, будет исполнять бухгалтер Сикуторов. Ревка несколько раз видел этого пожилого мужчину с лысиной и в очках.

Спускаясь с горы за городом, Ревка упёрся руками в холку лошади, чтобы не съехать лошади на шею. Когда выехали на ровную дорогу, среди полей, Витька предложил:

– Давай хоть немного проскачем.

Ревка неуверенно пожал плечами, а друг ударил Рыжуху в бок, понукнул:

– Но!

И та перешла на рысь. Ревка неуверенно двинул ногами по бокам лошади и дёрнул повод: та рванулась вперёд и тоже перешла на рысь. Его так стало подбрасывать, что, испугавшись падения, он вцепился руками за гриву и, невольно, натянул повод – Чернуха послушно перешла на шаг. Витька оглянулся и придержал лошадь. Когда поровнялись, Ревка высказал своё соображение, что у него ноги длиннее, потому может ухватиться ими за бока, а он нет. Витька снисходительно улыбнулся, как бы соглашаясь.

Кончились поля, начался мелкий лесок. Наступили сумерки и мысль: «Вдруг он захочет заехать в густой лес», – как-то его встревожила. Ревка, предложил:

– Давай здесь свернём. Какая разница, дальше ближе, трава везде одинаковая.

Витька согласился и повернул Рыжуху. Въехали на небольшую полянку, окружённую невысокими ёлками и кустами. Слезли с лошадей. Витька надел цепные путы на Рыжуху, закрутил их каким-то ключом, и сунул его в карман. Снял уздечку и бросил на траву рядом с потником. Ревка держал за повод Чернуху. Её Витька спутал верёвкой, снял уздечку и хлопнул по шее. Она отпрыгнула в сторону и сразу начала щипать траву. Витька расстелил потники, и они уселись на них. Ревка огляделся. Он впервые оказался в лесу в такую пору.

В разговоре они вспомнили прошлое лето, недавний град, катание на чёрной горке у школы. Витька пояснил, что записываться в эту школу пойдёт вместе с Лёнкой, чтобы попасть в один класс.

Стемнело, на небе появились мелкие звёзды. У самого горизонта, на западе, светилась тонкая полоска. Ели были едва видны на фоне тёмно-синего неба. Вскрикнула какая-то птица. Ревка чуть не вздрогнул и оглянулся на звук. Кони иногда пофыркивая, продолжая щипать траву. Перепрыгивая, Рыжуха позвякивала путами.

Помечтали, как будет хорошо после войны: появятся разные продукты, конфеты, вдоволь хлеба.

– Мороженное, – напомнил Ревка.

Витька вспомнил, что в мае освободили Севастополь, и учительница про него очень интересно рассказывала. Ревка рассказал про Лёвку, который жил в нём до войны и, как он врал про оборону. Ревка вспомнил об освобождении Выборга Ленинградским фронтом, а Витька сразу заговорил про кино «Два бойца».

– Здорово, там Саша с Уралмаша немцев из пулемёта молотил! – напомнил Ревка, а Витька сказал:

– Мне песня понравилась про «Шаланды».

– И мне, – подтвердил Ревка.

Вновь вскрикнула птица. Ревке сделалось как-то неприятно. Тревожное состояние прервало разговор, но молчание и тишина, в которую они вслушивались, тоже была не приятной. Вспомнили кино «Небесный тихоход», но тут же разговор перешёл на «Весёлые ребята». Это кино шло уже в который раз, а на него всегда ходили. Разговор о нём их увлёк. Время шло. Звёзды на небе стали ярче. В тот самый момент, когда они на перебой вспоминали, как музыканты колошматили друг друга, где-то совсем рядом раздалось протяжное: У-у-х! Ревке стало не по себе, но, не подавая вида, тихо спросил:

– Кто это может быть?

– Не знаю, – шёпотом ответил Витька и добавил, – наверно тоже птица.

Посидели, прислушиваясь. Больше звуков не было. Витька, сказал:

– Расскажи про школу, куда мы с Лёнькой пойдём, ты же в ней полгода учился.

Он рассказал про школьные порядки, упомянул о дисциплине в своей школе. Когда он спросил про учителей, сказал кто, какие предметы ведёт, не забыл рассказать о случае с военруком и, что он всё равно поставил ему «хор». Потом Ревка спросил о Володе, как он тогда поехал окучивать картошку, ведь он работает в депо. Витька ответил, что у него выходные бывают в разные дни. Ревка решил рассказать о детплощадке и только сказал:

– Мне...

Снова раздалось это неприятное «Уханье» и, казалось, совсем рядом. Ревке стало жутко, и он спросил:

– Вить, а может они наелись? Сколько они могут хрумать?

Витьке, очевидно, тоже было неприятно это «Уханье» и он ответил:

– Хрумать они ещё могут, но немного подъели.

– Так, что: Поедем? – спросил Ревка, скрывая своё нетерпение.

– Поедем, – согласился тот и, взяв уздечки, пошёл к лошадям.

Ревка поднял потники и пошёл за ним. Витька надел узду на Чернуху и передал повод ему. Ревка положил потник на спину, а Витька снял путы. Также быстро он управился с Рыжухой. Потом подсказал ему, как братья за холку, и посадил на Чернуху. Ревка удивился, как он ловко забрался на Рыжуху. Ехали молча, казалось, обо всём переговорили. Когда поднялись на гору, Витька сказал:

– Если ехать не рысью, а галопом, то совсем не трясёт. Давай попробуем, но только ты Чернуху сразу разгоняй.

– Давай, решился Ревка. Они, в раз ударили в бока лошадям, хлопнули по шеи и понукнули:

– Но!

Лошади рванули вперёд. Ревку сначала подбросило, потом трясти стало меньше. Проскакав метров тридцать, он стал сползать набок. Ухватился за гриву, но по-прежнему сползал со спины. Продолжая держаться, он сполз почти на грудь лошади и упал перед ней. Чернуха каким-то чудом перепрыгнула через него и пошла шагом. Витька оглянулся, остановил лошадь, спрыгнул и подбежал к нему. Ревка вскочил на ноги, не чувствуя никакой боли, вытянул руку и стал чмокать, словно подзывая собаку. Но для лошади это понукание и Чернуха прибавила шагу. Витька крикнул:

– Ты чего? Сдурел? Тпр...ру! – и она остановилась.

Ревке было стыдно за свою неуклюжесть, за то, что таким способом пытался остановить лошадь. Но Витька над ним не подсмеивался. Он вновь посадил его на Чернуху,

забрался на лошадь сам и поехали. Теперь до дома ехали шагом.

Во дворе Витька сказал:

– Залазь на сеновал и ложись, а я лошадей поставлю в конюшню и приду.

Лёжа на сеновале под тулупом, подумал: «Вот ещё одна невезуха добавилась к весне и к началу лета». Он уснул до прихода Витьки.

В РАЙЦЕНТР

Дорога шла вдоль железнодорожного полотна, а справа к ней подступал густой лес. Ели и пихты, устремляясь ввысь, теснились друг к другу, а курчавые осины, берёзы и вербы, толпились у самой дороги. Солнце заливало всё кругом, в воздухе стоял настоящий июльский зной, хотя был конец месяца.

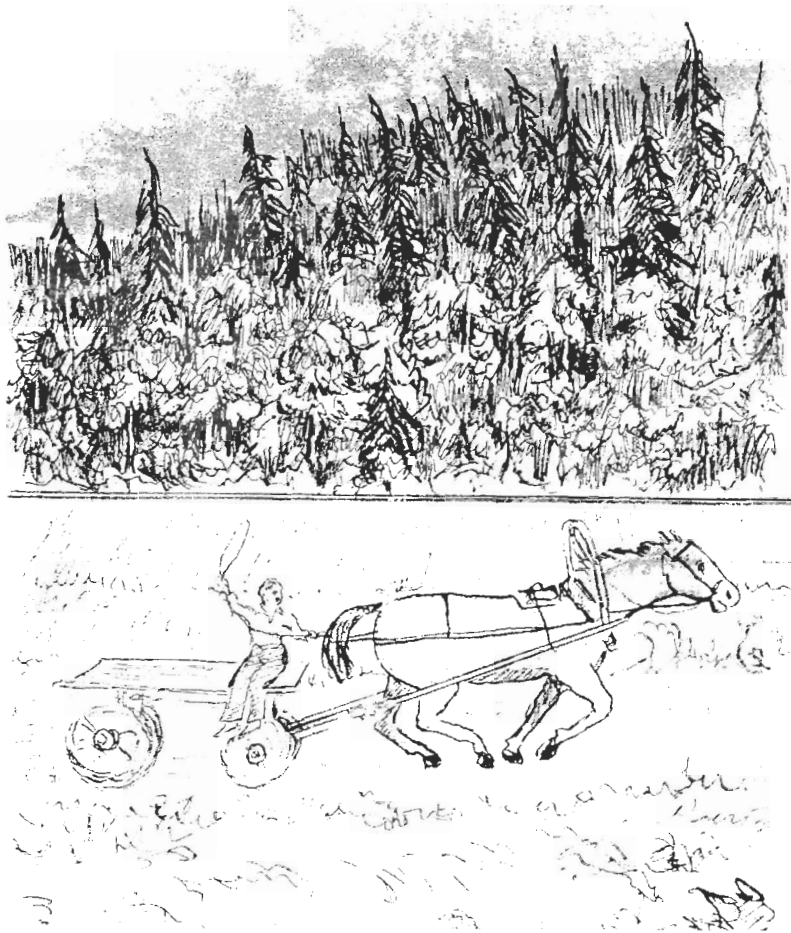
Витька трясся на телеге, утираясь рукавом и, иногда, подгонял Чернуху, раскручивая концы вожжей. Она косилась на него, прибавляла в движении, но едва он опускал руку, переходила на размеренный шаг.

Он выехал в два часа по полудню. Отгонять Чернуху в районное управление пчелобаз должен был Володя, но позвонили и потребовали пригнать сегодня, а он был на работе. Мать переговорила с Сикаторовым, который остался за директора, и послала его, так как он, однажды, был в этом управлении.

Выехав за город, он не утерпел и съел всё, что дала ему в дорогу мать: кусок хлеба, три варёные картошки, несколько перьев лука и огурец. Мешочек с газетой, в чём была еда, он аккуратно сложил и сунул в карман. В другом кармане штанов лежало пять рублей, которые дала мать на обратную дорогу на пригородном поезде. На счёт денег он решил сразу, что тратить не будет, а как только приедет, сразу пойдёт на станцию и уедет с первым товарником.

Сзади, с нарастающим грохотом, нагнал поезд и умчался вперёд. Чернуха слегка шарахнулась в сторону, когда по-

равнялся шипящий и свистящий паровоз, но потом шла спокойно и не особенно реагировала на другие поезда.

Вдалеке, за невысокой насыпью железной дороги, Витька увидел крыши домов разъезда. Это его немного встревожило. Он вспомнил, как прошлый год, невдалеке от этого разъ-

езда, только с другой стороны, произошёл неприятный случай. В управлении попросили пригнать Рыжуху на пару недель для каких-то работ, но без телеги. Туда её угнал Володя, а чтобы забрать и пригнать назад отчим взял его. Сам остался решать служебные вопросы, а ему велел ехать. Он с гордостью проехал верхом на Рыжухе мимо домов посёлка. Она бодро шагала, а за посёлком, он пустил её галопом, но ненадолго, так как расстояние большое. И вот перед этим разъездом, когда он в очередной раз придержал её после пробежки, из-за кустов неожиданно вышли два парня. Встав на дороге, подняли руки. Рыжуха остановилась. Один, повыше, круглолицый с веснушками, схватился рукой за повод:

– Куда, пацан, едешь?

Он напугался, но ответил:

– Домой.

Второй, худой в кепке с поломанным козырьком и пронзительным взглядом, изобразил что-то вроде улыбки, обнажая редкие зубы, сказал:

– А чё, ты, сморчок, мою уздечку забрал? – и похлопал Рыжуху по шее.

Он удивился на самом деле:

– Какую?

– Вот эту, – худой взялся за узду.

– Это наша узда – возразил он.

– Нет. Обманывать нехорошо, – ехидно ощерился, – Стёпа, сними нашу уздечку.

Круглолицый быстро расстегнул пряжку, сдёрнул узду с головы Рыжухи и выдернул повод из его рук.

– Как же я... – он не успел договорить, высокий ударил Рыжуху уздой.

Та, рванулась вперёд и он, едва удержался на ней, ухватившись за гриву. Рыжуха неслась галопом, а у него от обиды потекли слёзы. До дома оставалось около десяти километров. Рыжуха перешла на шаг и, дальше он так и ехал. В городе, у первых домов, подумал: «Как же я буду управлять ею? – и был удивлён, когда она сама повернула, где надо. Перед шлагбаумом, на переезде остановилась, как только

его открыли, пошла дальше. Сама повернула на третью улицу и встала только у ворот дома.

Подъезжая к разъезду, он стал погонять Чернуху, чтобы скорее проехать это место. Уменьшил его опасения, встречный поезд, который закрыл собой дома посёлка. Когда состав промчался, домов из-за деревьев уже не было видно, и он придержал лошадь. Щурясь, Витька взглянул на солнце, вытер пот со лба и, вздохнув, подумал: «Хоть бы облачко появилось и заслонило его». Но небо было сплошь голубым. Ещё предстояло проехать километров двадцать и миновать один полустанок. На ровной дороге он подгонял лошадь, а когда начинался подъём и она, переходила на шаг, он не торопил её. То и дело проезжали поезда, то в одну, то в другую сторону. В момент, когда их не было, он заметил, как впереди, на изогнутую макушку ели сели два дрозда. При его приближении, они улетели. Проводив их взглядом, он вспомнил конец апреля, когда ходил с ребятами зарить их гнёзда. Этим занимались все последние годы. Обычно, кроме него ходили: Петька, Ревка, Мисюрчик. Иногда присоединялся Васька или Витька Морошкин. Основным местом был большой лог, который начинался сразу за полями, где малолесье переходило в настоящий лес. Почти на всех невысоких пихтах были гнёзда дроздов. Залазить приходилось на три, три с половиной метра, где обычно они находились. В каждом находилось от четырёх до шести яичек. Дрозды поднимали настоящий гвалт. Верещали не только дрозды, к гнёздам которых поднимался похититель, но и другие. Трудно спускаться с пихты и не разбить яички, но тут все быстро приспособились: складывали их в кепки и держали в зубах. Конечно, влезая на пихты, вымазывались в смоле, но это была ерунда по сравнению с тем, с каким удовольствием выпивались эти яички. Позже приспособились печь их на костре, если у кого-нибудь оказывались спички. Однажды, Мисюрчик принёс с собой небольшое увеличительное стекло и им развёл костёр, поджигая лучами солнца кусочек бересты. Однажды, Петька, сидя у костра, сказал: «Вот бы ещё соли». Мисюрчик усмехнулся:

– Может, ты без неё не можешь есть? Давай мне.

Все посмеялись, а Петька ответил:

– Ничего, справлюсь.

Руки от смолы отмывали в ручье, используя глину вместо мыла.

Прогромыхал поезд, Чернуха шла спокойно. Витькино внимание привлекли заросли дудок с раскрытыми белыми зонтиками. Он не знал, как они называются. «Похоже, это те самые «Пучки», – подумал он, – которые в начале лета, удавалось есть ему и другим ребятам, когда ходили в лес. У срезанной трубки обдирали верхнюю кожуру, а внутренняя трубка была сочной и имела особый вкус. Он облизнул губы и подумал: «Вот бы такие заросли тогда попались». Ближе к дороге сплошь росли ромашки.

Внезапно лес прервался, и взору открылась поляна, дальше большое поле. «Скоро за небольшим перелеском, будет полустанок», – сообразил он. Поле зеленело, а дальняя кромка леса была подёрнута голубизной. С дороги нельзя было понять, что растёт на этом поле. На ум пришло название песни «Полюшко, поле...» и, тут же всплыл разговор, возникший во дворе, связанный с Польшей. Мать сказала, что услышала по радио в конторе об освобождении города Пскова. Володя возразил:

– Ты же говорила неделю назад, что наши войска начали освобождать Польшу?

– Да, – подтвердила она. – Польша вон где, на западе, а Псков недалеко от Новгорода, который давно освободили, – говорил Володя.

Слушая это, он вспомнил о картине «Александр Невский», там точно про Псков и Новгород упоминали.

– Не знаю, где что, но я слышала, освободили Псков, – сказала мать. Володя пожал плечами.

На полустанке домов было больше, чем на разъезде и, чтобы скорей его проехать, стал понукать Чернуху. Наверно, из-за жары людей на улице не было видно. Отъехав от домов на некоторое расстояние, притормозил лошадь. Впереди из кустов вышла пятнистая корова. Следом вышла пожилая женщина, в розовом платье с прутом в руках, и повернула её в сторону домов. Проехав мимо, Витька опреде-

лил: «Корова высокая, как наша Пеструха, только у этой пятна рыжие».

Он взглянул на небо. На нём появились два тонкие, вытянутые облачка, а у горизонта светлая пелена. Захотелось пить, а ехать ещё десять километров.

«Хоть бы чуть-чуть затянуло солнце, – с унынием подумал он, – чтобы спал этот зной». Мысленно спросил: «Что лучше? Жара или холод? – и сам ответил. – В холод можно теплее одеться, а в жару...». Потом, то ли вспомнив, как зяб в конце мая в лесу, или, увидев эту корову, всплыло событие этого дня и вечера.

В один из дней мать сказала ему:

– Витя, я сегодня не отправила Пеструху в стадо, она скоро должна отелиться. Пусть попасётся на полянке перед домом, а ты посматривай за ней, когда будешь на улице.

До обеда он поиграл с ребятами в городки, потом просто сидели на полянке разговаривали о кинофильмах, больше о военных. Потом все пошли по домам. После обеда он вышел на улицу и коровы не увидел. Выбежал на переулок, огляделся, посмотрел вдоль переулка, насколько было видно, коровы нет. Он упрекнул себя, что когда пошёл домой, не обратил внимания: паслась она или её уже не было. Конечно, он об этом умолчал, когда вернулся и сообщил матери, что её нет. Она позвала Володю и сказала:

– Идите с Витей. Ищите, она не должна далеко уйти.

День был почти по-летнему тёплый. Неделя солнечной погоды высушила дорогу, но пыли ещё не было. Он иногда чувствовал под босыми ногами мелкие камушки, но это было привычным, и поэтому бодро шагал рядом с братом. В первом логу, за городом, остановились: решая по какой дороге идти. Володя рассудил, что по дороге на бойню она вряд ли пошла; скорее всего, прямо по тракту, где пастухи гоняют стадо. Миновали поля, зашли в лесок. Брат предложил обходить деревья с разных сторон, но переговариваться, чтобы не потерять друг друга. По ещё не высокой траве, ему было идти легко, только надо было поглядывать под ноги, чтобы не наступить на какую-нибудь корягу. И всё-таки

это случилось. Он ойкал, а Володя, услышав возглас, спрашивал:

— Ты чего?

Он отвечал и шёл дальше. На деревьях и кустах уже была довольно большая листва. Высокие заросли кустов приходилось осматривать кругом. Когда лес стал гуще и деревья выше, Володя подошёл к нему и сказал:

— Так далеко она вряд ли зашла. Пойдём в ту сторону, за ёлочки, и назад к тракту.

Прошли до дороги — не нашли. Сделали ещё два захода и перешли на другую сторону тракта. Здесь тоже прошли несколько раз. Он пару раз накалывал ноги, хватался от боли за ступни и утешал себя тем, что не проколол до крови. Стали покусывать комары. Время клонилось к вечеру, а они никак не могли её найти. Володя предложил:

— Пойдём назад, ближе к городу, но надо глубже в лес зайти.

Прошли по дороге и свернули почти в том же месте, где в первый раз. Прошли до густого леса. Володя сказал, что ему сегодня в ночную смену. Он предложил пройти по дуге и выйти к дороге. На это раз он шёл рядом и пожаловался, что устал. Обойдя густой ельник, вышли на полянку и, прямо перед ними оказалась корова. Она стояла за небольшим кустом, а прямо под её мордой лежал телёнок, такой же пёстрый: чёрные пятна по белому.

— Эх, сколько мы лишнего исходили. Нет, сразу, по глубже зайти, — посетовал, Володя.

Потрепал корову по голове:

— Что же ты, Пеструха, убежала?

Та покорно стояла, никак не реагируя.

— Вить, будь здесь. Я побегу домой, запрягу Рыжуху, и мать приедет. Я ей расскажу, как найти, а ты откликайся, когда она будет кричать.

Он согласно кивнул головой, сел между кустом и телёнком, погладил по шелковистой шерсти. Брат ушёл. Комары стали наглеть. При ходьбе они беспокоили меньше, а сейчас он всё чаще хлопал себя по лицу, шее, по ногам. Он ещё раз погладил телёнка. Тот даже не поднял головы. Кое-

где на боках шерсть была приглажена в разных направлениях. Он понял, что это следы языка коровы. Захотелось есть. Он перевёл взгляд под куст и увидел несколько стеблей колбы, эвакуированные называют её «Черемшой». Обошёл куст, нарвал небольшой пучок и сел на прежнее место. Стебли были сочные и терпимо жгли во рту. Съел вместе с листочками.

Солнце светило уже между деревьями. Он прикинул, где сейчас Володя, и решил, что он уже в городе. Через некоторое время воображал, как он подходит к дому, разговаривает с матерью, запрягает Рыжуху.

Тем временем, освещёнными солнцем остались только макушки высоких елей. Стало прохладнее. Первыми это ощутили ноги. Он поднялся и стал ходить по поляне. Корова стояла над телёнком, как вкопанная, и не обращала на него никакого внимания. Солнце село. Теперь он успокаивал себя только одним: «Вот, вот приедет мама». Он прислушивался, надеясь услышать её голос или скрип телеги. Но, по-прежнему, было тихо. Даже птицы приумолкли. Трава становилась всё прохладнее. Он сел рядом с телёнком и подсунул ступени ему под бок. Они быстро отогрелись. Он всё больше волновался, что не приезжает мать. Он отломил ветку у куста, чтобы отгонять комаров. Сумерки сгустились. Лес потемнел. Уже не различались отдельные деревья. Начало знобить спину. Он поднялся, походил, шевеля плечами, и продолжал вслушиваться в тишину. Ему было жутковато в этом тёмном лесу, было обидно, что брату совпало идти на работу, что так долго нет матери и только ожидание: «Вот-вот она приедет», сдерживало его слёзы. Стала невыносимой прохлада. Он подошёл к телёнку, опустил на колени, потом свернулся калачиком, прижался спиной к его животу, положил голову на его согнутые коленки, накрыл лицо веточкой и засунул ладошки подмышки. Телёнок чуть приподнял голову и снова опустил. Спина почувствовала тепло. Теперь с заклинанием, повторял только одно: «Скорей бы приехала мама. Скорей бы приехала мама...». Вдруг, замычала корова. Он встрепенулся и услышал вдалеке голос матери:

– Витя! Витя!

Он соскочил на ноги и, что было силы, закричал:

– Я здесь! Я здесь, мама! Через пару минут он услышал топот Рыжухи, поскрипывание телеги. Подъехав, мать упрекнула его:

– Ты, почему не откликнулся? Я уж полчаса здесь кричу.

– Я не слышал, – виновато ответил он и, понял, что уснул.

Мать развернула Рыжуху и подогнала телегу к телёнку. Вместе они подняли его и положили на телегу.

– Придерживай его, если станет подниматься, – сказала мать, когда они уселись на телегу, и понукнула лошадь.

Повернув голову к нему, провела рукой по голове, сказала:

– Я уж стала Пеструху звать, думала, может ты домой ущёл. Теперь он сообразил, что если бы не корова, которая отозвалась на своё имя, он бы мог не проснуться. Корова, глядя на своё дитё, послушно шла за телегой, не отступая ни на шаг.

Воспоминания отвлекли и приглушили жажду. Чернуха шла своим неторопливым шагом. Увидев, что дорога пошла под уклон, ударил её вожжами. Она дёрнула телегу и перешла на рысь. От более быстрой езды, образовался небольшой ветерок, и стало приятно. На небе, словно по его желанию, солнце затянула пелена и, оно уже так не грело, но в воздухе оставался жар. У горизонта появились густые облака. По приметной кедёрке, прикинул, что осталось километра четыре. Лошадь перешла на шаг, он не стал её подгонять. Проехав какое-то время, он уже с тревогой поглядывал на небо. Край облаков быстро приближался, а он ехал им навстречу. Было видно, как ветер, словно рвёт и перемешивает их, а у земли даже не шевелились листья на деревьях. Это было странным, а когда, вслед за облаками из-за деревьев всплыла чёрная полоса тучи, его охватила тревога. Туча приближалась. Он погнал Чернуху. Его встревожила мысль:

«Вдруг опять град. Прятаться на дороге под телегу?». Впереди увидел, как закачались макушки елей, и запылила дорога, а через мгновение ударил порыв ветра. Деревья у

обочины закачались в разные стороны, кусты зашелестели листвою и замотались, словно желая спрятаться, рубаха на спине затрепетала. Теперь он гнал лошадь галопом. Серая стена дождя заслонила даль и быстро приближалась. Ударили первые крупные капли дождя по телеге и, тут же ливень накрыл всё кругом. Чернуха, не видя ничего перед собой, и своего погонщика, пошла шагом. Да и он, мгновенно промокнувший до нитки, понял, что торопиться бесполезно. Упругие струи били по спине, голове, рукам. Одежда прилипла к телу. За завесой дождя едва угадывались силуэты деревьев. Сверкнула молния и сразу резкий удар грома. Витька вздрогнул, оглушённый этим невероятным звуком, руки дернулись к голове и, на момент, он перестал слышать шум дождя. Это ещё больше напугало. Телега дёрнулась и, он понял, что Чернуха тоже испугалась, но продолжала идти. Он подсунул вожжи под левую ногу и прижал ладошки к ушам. Сверкнула молния, прогремел гром, с такой же силой, но плотно прижатые ладошки, убавили его резкость. Он чувствовал себя таким одиноким, беззащитным, несчастным, что готов был заплакать, но вновь сверкнула молния, и он сильнее зажал уши. На этот раз гром прогремел не сразу и был раскатистым и не таким громким. Гроза продолжалась, но громовые удары стали отдаляться. Витька опустил руки.

С нарастающим и убывающим шумом пронёсся поезд. На этот раз пассажирский. «Хорошо в поезде, – подумал он, – им этот дождь нипочём. Едут себе и едут».

Постепенно напор ливня стал ослабевать и, сквозь его поредевшую пелену, он заметил, что лес поредел. Вскоре открылось поле и за ним крыши домов. «Вот дурак, – от обиды, обозвал он себя, – гнал бы Чернуху побыстрее, приехал бы до дождя». Когда подъехал к домам, дождь кончился. Хлюпая по большим лужам, Чернуха сама свернула в нужную улицу. Дойдя до управления, уверенно повернула в распахнутые ворота.

На обычном деревянном доме висела синяя вывеска с белой надписью. Это длинное название он не читал даже в прошлый раз. В небольшом дворе никого не было. В стороне стояли телега и кошёвка, а возле конюшни, на привязи,

серая в яблоках лошадь. Витька спрыгнул с телеги и хотел идти в контору, но из сторожки, небольшой избы на территории двора, вышел старик и направился к нему. Он был в рубаше на выпуск, тёмных брюках, сапогах и кепке. Когда он подошёл, Витька поздоровался, тот ответил и забрал у него вожжи. Зацепив их на передке телеги, взглянул на него серыми с желтизной глазами и, с едва заметной усмешкой в седых усах и бороде, спросил:

– Чё? Прополоскало?

Витька изобразил улыбку:

– Да.

Старик взялся рукой за козырёк кепки, задумался на момент, потом махнул рукой в сторону лошади, и сказал:

– Пошли в избу, а то продрогнешь.

Витька пошёл за ним, шлёпая по лужам. Тёмные облака сдвинулись, у горизонта образовалась светлая полоска неба. По дороге старик спросил:

– Годков-то скока?

– Двенадцать.

– У, большой. Я в двенадцать пахал, а в восемь боронил.

У крыльца, тщательно оскребая сапоги о специальную железку, спросил:

– Как звать?

– Витя, – назвался он.

– А фамилия?

– Тимофеев.

– Так ты Василия Ивановича сынок?

Витька кивнул головой. Ему было приятно, что отчима знает здесь даже этот дед. Он вытер босые ноги о кусок мешковины у дверей, и шагнул за дедом в сени.

В избе его обдало теплом. Старик не отходя от двери, позвал:

– Глаша!

Из горницы вышла старушка в белой вышитой блузке и чёрной юбке.

– Глаш, найди какие-нибудь портки. Ему переодеться надо.

Витька поздоровался. Она кивнула головой:

– Доброе, здоровьеце, – и вернулась в комнату.

Маленькая кухонька была аккуратно прибрана. У окна стол, возле него табурет, с другой стороны скамья. Перед печкой полка с посудой. Рядом с печной заслонкой стоял чугун, за полкой у печи ухват.

Вышла старушка и подала штаны деду:

– Великоваты будуть.

– Ничего, – дед подтолкнул его в плечо, – поди в закуток и всё скидавай.

Он загоролдил его собой. Когда он разделся, подал ему штаны. Он надел.

– Подверни гачи, – посоветовал дед.

Он подвернул, запахнул их на поясе и вопросительно посмотрел на деда. Тот сказал:

– Придерживай рукой и лезь на печь.

Встав на приступку, он залез на печь. Тут было постелено.

– Укройся, – посоветовал дед.

Он лёг на подушку и укрылся стеганым одеялом. Всем телом почувствовал приятное тепло. Донеслись слова деда:

– Глаш, повесь, чтоб поскорей просохло, а я пойду Чернуху распрягать. Хлопнула входная дверь.

Витька с огорчением подумал, что теперь раньше вечера не уехать и придётся ехать на «Вертушке». И сразу вспомнил о деньгах. Он свесился с печи и обратился:

– Бабушка, там наверно, в штанах пятёрка размокла.

– Я уж её достала. Просохнет. Тут, ещё и мешочек, – добавила она.

– Ага, – подтвердил он и откинулся на подушку.

«Хорошо, – подумал он, – что они в такой жаркий день протопили печь. Бабушка летом такую печь топила, когда хлеб пекла. Тогда мука была. А тут хлебом не пахнет. А может, они всегда её топят», – сделал он заключение. Его волновало, долго ли он будет лежать, но потом понял, что одежда раньше вечера не высохнет, и успокоился.

Мысли перекинулись на воспоминания. Позавидовал брату Лёньке: «Хорошо ему, поди, играет с ребятами, – но, тут же, рассудил, – не мог он сюда ехать, так как не был здесь».

Вспомнил о покосе, где они вместе с ним помогали матери и Володе. Потом о поездке в ночное на лошадях и, как Ревка свалился с Чернухи и, вскочив на ноги, вдруг зачмокал, погоняя лошадь; про град на поле, про купание на лесной речке «Берёзовке».

Он повернулся на правый бок, рука легла на край печи и попала в полосу света. Сначала заметил, что она грязноватая, посмотрел на другую – такая же. Взгляд скользнул по указательному пальцу со шрамом и в памяти всплыл тот мартовский день.

Они с Ревкой зашли домой, разделись. Дома больше никого не было. Следом пришёл Мисюрчик. Он с загадочным видом, медленно, вытащил из кармана круглые, цвета охры, стерженьки. Они уже знали раньше о порохе из артиллерийских снарядов. Он попросил один стержене́к, отломил маленький кусочек и сказал:

– Сейчас попробуем бросить в печку. Должно стрельнуть.

Открыв дверцу горячей плиты, двумя пальцами поднёс кусочек к огню и, только хотел бросить, как тот взорвался. Он отдернул руку: кончик пальца разорвало. Закапала кровь. Мисюрчик испугался и убежал. Ревка, посоветовал прижать палец, чтобы остановить кровь. Потом нашли белую тряпочку, йод и Ревка завязал палец. Матери, когда спросила, сказал, что поранил пилой. Перебирая в памяти другие события, он неожиданно для себя, уснул.

– Витя!

Услышал он, просыпаясь, голос деда. Взглянул вниз. Наискосок в окно светило солнце. За столом сидели дед с бабкой. Перед ними стоял чугунок с варёной картошкой, кринка и стаканы с молоком.

– Витя, – снова обратился дед, – спускайся поить.

– Я не хочу, – соврал и почувствовал, как захотелось есть.

Так уж повелось, и он это понимал, что в трудное время войны, садиться у чужих за стол, неприлично.

– Слазь, слазь, Витя, поешь, – позвал снова дед.

– Я перед самым дождём съел, что мама дала, – вновь соврал он и, вдобавок, подумал: «В этих штанах руки не по-

моешь, свалятся. Да, можно и не мыть. Если ещё позовёт, слезу. Но дед больше не позвал.

Через некоторое время дед подал ему одежду:

– Одевайся, высохла. Чтоб на поезд попасть, надо выходить.

Он переоделся, проверил в кармане деньги, мешочек и спустился вниз. Поблагодарил стариков и вышел на улицу. Тут он ощутил настоящий голод. «Вот, сваял дурака, как говорят. Может, билет будет стоить меньше и куплю что-нибудь на сдачу? Нет. Куплю поесть и уеду на товарнике. А на «Вертушке» скорей буду дома. Хоть бы где попить».

Так он шёл, рассуждая и перебирая варианты, кляня себя за допущенную оплошность и, твёрдо решил на всю жизнь: «Буду садиться за стол со второго раза, если пригласят».

«МУШКЕТЕРЫ»

В конце июля и начале августа Ревка и его друзья с интересом наблюдали за сражениями, которые организовали Юрка Колесов и Федька Синакин. Появились у них новые друзья, одноклассники: Женька Асин и Толька Архипов. Последний жил тоже на Почтовой улице, чуть дальше в казённом доме, а Женька где-то на пятой или шестой улице. Ревка слегка обижался на Юрку из-за того, что он стал больше времени проводить с Федькой и его товарищами, и меньше со своими ребятами. Сражались они тонкими палками, которые называли: шпагами. Чтобы, во время сражений, избежать ударов по рукам, у самых рукояток были насажены круглые или квадратные фанерки. Они называли себя: мушкетёрами и у всех были специальные имена. Юрку называли – Партосом. Он потом пояснил, потому, что самый рослый из них; Федьку – ДАртаньяном, он лучше всех сражался. Женька был Атосом, а Толька Арамисом. На их имена Ревка и его друзья не обращали особого внимания, а поединки один на один или двое надвое вызывали у них настоящее восхищение.

Сначала они сражались на поляне горки, где обычно играли во все игры, а потом бои развернулись в Васькином

доме. К этому времени, Васькин дом, кроме его квартиры, был разорён. В двухэтажной части наполовину были сорваны полы второго и потолок первого этажа, так что между этажами висели два толстых бревна, которые Петька называл «Матками»; рам в окнах и дверей не было, печи полуразрушены. Целой осталась лестница на второй этаж. В третью квартиру вход был с крыльца, и там, тоже, всё было разворочено, но полы сохранились. Ревка, чаще всего, с Мискурчиком, Витькой Тимофеевым и Петькой, наблюдали за поединками и схватками, стоя у окон или сидя на подоконниках. Они быстро поняли их правила: если шпага уколола соперника в грудь, он считался убитым и не мог продолжать бой, если укол приходился в левую руку – бой продолжался, если в правую, шпага бралась в левую руку и бой возобновлялся. Сражающиеся по особому обращались друг к другу. То и дело слышалось: Сударь!

– Милостивый государь!

– К вашим услугам, милейший!

Захватывало то, как они сражались – двое надвое. Обычно одни находились на верху лестницы, а вторые внизу. Побеждали, чаще те, кто наверху, но были победы и нападающих снизу. Запомнился поединок: Юрка загорелый, в светлой рубашке с засученными рукавами, бросился на Тольку со словами:

– Защищайтесь, сударь! Я проткну вас, как куропатку!

Тот отскочил с возгласом:

– Попробуйте. Сир! – и ловко отбил первые выпады.

Юрка наседал, и тот попятился. Сзади, был пролом в полу. Толька развернулся и, пробежав по бревну, остановился в изготовке на краю пола. Юрка бросился за ним, но вынужден был остановиться на бревне, отбивая нападение соперника. Витька, сидевший рядом, шепнул Ревке на ухо:

– Юрка же может упасть.

Он согласно кивнул головой. Однако, тот удачно отражал выпады соперника. В один из моментов он развернулся боком, Толькина шпага скользнула по левому плечу, и он сумел ткнуть своей шпагой в его живот. При этом он покачнулся и, чтобы неупасть, отпрыгнул на край пола, рядом с Толь-

кой. Тот понял, что проиграл поединок и стоял с опущенной шпагой, вытирая рукавом левой руки пот со лба. Потом, Федька и Женька напали на Юрку. Он героически от них отбивался, но всё же Федька изловчился и попал ему в грудь, он тут же признал свое поражение.

Несмотря на то, что семья Федьки, в середине июля, переехала на другую квартиру, он продолжал приходить, со своими друзьями сюда, в этот дом, проводить эти сражения и поединки.

Наблюдая за ними, Ревка и его друзья срочно изготовили шпаги и начали сражаться. Но он, все-таки, решил спросить у Юрки, кто такие мушкетеры?

– Это раньше, у французского короля, была специальная рота охраны, – ответил он, – но лучше прочитай книгу «Три мушкетера». Если хочешь, я тебе дам её почитать.

Ревка, с радостью, согласился:

– Хочу!

Книга была без корочек, начиналась с седьмой страницы. Дома, мать и бабушка, удивились, когда он приступил к чтению книги. Расположился в комнатухе сестры, положив книгу на подоконник окна. На его счастье, погода испортилась: задождило, и Ревка не сожалел, что нельзя идти на улицу, да и содержание его захватило. Д'Артаньян все больше и больше ему нравился. Он, продолжая читать, с интересом ожидал, как же он будет драться на дуэли с тремя мушкетерами? Был обрадован, что дуэль, не состоялась, а тот, даже, выручил их в схватке с гвардейцами кардинала. Дочитав до момента, где Д'Артаньян ринулся спасать госпожу Бонасье, он уже верил в его удачу и, это подтвердилось, когда тот один разогнал всех сыщиков, учинивших ей допрос. Приподнятое настроение Ревки прервал порыв ветра, который развернул струи дождя, и они с шумом застучали по стеклу окна. Он поднял взгляд: сквозь мутные, от воды, стёкла, увидел силуэт соседского дома. Тут же всплыло в памяти, как Пашка Краев, во время ливня, сплавлял к себе во двор плывущие тротуары.

Воспоминания, прервала бабушка, позвав обедать.

На обеде не было только Тани. На первое был борщ, из свёкольной ботвы, который Ревка съел с удовольствием. На второе, бабушка положила ему немного молодой, варёной картошки с постным маслом.

Говоря о ней, посетовала, что нельзя много подкапывать, ей ещё надо расти. Обычно, на обед, все брали по больше кусочек хлеба. Ревка тоже и потому, оставил корочку, чтобы протереть остатки масла на тарелке. Ещё был кисель из ревеня: больше кислый, чем сладкий.

Во время обеда, дед включил радио погромче. Передавали: последние известия. Диктор сообщил: об упорных боях в Прибалтике, перечислял населённые пункты, освобожденные на юге Украины и в Польше. Снова напомнил об освобождении города Бреста 28 июля, хотя было уже 7 августа. Пояснил, что в захваченных немецких документах упоминалось о длительном сопротивлении Брестской крепости фашистским войскам. Потом, стали говорить о подготовке, к уборочной страде. Это было уже неинтересно, особенно Ревке, и он вернулся к чтению. Подошла мать:

– Мира, а кто написал эту книгу?

Он наморщил лоб:

– Не помню. Обложки-то нет.

– Запомни, её написал Александр Дюма, знаменитый французский писатель.

Ревка кивнул головой:

– Запомнил – Дюма.

Мать ушла к себе, и он углубился в чтение. Прочитав ещё раз строчку: «...как снова раскрылась дверь и четыре человека, одетые в чёрное, не вышли, а вылетели из неё, словно стая вспугнутых ворон...», – он улыбнулся.

А когда прочел: «Д'Артаньян окинул ее быстрым взглядом. То была очаровательная женщина: лет двадцати пяти или двадцати шести; темноволосая, с голубыми глазами, чуть-чуть вздёрнутым носиком, чудесными зубками», – то, сразу, вспомнил Райку, девчонку с детплощадки. Она тоже, была темноволосой, с двумя косичками, правда, глаза карие. Нос, пожалуй, такой же, зубы ровные. Вот кожа у неё не была мраморно-белой, с розовым отливом, как тут написано, а слегка смуглая и губы аккуратные. В общем, была красивая и сразу понравилась всем мальчишкам. Тут, он вспомнил о ребятах. Дело в том, что на детплощадке было всего пять пятиклассников, в том числе он и она, и ещё трое мальчишек, а остальные были малыши. Познакомились в первый день, после завтрака. Толька Рябков был чуть выше всех остальных, светловолосый, сероглазый. Он один был в брюках, остальные пацаны были в шортах. Причём, у Женьки Нагина они держались на одной лямке, через плечо

наискосок. Он был темноволосый с такими же тёмными, шустрými, хитрыми глазами. Рост был, как у Ревки. Васька Шевель был чуть ниже Тольки, имел тёмно-русые волосы с рыжеватым отливом, голубые глаза и бледные веснушки на лице. Он был в розовой майке и синих шортах. Райка была чуть выше Ревки ростом, что его огорчило. На ней было белое платье в цветочек и туфли с носочками.

В этот же день, после обеда, когда малышей уложили спать, они вышли на площадку перед школой и уселись на скамейку. При общем разговоре начались расспросы. Конечно, прежде всего, появились вопросы к ней. Она охотно рассказала, что их семья: мать, она и сестренка, были эвакуированы из Белоруссии, а отец, офицер, воюет на фронте. Из дальнейшей беседы он узнал, что Толька живет недалеко от школы, что отец работает в паровозном депо кузнецом, а мать дома. У Васьки отец тоже работал в депо, а Женька рассказал, что старший брат погиб на войне, мать работает в техшколе, сестра учится. Сам он тоже рассказал о погибшем брате и, что мать работает учительницей, но уточнять ничего не стал и об остальных домочадцах умолчал.

Ревка уже хотел перевернуть страницу и вдруг сообразил, что ничего не понял из прочитанного. Решил вернуться и прочесть снова. Отыскивая место откуда начать, он случайно оторвал взгляд от книги и посмотрел в окно: за ним уже не лил, а моросил дождь. Он подпёр щеку рукой и мысли вновь вернулись к новым друзьям. Ему было приятно вспоминать те дни. В первый же вечер, после ужина, когда надо было идти по домам, он вызвался проводить её до дома. Она слегка смутилась:

– Да, тут идти совсем недалеко.

– Ну и что? Мне, по пути, – настоял он.

– И мне по пути! – с радостью воскликнул Женька, хотя ему надо было сделать небольшой крюк.

– А я, и не по пути пойду, – заявил Толька.

Когда все двинулись к школьной калитке, Васька, молча, пошел за всеми. Шагая по пыльной дороге, мимо частных домов с палисадниками, все старались рассказывать какие-

нибудь веселые или необычные случаи. Она улыбалась, окружённая таким вниманием. Через два квартала подошли к обычному деревянному дому на три окна с высоким тополем у ограды. Она пояснила, что они снимают у хозяйки одну комнату. Прежде чем расстаться, поговорили ещё немного. В окне дома появилось лицо девчонки.

– О, Людка шпионит, – сказала Райка, подняла руку, прощаясь, и пошла к дому.

На следующий день вечером Васька сказал, что ему надо домой. Больше он ни разу ее не провожал, а они продолжали сопровождать её, до закрытия детплощадки.

Продолжая смотреть через окно, на тусклый, серый день, не обращая внимания на редких прохожих, он вдруг встрепенулся, решив прервать свои воспоминания. Опустив взгляд на книгу, он поймал себя на мысли, что поставил себе задачу, вернее хвастанул перед Витькой, что прочитает книгу за три дня. Отыскав нужное место, продолжил чтение. Увлёкшись, он просидел за книгой до прихода сестры с работы. Войдя в комнату, она сказала:

– Мирка, выйди я переоденусь.

– Переодевайся, – буркнул он, – я на тебя не смотрю.

– Выйди, выйди, – настояла она.

Он, нехотя, забрал книгу, и вышел на кухню, где уселся, у окна, за обеденным столом.

Вскоре, пришлось прерваться на ужин. Хотя, потом, особого желанья не было, он продолжил чтение. Незаметно увлёкся и просидел допоздна. Закончил уже при электрическом свете.

На следующий день, после завтрака, когда сестра ушла на работу, Ревка снова уселся с книгой в её комнатке. Он по-прежнему восхищался находчивостью Д'Артаньяна. Атос ему казался умнее всех, Арамис таким рассудительным, а Партос бесшабашным добряком. Он, без особого интереса, читал про разных дам, даже о миледи, а когда в середине книги прочел о Кэтти: «Девушка была так свежа и так хороша собой, что многие герцогини отдали бы за эту красоту и свежесть свою корону», вновь вспомнил о Рае, вернее события связанные с ней. Вспомнил поход в кино. Обычно,

после обеда, было свободное время. Толька предложил сходить в кино и показал два рубля. У Ревки в кармашке рубашки был рубль, который он тоже показал. У остальных денег не было. Неожиданно для всех Вася сказал:

– Я сбегаю домой, тут рядом, и принесу.

Он вернулся минут через десять, с двумя рублями. Женька одобрительно похлопал его по спине, и вся компания двинулась к центру города. По виадуку спустились в южную часть города. Перейдя улицу, увидели на большой афише, закрепленной на деревянной стене кинотеатра, название фильма: «Антон Иванович сердится». Ревка сразу заявил, что уже видел его и сказал:

– Кинуха хорошая, но не про войну. Там, Целиковская играет, та, что в «Небесном тихоходе» играла. Билеты взяли на четырёхчасовой сеанс.

В ожидании, сели на скамейку в скверике. Ревка все порывался рассказать им содержание картины, но Рая сказала:

– Не надо, а то будет неинтересно.

А Женька допытывался:

– Чо, совсем войны нет?

– Нет, – отвечал он, сожалея, что она не хочет слушать, о чём кино. Во время сеанса его подмывало сказать, что будет дальше, но Рая останавливала его, прижимая руку:

– Не говори.

Картина понравилась и, даже Женька, который всё жалел, что не про войну, тоже был доволен. Когда шли по виадуку он даже напомнил, пропев:

– По улицам ходила большая крокодила, она, она зелёная была! Блюм!

Все заулыбались. У него это хорошо получилось. Потом бежали, чтобы успеть на ужин, который начинался в половине седьмого. И еще вспомнил, ему казалось, это было в тот вечер: они, как обычно, проводили её до дома, и она ушла.

Женька, глядя, как она поднимается на крыльцо, вдруг сказал:

– Ребя, может она атаманов любит? Давайте, я буду атаманом.

Ревка с Толькой, переглянулись, и тот сказал:

– Мы, что? Банда?

– Да, я так., – сморщив нос и, мотнув головой, произнёс Женька.

Больше он об этом не говорил.

Чаще всего, Ревка вспоминал купание. В середине месяца установилась настоящая июльская жара и однажды Толька предложил:

– Пойдемте купаться на «Трёшку».

Ревка спросил:

– Что это за место и где?

– Это у нас, тут недалеко, есть небольшое озерко, – ответил Толька, а Васька добавил:

– Мы там всё время купаемся.

По дороге выяснилось, что «Трёшкой», оно называется потому, что находится около третьего километра железной дороги, но от школы это было недалеко. По дороге решили зайти к Тольке домой – попить. Скорее, это была избушка, вросшая, по самые окна, в землю. Вошли в сени, где стояла бочка с водой. Дверь в избу была открыта, и Ревка увидел, что в комнате пол был покатым в сторону кухни. Стол у окна опирался ножками на толстый брусок. Когда все напились, зачерпывая воду большим железным ковшиком, и вышли во двор, заметили в огороде женщину. Это была Толькина мать.

Увидев их, она спросила:

– Толя, вы уже совсем вернулись?

– Нет. Мы зашли попить. Пойдем, искупаемся и назад, – ответил он.

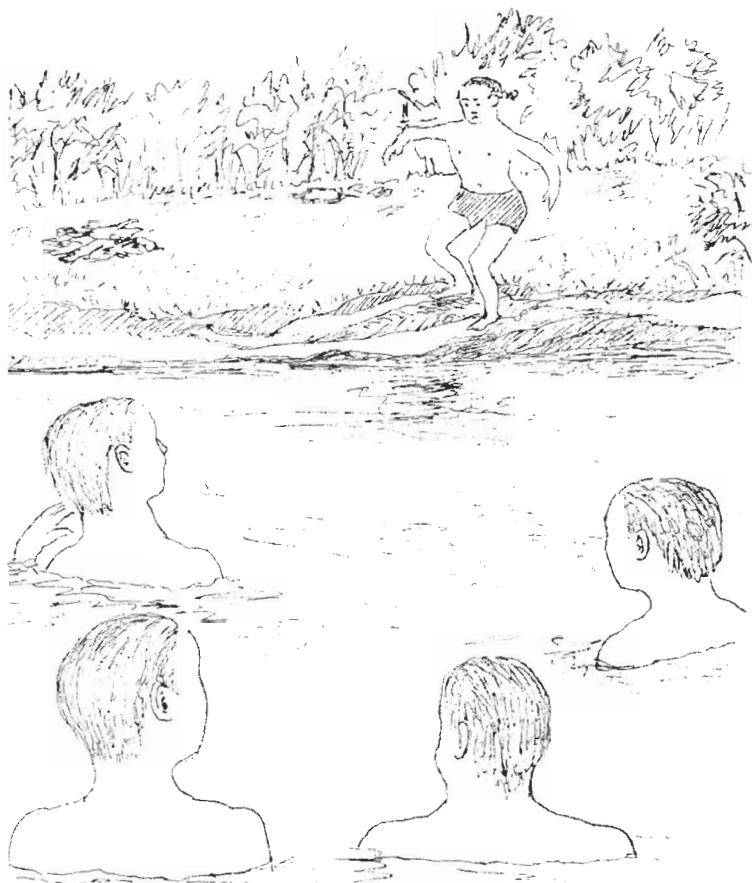
Она приложила ладонь ко лбу, закрываясь от солнца, и сказала:

– В воде не балуйте, чтобы ничего не случилось.

– Ладно! – крикнул он, закрывая калитку.

Миновав, всего два дома, спустились с косогора, потом, поднялись на железнодорожную насыпь. С неё увидели эту «Трёшку»: небольшой водоёмчик. Один берег чуть возвы-

шался, и на нем росло несколько больших кустов, а у воды не было травы. Другие берега были заросшие травой и мелкими кустами. Спустились с насыпи и по тропинке, вышли к поляне, на возвышенном берегу. Вода имела желтовато-глинистый вид, но это никого не смутило.

Только, на правах хозяина, командовал:
– Рая, отвернись, мы будем раздеваться.

Она отвернулась. Он быстро снял всю одежду и нырнул в воду. Все, как и он, разделись и голыми спустились к воде. Васька нырнул, а Ревка с Женькой зашли в воду с опаской. Ревке она показалась прохладной, а потом совсем теплой. Когда все оказались по грудь в воде, здесь была такая глубина, Толька крикнул:

– Рая, иди купаться!

Она сняла платье и пошла к берегу, поправляя находку розовые трусики. Ревка, глядя на неё, подумал: «Какая стройная». А когда она осторожно спускалась по уступам берега, мысленно добавил: «И гибкая». У самой воды она остановилась и, щупая её ногой, спросила:

– Тёплая?

– Тёплая! – Закричала вся компания.

Она вошла в воду и, уверенно, поплыла. Ревку это удивило. Остановившись около них, сказала:

– Хорошая вода, – и улыбнулась.

Конечно, всем хотелось побаловаться с ней. Толька поднырнул и приподнял её из воды. Она вскрикнула, но не завизжала, как большинство девчонок, и поплыла в сторону. Ревка, барахтаясь, поплыл рядом. Вдруг она рванулась и почти перевернулась на спину.

– Ты что? – крикнул он.

– Кто-то за ногу схватил, – ответила она, продолжая плыть.

Ревка остановился, встав на глинистое дно, оглянулся. Сзади появилась голова Васьки, который, проведя ладонью по лицу, заулыбался. Она тоже остановилась. Подплыл Женька и похвастался:

– Я от того берега проплыл!

Толька плыл по кругу, а когда оказался рядом, остановился. Рая сказала:

– Ребята, не надо в воде хватать. Можно этой воды на хлебаться, а она, вон какая.

– Всё, ребя, кончаем, – согласился Толька.

Теперь, оставалось демонстрировать своё умение плавать, и тут Ревка понял, что плавает хуже всех. Женька тоже плавал не очень, а Рая наверно лучше Васьки. Толька пы-

тался плавать в размашку. Прервал их заплывы вопрос Васьки:

– А мы на ужин не опоздаем?

– Точно, надо уже идти! – заявил Женька.

Толька повернулся к Рае:

– Иди, одевайся и не оглядывайся, мы тоже будем выходить.

Она двинулась к берегу. Осторожно, покачиваясь, так как мокрые ноги скользили на глине, поднялась по уступам берега вверх. Отойдя вглубь поляны, остановилась и стала отжимать свои косички. Вся компания вылезла на берег. Пока они надевали свои штаны и рубахи, она надела платье и пошла за кусты акации. Ревка, сквозь небольшой просвет в кустах, заметил, как она отжимает трусики. Когда она вышла из-за кустов, они были одеты и обуты. Она сунула ноги в свои парусиновые туфли, и все пошли к насыпи.

Жара не спадала, и они продолжали купаться почти все дни, до закрытия детплощадки. Теперь, они уже знали, что плавать научил Раю отец, еще до войны, когда выезжали отдыхать на речку. Узнали, что в мае сорок первого года, её отца послали на трёхмесячные курсы в Москву. Мать взяла отпуск, и они поехали вместе с ним. Когда собрались ехать домой – началась война. Из Москвы их эвакуировали в Сибирь. Отец сказал, что напишет письмо на Новосибирский почтамт. Мать писала туда несколько раз и через год переслали его письмо.

Заговорили о школе. Она сказала, что её оставили в пятом классе на осень, по арифметике. Он признался, что остался на второй год, и теперь будет учиться в одном классе с Толькой. Тогда она заявила:

– Не пойду осенью сдавать экзамен. Буду учиться вместе с вами.

Женька тоже перешел в пятый класс, но он учился в другой школе.

Сейчас Ревка подумал: «Пошла она, сдавать экзамен или нет?».

Тут только он сообразил, что из прочитанного листа, как и прошлый раз, ничего не запомнил. Вернулся назад, отыскал

нужное место, но читать не стал. На улице посветлело, однако солнца не было. Он заложил бумажку в книгу, закрыл ее и пошел в сени, где у него в уголке стояла шпага. Взяв её, вышел во двор и сел на скамейку. Он с удовольствием рассматривал её. Для изготовления он вырезал молодой побег у одной из черёмух в своем огороде. Он догадался не счищать кору с места рукоятки и, когда насаживал фанерку, то отверстие вырезал такое, что фанерка плотно села, упираясь в кору. С другой стороны забил два небольших гвоздика. Длину шпаги сделал, как советовал Юрка, 90 сантиметров.

Он встал, сделал стойку, как делали Юрка и его друзья, помахал шпагой в воздухе, как бы сражаясь, и ему захотелось пойти с ней на улицу, увидеться с ребятами. Он поколебался какой-то момент, но сумел себя пересилить. Поставив шпагу, на место, пошёл читать книжку.

Начинал с неохотой, но вскоре увлёкся и даже мысленно похвалил себя за упорство выполнить обещание: прочитать её за три дня.

Когда он дошел до места, где мушкетёры сражаются с четырьмя англичанами, очень живо представил себе эту схватку: Атос, искусно фехтуя, убивает своего соперника; Партос ранил своего и он не может продолжать бой, а Арамис так яростно наседали на своего противника, что тот бросился бежать и удрал; Д'Артаньян особым приёмом выбил у англичанина шпагу из руки и тот даже упал. Подскочив к нему, он приставил шпагу к его горлу, но убивать не стал — помиловал. После таких сцен, Ревка увлекся чтением еще больше. Однако, как он не старался, за три дня прочитать не сумел. Он оправдывал это тем, что на второй день, его послали в магазин, где стали «давать» перловую крупу, по целому килограмму, и еще бабушка попросила помочь убрать и вычистить подполье. Но утром четвертого дня он дочитал и после обеда, огорченный за Д'Артаньяна, что отравили Констанцию и, радуясь за возмездие и казнь коварной миледи, он поспешил к Витьке, передать ему книгу.

День распогодился, хотя, небо клубилось облаками. Но, то и дело, солнце выглядывало между ними.

Витька был во дворе. Поздоровались за руку и он, передавая книгу, сказал:

– Тебе тоже три дня.

– Интересная? – спросил он, перелистывая страницы, изогнув книгу.

– Интересная, но картинок нет, – ответил он и добавил, – знаешь, как там мушкетеры дают! В общем, прочитаешь, и передашь Мисюрчику, а он Петьке.

– Ты знаешь, как у него нога разболелась?

– Хромал чуть-чуть.

– Чуть-чуть, – передразнил Витька, – с палкой еле ходит. – Схожу к нему, а ты читай.

– Да, я её быстро прочитаю, – заявил он, – залезу на сеновал, там никто не потревожит.

На этом они расстались.

Когда Ревка зашел во двор, Петька как раз вышел из дома. Прокönyляв с палкой, уселся на лавочку возле сений. Ревка поздоровался и спросил, глядя на замотанную ногу:

– Сильно болит?

– Болит. Уже три раза ходил в больницу. Мажут мазью, а она всё пухнет и болит. Говорят какая-то «Рожа».

Ревка решил его отвлечь и сказал:

– Я книгу «Три мушкетёра» прочитал, толковая. Дал её Витьке Тимофееву почитать, потом Мисюрчик просил, а за ним ты прочтешь. Я с Юркой договорился.

– Прочитать можно, а шпагу придется Володьке Перфилову отдать.

– Ты что? Вылечат ногу.

На крыльцо вышла его мать – тётя Надя. В руках у неё был тазик с чистым бельем. Ревка поздоровался. Она ответила, а потом обратилась к нему:

– Рева, хоть ты его уговори сходить к Скокшихе, ведь скоро на костылях будет ходить.

– Ага, чтобы потом просмеяли, что по ворожейкам хожу, – состроил он обидчивую гримасу.

– Она не ворожейка, ты же знаешь; она говорит, травами лечит, – сказал Ревка, – ты сам видел, сколько людей около её дома сидит. Наверно лечит, раз идут.

– Ты же к ней не ходил? – упрекнул он.

Мне не надо было, а потом, меня моя бабушка лечит. Тётя Надя поставила тазик на землю и стала развешивать бельё на верёвке, натянутой между домом и забором. После Ревкиных слов она обернулась в пол оборота и сказала:

– Сходил бы ты с ним, Рева, а то он один не пойдёт.

– Пойдём, – предложил он, повинувшись совету, – вон никого из пацанов нет, никто тебя не увидит.

Петька колебался.

– Пойдём, – Ревка взял его за руку потянул.

Тот нехотя, но поднялся.

– Пойдем, пойдём, – подбодрил его Ревка и тот, опираясь на палку, зашагал рядом.

Вышли за ворота. Навстречу шел его младший брат Вовка со своим новым дружкой Юркой Башуевым. Этого шестилетнего пацана уже все знали. Его семья недавно поселилась в Милкином доме, где до этого жили Синакины. Это был красивый мальчишка с серыми внимательными глазами; над высоким лбом аккуратная чёлочка русых волос. Всегда чисто одетый. Когда с ними поровнялись, Вовка спросил Петьку:

– Ты куды?

– На кудыкину гору, – буркнул тот.

Вовка показал ему язык и они побежали к дому. Довольно медленно Петька проковылял через улицу, а дальше дорога была ровнее и они быстрее миновали старую кузницу, дом Мельниковых и остановились перед калиткой Скокшиного дома.

– Я с тобой пройду до крыльца, – сказал Ревка, открывая калитку.

На скамейке сидел пожилой мужчина. Пока они шли, на крыльцо вышла женщина, и тот вошел в дом. Женщина прошла мимо, а они сели на скамейку.

В ожидании, когда выйдет мужчина, Ревка сказал:

– А этот Юрка Башуев сообразительный пацан, почему его Валька Синакин прозвал «Макакой»?

– Да это при мне было. Валька первые дни, как переехали, часто приходил на горку. В тот раз он сидел с нами, и

разговор зашел о войне. Валька что-то сказал, а тот встрял в разговор. Вот он тогда и сказал:

– А ты «Макака», молчи!

Ребятам пацан нравится. Ревка взглянул на Петьку:

– Ты помнишь...

В это время вышел мужчина и Ревка толкнул друга в бок:

– Иди!

Тот поднялся, опираясь на палку, и пошел к крыльцу. Ревка проводил его взглядом, пока он не вошел в дом.

Мужик вышел со двора, хлопнув калиткой. Оставшись один, Ревка вновь вспомнил, о чем хотел напомнить Петьке. Этот случай, с шестилетним Юркой, всех тогда удивил. Они с Петькой сидели на лавочке у их дома. Тогда он только чуть начал хромать. Вовка с Юркой, во дворе, у забора, строили какой-то домик из щепок и палочек. Вышел Петькин отец, сел с ними на лавочку и закурил. Когда Юрка отошел от их стройки и проходил мимо, Андрей Ильич спросил:

– Юра, что там по радио передают?

Тот подошел, встал перед ним, опустил руки по швам и звонким голосом начал говорить:

– От советского информбюро. В последние сутки наши войска на многих фронтах вели успешные наступательные операции. Так войска первого Украинского фронта, под командованием маршала Конева, двадцать седьмого июля освободили города Львов и Станислав. Большую помощь войскам оказали подпольщики и польские партизаны, и... – он замолчал, моргая глазами, – дальше забыл.

– Ну, спасибо, – похвалил его Петькин отец и спросил:

– А кто командующий вторым Украинским фронтом?

– Не знаю, про него не говорили.

– Молодец, иди играй.

Когда он отошел, Андрей Ильич повернулся к ним и сказал:

– Во! У пацана память.

Скрипнула дверь и, на крыльцо вышел Петька. Ревка поднялся и пошел к нему:

– Чё, уже полечила?

– Нет, – ответил он, спускаясь с крыльца.

– Посмотрела, подтвердила, что это «Рожа», и сказала, как лечить.

– Ну и как? – проявил любопытство Ревка.

– Сказала, возьми красную тряпку, намажь мелом и замотай ногу, только больше ни чем не завязывай.

– И всё? – удивился Ревка.

– Всё.

– Попробуй, – с некоторым сомнением, посоветовал он.

– А что ещё остаётся, попробую, только где эту красную тряпку найдешь?

– Мать где нибудь найдет, – снял сомнение Ревка.

Приковыляли к дому. Пацанов во дворе не было. На крыльцо вышла тётя Надя:

– Был у неё?

– Был, – ответил Петька.

– Что сказала?

Тот всё пояснил. Она на момент задумалась, потом сказала:

– Где-то у Витьки я мел видела, – и ушла в дом.

Петька уселся на лавочку, положив рядом палку. Мать быстро вернулась. В одной руке у неё был ярко красный шелковый пионерский галстук, в другой кусочек мела. Петька с удивлением раскрыл свои голубые глаза:

– Mam, Витька же с ума сойдёт!

– Ничего, – ответила она, – я его уговорю.

Петька расстелил галстук на лавочке и, замазывая его мелом, сказал:

– Витьку в апреле кое-как в пионеры приняли с тройками. Потом развязал ногу, она была розовой и опухшей до самых пальцев. Поставив пятку на лавочку, аккуратно завернул в галстук и завязал кончики.

– Сколько надо носить? – Спросил Ревка. – Сказала, три дня не снимать. Ревка в знак понимания, качнул головой. Поговорили о щеглах, о том, что скоро надо будет заготавливать семена репья. Петька, с сожалением, сказал, что если бы не нога, можно было сходить в лес за шишками, орехи уже твердые. Ревка решил немного рассказать содержание прочитанной книги. Едва он начал, в калитке ворот поя-

вился Витька. Он запыхался, очевидно, откуда-то прибежал. Увидев Петькину ногу, замотанную галстуком, глаза его от удивления чуть не вылезли наружу:

– Ты что, паразит, мой галстук взял! Больше тряпки не нашёл? Сними сейчас же! – выкрикнул он и бросился к Петьке.

Тот остановил его, приподняв палку.

– Дурак! – заревел он, – меня же из пионеров выгонят! – продолжал он сквозь слёзы.

– Я пойду мамке скажу, она тебе даст!

В это время, услышав, очевидно, его рев, на крыльцо вышла мать. Он в слезах бросился к ней:

– Мама! Чё он, гад, наделал. Меня за это из пионеров выгонят!

Она прижала его к себе и, глядя по голове, утешала:

– Не плачь, Витя, никто не узнает. Я его выстираю, выглажу и он будет как новый.

– Ага, новый, – не соглашался он, продолжая всхлипывать.

Она ладошкой утерла его слёзы:

– Пойдём, я тебя покормлю, – и увела в дом.

Ревка побыл с ним некоторое время. Увидев Мисюрчика, который поднимался на горку, сказал:

– Пойду, скажу ему про книжку.

Попрощался и убежал.

Прошло полторы недели. За это время Ревка два раза ездил в лес за хворостом, один раз с двумя Витьками, Тимофеевым и Мисюровым, сходил за шишками: принесли по двадцать две штуки на брата. Они к этому времени прочитали книгу и, он передал её Петьке. Самое интересное, что удивило Ревку, нога у Петьки зажила за три дня, то есть он мог наступать на неё без боли, а через неделю зажила совсем.

Теперь началось самое интересное, они начали мушкетерские сражения в Васином доме. Два друга Юрки Колесова – Партоса, куда-то уехали и он иногда приходил с Толькой – Арамисом. В такие вечера те оборонялись, в какой-нибудь комнате, а их четверка нападала через окна и

двери. Чаще победа доставалась старшим, но иногда удача была на их стороне. Подражая старшим, они тоже устроили дуэли за мушкетерские имена. Из-за роста Витька сразу стал Партосом. Остальные трое решили, кто победит двоих будет Д'Артаньяном, кто одного будет Атосом, кто проиграет обоим, будет Арамисом. Ревка выиграл у Петьки, но проиграл Мисюрчику и стал Атосом. Тот выиграл и вторую дуэль и стал Д'Артаньяном, а Петька – Арамисом. Ревке было обидно, что он не смог в дуэли завоевать имя Д'Артаньяна. Сражался, не подавая вида, но решил, что обязательно этого добьётся. У себя во дворе, когда там никогда не было, отчаянно сражался со столбом, который поддерживал крышу над двором, придумывая разные приёмы и выпады. Всё же это было не то и он два раза ходил к Витьке – Партосу, чтобы по фехтовать с ним. Сражались за глухой стеной во щинной мастерской. Ревке было нелегко, руки у Витьки длиннее и ему было легче при выпаде поразить противника. Это заставило Ревку чаще отскакивать, увертываться и это развивало сноровку. В один из дней их увидел Лёнька, его брат. Он больше любил книги, чем подобные игры и, понаблюдав с минуту, хмыкнул и сказал:

– Глаза себе повытыкаете, – и ушел.

Они продолжали свои занятия. Вечер в тот день, когда договорились собраться, был солнечным. Они пришли первыми к Васькиному дому. Ожидая остальных, уселись с наружной стороны на один из подоконников. От нечего делать, взмахами шпаг старались срубить отдельные стебельки травы, росшие у окна. Ревка вспомнил, услышанное по радио и с некоторым удивлением, сказал:

– Сегодня передали чудное название города – Долина. Это где-то в западной Украине. Его вместе с другими городами освободили войска четвертого Украинского фронта. А вообще, сказали, что за последние пятнадцать дней освободили 456 населённых пунктов. Это я, специально, запомнил.

– Много, – согласился друг.

– И еще, – продолжил Ревка, – войска форсировали реку Вислу и заняли плацдарм. Дед сказал это в Польше, около города не то Санто-мир, не то Сандо-мир.

– Так, наши войска скоро и до Германии дойдут, – заключил Витька.

– Дойдут. До нового года, обязательно дойдут, – уверенно согласился он.

Пришёл Мисюрчик, поздоровался. Похвалился шпагой, у которой, заменил фанерку на изогнутую жестянку. От неё отходила узкая полоска для защиты пальцев руки. Это им понравилось. Пришел Петька и с ним Володька Перфилов тоже со шпагой. Неожиданно появился Васька, и он был со шпагой, правда, слегка кривой. Мисюрчик пошутил:

– Ей будешь из-за угла колоть.

Володьку и Ваську, как не читавших книгу «Три мушкетёра», определили в гвардейцы, чем они остались вполне довольны. Через окна все залезли внутрь дома. Ревка проявил нетерпение и предложил:

– Сражёмся, за Д'Артаньяна.

Петька возразил:

– Я не хочу. Мне Арамис нравится, я им и останусь.

А Мисюрчик согласился:

– Давай. Я всегда готов.

Прошли по брёвнам в самую большую комнату. Все посторонились, а Ревка с Мисюрчиком встали друг против друга, подняв шпаги кверху перед лицом, как делали это Юрка с Федькой. Потом встали в стойки, подняв левые руки, и дуэль началась. Они ловко отбивали шпаги друг друга, но постепенно Мисюрчик стал наступать. Ревка сделал удачный выпад, и тот отскочил назад. Поединок выровнялся, то один наступал, то другой. Оба ловко увёртывались от уколов. То и дело, слышались удары по фанерке Ревкиной рукоятки, то по жестянке рукоятки Мисюрчика. Ревка чувствовал, что на лбу начинает выступать пот, но утереться рукавом нельзя – можно пропустить укол. Мисюрчик делает резкий выпад вперед. Ревка отклоняется влево, шпага соперника скользнула по шее, ушла за спину, а он сам на-

ткнулся грудью на подставленную шпагу. Ревка радостно воскликнул:

– Ты убит!

Дуэль прекратилась. На лице Мисюрчика застыло скорбное выражение. Серые глаза сузились, но он, нехотя, согласился, так как все видели, что шпага Ревки угодила ему прямо в грудь. Вытерев лоб рукавом, он всё же сказал:

– Я тебя первый уколол в шею.

– Нет, она только скользнула у шеи, – возразил Ревка.

– Ладно, ты Д'Артаньян, – согласился он, – но мы ещё сражнёмся.

Ревка, чтобы не выказать радости по поводу удачи, поспешно предложил:

– Давайте поделимся трое на трое. Одни будут оборонять этот этаж, другие нападать. Володька присоединился к Мисюрчику и Петьке, то есть к Атосу и Арамису, а Васька оказался с Партосом и Д'Артаньяном. Атос бросил жребий: щепку, на одну сторону которой, он плюнул. Щепка упала мокрой стороной вверх, что означало: первыми обороняются Д'Артаньян, Партос и Васька – гвардеец.

На лестнице оборона шла удачно. Здесь, почти всегда, побеждали те, кто наверху. Как не заседали Атос с Арамисом, их атаки успеха не имели. Потом Атос уступил место Володке и вышел из лестничной площадки. Витька – Партос сказал:

– Ревка, он по бревну пробежит.

Ревка оставил партнеров и вышел в соседнюю комнату. В это время Мисюрчик впрыгнул через окно. Ревка ждал его у бревна. Тот двинулся по нему.

– Атос, вы рискуете упасть вниз, – предупредил его Ревка.

– Посмотрим, – ответил тот и приблизился, но едва они скрестили шпаги и несколько раз отбили их, он покачнулся и чтобы не упасть, вернулся.

В это время Партос «убил» гвардейца – Володьку. Мисюрчик вернулся на лестницу и, только вступив в схватку, «заколол» Ваську, но тут же получил укол в живот от Партоса Петька и выбыл из борьбы. Один Атос, против

Д'Артаньяна и Партоса, которые были наверху, выиграть не мог и он признал проигрыш. Поменялись местами. Теперь они оборонялись, а Ревкина тройка нападала. В борьбе на лестнице Витька – Партос сделал удачный выпад и «закол» Володьку. Ревка отозвал своих переговорить и шёпотом предложил:

– Вить, ты их здесь тормози, но сильно на рожон не лезь, а мы с ним наверх.

Тот поднялся на лестницу, а они побежали кругом, чтобы напасть через окна. Им удалось даже пробежать по бревнам, но в дверях появились оба мушкетера. Оказалось, они на лестнице ринулись вниз на Партоса и он не смог защититься. Теперь двое надвое схватки не получилось. Мисюрчик – Атос выскочил вперед и быстро разделался с Васькой, а потом вдвоем атаковали его и как он не отбивался, Арамис дотянулся шпагой до его правого бока. Таким образом, на этот день была признана ничья. Поговорили некоторое время, сидя на траве, возле дома. Вспоминали свои удачи и неудачи, ловкие приемы и выпады.

В этот вечер Ревка возвращался домой в приподнятом настроении, хотя на шею была небольшая царапина, и не было полной победы, но имя Д'Артаньяна он завоевал.

Эти мушкетерские бои продолжались до самых холодов. Иногда, сражались с Юркой и его друзьями, чаще между собой. Ходили в школу, ловили щеглов, но по вечерам сражались; даже в ненастье.

Были успехи и поражения, но надежда на победу всегда была.

НОВЫЕ ДРУЗЬЯ

В новом классе Ревку встретили нормально. Во-первых, он появился вместе с Толькой, во-вторых, он не был переростком, чтобы выделяться. К большой его и Толькиной радости, Рая не пошла осенью сдавать экзамен, и теперь оказалась вместе с ними в 5А. Толька, как и прошлый год, сел за парту с Юркой Угольниковым, а Ревка и Рая, как новички, сели вместе, чему были очень довольны. Свободной ока-

залась вторая парта крайнего ряда. Учителя были прежние. Классным руководителем стала Серафима Ивановна, учительница по математике. Это была пожилая женщина с добродушным лицом, небольшого роста. Она, никогда не повышала голос.

На первом же уроке арифметики, проходя около их парты, наклонилась к Рае и спросила:

– Почему не пришла на экзамен?

Та ответила:

– Решила повторить.

Серафима Ивановна выпрямилась, покачала головой, как-то особенно взглянула на Ревку, но ничего не сказала и отошла.

Ребята в классе Ревке понравились. Особенностью было то, что с первого сентября оценки стали ставить цифрами: отлично – 5, хорошо – 4, посредственно – 3, плохо – 2 и очень плохо – 1.

По-прежнему, как и прошлый год, дежурный по классу отдавал рапорт учителю перед началом занятий. Также, по понедельникам проводили политинформации. На первой, Серафима Ивановна больше говорила об успехе наших войск в Румынии, о взятии многих городов и в том числе столицы страны Бухареста, 31 августа. Как только Ревка услышал эту дату, почему-то вспомнил, что в этот день Петька Морошкин рассказал ребятам, как его дед Илья упал с кедра. Он сказал: «Его кто-то сдернул за шиворот, и он полетел с самой макушки. Хотел зацепиться за ветки кедра – не смог, проскользил по веткам пихты и попал в развилку рябины, та спружинила и выбросила его на землю. Потому остался живой. Сломал три ребра – сейчас в больнице». Вечером, Ревка встретил Лизу и она подтвердила, что так и случилось с отцом. Когда внимание Ревки вернулось к тому, что говорила Серафима Ивановна, то услышал, что под ударами Красной Армии Финляндия разорвала отношения с фашисткой Германией и вышла из войны. Ревка повернулся к Рае и тихо, с лёгкой тенью сожаления, сказал:

– Скоро наши в Германию войдут. Разгромят фашистов, и поедете вы назад в свою Белоруссию.

– Не знаю, – покачала она головой, – в киножурналах показывают там всё разгромлено и сожжено. Отец бы живым остался.

Ревка сочувственно покивал головой.

Занятия шли своим чередом. Он стал несколько прилежней заниматься, по сравнению с прошлым годом, и улучшились результаты – оценки. Из ребят он ближе всего сошелся с Юркой Ерёминым и Рудкой Ирбицким. Первый, тоже жил в южной части города и, иногда, шли домой вместе. Обычно через переезд, около депо, так как его дом находился на первой улице, сразу за железной дорогой. А у второго в городе были две бабушки и он жил то у одной, то у другой. Одна из них жила недалеко от школы, а вторая в южной части города, на второй улице. В этом учебном году пятые классы занимались во вторую смену и, когда было шесть уроков, Ревка шел домой с матерью. Иногда к ним присоединялся Рудка. Его на первом собрании пионерского отряда избрали председателем совета отряда и теперь у него на рукаве красовались две красные полосы, а у звеньевых по одной. На этом собрании, Ревку выбрали в редколлегию стенной газеты – художником. Кто-то увидел на промакашке, его домашней тетрадки, рисунок, и предложил избрать его. Ревка хотел, чтобы художником избрали Кольку Голицына, который сидел сзади его и, на некоторых уроках, на вырезанной бумажке рисовал коричневым карандашом рубль. Это у него здорово получалось, но, выступая, он не сказал, что тот рисует деньги.

Через некоторое время, на переменах, девчонки стали учить мальчишек танцевать фокстрот. Где они сами научились, было непонятно, но это никого не интересовало. Каждую перемену они, подхватывали желающих, и начинали с ними танцевать, напевая мелодию какой-нибудь песенки. Ревку учила танцевать Надька Ахметова шустрая, черноглазая, весёлая и очень боевая девчонка. Он убедился в этом, когда увидел однажды, как она расправилась с обидчиком, Толькой Ганеевым. Она была дежурной по классу и занималась после уроков уборкой. Он вошел и, не обращая внимания на её предупреждение, пошёл по вымытому полу.

Надька встала на его пути. Он оттолкнул её. Ударившись о парту, она схватила тряпку, и так отхлестала его по лицу и шее, что он вынужден был выбежать из класса. После этого кто-то из ребят сказал:

– Хорошо, что она братьям не сказала, а то бы ему недобровать.

Оказалось у неё два младших и три старших брата. Рая танцевала с Сашкой Саловым, самым рослым в классе. Ревке было странным, что его друг Толька почти не подходил к Рае на переменах и не танцевал с ней. Однако, почти каждый день писал ей по записке и передавал Ревке на перемене, а он ей на уроке. Она писала ответ, и он на следующей перемене вручал его Тольке. Ревке самому было странным, что ему ни разу не захотелось прочитать, что написано в этих записках.

Сначала танцевало четыре пары, на второй день уже семь пар и доходило до девяти. Танцевали: Рудка, Галья Иванова, Юрка Ерёмин, Юрка Угольников, Шура Узкова, Светка Сереброва, Таня Захарова и другие. Толька танцевал всего несколько раз со Светкой. Совсем не хотели танцевать: Коляка Голицын, Лёшка Алексеев, Толька Ганеев, Толька Трошин и некоторые другие мальчишки и девчонки.

Надька, во время танца, да и другие девчонки, напевали одну и ту же французскую песенку про моряков, где были слова: «...Идут, сутулятся, вливаясь в улицу, и клёши новые полощёт бриз...». Через несколько дней она вдруг запела на ту же мелодию: «Сара не спеша дорожку, перешла на встречу ей идет милиционер...». Шагая под такт этой песни, Ревка довольно быстро освоил этот танец и уже через несколько дней, сам водил Надьку, но под её напев. Юрка Угольников сказал, что слышал эту французскую песенку по радио, где-то в июне, как раз после открытия второго фронта союзниками, когда они высадились во Франции и потом ещё исполняли. Ревка тоже слышал иностранные песни в то время, но по-русски запомнилась, вроде, английская: «...Сижу с бутылкой пива на окне, не плачь, милашка обо мне...». Те мальчишки, которые постоянно танцевали, быстро научились. Другие махали на это рукой. Девчонки

удивлялись Трошину, говорили, что он хорошо играет на гармошке, а танцевать не хочет. Просили его научиться играть фокстрот.

Учителя терпимо, а может благосклонно, относились к этим танцам, так как на переменах прекратилась борьба и возня мальчишек возле их класса.

На одном из уроков военного дела, который проходил в классе, Ревка спросил у Раи:

– Отец с фронта пишет?

– Недавно письмо пришло, – сказала она, – пишет, что уже около месяца часть находится в Польше.

– А в каком он звании?

Она пожала плечами, потом ответила:

– Вроде, подполковник.

Военрук, Сергей Игоревич, продолжая рассказывать о родах войск и их взаимодействии, предупредительно кивнул головой в их сторону, и они замолчали. Когда он перешел к рассказыванию о видах вооружений и упомянул стрелковое оружие, тут Ревка не мог не вспомнить события двухнедельной давности.

В один из выходных, все ребята собрались, как обычно, в разрушенном доме, а Мисюрчика не было. Через несколько минут прибегает, но без шпаги. Все посмотрели на него, с некоторым удивлением, а он, с хитрым и восторженным выражением, достал из кармана куртки – поджигу. На деревяшке изогнутой, как старинный пистолет, была прикручена тонкая медная трубка. Расплющенный её конец был прибит к рукоятке. С левого бока она была пропилена и рядом находилась скобка из гвоздя, куда была вставлена спичка. Первым взял посмотреть Петька, спросил:

– Заряжена?

Тот подтвердил.

– На рукоятке, кроме гвоздей надо проволокой примотать, – сделал он замечание и добавил, – Олегу Щербине, ты же его знаешь, руку разорвало. Во время выстрела трубку от рукоятки оторвало, – пояснил он.

– У меня гвоздики с другой стороны загнуты, – как бы оправдываясь, сказал Мисюрчик.

– Может вырвать, – стоял на своём Петька и передал поджигу Ревке.

Когда все, рассматривая её, поддержали в руках, Мисюрчик со своей загадочной улыбкой, прищулив глаза, спросил:

– Стрельнуть?

– Стрельни! – сразу ответили ему.

Он достал коробок спичек, вынул одну и раскрошил головку у самого отверстия трубки. Потом вытянул руку в сторону проёма окна, приставил коробок к вставленной спичке, отвернулся и чиркнул: грянул хлесткий выстрел, все даже дёрнули головами.

– Здорово, – восхитился Васька.

Мисюрчик довольный произведенным эффектом, улыбнулся:

– Вот всё на месте, – покрутил он поджигой.

– Ну, и хорошо, – согласился Петька, – но мне Олег сказал, когда виделись, у одного пацана поджига из баббита, там уж ничего не разорвёт.

С этим все согласились и Мисюрчик тоже.

В этот день сражений не получилось. Все загорелись желанием сделать поджиги, только Петька сказал, что если отец увидит, разломает. А Ревка решил, что обязательно изготовит поджигу, такую, как говорил Петька. На следующее утро, побежал к Мисюрчику за трубкой, которую тот обещал. Она оказалась короткой и, уже возвращаясь домой, решил, что будет делать браунинг. Он всё придумал, но не было баббита. Побежал к Юрке Колесову, но у самых ворот остановился: Юрка учился в первую смену. Удрученный, повернул назад. Выйдя на тротуар, увидел Женьку Песцова, который выходил из своего двора. Тут его ожидала удача. Женька заверил достать баббит к вечеру и поинтересовался, что он ему за это даст. Он пообещал отдать ему перочинный нож, который нашёл, несколько дней назад, по дороге в школу. Тот согласился. Вечером обмен состоялся, а на следующее утро он приступил к изготовлению. Сходил, накопал глины, выволок из хлама в углу двора старую сковороду с проломанным краем. На ней размял глину пластом, необходимой толщины. Затем, приложив к ней трубку с

расплющенным и загнутым концом, аккуратно гвоздиком начертил силуэт браунинга и также осторожно стал ножом выбирать глину из силуэта. Когда это было закончено, уложил трубку на специальных проволочках, чтобы она оказалась посередине пласта глины, вставил в пропиленное отверстие трубки гвоздик, установил скобочку из проволоки, для закрепления потом спички, и потер от удовольствия руки. Теперь осталось растопить баббит и залить форму. Он знал, что печь уже растоплена: бабушка готовит обед, но опасался, не запретит ли она поставить туда банку с баббитом. Ему повезло, потому что она вышла из дома и пошла в огород. Он установил банку в печь, дождался, когда металл расплавится и, держа банку щипцами, вынес ее во двор. Помогая перочинным ножом наклонять банку, вылил баббит в форму. Кое-как дождался, когда отливка остынет, поливал ее водой, потом щупал пальцем. Наконец, достал и сразу стал обрабатывать напильником. Вытащив гвоздик и вставив спичку в скобку, понял, что затея получилась. На другой день, вечером, после школы, пошёл к Петьке. Тот дал пороха и браунинг опробовали. Выстрел получился сильный и резкий. Все похвалили его, а Мисюрчик сказал, что сделает такой же. Единственное, браунинг оказался тягловатым, и сильно оттягивал карман куртки.

Ревка сидел, подперев щеку рукой, и смотрел в сторону двери. Рая толкнула его в бок и шепнула:

— Ты что спишь?

Он встрепенулся и взглянул на учителя. Тот смотрел в его сторону и продолжал рассказывать, говоря о преимуществах автомата ППШа перед винтовкой. Ревка помнил это всё, ещё с прошлого года и ему было не интересно, а когда он вновь заговорил о воинской дисциплине, ему стало тоскливо. Услышав слова: «...даже на железнодорожном транспорте была введена воинская дисциплина...», он невольно вспомнил последнее воскресение. В школе Ревка похвастался Тольке, что сделал поджигу, как браунинг, а тот сказал, что нашел в огороде настоящий наган, только ржавый и пригласил посмотреть. Он пришел к нему в вы-

ходной, после обеда около трех. Увидев его, Толька вышел на крыльцо. Поздоровались.

– Идем, он у меня там, – махнул он рукой.

Зашли под навес и поднялись по лестнице на сеновал. Толька нагнулся к самому карнизу крыши, достал из-за стропила наган и подал ему. Это, на самом деле, был настоящий револьвер, сильно изъеденный ржавчиной. Курок и спусковой крючок, конечно, стояли намертво.

– Может в керосине отмочить? – предложил он.

– Бесполезно. Видишь, как его изъело? – возразил Толька.

А он, держа его в руках, сказал:

– Кто-то бросил, видать патроны кончились, барабан пустой, – и передал его другу: – Ты, Толь, накладки к ручке деревянные сделай, покрась его черной краской, будет настоящий пугач.

– Это можно сварганить, – согласился Толька. Интересно, как он к вам в огород попал? – задался он вопросом. – Наверно в гражданскую войну. Здесь же тогда домов не было. Колчаковцы отступали и бросили здесь, в лесу, – высказал предположение Толька.

– Точно! – с одобрением подтвердил он.

Толька засунул револьвер на прежнее место и они спустились вниз. Выйдя во двор, Толька пригласил в избу. Дома никого не было.

– Ты, что один? – удивился он.

– Один, – протянул тот, и добавил, – мама у соседки, а батя на «Губе».

– Ты, что? Правда?

– Правда, правда, – ответил Толька, приглашая его сесть рядом с ним на кровать.

Он шагнул на покатый пол и сел рядом.

– Я про «Губу» слышал. Говорят, на работу под ружьём водят.

– Два стрелка, – уточнил Толька.

– А за что попал?

– На работу опоздал на девять минут, а допустимо пять. Вот, ему и дали пять суток. У него утром желудок заболел. Мама ему соды развела, он выпил, а боль сразу не прошла.

Он посидел минуты три и пошел, но не успел вовремя, – пояснил Толька.

В комнате были две кровати, стол, два стула и шифоньер. Над кроватью, на стене, висела балалайка.

– Ты играешь? – спросил он. – Батя.

– А ты?

– Немного.

– Сыграй! – попросил он.

Тот, как бы нехотя, поднялся, снял балалайку с гвоздика и вновь сел. Подергал большим пальцем струны, вслушиваясь в звуки, и вдруг весело заиграл «Во саду ли, в огороде».

– Здорово! – восхитился он, а когда тот ударил последний раз по струнам и прижал их ладошкой, попросил, – сыграй еще.

Он исполнил «Полюшко поле», потом «Выходила на берег Катюша».

– Говорил «немного», – упрекнул он друга.

В это время, вернулась его мать. Он поздоровался. Она ответила и спросила:

– Тебя, штоль, Ревой зовут?

– Да, – ответил он, кивнув головой.

– А как полное имя?

– Ревмир.

– Хорошо, – с некоторой задумчивостью произнесла она и тут же, – Тольк, надо отцу поисть унести, я тута приговорила, – и она достала из кухонного стола сетку, в которой был сверток в газете и бутылка молока.

– Бутылку не возьму! – заявил Толька.

– Пошто?

– Я тебе говорил, бутылки нельзя.

Она, сокрушаясь, вынула бутылку, Толька взял сетку, сказал:

– Завтра на обед в депо отнесу молока.

Испытав чуждость резкого разговора, он взглянул Тольке в глаза, попрощался с его матерью и первым вышел из дома.

По дороге говорили о револьвере, о том, что Толька хочет научиться играть на гитаре, но они в магазине сильно дорогие. Вспомнили Раю, Женьку, купание на Трёшке. Прошли по виадук и повернули к воинской площадке. Старая церковь, в которой располагалась гауптвахта, была обнесена забором. Стрелок, у калитки, пропустил Тольку, а его нет. Но тот быстро вернулся и пошли назад. Расстались в конце воинской площадки. Он тогда сказал:

– Ничего себе, дисциплина! За четыре минуты – пять суток ареста!...

Тут его мысли прервались: Рая так ударила его боком, что он кубарем полетел на пол – весь класс разразился дружным смехом. Ревка поднялся, и с удивлением посмотрел на Раю.

Та, уронив голову на руки, вздрагивала от смеха. Военрук, сквозь улыбку, говорил:

– Меня как потянуло к ней, я думал, проглотит!

Все продолжали смеяться. Ревка сел на скамью и ткнул её под бок:

– Ты что?

Она, продолжая лежать на парте, посмотрела на него и, улыбаясь, сказала:

– Я задумалась и зевнула, а он как бросится ко мне, я и шарахнулась в твою сторону. Извини.

– Ладно, – улыбнулся Ревка.

До конца дня, то и дело, кто-нибудь над ним посмеивался или подшучивал. Занятия шли своим чередом. Кое-что он помнил с прошлого года, кое-что подучивал заново и был уверен, что уж на тройку обязательно ответит, а если повезёт, то и на четверку. Сложности продолжались с письменными работами. С младших классов не любил задачи по арифметике, типа: «В один бак по одной трубе наливается вода по другой выливается...» и думал: «Что его заткнуть нельзя?». По русскому языку, даже зная правила, делал ошибки. Но больше всего делал описки, писал не те буквы, которые надо. «Будь внимательнее», – говорила Наталья Федоровна, учительница по русскому и тоже самое говори-

ла мать. А он читал свою писанину и редко находил ошибки.

Дома, по утрам, выставлял клетку для ловли щеглов, делал письменные задания и навещал друзей. Чаще бывал у Витьки Тимофеева или у Витьки Мисюрова, которого все продолжали звать Мисюрчиком. По вечерам и по выходным дням к ним на горку стали приходить два брата Антоновы. С младшим Володькой Ревка учился полгода в ближней школе, а старший Витька учился вместе с Петькой. Они приняли участие в мушкетерских сражениях, правда, к этому времени уже за имена мушкетеров не сражались, просто группа на группу.

В первое воскресенье октября Ревка выпустил последнего щегла, Петька сказал, что если не хочешь держать всю зиму, надо выпустить сейчас, чтобы он улетел со всеми другими – иначе зимой замерзнет.

Он решил нынче заняться ловлей чечеток. Птичка серенькая, похожая на воробья, но меньше, зато аккуратненькая. По осени заготовил семена белоголовника, лучший корм для чечеток. Для их ловли надо было сделать бугорок из снега, воткнуть в него какие-нибудь ветки, а посередине поставить клетку с подсадкой. Главное, достать первую чечётку, но Петька обещал. Он говорил, что они здорово ловятся и лучше иметь четырёххлопку. Ревка понимал, что сделать её сейчас невозможно. Надо купить, неизвестно на какие шиши, или попросить у кого-то на время. Выручил, как всегда Петька. Дело в том, что три недели Ревка носился со своим браунингом, иногда постреливал при ребятах, но когда кончился порох, данный Петькой, он перестал носить эту тяжесть с собой. В разговоре с ним он высказал желание, попросить у кого-нибудь четырёххлопку на время, а тот сказал:

– Слушай, я одному пацану в нашем классе, рассказал про твой браунинг, он заинтересовался, а у него две клетки. Может, спросить? Сменяешь? Он подумал и согласился. На другой день, вечером, он с Петькой сходил на пятую улицу к этому пацану и обмен состоялся.

В первый же выходной побежал к Юрке Колесову. Тот еще летом, говорил, что для ловли чечёток сделает особую клетку, какой ни у кого нет. Во дворе у Юрки оказался Толька Архипов. Они сидели на широкой скамье у сарая и разговаривали. Ревка сел рядом, не вступая в разговор. Говорили о войне. Толька рассказал, что получили письмо от старшего брата, который воюет на третьем Украинском фронте. Письмо было написано в сентябре, когда их войска вышли к Румыно-Югославской границе.

— Это было в начале месяца, а сейчас они уже в Югославии освободили несколько городов и наступают в направлении Белграда, — добавил Юрка.

— Там им партизаны югославские помогают. Я по радио слышал, — вклинился Ревка.

— Слышали, — подтвердил Толька.

Он посидел некоторое время, рассказал, что брат пишет про почти летнюю погоду и о том, что объедаются фруктами.

— Не забудь, они ещё и воюют, — заметил Юрка.

Тот мотнул головой:

— Само, собой.

Потом поднялся и сказал:

— Ладно, пойду. Матери обещал кое-что сделать.

Попрощавшись, пошел. Уже поворачивая к воротам, оглянулся:

— Партос, а точно, завтра контрольная по алгебре?

— Точно, точно, — подтвердил Юрка.

— Странно, — подумал Ревка, — никого из них больше не зовут мушкетерскими именами, только его.

Но тут же вспомнил, как осенью прошлого года, в самом начале учебы, Мисюрчик пригласил его и Ваську к себе и предложил сыграть смешную сценку про Гитлера, Геринга, Геббельса и Гиммлера. Он сказал, что уже придумал только надо написать, а пока, предложил выбрать, кто кого будет изображать. Себе он определил роль Гитлера, ему достался Геббельс, вернее он сам выбрал, так как видел его карикатуры в газетах в виде обезьяны и, значит, его легко изобразить, прыгая и кривляясь. Ваське достался Гиммлер, так

как на толстяка Геринга он не тянул. Мисюрчик сказал, что на Геринга уговорит Петьку или Володьку Перфилова. Все попробовали изобразить своих героев по подсказке автора затеи. Он тоже покривлялся, изображая Геббельса. Им понравилось, как он это делал и даже посмеялись. Но беда заключалась в том, что сценку Мисюрчик не написал, а кличка «Геббельс» прилипла к нему на несколько месяцев. Сначала улыбался, потом стал обижаться, но понял, что это хуже и, не стал на это обращать внимание, кличка отпала сама собой.

Когда Толька ушел, Ревка спросил:

– Ты клетку доделал, про которую говорил?

– Доделал, – ответил он, поднялся и открыл дверь дровяника, зашел внутрь и быстро вернулся с клеткой в руках.

– Вот, смотри, двенадцатихлопка, – сказал он, поставив её на скамью.

Ревка был в полном восторге и даже не мог это выразить, только произнес:

– Ну, ты Юрка... Здорово!

Клетка была сделана в виде креста: на все четыре стороны выходило по три хлопушки, а посередине был садок с крышей из спиц в виде избушки. В крыше располагалась дверка. Юрка довольный произведенным впечатлением, сказал:

– Чечётки большими стаями летают, вот за раз можно поймать двенадцать.

– Что ты с ними будешь делать?

– Если удастся поймать первому, несколько штук можно будет продать, а потом буду ловить и выпускать по несколько штук сразу.

– Корму надо будет много.

– Я много заготовил, а садок у меня большой, ты видел.

Ревка в подтверждение кивнул головой и подумал: «Сказать ему про четырёххлопку или нет?». Но, всё же, сказал о своем обмене. Тот склонил голову набок, как бы размышляя, и сказал:

– Правильно сделал. Поджига штука такая, что можно и вред кому-нибудь нанести, а потом трудно разбираться.

От Юрки шел со смешанным чувством: с радостным ощущением увиденного и с некоторой печалью, что его старая четырёххлопка ничто по сравнению с Юркиным чудом.

Середина октября была холодной. В этот день морозец был такой, что иней на тротуарах лежал довольно толстым слоем и даже к середине дня не собирался таять. Солнце было затянуто, какой-то светлой пеленой, и не могло через неё пробиться. Ревка вышел в школу пораньше. Вчера, как он определил сегодня: сваял дурака. Это он вспомнил ещё раз, идя по виадуку. Именно здесь, над линией в соседний промышленный город, куда, по разговорам, было эвакуировано несколько военных заводов, стоял дядька, облокачась на перила. Когда Ревка с ним поровнялся, он спросил:

— Мальчик, а куда ведет эта линия?

Ревка уже хотел ответить, но вдруг сообразил: в городе каждый знает, а этот, наверно, шпион. Он с замешательством выдавил:

— Не знаю, — и побежал к спуску.

Отойдя, на некоторое расстояние от виадука, он остановился и стал смотреть, как этот дядька спускается по сходням. Когда он внизу исчез в проломе забора, огораживающего железную дорогу, Ревка побежал к забору. Он решил проследить за этим подозрительным человеком. У пролома в заборе остановился: дядька переходил пути в сторону вокзала. Когда тот поднялся на перрон, Ревка побежал вслед, не спуская с него взгляда. Добежав до перрона, увидел, как тот вошел в двери вокзала. Побежал к дверям, лавируя между людьми, которые стали выходить из дверей. С опаской зашел внутрь и огляделся: в этом помещении было не очень много народа. В основном люди входили и выходили в эти и противоположные двери, которые выходили на главный перрон. Среди этих людей его не было. Пройдя в кассовый зал, он встал в сторонку среди людей и стал осматривать очереди у касс и проходящих. Народу было не так много и его здесь не оказалось. Пошёл в зал ожидания. В проеме дверей стал внимательно осматривать людей на скамьях и стоящих около них. Тёмной куртки и серой кепки

не было видно. По репродуктору объявили о прибытии товарно-пассажирского поезда номер восемьдесят шестого. Народ зашевелился, некоторые встали и двинулись к выходу, неся свои сумки, мешки, котомки. Пропустив несколько человек, он обозвал себя «дураком» и побежал на перрон. Посадка в поезд уже началась. Он понял о своей оплошности: ведь этот дядька мог пройти сразу на этот перрон и, первым сесть в поезд, а он искал его здесь. «Но ведь билет он не покупал, – осенило его, но тут же, себе возразил, – он мог купить его раньше». Посмотрев еще некоторое время, пошел в школу. По дороге пришла мысль: «Надо было сразу с моста бежать в вокзальную милицию». Мостом, он, как и другие ребята, называл виадук. На занятия он опоздал на двадцать минут. А первый урок был арифметика и на вопрос Серафимы Ивановны:

– Почему опоздал?

Рассказал придуманную историю про старушку, которая попросила помочь донести сумку до вокзала. И добавил, что сумка была тяжелая и старушка шла медленно.

– Садись, благородный рыцарь, – сказала она, а ребята заулыбались.

Вспомнив всё это, он прибавил шаг. Проходя мимо стадиона, увидел, как впереди, по ту сторону улицы, на тротуар вышел какой-то инвалид на костылях. Перейдя улицу, Ревка шагнул на этот новый тротуар, покрытый серебристым инеем, и быстро приблизился к инвалиду. Это был солдат в шинели без погон с вещмешком за спиной, в пилотке и в одном сапоге. Он шел медленно, осторожно, так как костыли то и дело скользили по инею, и ему приходилось отклоняться то в одну, то в другую сторону, удерживая равновесие. Ревка решил сойти с тротуара и обогнать солдата, но на земле уже не было инея, а была грязь. Однако остановило его не это, а внезапная мысль: «Вот я пробежу мимо него и он сразу подумает, что также бегал мальчишкой, а теперь инвалид; вспомнит как оторвало ногу в бою или отрезали в госпитале, как расстроятся родные и как встретят, кем сможет работать...». Ревка не приближался к нему близко, шел медленно, следя за движениями сапога и костылей. Подняв

глаза на шинель и вещмешок, подумал: «Интересно, на каком фронте он воевал? Вот, по радио передали, что два Прибалтийских фронта, после тяжелых боев, тринадцатого октября освободили столицу Латвии Ригу. Может, и он где-то там был». Костыль вновь скользнул по инею. Ревка надеялся, что кто-нибудь из взрослых нагонит, тогда они обойдут его вместе, и он подумает о людях, а не о себе; или он свернёт в какой-нибудь дом. Однако, он продолжал идти и перешел на другой тротуар, вдоль улицы, куда надо было идти и ему. Ни каких ребят на улице не было, и он понял, что снова опоздал. Когда солдат в проулке школы пошел прямо и Ревка понял, что он его не увидит, бросился бежать. Сторожиha на вешалке удивленно взглянула на него:

– Опять опоздал?

Он, молча, сморщил нос.

Первым уроком была литература. Наталья Федоровна, когда он попросился в класс, взглянула на него поверх очков:

– Почему опоздал?

– Не знаю. Вышел из дома вовремя, – пожал он плечами.

– Садись. Выходи раньше, раз медленно ходишь, – посоветовала она.

Когда сел, Рая спросила:

– Сегодня-то что?

– А не знаю, – махнул он рукой, – шел, задумался...

Рая недоверчиво улыбнулась.

– Федотов, заberi тетрадку с изложением, – сказала учительница.

Ревка поднялся и пошел к кафедре. Взял тетрадь, и на ходу раскрыв её, соорудил удивлённо-радостную физиономию: там стояла жирная тройка, что для него было радостным событием. Слушая рассказ Натальи Федоровны: о русских былинах, он, обрадованный тройкой, вспомнил случай на уроке географии. У доски отвечала Галья Борзова. В дверь постучала и заглянула в класс Наталья Федоровна, попросив разрешение сделать объявление. Географичка ей разрешила. Она вошла и сказала:

– Ребята, завтра будем писать изложение на знакомую тему. Прошу вас внимательно прочитайте в хрестоматии из «Детство» Алексея Максимовича Горького рассказ «Цыганок», писать будем по нему. Она кивнула головой в благодарность учительнице географии и пошла к двери. В это время та сказала Борзовой: – Продолжай.

Галья сказала:

– Волга, она большая русская река.

Наталья Федоровна уже открыла дверь, оглянулась и сердито сказала:

– Скажи правильно!

Галья, вытаращив глаза, выпалила;

– Волга большая русская река!

Наталья Фёдоровна вышла из класса. На второй день перед написанием изложения она всему классу устроила «разнос». Минут пять ходила по классу и с возмущением стыдила всех:

– Как вы могли так коверкать русский язык! Волга она большая... Ужас! Вы уже грамотные люди! Вы уже пятый год учитесь в школе! Как вы можете после существительного, подлежащего ставить местоимение? Это же грубейшее нарушение русского языка и русской речи!

Потом успокоилась и стала читать рассказ. Ревка подумал, что, наверно, запомнит про это местоимение навсегда.

На перемене Толька сказал, что мать выкинула куда-то его наган, и пояснил:

– Я его вычистил, потёр шкуркой, хотел делать накладки на рукоятку. Она позвала меня. Я положил его на верстак, под навесом, и пошел. Послала в магазин за хлебом. Пришел, его нет. Спросил у неё, а она ответила, что не хочет быть матерью бандита и выкинула его. Куда, конечно, не сказала. Жалко, я его столько драил.

Ревка посочувствовал другу, так как сам немного жалел о своем браунинге. Об обмене которого рассказал ему раньше. Подошел Трошин и похвастал, больше обращаясь к Тольке:

– Приходи посмотреть, отец голубей купил чубато-лохмоногих – красивых! Голубь бусый, а голубка под сороку.

– Ты фокстрот-то разучил на гармошке, как тебя девчонки просили? – спросил его Ревка.

– Да я за один вечер подобрал, – ответил он и добавил, – скоро и на баяне смогу сыграть.

– Молодец, – он одобрительно ткнул его под бок.

На уроке немецкого языка Ревка чувствовал себя нормально. Плоховато, но он всё-таки читал, а другие только начинали, и Евгения Марковна оставила его в покое. Это была средних лет женщина, худенькая с болезненно-красноватым лицом в очках. Она не была вредной, а скорее въедливой: билась над их (учеников) произношением и над спряжением артиклей.

Ревка вспомнил, как на прошлом уроке она вызвала к доске читать Лёшку Алексеева. Он читал, читал, икал, икал, а она его подхваливала:

– Уже лучше, уже лучше. Садись, сегодня я тебе поставлю двойку, а то ты из единиц не вылазил.

В классе засмеялись, а она посмотрела на всех удивленным взглядом.

Плохо обстояло дело с пионервожатыми – они не приживались. Вернее, дружный отряд, дружно их выживал и, в конце концов, они отказывались.

Первой была Катя из 8б. Когда её представила классу старшая пионервожатая, а потом ушла, Колька Голицын обратился к ней:

– Катя, расскажите свою биографию.

– Зачем? – искренне удивилась она.

– Как зачем. Мы хотим о тебе всё знать, ты же будешь нашим начальником.

– Не буду я начальником. Я просто ваша вожатая.

– Значит, если мы будем баловаться, ты не пойдешь на нас жаловаться? – сказал Лешка и дал подзатыльник Ганееву.

Тот соскочил и бросился на него. Завязалась борьба. Девчонки стали возмущаться. Рудка, как председатель совета отряда, обратился:

– Хватит, ребята, кончайте.

А те выскочили в проход, между партами, и таскали друг друга за грудки. А Колька, отвалившись на спинку сидения, и не обращая внимания на то, что происходит, тянул своё:

– Биографию не хочешь рассказывать, значит, что-то не то.

Симпатичное лицо вожатой стало краснеть, принимало, всё более скорбное выражение, а голубые глаза всё чаще моргали.

– У меня самая обычная биография, – пролепетала она.

– Не знаем, – монотонно, произнёс Колька, – вот чем ты занималась до революции?

Она поняла, что над ней издеваются и выбежала из класса. Колька захохотал. В классе поднялся шум, кто возмущался, кто поддерживал Кольку. Почти также произошло и с другими кандидатурами в вожатые. Недели две побыв Сергей из 9б, но и он отказался. Однако план работы совета отряда составленный при нем Рудкой и звеньевыми, выполнялся. 29 октября провели собрание отряда по случаю двадцать шестой годовщины Ленинского комсомола с повесткой: «Комсомол – старший брат пионерии»; сходили всем классом в кино на фильм «В шесть часов вечера после войны», который всем очень понравился, выпустили стенную газету посвященную Октябрьской революции, за неделю до праздника, когда у других отрядов ещё не было. Ревка срисовал из календаря для заголовка крейсер Аврора с лучом прожектора и красным знаменем. Всем понравилось и он был очень доволен. Юрка Угольников, как редактор, написал передовицу, а несколько учеников по заданию совета отряда, написали заметки о жизни класса. Оценив активность отряда, старшая пионервожатая, Мария Евгеньева, не стала больше назначать вожатого, потому, что по проводимым мероприятиям отряд оказался лучше других. Дописывали газету у неё в пионерской комнате. Это была просторная, на три окна комната. Посередине, стоял длинный стол, накрытый зелёной скатертью. По обеим сторонам стояли стулья. В торце стола у стены стояла украшенная тумба, на которой стояла огромная черно-блестящая голова. Как сказала Мария Евгеньевна, это был бюст народного

комиссара путей сообщения и члена политбюро Лазера Моисеевича Кагановича. За ним стояли знамёна: школы и пионерской организации. На стене висели портреты Ленина и Сталина. По углам, около окон, стояли тумбочки с цветами.

Такая торжественная и красивая обстановка привлекала, и актив отряда частенько сюда заходил. Так как, без причины заходить было неудобно, то шли с разными предложениями. Из них, иногда, и возникали новые мероприятия.

6 ноября занятия сократили и провели торжественный вечер для пятых, sixth и седьмых классов, посвященный двадцать седьмой годовщине Октября. Юлия Михайловна, учительница истории, сделала небольшой доклад. Потом, несколько песен спел хор sixth классов. Рая тихо сказала Ревке, что она с Надей и Галей Борзовой уговорили Трошина сходить за гармошкой и он пообещал. Ревка pokrutil головой и увидел, что тот сидит на первом ряду, с краю. Посмотрел на Раю и мотнул головой в его сторону. Она шепнула:

– Ты же знаешь, он живёт напротив школы, сходит.

Когда начали выступать физкультурники седьмых классов, устраивая под руководством физрука, различные пирамиды, Трошин исчез. После их выступления организовали хоровод и стали петь песни под баян, на котором играл физрук. Девчонки быстро сообщили мальчишкам о предстоящих танцах. Все ушли в коридор, подальше от зала. Толька с гармошкой был уже там. Юрка Ерёмин притаился для него стул из зала и танцы начались. Ревка потанцевал с Раей и потом с Надей. На этот раз его друг Толька танцевал с Раей. Юрка Угольников только с Шурой. Танцевали все, кто обычно танцевал: Рудка, Санька Салов, Юрка Ерёмин, Таня Захарова, обе Гали и другие. Пришел даже Колька Голицын, но он не танцевал, а уселся на подоконник и подшучивал над теми, кто к нему приближался. Толька играл хорошо и не только этот фокстрот, но и какой-то другой. Звуки гармошки, очевидно, привлекли внимание Юлии Михайловны. Подойдя, она согнала Кольку с подоконника, обвела всех взглядом, улыбнулась и ушла, не сказав ни слова.

Однако, через полчаса вечер окончился и пришлось идти по домам. Домой Ревка шел с матерью и Рудкой, который решил идти к другой бабушке. По дороге он пояснил, что по выходным и праздникам дням приходит туда мать. Он с подъемом рассказал о своем увлечении радиотехникой. Похвалился, что достал журнал «Юный техник», а в нем есть схема детекторного приёмника.

– Достану пару деталей и соберу приёмник, – уверенно заявил он и его светло-карие глаза заблестели. Ревка почувствовал, что у него получится. В свою очередь, ему хотелось рассказать, что ребята с его улицы решили на праздник сделать складчину, но сзади шла мать и он не мог этого сказать. Поэтому стал рассказывать о подготовке к ловле чечёток, о клетках, но понял, что ему это не очень интересно.

Распрощались возле уже знакомой калитки, на второй улице.

Дома пахло чем-то печеным. Бабушка сказала, что на той неделе купила на «Хитром рынке» три стакана муки и отрубей и вот к празднику испекла печенье. Пахло так же, как в праздничные дни до войны. Ревка знал, что бабушка продолжала хранить пакетики с гвоздикой, корицей и ванилью. Он их видел, когда однажды шарился в посудном шкафу, выискивая что-нибудь съестное, но так и не нашел.

За ужином, разливая молоко по бокалам, и накладывая картофельное пюре на тарелки, бабушка сказала:

– Картошки нынче должно хватить до новой, если не начнёт гнить, как позапрошлый год, так что голодать не будем.

– Гнить не должна, осень была сухой тёплой, – сказала мать.

Ревка вспомнил, что копали картошку в поле в солнечный, по-летнему теплый день. И еще подумал, что наверно, по этой причине, пятые классы не привлекали к копке, очевидно, справились без них. Мать добавила:

– Войска наши уже в Пруссию вступили. Война должна скоро кончиться, станет полегче.

– Дай-то Бог, – произнесла бабушка и, подняв крышку над миской, положила каждому по три небольших, румяных кренделёчка.

– Хотя, ещё не праздник, но попробуйте. Не очень сладкие: сахара было совсем мало, – произнесла она каким-то виноватым голосом.

Ревка откусил от первого кренделька и от удовольствия даже улыбнулся. Она рассыпалась на зубах, наполняя рот сладковатым вкусом ванили и терпким запахом гвоздики. Он сразу вспомнил довоенные праздники, когда бабушка пекла и печенье и сдобу в виде больших куличей, которые она называла «бабами». Ели это потом чуть не полмесяца. Сейчас, запивая молоком, и еще не прожевав до конца, он сказал:

– Баба, очень вкусно! Она улыбнулась и подала ему ещё один кренделёк.

После ужина он решил выполнить письменные задания, чтобы не заниматься этим в праздничные дни, за что мать похвалила. В расписании прочёл, что 9 ноября нет русского языка и надо выполнить задание только по арифметике. Расположился за кухонным столом. К его удивлению и радости быстро решил задачу (ответ сошелся), а примеры никогда не вызывали трудности. Не без скрытой гордости, показал задачу матери. Та сказала, что всё правильно. Он положил задачник и тетрадь в портфель и пошёл умываться перед сном.

Забрался в постель с мыслью о том, что вот уснет и проснется уже в праздник: будет праздничный завтрак с бабушкиными крендельками. Потом вспомнил: о предстоящей встрече праздника вместе с ребятами. Идею высказал старший брат Антоновых Витька, которого все звали Антохой. Он был на пол головы выше брата Володьки, худощавый с вытянутым лицом, а брат был коренастый, с овальным, добродушным лицом. Вот темные волосы и черные глаза их роднили.

Пятого числа, когда договорились отметить праздник сообща, Витька Тимофеев сказал, что можно собраться в конторе пчелобазы, где по выходным никого не бывает. В тот

же день Мисюрчик отдал три, а он два рубля, сэкономленные на кино, Антохе, который должен купить вина. Друг Витька не складывался, сказал, что принесет медовухи и что-нибудь поест. Собраться решили в два часа. Подумав о вине, вспомнил, как до войны пробовал чесноковку. Деду доктор прописал принимать настойку водки на чесноке. Бабушка приготовила и наливала деду помаленьку перед обедом. Танька выпросила попробовать и сказала:

– Мирка, вкусно!

На следующий день, как только они услышали лязганье навесного замка на сундуке, где бабушка хранила настойку, они бросились к посудному шкафу и, схватив маленькие стеклянные рюмочки, встали у сундука. Бабушка капнула им по несколько капель и пошла к деду. Вылив в рот эти капли, он почувствовал жгучее жжение на языке и вкус чеснока. Почему-то непривычный вкус ему тоже понравился. И потом, пока шло лечение деда, услышав открывание сундука, они стояли с рюмками и ждали капель. А вот просто водки, он никогда ещё не пробовал.

Дед слушал перед сном последние известия. Ревка накрылся одеялом с головой, но голос диктора доносился: «...Совместные действия третьего Белорусского и первого Прибалтийского фронтов, вступив в Восточную Пруссию, продвинулись на сорок пять километров. Продолжается уничтожение немецкой группировки в северной Латвии и Эстонии. Идут упорные бои в Венгрии. Войска второго Украинского фронта, между реками Тисса и Дунай, вышли на подступы к столице Венгрии Будапешту. Пятьдесят седьмая армия генерала Шарохина третьего Украинского фронта форсировала Дунай и заняла плацдарм западнее Будапешта...». Это последнее, что он услышал.

Без пятнадцати два он вышел из дома. В кармане пиджака лежало десять крендельков, которые он взял, конечно, без спросу, потому, что не смог бы объяснить, зачем. Больше он не мог придумать, что принести.

Небо было затянуто тучами. За ночь прибавилось снега. Он лежал нетронутой пеленой.

Витька встретил его на крыльце конторы. Поздоровались за руку, и он пригласил войти. Через маленькие сени вошли в обычную кухню, где была печь, окно, и вешалка на стене. Витька повесил на неё его пальто и они прошли в комнату. Здесь было три окна. Два выходили на улицу и одно, в сторону пекарни. Ближе к окнам стоял большой двухтумбовый стол. На нём стоял чёрный телефон, за ним графин с водой, а по середине, на расстеленной газете, стояла большая эмалированная кружка, чашка с квашенной капустой, глубокая тарелка с варёной картошкой и два гранёных стакана.

– Это что? Медовуха? – спросил Ревка.

– Да, – подтвердил Витька.

Кружка была наполнена на три четверти. Медовуха по цвету напоминала хлебный квас. Ревка нагнулся и понюхал: пахло мёдом. На газете лежали две алюминиевые вилки и ложка. Ревка сел на стул за столом. Ещё два стула стояли у стены. Взглянув в окно, увидел ребят. Витька вышел их встречать. С поздравлениями с праздником вся компания ввалилась на кухню. Антоха, пока раздевались, взглянул в комнату:

– О, вы уже подготовились!

Когда вошли в комнату, Мисюрчик положил на стол кусок хлеба и пояснил:

– Вчера батя купил булку коммерческого.

Володька Антонов тоже положил кусок хлеба. Ревка заторопился выложить на стол свои крендельки.

– Это медовуха? – спросил Антоха и, получив подтверждение, торжественно достал из внутреннего кармана пиджака чекушку водки.

Скрутив с неё засюргученную картонную пробку и со словами:

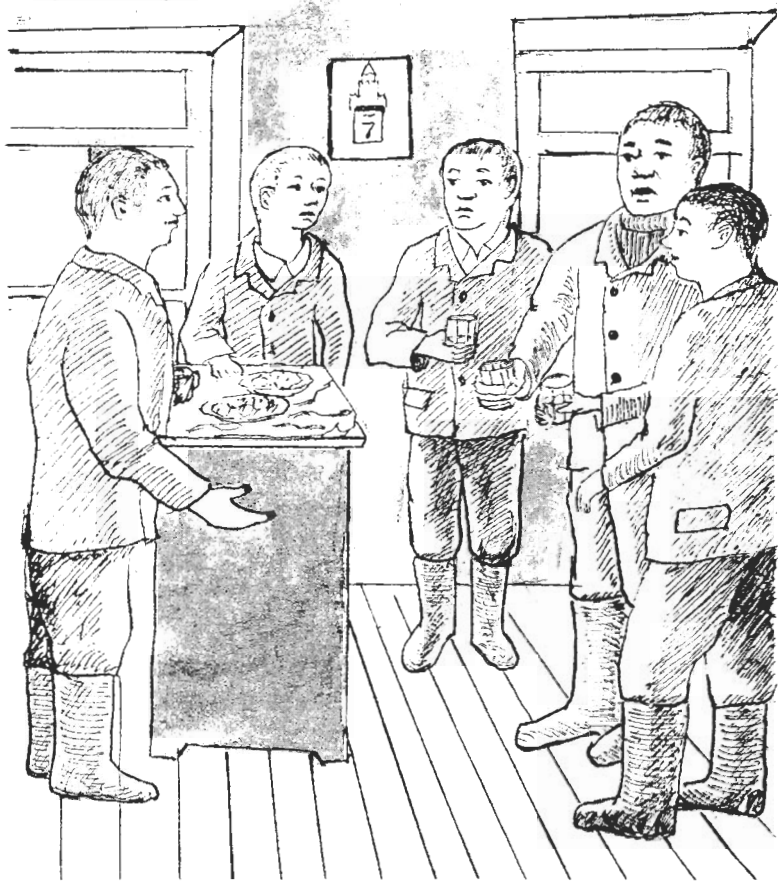
– Так будет лучше, – вылил её в медовуху.

Поставив бутылку на стол, обратился к Витьке:

– Давай, разливай на правах хозяина. Наверно, по полстакана, а там видно будет.

Тот налил в два стакана, а Антоха протянул руку и снял стакан с графина:

— А вот ещё один, наливай.
Витька налил и сказал:
— Пейте вы с Витькой, — он мотнул головой в сторону Ми-
сюрчика, а мы потом с Ревкой.

Тот в это время разламывал куски хлеба, на более мел-
кие. Они подняли стаканы, чёкнулись ими, и Антоха произ-
нёс:

– Да здравствует, Великая Октябрьская революция и Витькина медовуха!

Все улыбнулись и они выпили. Антоха промакнул рот тыльной стороной ладони сказал:

– Хорошая штука, – поставил стакан и, беря ложку, добавил, – в неё больше войдёт, а вы берите вилки.

Они начали хрустеть капустой, прикусывая хлебом. Витька налил медовухи в два стакана и протянул один Ревке. Подняв свой стакан, Витка сказал:

– За праздник и за то, чтобы война скорее закончилась!

Ревка выпил. Медовуха имела приятный сладковато-медовый вкус с некоторой горечью, очевидно, от водки. Он взял кусочек хлеба, освободившуюся вилку и отправил навильник капусты в рот. Все ощущения от медовухи сразу исчезли. В это время Мисюрчик, поддержав Виткины слова, сказал:

– Наши войска уже в Германии воюют, как поднажмут, и амба!

Володька усомнился:

– Я слышал, немцев ещё из Латвии не выбили.

– Да, точно, – вступил в разговор Антоха, не прожевав до конца, – месяца два, три и расколошматят фашистов!

Он заглянул в кружку:

– О, тут ещё порядочно. Давай ещё по треть стакана наливай.

Витька отложил вилку и, продолжая жевать, налил в три стакана. Они выпили без тостов и принялись закусывать. Остатки разлили в два стакана, Ревка с Витькой тоже выпили, и вся компания принялась за еду. Миска с капустой и тарелка с картошкой быстро опустели.

– Берите крендельки, – предложил Ревка.

Все взяли по штучке. Распробовав, Володька спросил:

– Кто напёк?

– Бабушка, – ответил он.

– Хорошая у тебя бабка, – улыбаясь, сказал Антоха и взял ещё один.

Остальные тоже заулыбались.

– Ребя! – Вдруг обратился Мисюрчик, – мне вчера пацаны из 6а сказали, что Женька Песцов на фронт удрал.

– Как удрал? – удивился Витька.

– Как удирают, написал дома записку, что едет на фронт и, исчез, – ответил Мисюрчик.

– Поймают, – сказал Антоха, – сколько уже таких ловили.

Все стали обсуждать: поймают или не поймают. Ревка наблюдая за ними, заметил, что Володька побледнел, у Мисюрчика сузились, как при смехе, глаза. Хотя он и сейчас улыбался; у Витьки покраснело лицо, а вот у Антохи лицо не изменилось, разве глаза заблестели, но они у всех были такие. В себе он не чувствовал изменений, однако, когда отошел от стола его качнуло в сторону. Заметив это, Антоха предложил:

– Кто пройдет по одной половице?

Все расступились. Он отошел к дверному проему, развернулся и быстро прошел по узкой половице светло-коричневого пола. Тоже сделал Витька. Следом пошел Ревка. Сначала заступил чуть вправо, а через два шага влево, аж через две половицы. Сзади раздался голос Антохи:

– Приставляется! – и последовал удар в правое плечо.

Ревка упал и очутился под столом, между двумя тумбами. Раздался дружный смех. Он вылез из-под стола, хотел повторить попытку, но соревнования прекратились.

– Ладно, – сказал Антоха, приглаживая рукой волосы на голове (в седьмых классах разрешали носить волосы) – пойдемте в кино.

– А у кого есть деньги? – спросил Витька.

– У меня есть, – ответил тот, хлопнув ладонью по карману пиджака.

Все согласились и стали одеваться.

Спускаясь с косогора, Ревка поскользнулся и упал. Витька подал руку, помогая подняться, и потом отряхнул от снега. До кинотеатра дошли без приключений. Антоха взял билеты на ближайший сеанс, который начинался в четыре часа. Едва вошли в зрительный зал, погас свет. В зале было совсем мало людей. Фильм оказался документальным: «Восстановление Донбасса». Ревка с унынием смотрел на

разбитые здания, упавшие заводские трубы, какие-то канавы заполненные водой... Он взглянул на Витьку, тот на него, потом повернулись к Антохе и, пошептавшись, вся компания дружно поднялась, и вышла из зала. На улице все решили идти по домам.

По пути, не доходя до старинного двухэтажного дома с резными наличниками, расстались с братьями Антоновыми. Проходя, втроём мимо этого дома, Мисюрчик сказал:

– Здесь, горком партии.

– Ты чё? Все же знают. Я тут каждый день в школу хожу, – возмутился Ревка.

– Да я так. Просто вывеску прочитал, – оправдался он и перевел разговор, – хоть бы на афише прочитали, что кинуха документальная; деньги зря потратили.

С этим они согласились. Выйдя по Пожарному переулку на свою улицу, попрощались с Мисюрчиком и пошли в гору. На подъёме Ревка почувствовал, что голова начала болеть и стало мутить. Он пошатнулся. Витька подхватил его под руку:

– Ты чего?

– Ой, Вить, мне плохо, мутит.

– Сейчас поднимемся, я водички вынесу.

Едва зашли за угол забора пекарни, Ревку начало рвать. Он упёрся руками в забор. Все внутренности в животе выворачивало, а изо рта и носа выплёскивались струи жидкой, вонючей и горькой смеси. Уже Витька прибежал со стаканом воды, а судорожные порывы рвоты продолжались. Витька подсовывал стакан с водой, а он мотал головой: изо рта, с небольшими перерывами, вытекала тонкая, необычайно горькая струйка. Наконец это прекратилось. Он выпрямился, обтёр ладошкой рот.

– На, попей, – вновь поднёс стакан Витька.

– Боюсь, вдруг снова начнется, я пополощу рот.

Он набрал воды в рот, пополоскал, повторил это несколько раз и сказал:

– Вить, у меня капуста через нос летела.

– Ладно тебе, – улыбнулся тот.

– Точно, точно. Знаешь, как в носу печёт.

Он зачерпнул ладошкой снега, обтёр им лицо, потер руки, вытер лицо рукавом и растянул губы в виноватой улыбке.

– Пойдём, у нас посидим, – предложил друг.

– Нет, пойду домой, голова, вроде, не болит.

Он засыпал ногой светло-желтую яму в снегу, и они распрощались. Идя домой, он ещё не думал, что такая встреча праздника, отобьёт желание даже думать о какой-нибудь медовухе или водке.

ВЕСНА СОРОК ПЯТОГО

Второе полугодие пятые классы учились в первую смену. Теперь Ревка не опаздывал на уроки, так как шел в школу вместе с матерью. Первое полугодие обошлось без двоек, даже по русскому языку, и третья четверть складывалась удачно. Теперь свобода наступила после уроков: можно было зайти к кому-нибудь в гости, сходить, по пути в кино, если не очень хотелось есть, и в кармане были деньги. В феврале он два раза побывал у Рудки дома, у бабки Ирбицких, как он её называл. Ревка не мог понять, почему он называет их по фамилии. Вторую бабушку называл Чухланчихой. Конечно, обращаясь к ним, он называл их бабой Машей и бабой Аней. Дом был большой и Рудка имел свою маленькую комнатку, где стояла кровать, небольшой столик у окна и два стула. В двух больших комнатах, кроме бабушки, жила жена его дяди с тремя сыновьями, старший из которых ходил во второй класс. Дядя, как и отец, был на фронте. Когда Ревка в первый раз зашел в его комнату, тот поставил портфель к стенке у стола, подошел к кровати и достал из-под неё небольшой деревянный чемоданчик. Подойдя к столу, подвинул ему стул, приглашая сесть и, с явным удовольствием, и некоторой торжественностью, открыл его. Ревка увидел кучу разных деталей: винтики, гаечки, катушечки с проводом, продолговатые детальки с проводочками на концах, изолированные проводки и ещё всякая всячина. Он стал показывать их, называя: конденсаторами, дросселями, переключателями диапазонов, а Ревка, ничего не понимая, слушал его с интересом и это радовало друга.

Он достал журнал «Юный техник», раскрыл нужную страницу и показал схему, со словами:

– Вот такой приёмник я сделаю. Во, посмотри, – он достал квадратную пластинку коричневого цвета, – на ней продаю дырочки, детали будут с одной стороны, а провода соединяющие их с другой.

Потом он говорил, что ему нужна батарейка на четыре с половиной вольт и про электрический ток. Его лицо светилось радостью, когда он доставал детальки и рассказывал о них.

Ревка слушал с удивлением и восхищением, потом спросил:

– Рудка, откуда ты это всё знаешь?

Тот тоже с некоторым удивлением, ответил:

– Из книжек. Да, вот из этого журнала, сколько интересно можно узнать.

Ревка понимающе покивал головой, и подумал: «Какой же он умный, а я тупой. Я же ничего не понимаю, что он объясняет». Во второй раз он уже показал ту пластинку с несколькими закрепленными на ней деталями и сказал:

– Осталось закрепить кристаллик, ещё один конденсатор и подключить питание.

Ревка сначала ничего не понял про питание, но постеснялся спрашивать, и только в разговоре сообразил, что речь шла об электричестве. Потом он принёс из другой комнаты наушники, которые Ревка видел только в кино, и сказал, что потом их подключит к приемнику.

– А они работают? – поинтересовался Ревка.

– Да, – ответил он и, длинные провода, тянувшиеся за наушниками, подключил в соседней комнате.

В них сразу послышался дребезжащий голос диктора. Ревка надел наушники, диктор говорил: «...после длительной осады, без каких-нибудь значительных разрушений тринадцатого февраля освобожден город Будапешт...». Рудка спросил:

– Хорошо слышно?

– Хорошо, – ответил он, – наши войска освободили Будапешт, на послушай.

Тот надел наушники, послушал и, снимая их, сказал:

– Про этот город говорили еще в ноябре, я помню, думал его давно взяли.

По-прежнему их пионерский отряд находился на хорошем счету. Раз в месяц совершали коллективный выход в кино, выходила стенная газета. Теперь чаще чем раньше, после уроков, многие заходили в пионерскую комнату. Здесь была подшивка газеты «Пионерская правда», доска с шашками. Поэтому заходил сюда не только пионерский актив, но и многие другие. Обычно, кто приходил, складывали свои портфели и шапки, которые на раздевалке не принимали, в углу комнаты.

Перед восьмым марта сюда зашла их редколлегия и Рудка. Мария Евгеньевна всегда доброжелательно встречала их появление. И на это раз сказала:

– Располагайтесь, ребята, – и продолжила писать в тетради.

Ревка разложил на столе нарисованный им заголовок газеты, и Юрка Угольников сел писать передовицу. Светка, которая переписывала заметки, сказала, что у неё пока только одна и завтра, когда принесут остальные, она их перепишет, и ушла домой. В дверях появились Санька Салов с Толькой Ганеевым и попросили разрешения поиграть в шашки. Им разрешили. Они уселись за стол и стали составлять шашки на доске, Рудка что-то записывал в дневник совета отряда, а Ревка стал листать подшивку газеты. Прозвенел звонок начала второй смены.

Мария Евгеньевна, закончив писать в своей тетради, встала из-за стола и обратилась к Рудке:

– Рудик, я пошла на урок, если пойдёте домой, закройте на ключ, он в дверях, и занесите его мне. Я буду в седьмом «Б».

Рудка ответил:

– Хорошо, – и закрыл за ней дверь.

Едва она ушла, как в дверь постучали. Рудка открыл дверь. В щели двери показалась голова Кольки Голицкого:

– Вы чо тут делаете? О, я люблю играть в шашки! Можно?

Рудка впустил его и закрыл дверь. Колька подсел, к играющим.

Через некоторое время он обыграл Тольку, а потом и Саньку. К этому времени, Юрка закончил переписывать передовицу и подошел к Кольке:

– Давай сыграем.

Толик, зная, что Юрка тоже хорошо играет в шашки, или по другой причине, он вдруг сказал:

– Чё, эти шашки! Давайте в «Кыт» сыграем!

Первым крикнул Ганеев:

– Давайте!

С некоторым колебанием согласился и Рудка. Придвинули стулья к столу, чтобы они не мешали бегать. Один стул, Колька поставил у дверей и установил на него свой портфель.

– Кто первый промахнётся, тот и голит.

Все взяли свои шапки и, стоя у стола, стали ими кидать в портфель. Трое попали, а Санька, промахнулся. Колька быстро поставил стул на место и отбежал за стол. Игра заключалась в том, что голящий должен с того места, куда упала его шапка, попасть ей в кого-нибудь из игроков, тогда тот будет голить. Но, если он промахнётся, то пока он бежит за своей шапкой все игроки бьют его своими шапками, держа их за одно ухо. Санька бросил, промахнулся и побежал к окну, где шапка упала. Все сгрудились, колотя его шапками. Проскочив между ними, он поднял шапку, а вся компания разбежалась по комнате. Он бросил шапку в Кольку, но тот увернулся, шапка улетела к противоположной стене. Кто был ближе, стали его колотить, а ему надо было обежать стол. На этот раз он побежал с другой стороны. Когда он подбежал к торцу стола, Толька, оказавшийся рядом, ударил его шапкой, а потом ради шутки, подставил ему подножку. Тот, падая, всей своей массой, врезался в тумбу, она сдвинулась с места, а огромная голова Кагановича качнулась и грохнулась на пол, рядом с Санькой. Гулкий удар и она раскололась на несколько крупных и средних кусков. Санька поднялся и, стоя рядом с белой кучей гипса, с ли-

цом почти такого же цвета, с широко раскрытыми глазами, еле выдавил из себя:

– Я не виноват. Это он мне ножку подставил.

Все стояли в оцепенении и молчали. У Ревки закрутились мысли: «Мы же подвели Марию Евгеньевну; но она ведь не виновата; Только могут исключить из школы; голова-то Какановича. Он, говорили, член политбюро, значит; с самим Сталиным работает; точно, Ганея выгонят; а если он расскажет, что играли в «Кыт», всем попадёт...».

– Что будем делать? – спросил Юрка.

Рудка, понимая, что ему придется всё рассказывать, стал вслух соображать:

– Шапки на место, об игре в «Кыт» ни слова.

Все положили шапки к своим портфелям и вновь посмотрели на Рудку. Лицо его тоже было бледным, отчего светло-карие глаза казались совсем тёмными. Он продолжил соображать:

– Отодвиньте стулья, кто, где сидел. Колька с Санькой, расставьте вновь шашки, вроде вы играли. Теперь так: вы играли, заспорили, Санька рассердился и решил уйти, когда он подошел к торцу стола, Только решил подшутить и, сделал ему подножку. Тот упал, сдвинул тумбу и бюст упал. Так пойдёт?

Все согласно закивали головами, кроме Тольки, который сообразил, что вся вина на нем. Однако, понимая, что так и было, махнул безнадежно рукой:

– Ладно.

Ревка решил его подбодрить:

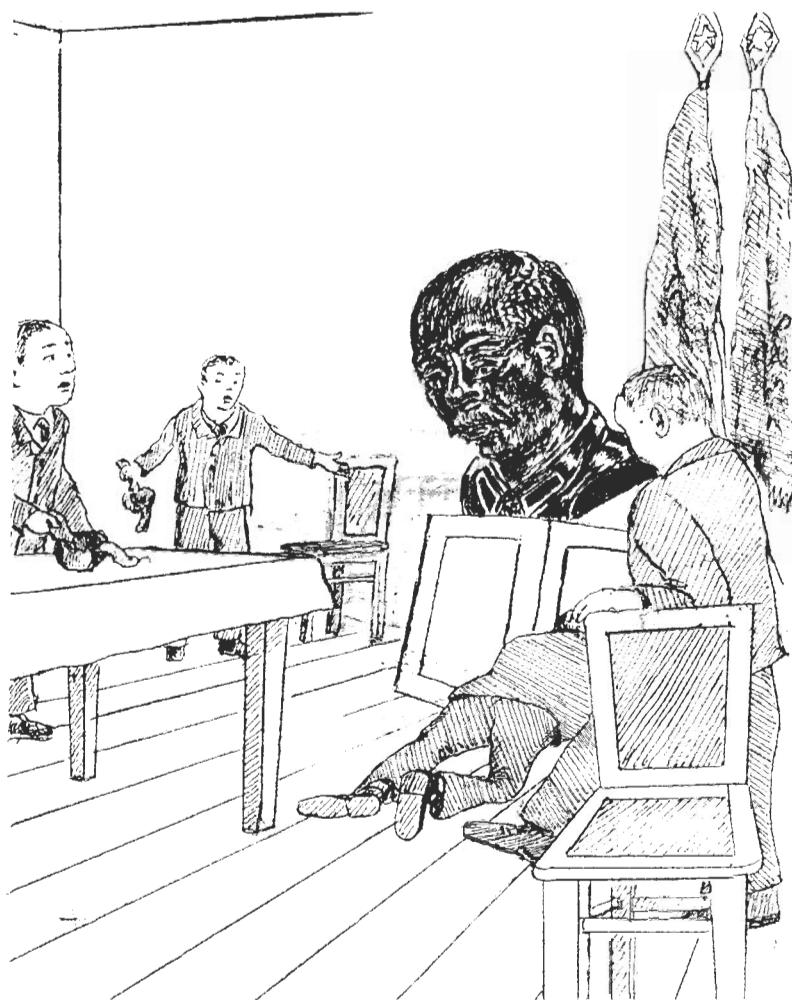
– Но, ты ведь не специально. Ты пошутил.

Рудка пошел сказать о случившемся Марии Евгеньевне. Все стояли около своих стульев, молча в тревожном ожидании. Она зашла первой, Рудка за ней. Увидев кучу гипса, остановилась в нескольких шагах от дверей и строго спросила:

– Кто это сделал?

При этом её лицо покрылось светлыми и розовыми пятнами. Салов сказал:

– Я, нечаянно.

– Как это случилось?

Рудка вышел вперед:

– Мария Евгеньевна, тут так случилось..., – и рассказал свою версию.

Она молча выслушала, потом сказала:

– Вы меня очень подвели. Никуда не расходитесь, я вынуждена пригласить директора, – и вышла из комнаты.

Ожидание стало еще тревожнее. Наконец, в комнату вошла Елизавета Сергеевна, следом Мария Евгеньевна. Директор посмотрела на кучу гипса, обвела строгим взглядом, вроде аккуратных, в красных галстуках ребят и спросила:

– Какой класс?

– Пятый «А» – ответил Рудка.

Она посмотрела на Марию Евгеньевну:

– Вы мне говорили, что это лучший пионерский отряд?

– Да, – ответила та.

– Напишите докладную, с подробным объяснением. Будем разбираться. Виновным, очевидно, придется платить, а может быть будет более строгое наказание.

После этих слов она развернулась и ушла. Как только за ней закрылась дверь, все загалдели:

– Мария Евгеньевна это ведь нечаянно получилось! Мы же не нарочно!

Она молчала, а когда все приутихло, сказала:

– Идите домой.

Все стали разбирать портфели. Юрка свернул газету и спросил:

– Может убрать осколки?

– Не надо. Идите домой.

Выйдя на улицу, Толька сказал:

– Всё из-за тебя Колян. Давайте поиграем в «Кыт»!

– Ты, Ганей, не крути. Ты пошутил и расколол башку народного комиссара путей сообщения, посадят тебя, как пить дать.

– Ладно тебе болтать! Тут и так тошно, – осадил его Рудка.

Две недели они не показывались в пионерской комнате. Потом, как-то всё утряслось, без каких либо последствий. На тумбе, перед знамёнами, стоял большой, развесистый цветок в деревянном ящике.

В середине марта потеплело и, в один из дней, Ревка услышал звонкую весеннюю песнь синицы. Придя домой, не раздеваясь, он сказал бабушке:

– Хочу чечёток выпустить.

– А не холодно ещё? – она посмотрела на него поверх очков, оторвавшись от газеты, которую читала.

– Да они ж никуда в тепло не улетают, их зимой ловят.

– Тогда выпусти. Им на свободе лучше, чем в клетке.

Она встала с табурета, уступая ему место. Он забрался на него ногами, снял садок с гвоздика, вбитого в раму окна, и, осторожно, спустился. Чечётки, порхая, заматались в садке. Выйдя на улицу, он открыл дверку садка. Птицы продолжали метаться, не замечая открытой дверки. Он поставил садок на снег, засунул руку в него, поймал одну из них, вынул и переложил её в левую руку, потом поймал другую, посмотрел вблизи на их крутящиеся головки и в раз разжал ладони: птички пискнули, взмыли вверх, сделали разворот и скрылись за крышей сарая. Подняв садок, отправился во двор.

Сейчас он подумал, что ловля чечёток ему не очень понравилась, хотя и поймал их восемь штук. Это было в середине ноября, начале декабря.

Первую чечётку для подсадки дал ему не Петька, как он ожидал, а Партос, то есть Юрка. Он без подсадной поймал сразу двух в свою клетку с двенадцатью хлопками. Оказалось, когда собирал корм для чечёток – семена белогловника, срезал целый пучок стеблей с этими семенами и потом, кроме веток вокруг клетки, установил эти стебли. Вот птицы их и разглядели. Потом, с подсадной чечёткой, ловил за раз по пять, шесть штук. Ревке не нравилось, что приходилось ловить рано утром на рассвете. Учился он в это время в первую смену и мог ловить только в выходной, когда можно было поспать подольше, а надо было вставать. Кроме того, сидеть приходилось на улице, во дворе, чтобы наблюдать самое интересное – момент ловли, а на холоде долго не высидишь. У Юрки место ловли было хорошо видно из окна дома, и он выходил, когда надо было вынимать пойманных чечёток.

Ревка сделал вывод, что щеглов ловить интересней.

В этот день, после обеда, Ревка сел за стол для необычного дела. В школе на последнем уроке к нему обратилась

Рая с просьбой, но сначала рассказала, что девчонки шестого «А», с которыми она училась прошлый год, стали заводить альбомы. Сделала такой альбом для стихов и Людка Краснова, с которой она дружит до сих пор. И та спросила её:

— Есть ли кто знакомый, который может перерисовать картинку в альбом?

Она ответила, что есть, подумав о нём. Он не знал эту Людку, но отказать Рае не мог. И она передала ему этот альбом. На самом деле, это была обычная тетрадь в линейку. На обложке была наклеена бумажка обведённая по краю зелёным карандашом и им же было написано: «Альбом Л. К.». На первой странице, вверху, имелась наклеенная картинка в виде сердечка, на которой были изображены лица девушки и парня с витиеватой подписью: «Люби меня как я тебя». Под ней, ровным, с не обычным наклоном, почерком было написано стихотворение из трёх четверостиший, которое начиналось строчкой: «Я помню чудное мгновение...». Ревка прочитал его до конца. Оно ему понравилось, но ему показалось, что он это где-то слышал. Ниже было написано: «Вова». Здесь же лежала картинка, которую надо было перерисовать на следующую страницу. На ней было изображено лицо красивой девушки с цветком в волосах. Таких красавиц он никогда не рисовал, но решительно взялся за дело. Простым карандашом, лёгкими движениями стал делать набросок.

За стеной дед увеличил громкость радио. Передавали, что немцы в Словакии предприняли контрнаступление бронетанковыми войсками. Диктор говорил: «Девятого марта противотанковая батарея Капитана Голуба сожгла два немецких танка и уничтожила восемьдесят фашистов. Через два дня, одиннадцатого марта, не смотря на ранение, он продолжал командовать и было уничтожено ещё четыре танка и около двухсот фашистов. В этом бою он был убит, и звание героя Советского союза ему было присвоено посмертно. Немцы на этом участке не смогли прорвать оборону».

Сделав набросок, он стал цветными карандашами подводить, раскрашивать изображение. Когда закончил, любовался и решил, что у него получилось даже лучше, так как, картинка, с которой рисовал, была не цветная. Но оставалось ещё одно: Рая сказала, что, может быть, найдёшь какое-нибудь стихотворение, напиши. Желательно, про любовь.

Ревка поднялся, взял томик Пушкина, с материнной книжной полки, и стал листать. Главное он искал, чтобы стишок был короткий, но это оказалось сложно: то был не про любовь, то был про неё, но какой-то запутанный с непонятными словами или именами. Попалось знакомое «Зимняя дорога» с первой строчкой: «Сквозь волнистые туманы...», но оно было длинное и не очень про любовь. Вдруг, он наткнулся на стихотворение «Птичка», оно перекликалось с сегодняшним событием. Он решил отступить от своего рисунка с мыслью: «Пусть кто-нибудь напишет о любви». Прочитав обе строфы, решил написать одну, так как и так всё понятно. Достав из портфеля ручку, аккуратно, стараясь срисовать каждую букву, чтобы не наделать ошибок, написал заглавие и ниже:

«В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны...»

Подписал А. Пушкин, и про себя решил: «Рая скажу, что это тоже про любовь, только к птицам», — и закрыл альбом. Через несколько дней Рая сказала, что той Людке рисунок очень понравился, а про стишок та ничего не сказала.

Третья четверть, по Ревкиным меркам, закончилась нормально. Он с улыбкой вспоминал последний день перед каникулами. Домой из школы он возвращался с Юркой Ереминым. Пошли обычной дорогой, через переезд возле депо. С утра был морозец и Ревка вышел в валенках, а в середине дня солнце пригрело и с крыш начало капать. Когда же они подошли к железнодорожным путям, то увидели, что чёрный от копоти снег между рельсами, растаял, и между

ними была вода. Юрка был в сапогах и, не задумываясь, ступил в воду.

Ревка в недоумении остановился и понял, что ему надо возвратиться назад и идти через виадук. Юрка, заметив, что он остановился:

– Ты что? – но взглянув на его валенки, улыбнулся: – Поплыл?

– Пойду через мост, – сказал он.

– Подожди, – улыбка исчезла, а серые глаза и всё лицо, выразило озабоченность, он протянул портфель. – Держи, я тебя перенесу.

– Ты что, здесь же далеко. Вон сколько путей, – возразил Ревка.

– Ерунда, донесу, – он подошел к нему и повернулся: – Садись.

Ревка положил руки на его плечи, скрестив два портфеля на его груди, и слегка подпрыгнул. Тот подхватил его ноги, чуть подбросил, перехватывая руки, и пошел, хлюпая водой. Сидя на нём, он думал: «Хоть бы никакой состав не двинулся, а то придётся слезть в воду». На его счастье этого не произошло и Юрка перенес его через все пути. Встав на снег на обочине дороги, Ревка сказал, подавая портфель:

– Ну, спасибо Юрка, я бы сейчас только у клуба был. – Пожалуйста, – улыбнулся он, вытирая согнутым пальцем капельки пота на носу.

– В пальто немного неудобно держать, – добавил он.

Выйдя на улицу, попрощались за руку. Продолжая путь домой, Ревка подумал: «А я бы так предложил?». Решил, что предложил бы, а вот донести без отдыха, наверно бы не смог: Юрка ведь чуть выше его.

На второй день каникул, как и договаривались, Ревка пошел к Рудке. Тот был дома, помог ему снять пальто и проводил в свою комнатку. Тут, всё было по-прежнему. Рудка, с сияющим лицом подал ему ту же пластинку, на которой были закреплены все детали, показанные ему в прошлый раз:

– Вот доделал, теперь только надо натянуть антенну.

– А где её надо натягивать? – спросил Ревка.

– Надо на улице. Там её можно сделать длиннее и она лучше будет принимать сигналы.

– А где ты хочешь её натянуть?

– Наверно у бабки Чухланчихи, там от дома до стайки нормальное расстояние, а здесь большое: ветром может провод порвать.

– Когда думаешь делать? Я приду помочь.

Он на мгновение задумался и сказал:

– Скорее всего, в мае, когда снега не будет и потеплеет. Потом он показывал моток медного провода, из которого собирается сделать антенну. Выяснилось, что у него нет двух роликов, необходимых для изготовления антенны, и Ревка сказал, что где-то видел такие: то ли дома, то ли у кого-то из ребят, и пообещал достать. Ему очень хотелось, чем-либо помочь, а вернее поучаствовать в таком новом для него деле.

Когда он уходил, Рудка спросил:

– Хочешь почитать?

И достал из ящика стола довольно толстую и потрепанную книгу.

– Интересная, – протянул он, прищурив глаза, – могу на каникулы дать.

Толщина книги несколько насторожила Ревку, но вспомнив про «Три мушкетера» и почувствовав, что на такое искреннее предложение отказываться неудобно, ответил:

– Хочу, если интересная.

– Не оторвёшься, – добавил тот, и они пошли в прихожую.

Спустившись с крыльца, Ревка взглянул на заголовок: «Джура и Текки», это ему ни о чем не поведало, и он сунул книгу за пазуху.

Апрель как-то особенно тянулся. Взрослые, да и ребята, говорили о скорой победе, а её всё не было. Пасмурная погода: то со снегом, то с мелким дождиком, тоже портила настроение. Такая же погода была и в каникулы. Ревке, пришлось помогать деду, откапывать дом от снега. Ещё в двадцатых числах марта он сбросил снег с крыши дома, и гора его лежала с северной стороны, закрывая окна. Дед попросил его раскидать эту кучу, чтобы можно было отка-

пывать стену дома. На это у него ушло полдня, а потом ещё отбрасывал снег от стены, пока не углубился почти на метр. Дальше копал дед, но Ревке, на завтра, пришлось разбрасывать новую кучу. За каникулы он только один раз побывал в кино. Ходили с Витькой Тимофеевым на фильм «Музыкальная история». Они раньше видели его, но посмотрели с удовольствием. Народу было много и взрослых и детей: всем нравилось, как поет Лемешев. Три последних пасмурных дня Ревку выручила книга. Приступая к чтению, он не ожидал, что она так ему понравится. Джурой оказался охотник, живущий в горах Памира, а Текки его собака. Ревка взахлёб читал, как охотник один вёл борьбу с басмачами и бандитами. Откладывал книгу только поесть, а когда дочитал, сам удивился, что прочёл её за три дня, даже чуть меньше.

Одиннадцатого числа на политинформации сказали, что наши войска девятого апреля заняли главный город Восточной Пруссии Кенигсберг и по всей Германии идут упорные бои, а через несколько дней Ревка сам услышал об освобождении города Вены. Потом сообщали только об упорных боях. Через неделю, перед самым началом занятий, Толька Трошин, который прибегал в школу в самый последний момент, крикнул:

– Ребя, наши войска форсировали пятнадцатого апреля какую-то немецкую реку и перешли в наступление на Берлинском направлении! Несколько мальчишек прокричали:

– Ура!

Вошла Юлия Михайловна, подняв руку, остановила рапорт Светки, дежурной по классу, предложила ей сесть и спросила:

– Ура, по поводу начала урока истории? Кто-то в шутку крикнул:

– Да!

А потом наперебой стали повторять Толькину новость. Лицо её просветлело и она, слегка задумавшись, произнесла: «Война движется к концу. Фашизм будет окончательно разгромлен».

Дома Ревка спросил об этом событии у деда, и он ответил:

– Да, передали, что войска, Первого Украинского и Первого Белорусского фронтов форсировали реку Одер и перешли в наступление в направлении Берлина, – и добавил, подняв кверху палец, – передали, что по фашистам было выпущено за одни сутки более миллиона снарядов! Ревка решил, что это надо запомнить, про миллион снарядов, чтобы рассказать ребятам.

За несколько дней до праздника «Первого мая» редколлегия и Рудка пришли в пионерскую комнату, закончить выпуск газеты. Мария Евгеньевна продолжала благосклонно относиться к их отряду, и по-прежнему давала ключ Рудке, когда сама была занята. Теперь, он не пускал посторонних, то есть не членов редколлегии. Но сегодня с ними был звеньевой Володька Кроткин. Он был почти отличник, раньше всех выполнял контрольные, отвечал на пятёрки и редко получал четвёрки. Он выполнял все поручения, но в мальчишеских забавах не участвовал, как и в танцах, прошлой осенью. Он написал большую заметку об успеваемости класса, где многих покритиковал, в том числе и Ревку, за недостаточное усердие. Юрка Угольников попросил его самого переписать заметку в газету, потому что почерк у него хороший. Ревка нарисовал заголовок дома, а сейчас ждал, когда Светка и Володька перепишут заметки, чтобы между ними и в конце нарисовать какие-нибудь узоры.

Пока Юрка дописывал передовицу, Володька завёл разговор о скорой победе на фронте и сказал:

– Я в газете «Известия» прочитал, что двадцать первого числа третья и пятая ударные армии, Первого Белорусского фронта, прорвали оборону и вышли на северо-восточную окраину Берлина. Так что, к первому мая разобьют фашистов. Ревку удивило, что он читает газеты и запомнил номера армий. Ему хотелось сказать про миллион снарядов, но он уже говорил про это раньше. Он стал вспоминать, что ещё услышанное говорил дед, но его опередил Рудка:

– А я по радио слышал, что двадцать четвёртого наши войска окружили Берлин, так что всей фашисткой верхушке не удастся удрать.

– Я про это тоже хотел сказать, – заявил Володька и добавил, – главное, что наши войска уже в городе.

Юрка положил ручку и, вставая, обратился к Володьке:

– Садись, пиши.

Когда тот сел, он показал ему откуда начинать писать, а потом повернулся к остальным и сказал:

– Сегодня утром слышал по радио, что немцы, почти все дома, превратили в доты и идут очень трудные уличные бои.

– Конечно, – поддержал его Ревка, – фашистам всё равно капец, вот они и сопротивляются.

Светка, которая сидела за столом, подперев лицо рукой, произнесла:

– Вчера вечером отец сказал, что наши окружили Берлин, а в Австрии и Чехословакии идут жестокие бои.

– Точно, – оторвался от писанины Володька, – немцы на юге Германии, возле реки Дунай, даже пытаются наступать.

– Ты пиши, – возмутилась Светка и её красивое лицо, приняло скорбное выражение, – а то я сижу и жду вас. Надо было мне заметки переписать, а потом бы вы писали.

– Я сейчас закончу, – ответил Володька, макая перо ручки в чернильницу.

Юрка, отвечая на Светкино замечание, сказал:

– В следующий раз так и сделаем.

Когда закончила писать Светка, Ревка цветными карандашами написал мелкие заголовки, нарисовал между заметками, где горн, где скрещенные флажки, где просто веточки с листиками.

На следующий день оказалось, что они вновь первые выпустили газету к празднику.

Первомайский праздник прошел в ожидании вестей с войны. Дед не выключал радио, по которому большей частью передавали песни, а в коротких последних известиях, сообщали об уличных боях в Берлине и упорном сопротивлении врага на юге Германии и в других местах. Портिला

настроение и погода: второй день моросил дождь. Обрадовало Ревку то, что накануне к празднику купили булку коммерческого хлеба, и Ревка в тот же день, после ужина, выпросил у бабушки кусок хлеба и постного масла. Она налила масло в блюдо, он слегка посолил хлеб и макая его в масло, стал откусывать маленькими кусочками. Запах и вкус настоящего хлеба, аромат подсолнечного масла смешивались во рту и создавали такой неповторимый вкус, что он, невольно, радостно улыбался от удовольствия, с благодарностью поглядывая на бабушку. А первого мая, когда обычный завтрак подходил к концу, бабушка поставила на стол круглый торт. Ревка утром, еще в постели почувствовал знакомый запах, какой-то сдобы и подумал, что бабушка вновь испекла какое-нибудь печение, а тут торт! Правда, без украшений. Бабушка, отрезая куски, разложила всем по блюдам и такой же кусок понесла деду, который всегда ел за своим столиком. Ревка попробовал торт и понял, что ничего вкуснее он никогда не ел. Приятно были удивлены и мать и Таня.

Когда бабушка вернулась и села на свой табурет, мать спросила:

– Мама, где ты достала муки?

Бабушка улыбнулась:

– Здесь нет муки. Весь торт из картошки.

– Как из картошки? – удивилась Таня, – ведь она совсем не чувствуется.

– Просто она натерта на терке и на пять раз промыта, а потом яички, сода, гвоздика и сэкономленный сахар, – пояснила она, – и добавила, – лучше, если бы здесь было сливочное масло, а не топленое сало, добавить орехов и ложку хорошего вина.

– Баба! Он и так, сплошная вкуснятина! – воскликнул Ревка. Так бабушка скрасила тревожное ожидание этого праздника.

Ни первого, ни второго ожидаемых сообщений не передали, а утром третьего мая, как только дед включил радио, диктор сказал:

– Слушайте экстренный выпуск, от советского информбюро.

И дальше было сказано, что второго мая берлинский гарнизон немецких войск капитулировал. Красное знамя над рейхстагом.

– Ура! Победа! – прокричал Ревка.

Но дед сказал:

– Это не победа, это только один гарнизон капитулировал, а бои в Германии и Чехии продолжаются, и немцы пытаются прорваться к Берлину.

– А что, Гитлера не поймали? – удивился Ревка.

– Пока не сообщали, – ответил дед.

В школе разговоры среди ребят были только об этом, да и учителя охотно говорили на эту тему. Ребят больше всего интересовало: поймут Гитлера или нет? Учителя отвечали, что как поймут, так обязательно сообщат. На большой перемене среди мальчишек разгорелся спор: какое наказание придумать Гитлеру. Предложений было много: повесить прилюдно, расстрелять на площади, четвертовать как Пугачева. Это предложил Володька Кроткин и Ревка подумал: «Он, наверно, все помнит, что прочитает».

Всех обрадовало и развеселило предложение Кольки Голицына. Он сказал:

– У нас сосед одноногий инвалид войны, орденоседец, ещё раньше говорил, что надо поймать Гитлера, накалить лом и холодным концом всадить ему в задницу. Когда мой отец спросил, почему не горячим? Тот ответил: – Чтобы союзники не выдернули!

Позже Ревка спросил Кольку, почему инвалиду не нравятся союзники. Тот ответил:

– А он говорит, если б они второй фронт открыли в сорок втором году, война бы на год раньше кончилась, и я бы остался с ногой.

С 20 мая начинались экзамены и, после праздника, учителя стали диктовать содержание билетов, по которым предстояло готовиться и сдавать. Два экзамена письменно: русский и арифметика. Четыре устно: русский язык, география, история и ботаника. Учителя разрешили писать их на

последних страницах тетрадей, на корочках или на отдельных листках. Кроме того, предстояли годовые контрольные работы. Хотя у Ревки в четвертях не было двоек, но он всё-таки побаивался этих контрольных.

Дома он засел за учебники, прежде всего за русский язык, но и проверял себя по билетам, часть которых была переписана. Он повторял правила, а за стенкой у деда радио то и дело передавало сводки с фронтов. Уже несколько дней Ревка повторял и учил, прислушиваясь к последним известиям, стараясь не пропустить какое-нибудь важное сообщение, которое можно рассказать ребятам. В этот раз он услышал, что немецкие войска группы «Центр» и «Австрия» под командованием какого-то фельдмаршала и генерала, отказываются капитулировать, не смотря на падение Берлина, и даже наносят контрудары в Австрии, Чехии и в Германии, возле города Дрездена. Это сообщение не вызвало у него особого интереса, так как об этом ещё тогда говорили Светка и Володька. А вот шестого мая он услышал новость, что пятого числа народ в Праге восстал и очистил от немцев центр города, а те решили подавить восстание и чехи по радио запросили помощи у советских войск. Командующие двух наших фронтов направили несколько армий на выручку восставших для разгрома немецких войск. В школе, где он хотел поделиться новостью, многие об этом знали.

Вечером восьмого мая, после ужина, Ревка подошел к деду и спросил, почему он не включает радио, а он ответил, что оно замолчало с час назад и, мотнув головой в сторону окна, сказал:

– Вон, какой ветер поднялся, наверно провода порвало.

Утром ветер стих, но погода была ненастная. Рваные тучи то нагоняли сумрак, то вдруг светлело. Ревка с матерью миновали стадион, как с неба посыпал мелкий дождь, больше похожий на изморось. Шагая по тротуару, Ревка услышал сзади топот ног и обернулся: их догонял улыбающийся Юрка Угольников и, не добежав, крикнул:

– Победа! Сейчас передали по радио.

Мать тоже обернулась. Юрка с раскрасневшимся от бега, сияющим лицом, остановился и сказал:

– Софья Кондратьевна, немцы подписали безоговорочную капитуляцию. Победа!

На материнских глазах навернулись слёзы, она сунула руку во внутренний карман пальто за платочком, и тихо произнесла:

– Наконец-то.

У школы толпились ученики и многие учителя, когда они подошли все бросились их поздравлять с долгожданной победой. Мальчишки здоровались и поздравляли друг друга, пожимая руки, а девочки обнимались и повизгивали. Расспрашивали тех, у кого кто-нибудь был на фронте. Рудка сказал, что три дня назад баба Маша получила письмо, в котором отец написал, что он в Москве, выписался из госпиталя и вряд ли попадет на фронт.

– Теперь, точно не попадет, – улыбнулся Толька и продолжил, – а у меня дядька вернулся перед праздником, тоже после ранения. Левую руку исковеркало.

Сзади кто-то обхватил Ревку руками, он повернул голову, сиюсь увидеть, кто это, и услышал голос Раи:

– Поздравляю вас, ребята, с победой!

– Спасибо, – почти враз, ответила вся компания.

– И тебя с победой, – за всех ответил Ревка, освобождаясь от объятий и поворачиваясь к ней. Её восторженное улыбающееся лицо, белый берет, красный галстук в отворотах пальто и, вдруг прорвавшиеся лучи солнца, озарили её и он почувствовал восторг праздника! И в это время его взгляд остановился на Галке Ивановой, которая уткнулась в грудь Светки и вздрагивала, та обняла её и прижимала к себе.

– Что это Галка? – он взглянул на Раю.

Лицо её погрузнело:

– Им вчера похоронку на отца принесли. Ревка повернулся к Тольке:

– Ты слышал?

– Я вчера вечером узнал. Соседи сказали.

Ревка вновь спросил Раю:

– Отец пишет?

– Месяц назад было письмо. Писал, что вошли в Словакию.

– Ты вроде говорила он артиллерист?

– Да, – ответила она со вздохом.

– Ну, артиллерия не пехота, – как бы подбадривая, сказал он, и заключил, – скоро напишет о победе.

На крыльцо вышел военрук и объявил, что через полчаса мы всей школой пойдём на митинг, который состоится на стадионе. Сказал, что занятий сегодня не будет, но кто хочет, может оставить портфель в своем классе. Некоторые, положили раньше, а Ревка решил взять с собой, чтобы потом не возвращаться. Так поступили многие.

Вскоре из школы вышли все остальные, вынесли знамёна, появилась директор Елизавета Сергеевна. Прямо с крыльца, поздравила всех со знаменательной победой в Великой Отечественной войне над фашистскими агрессорами и пожелала всем успехов в учебе и работе, теперь уже в мирное время. Потом военрук приказал построиться всем в колонну по четыре и, когда построились, последовала команда:

– Шагом марш!

Колонна двинулась. Впереди шла директор, потом знаменосцы, несколько учителей и дальше ученики и некоторые учителя.

Пока шли, солнце то появлялось, то исчезало, но с каждым разом светило всё дольше, а когда зашли на стадион, оно перестало исчезать. Здесь уже было много народа и много знамен. Какой-то дядька в шляпе, в тёмной куртке с красной повязкой на рукаве, показал место, где колонна должна встать и развернуться к трибуне. Она была установлена на краю футбольного поля. На ней кое-где из-под красной материи виднелись светлые доски. Следом пришло ещё несколько колонн школьников и организаций. На трибуне уже стояло много людей, но митинг не начинался. Ревка, Толька, Рудка, Юрка Угольников, Ерёмин, Колька, Рая и Надька Ахмедова стояли одной компанией, и разговор шел о том, как сейчас наладится жизнь. Говорили об отмене

карточек на хлеб, о появлении всяких товаров, как будут хорошо кормить в пионерских лагерях и о многом другом. Приглушил пыл желаний Колька Голицын, сказав:

— Отец на такие разговоры мамки, сказал, что у нас пол страны разрушено и, пока не восстановят, ни черта не изменится. На эти слова никто не возразил. В этот момент, кто-то с трибуны объявил об открытии митинга, и духовой оркестр заиграл мелодию «Гимн СССР».

Все выступающие говорили о Великой Победе, о разгроме фашизма, о героизме советского народа, но всех их было плохо слышно, так как Ревка и ребята стояли далеко от трибуны и до них долетали отдельные фразы. Кроме того их не было видно из-за старшекласников, которые стояли впереди. Кто-то, более громким голосом, говорил о вкладе работников железнодорожного транспорта в Победу над фашизмом и новых задачах по восстановлению народного хозяйства. Других было плохо слышно и ребята стали переговариваться. Ветер, разогнавший тучи, стих, солнце пригревало и все стали расстёгивать свои куртки и пальто. Такая погода, после пасмурной недели, тоже поднимала настроение. Они не услышали, как объявили окончание митинга, а поняли, когда вновь грянула музыка. Когда оркестр затих, все стали прощаться и расходиться по домам. Ревка вышел со стадиона через боковую калитку, миновал клуб и направился в сторону виадука. Рядом шли старшекласники, ребята из параллельных классов, а все его товарищи жили в другой стороне. По дороге он видел, как взрослые люди, встречаясь, поздравляли друг друга с победой. Ему показалось, что иногда это были совсем незнакомые люди. Проходя по своему переулку, увидел, как в одном дворе, наплясывала целая компания под звонкую плясовую гармошки, а в другом доме из открытого окна слышалась песня Шульженко «Давай закурим, товарищ мой...».

Ревка заторопился домой, подумав: «Вдруг бабушка и дед не знают о победе – радио-то не работает». Но, радио работало, и они всё знали. Из репродуктора гремела музыка маршей. Бабушка стояла у стола и что-то готовила к обеду. Снимая куртку, он спросил:

– Баба, когда радио заработало?
– Часов в десять, как раз последние известия передавали, – посмотрев на него, ответила она.
– А ты какая-то не радостная.
– Что ты, Мира, я очень рада, но мне и грустно, что Гена погиб и не дожил до победы.

Он понимающе покачал головой. Пришла Таня, оказалась она тоже была на митинге. Бабушка попросила её сходить в ближний магазин за коммерческим хлебом. Сестра удивилась, но бабушка сказала, что там тоже стали его продавать.

Ревка пошел к деду. Тот притянул его к себе и, улыбнувшись в усы, сказал:

– Вот Гитлеру и капут!
– Чё, поймали? – удивился он.
– Нет, Мира, пока не сообщали, но всё равно ему капут. По радио продолжала играть музыка. Вспомнив, что Таня пошла в магазин, он пошел на кухню и спросил у бабушки:

– Баб, а почему ты Тане карточки не дала? Пусть бы и по ним принесла хлеба.

– Я утром сходила и принесла.
– О, я тогда отрежу кусочек, – и направился к посудному шкафу, где всегда лежал разделённый хлеб.

– Можно и отрезать, – сказала она и выразительно посмотрела на него.

Ревка уловил её взгляд, и, молча пошел к умывальнику. Вымыв руки, достал свой кусок хлеба, отрезал ломоть, убрал оставшийся на место и сел за стол. Посолив хлеб мелкой солью, откусил и стал медленно с наслаждением жевать. Бабушка катала в ладошках фрикадельки из тёртой картошки и складывала на большую тарелку.

Взглянув на его довольную физиономию, спросила:

– Что, вкусно?
– Да, – улыбнулся он.
– Даст Бог, может скоро хлеб не будет лакомством, – сказала она и продолжила, – самое страшное пережили, теперь должно потихоньку всё налаживаться.

Доев хлеб, Ревка взял портфель с сундука под вешалкой, и пошел в комнату. Думать о занятиях ему, конечно, не хотелось, но он всё же, открыл портфель и достал листок с расписание. Посмотрел и успокоился: письменные задания до этого сделаны, остаётся прочитать по истории. Положил листок в портфель и поставил его на место, у книжной полки. Подумал: «Не сходить ли к ребятам?». Но потом решил идти после обеда, а за это время, самому послушать последние известия, может ещё что передадут. Он сел в материнское кресло и стал слушать песни, которые продолжали звучать одна, за одной. Пели: «Огонёк», «Тёмная ночь», «До скорой победы», «Марш артиллеристов».

Вернулась Таня. Ревка сходил на кухню, посмотрел какого хлеба она купила, понюхал булку и пошёл назад, с ещё более приподнятым настроением.

Начали передавать последние известия. Ревка пошел в спальню и сел на свою кровать, рядом с дедовским креслом. Диктор говорил: «Сегодня, девятого мая в ноль часов сорок три минуты, в восточной части Берлина в Карлсхорсте, был подписан акт о безоговорочной капитуляции вооруженных сил Германии...». Дальше он стал называть нерусские фамилии и Ревка погрустнел, как же он расскажет ребятам? Когда диктор стал говорить о других событиях, он перестал слушать и решил уяснить, что же он запомнил. Конечно, он запомнил, что с немецкой стороны капитуляцию подписал генерал-фельдмаршал Кейтель, его фамилию и раньше передавали по радио, да и в киножурналах говорили, а вот ещё двоих генерала и адмирала не запомнил. Трудные фамилии оказались и у союзников. Он запомнил, что от Англии подписал маршал авиации, от американцев генерал и тоже авиации, от Франции главнокомандующий войсками и от Советского Союза маршал Жуков. Ревка, недовольный собой, пошел в комнату, подумав: «Мисюрчик бы, точно запомнил». Он часто удивлялся его памяти.

Пришла мать и вскоре бабушка позвала обедать. Когда сели за стол, она сказала, разливая суп:

– Такое важное событие, а у меня обычный обед.

– Ну, что ты, мама, с чего его готовить, необычный? – возразила мать.

На второе ели тушеную капусту. Необычным было то, что у всех было по большому куску хлеба. Потом бабушка всем налила молочного киселя. Ревка не очень любил кипячёное молоко, но кисель пах ванилью и был сладковатым, так что выпил его с остатком хлеба, с удовольствием. Бабушка сказала:

– Интересно, карточки скоро отменят?

– Скоро вряд ли, – ответила мать, – но отменить должны.

В кухне вдруг потемнело. Ревка взглянул в окно: чёрная, плотная туча закрыла всё небо. В стекло окна застучали крупные капли дождя. Сверкнула молния, и раздался резкий удар грома. Бабушка сказала:

– Первый гром, должно наступить тепло.

Дождь за окном усилился. Ревка решил скоротать время за учебником истории. Мать села к столу и стала что-то писать. Добросовестно прочитав нужный параграф, он взглянул в окно и увидел, что часть улицы освещена солнцем, хотя ещё шёл дождь. Он подошел к окну. В дали переулка, как раз освещенным солнцем, шли по тротуару в обнимку мужчина и женщина, размахивая руками. Было понятно, что они поют. Подойдя к перекрёстку, они повернули в улицу. В этот момент дождь перестал, а через мгновение всё осветило яркое солнце. Дома, умытые дождём и освещенные лучами, смотрелись, как на открытке, на фоне тёмной, уходящей тучи. Ревка вернулся к сундуку, на котором до этого сидел, оглянулся на мать, сунул учебник в портфель и, тихо выйдя из комнаты, побежал на улицу, разделить радость этого дня со своими друзьями.

ЛЕТО СОРОК ПЯТОГО

Была середина июня. Ревка вез тележку с хворостом. Он уже проехал мост на четвертой улице и, хотя начался этот пологий подъем до дома, вез тележку без особых усилий. Во-первых, помнил, как прошлый год едва дотащил перегруженную тележку, во-вторых, за хворостом пришлось

ехать дальше, поэтому нагрузил его столько, чтобы не «пыхтеть», подъезжая к дому. Несмотря на то, что надо было налегать на ляжку, а пот выступил на лбу и чувствовался за ушами, настроение у него было хорошее. Главное, пять дней назад, кончились экзамены. Он был доволен результатом, невзирая на большинство троек. Считал, что его придумка, учить билеты к экзаменам на крыше сеней, помогла. Благо, погода стояла хорошая. Дома отвлекало радио. Дед, после всех посадок, чаще всего сидел в своём кресле и слушал последние известия, да и другие передачи.

После того, как передали о том, что тридцатого апреля Гитлер застрелился, а Геббельс отравил себя и всю свою семью, дед не выключал радио: ждал каких-то ещё сообщений. А на крыше никто не отвлекал.

Добавляла настроения и предстоящая встреча с Рудкой, у его бабки на второй улице. Вчера он нашел в ящике дедовских инструментов три ролика для электропроводки и два из них отнёс, как и обещал Рудке. Тот сказал, что теперь можно устанавливать антенну и договорились, что он придёт к нему сегодня к четырём часам.

У дома, объезжая киоск, увидел открытые двери и двух мужиков, которые что-то делали внутри. Слышался звон стекла. Он сразу вспомнил, как они когда-то били стёкла наверху киоска. «Интересно, что здесь собираются продавать, – подумал он, – неужели снова квас?».

Дед занялся разгрузкой хвороста, а он пошел в дом умыться. Смывая пот и позвякивая рукомойником, он услышал слова бабушки:

– Утирайся, покормлю. После такой поездки надо подкрепиться. Хотя он перед поездкой пообедал, с удовольствием сел к столу, так как сегодня был его любимый щавелевый суп.

Во время еды сказал бабушке, что, вроде, киоск начали ремонтировать. Она пояснила:

– Соседка слышала от председателя уличного комитета, будто в нём будут продавать коммерческий хлеб.

– Во, здорово, – вырвалось у Ревки.

В назначенное время Ревка открыл калитку у дома на второй улице и увидел Рудку, который стоял возле открытых дверей сеней. Дом был длинный, на пять окон, крытый избой и стоял в глубине квартала, а в улицу выходил большой огород. Ревка прошел по длинному проходу между двумя заборами, и они поздоровались за руку. В левой руке друга был моток медной проволоки с прикрепленными роликами.

– Ты уже прикрепил? – Удивился Ревка.

– Ещё вчера, а сейчас надо прикрепить к шестам, я их уже подобрал.

В это время на крыльцо вышла его бабушка. Она была в коричневом, в мелкие цветочки, платье, в фартуке и в галошах на босу ногу. Седые волосы были заплетены в две косички. Ревка поздоровался. Она ответила, с едва уловимой улыбкой, на морщинистом лице и, щурясь от солнца, спросила:

– Рудик, ты што удумал делать?

– Антенну, чтобы слушать радио.

– Так оно ж у нас говорит.

– У вас по проводам. А я сделаю, чтоб работало без проводов.

– Ишь, вы, какие прыткие. Ну, делайте, – и пошла в дом.

Рудка махнул рукой, приглашая вглубь двора. За домом между ним и стайкой был забор, возле которого стояло несколько жердей. Две стояли отдельно.

– Вот к этим приделаем антенну, а потом их прибьём к этому забору и к тому, что с той стороны стайки.

Они положили жерди на землю, Рудка достал из кармана два, свернутые мотка алюминиевой проволоки, размотал один, продел его в отверстие ролика и прикрутил его к жерди. Распустив проволоку антенны, таким же образом, прикрутил второй ролик. Потом пошел в сени и вернулся с длинным куском провода, пассатижами и молотком. Четыре больших ржавых гвоздя торчали из нагрудного кармана рубашки. Ревка забрал у него молоток и гвозди. Рудка прикрутил пассатижами провод антенны к роликам и прикрутил к ней пассатижами, принесенный кусок провода. Потом, они

поставили одну жердь к забору у дома, и Ревка остался ее держать, а Рудка понес другую к торцу стойки. Когда он поднял её, Ревка удивился: она всего чуть провисала. Прибив к забору одну жердь, направились к другой. Причем, вызвался прибивать Ревка, и это у него получилось хорошо. Когда прибивали вторую, Ревка увидел и сказал:

– Вон твоя мать идет. Он уже был знаком с ней, так как однажды переписывал здесь у Рудки билеты по истории. Едва она подошла, Ревка сказал:

– Здравствуйте, тетя Шура.

Она поздоровалась и, конечно спросила, что они делают. Рудка пояснил. Она сказала:

– Молодцы, – и пошла в дом.

Ревка и вторую жердь прибил удачно. И тут только спросил:

– А приёмник ты принёс?

– Конечно, – улыбнулся Рудка. – Сейчас я залезу на сеновал, высуну оттуда палку, а ты привяжешь к ней тот кусок провода, понял?

– Конечно, – ответил он и пошел поднимать провод.

Когда это было сделано, Рудка позвал его к себе. Он зашел под навес и поднялся по лестнице на сеновал. Здесь было довольно светло из-за слухового окна. На остатках сена было расстелено старое байковое одеяло, на котором сидел Рудка и прикреплял провод к приёмнику. Ревка сел рядом.

– Всё, антенну подсоединил, – сказал он, – теперь надо наушники.

Они лежали рядом, на одеяле и тут же была небольшая отвёртка. Рудка взял вилку наушников, хитро улыбнулся, достал из нагрудного кармашка два кусочка изолированного провода с оголенными концами, и быстро прикрутил их к штырям вилки. Потом, он развернулся, лёг на живот, положил приёмник перед собой на одеяло, и взял отвёртку.

Ревка тоже лег, продолжая наблюдать и удивляться четкости его действий. Он чуть отвернул два шурупа, зацепил за них концы проводочек у вилки и быстро прикрутил.

– Всё, Ревка, – с радостью в голосе произнёс он, и положил, – бери один наушник.

Ревка приложил его к уху, Рудка другой, и начал крутить чёрненькую рукоятку, в наушнике послышался треск. Он то усиливался, то уменьшался.

И вдруг, чёткий голос диктора:

– Говорит станция Эр Вэ семьдесят шесть из Новосибирска. Передаём сообщения с колхозных полей. В колхозе «Путь Ильича» резко повысили надои молока на одну фуражную корову, – дальше вновь раздался треск.

– Поищем другую станцию, – сказал Рудка и стал поворачивать ручку.

В наушнике слышался только треск, то сильнее, то слабее. Вдруг послышалась, едва уловимая, музыка, но тут же исчезла.

– Мощности не хватает, – пояснил Рудка, – и в наушнике опять раздался треск, а потом вновь: ...в колхозе «Имени Сталина» полным ходом идет ремонт сенокосилок и тракторов ЧТЗ, к предстоящей заготовке сена. Колхозники..., – передача прервалась.

– Это не интересно, я выключил, – сказал Рудка и добавил, – вот вечером, больше песни передают.

Ревка положил наушник, хлопнул друга по спине и с восхищением сказал:

– Ну, ты и головастый, Рудка!

Тот довольный повернулся к нему:

– Я бы и ламповый приемник мог по схеме собрать, только, где их достать. Слушай, давай здесь вместе поночуем. Я сюда подушки и одеяло притащу. Песни послушаем.

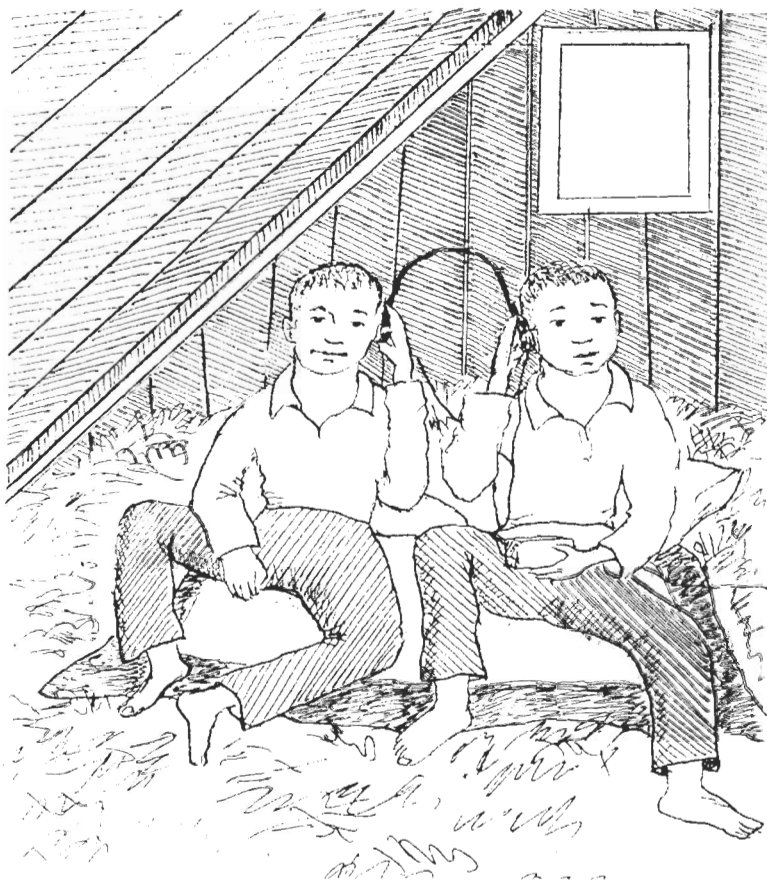
Ревка согласился, но сказал, что надо предупредить дома. При расставании, спросил:

– А во сколько прийти?

– Да, как смеркаться начнётся, приходи.

После ужина Ревка подошел к матери, рассказал про Рудкин приемник и о том, что они договорились сегодня ночевать на его сеновале. Она не возразила, только сказала:

– Мира, ты совсем перестал читать. Он согласно покивал головой и пошел предупредить бабушку об уходе.

Рудка, как и в прошлый раз, встретил его во дворе. Они сразу поднялись на сеновал.

— Ты ещё слушал? — Спросил Ревка.

— Слушал. Были последние известия и ещё передачи, — ответил он.

В этот момент Ревка увидел, возле подушек и свернутого одеяла, катушку ниток и чайную ложечку.

— А это зачем? — Удивился он.

Тот загадочно улыбнулся:

– Дядька Арсён ушел в поездку и, как стемнеет, мы мать с бабкой попугаем.

– Как? – вырвалось у Ревки.

– Это я от пацанов слышал. Мы привяжем ложечку к окну, к ней нитку. Перебросим её через ветку черёмухи и протянем её до соседского огорода, где спрячемся. Подержаем за нитку, и ложечка застучит в окно: кто-нибудь выйдет, а там никого.

– А это удобно? – выразил сомнение Ревка.

– Да это ведь шутка, – ответил он, раскладывая подушки.

Они улеглись на них, прижав наушники к ушам. Рудка положил приемник на грудь, включил его. Послышался треск.

– Конечно, он слабоват. Берёт только одну станцию в Новосибирске, – с досадой сказал он.

– Всё равно, здорово! Ты же сам его сделал, – подбодрил он друга.

В наушнике послышался голос диктора. Он говорил о восстановлении разрушенных городов, о том, что Харьковский машиностроительный завод скоро начнёт выпускать продукцию и про восстановление Минска. На сеновале потемнело, Рудка поднялся, взял катушку и ложечку, и сказал:

– Наверно, наши легли, пойдём.

Спустились вниз. Во дворе было сумрачно, на западе ещё светлел закат.

– Ещё же не темно, – усомнился Ревка.

– Ничего. За домом уже темно, – сказал главный заговорщик, отрывая кусок нитки.

Он быстро сделал петельку и привязал к ложке. Потом к ней привязал нитку и отдал ему катушку.

– Распускай её, а я пошел вешать ложку.

Ревка, держа свободно катушку в одной руке, другой оттягивал нитку. Рудка прошел в полуоткрытую калитку огорода, нагнулся, чтобы его не увидели в окнах. Нитка перестала натягиваться и, почти сразу, из калитки появился Рудка. Он забрал у него катушку и полез через невысокий забор в соседский огород, Ревка последовал за ним. Сразу у забора лежало несколько брёвен.

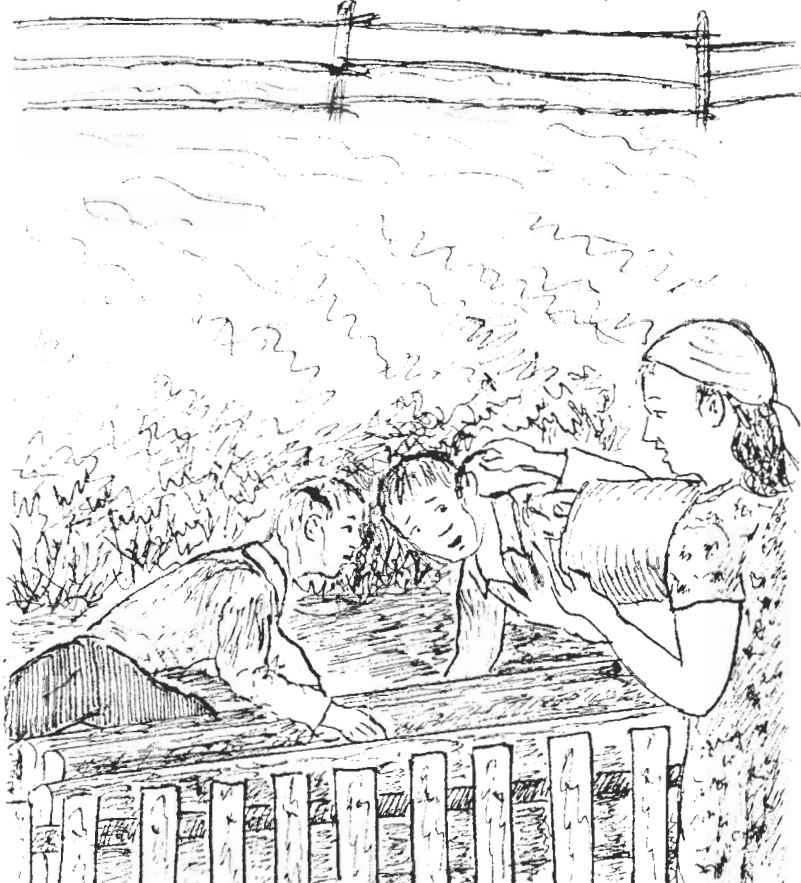
– За ними и спрячемся, – сказал Рудка, ложась, на траву межи.

Он тоже лёг вдоль брёвен, так, что их головы оказались рядом. Рудка начал дергать за нитку. Оба стали вслушиваться.

– Ты слышишь? – спросил он.

– Нет, – ответил Ревка.

– Эх, надо было большую ложку взять, – прошептал он.

Прошло минут пять, а им казалось, что они так долго лежат на этой траве. Вдруг скрипнула входная дверь, потом дверь сеной.

– Сработало, – шепнул Рудка и в этот момент, на Ревкину голову и плечо обрушился поток воды.

Он приподнялся и увидел, что Рудкина голова тоже мокрая, а на ухе висит картофельная очистка. Такую же очистку он убрал со своей шеи. В этот момент услышали голос его матери:

– Что вы тут делаете?

Поднимаясь, Рудка сбросил очистку и, пряча катушку в карман, ответил:

– Мы здесь прятались.

– От кого?

Тут Ревка удивился его смекалке. Он ответил:

– Мы ещё одного мальчишку позвали, а сами решили спрятаться, подшутить. А он что-то не идёт.

И тут они расхохотались, когда Ревка снял с головы прилипший кусок очистки. Тётя Шура тоже улыбнулась:

– Так, шутники. Сейчас вынесу мыла. Вымойте головы, в бочке с дождевой водой, в огороде, – и ушла в дом.

Рудка оторвал нитку от катушки, и они перелезли во двор. Она вынесла кусочек хозяйственного мыла, полотенце и сказала:

– Рубахи снимите, под одеялом не замерзнете, завтра постираю, – и ушла в дом.

Они сняли рубахи и пошли в огород. Рудка по пути прихватил нитку и стал её собирать в кулак. Недалеко от бочки он снял ложку с окна и сунул в карман. Здесь у бочки их снова разобрал смех: вспоминая очистки на ухе, на голове и шее. Вымыв головы и протерев полотенцем, отправились на сеновал. Здесь бросили рубахи с краю на сено, сняли сандалии и прямо в брюках, забрались под одеяло. Прижали к ушам по наушнику и Рудка включил приёмник. Сразу услышали голос Руслановой. Она пела песни, одну за одной: «Окрасился месяц багрянцем», «Поедем красotka кататься», знаменитые «Валенки» и, под «Живёт моя отрада...», они уснули.

Примерно, два дня спустя, Ревка с Витькой играли у его ворот в «Пристенок». Эта новая игра на деньги стала заменять «Чику». Игра была очень простой. Первый игрок ударял монетой о стену или плотный забор, монета отлетала и падала на землю. Второй или любой другой игрок тоже бил монетой о стену, но старался ударить так, чтобы монета упала как можно ближе к монете, что лежала уже на земле. Если она падала недалеко и, можно было, раскинув пальцы руки, дотянуться и чуть коснуться двух монет, чужая монета считалась выигранной. Потом он бил о стену монетой, а проигравший, новой монетой, старался отыгаться.

Играя с Витькой, Ревка мог рассчитывать только на более точный расчет при ударе об стену, чтобы монета легла, как можно ближе. Дело в том, что пальцы у него были короткие, по сравнению с Витькиными, и он умел их очень хорошо вытягивать. Дотягивался до монет на таком расстоянии, на которое, казалось, ему дотянуться нельзя.

Сегодня Ревка уже проиграл двадцать копеек, но надеялся отыгаться. В тот момент, когда его пятак удачно упал рядом с Витькиным, и даже не надо было вытягивать пальцы, а просто его забрать, что он и сделал, подошел Витька Мисюров. Пожимая руки, он сказал:

– Ребя, на воинской площадке, теперь каждый день, останавливается по несколько эшелонов с солдатами. Они иногда продают трофейные вещи, ну, там, фонарики, вечные ручки и другую мелочь.

– Что за вечные ручки? – спросил Ревка.

– Ну, говорят, в них чернила набирают и потом можно писать неделю, а может и месяц. И чернильница не нужна, – пояснил тот.

– Здорово! – восхитился Ревка и, взглянув на Витьку, спросил: – Пойдём?

– Пойдём, – согласился он.

Они пошли по кратчайшему пути, через Витькин огород.

К их радости, у площадки уже стоял эшелон с солдатами. Когда они подошли к нему, то поняли, что прибыл он недавно, потому, что некоторые солдаты спрашивали, где здесь магазин или как пройти к перрону. Почти у всех сол-

дат на груди сверкали медали, у кого больше, у кого меньше, а были и ордена. Все трое пошли вдоль эшелона. Витка вытянул руку, показывая верх:

– Смотрите!

Они увидели на крыше вагона несколько велосипедов, связанных верёвкой.

– Вот бы такой достать!

– С завистью произнёс Мисюрчик.

Пошли дальше. Два солдата с флягой, спросили, где можно набрать воды. Им указали на водогрейку в середине площадки.

Где-то с середины мая стали поговаривать, что придётся помогать американцам в войне с японцами, что они никак не могут их одолеть. Наверно поэтому Мисюрчик спросил усатого старшину, который стоял в открытой двери теплушки, опираясь на деревянную перекладину, и курил самокрутку:

– Товарищ, старшина, вы едете бить япошек?

Тот вынул изо рта цыгарку, слегка улыбнулся, прищурив глаза, с выгоревшими ресницами и бровями, дёрнул левым плечом и ответил:

– А нам, теперя, хош япошки, хош америкашки. Все ни по чём.

На воинской площадке, среди солдат бегало несколько мальцов, с банками в руках. По виду, из-под американской тушёнки. Видимо, полученных ранее у тех же солдат. Вдруг они побежали вперед состава. Ребята пошли дальше. В одном из вагонов они увидели загородку, за которой стояло три коровы, и солдат поил одну из них из ведра.

– Они, что на них пушки возят? – усмехнулся Ревка.

– Да, они тоже трофейные, – сказал Мисюрчик и добавил, – бате кто-то на работе сказал, что директор дома престарелых, купил у солдат такую же черно-белую, тридцать литров молока даёт.

– Не свисти, – не поверил Витка.

– А мне чё? За чё купил, за то и продал. Хочешь верь, хочешь не верь, – обиделся тот.

Где-то вдали послышалась песня. Приблизившись, услышали, как мальчишеский голос пел: «...а молодого командира несли с разбитой головой...». Песня прекратилась, а когда подошли ближе, увидели перед вагоном тех пацанов с банками. Один из солдат, пожилой в белом фартуке, черпаком из большого бачка, накладывал им в банки кашу. Они отходили, наклоняли банки и, помогая пальцами, ели. Только один, шустрый, достал из кармана штанов ложку и ел нормально. Двое солдат улыбались, глядя на пацанов, а сержант с папиросой смотрел с какой-то грустью. Они прошли дальше вдоль эшелона. Никто из солдат ничего не предлагал, и больше ничего интересного их не привлекло, поэтому они развернулись и пошли назад. Поворачивая в переулок, они услышали крики: «По вагонам!».

В этот день Ревка проснулся раньше обычного. Полежал, но спать больше не хотелось и он поднялся. Бабушка, не дожидаясь других, накормила его завтраком. Она заварила и налила ему кофе из цикория, которым недавно кто-то угостил мать, забелила его молоком и наложила в разетку сметаны. Он намазывал её на хлеб, как когда-то масло, и ел с большим удовольствием. Хотя, подумав, не мог вспомнить, когда бы ел без удовольствия. Сразу, после завтрака, бабушка попросила принести воды из соседского колодца, пока не наступила жара. Он не стал возражать. Забрав вёдра и коромысло в сенцах, вышел со двора, оставив калитку открытой, чтобы потом с полными вёдрами не останавливаться. Едва сошел с деревянного настила у калитки, в глаза бросился какой-то военный с рюкзаком, идущий по тротуару переулка. Мгновение и он исчез за углом киоска. Ревке он показался необычного роста и он решил взглянуть на него ещё раз. Бросив вёдра и коромысло на траву, побежал к углу киоска. Выбежав из-за него, он увидел, что тот свернул к дому Песцовых. «Да это ведь Женька!», – сообразил он и бросился бежать поперёк дороги. Перепрыгнув, через кювет, замахал рукой и крикнул:

– Женька!

Тот остановился. Подбегая, Ревка увидел, что шинель у него по росту, сапоги и пилотка тоже, ремень настоящий

солдатский с пряжкой со звездой, но больше всего его удивила медаль, висевшая на груди.

– Здравствуй, Женька! С победой тебя! – сказал Ревка, пожимая руку.

– Спасибо, – ответил тот, почему-то сморщив нос.

– Ну, ты молодец! Где воевал?

– Ты чё? Кто бы меня пустил воевать.

– А медаль? – Ревка посмотрел на желтоватый диск, с профильным портретом Сталина.

– Да это за победу над Германией, её всем давали, кто служил. Я хоть не служил, но на довольствии стоял.

– Да ладно, всем. Всем, да не всем, – усомнился Ревка и, хлопнув его по плечу, сказал: – Ладно. Иди, дома заждались, ты же не писал.

Тот развёл руками и пошел. Когда он подошел к воротам, Ревка крикнул:

– Приходи вечером на горку! Ребята будут. Только с медалью!

Кроме воды домой, бабушка попросила сходить раза два к канаве и пополнить бочку водой для полива. Это в планы Ревки не входило. Ему хотелось поскорей увидеть ребят, рассказать о Женьке и поговорить. Но, чтобы не обидеть бабушку и не откладывать эту работу на потом, он решил вновь сходить к колодцу. Это раза в четыре ближе, чем к канаве. Бабушка не видела, что он вылил четыре ведра холодной колодезной воды в бочку для полива.

Конечно, он не вытерпел до вечера и побывал со своей новостью у друзей. Витьку застал в огороде, за окучиванием картошки.

– Неужели с медалью? – удивился он.

Ревка подтвердил.

– Ты говоришь, позвал его? Вот, если придёт всё и спросим.

– Я думаю, придёт, – заключил Ревка.

У Петьки оказался и Мисюрчик. Они сидели на их широкой лавке, у дома, и Петька, на специальной табакорезке резал сухие листья табака для отца. Их тоже удивила но-

вость о Женьке. На то, что он вернулся с медалью, Мисюрчик, с его хитровой улыбкой, сказал:

– Женька парень шустрый, мог и спереть у кого-нибудь.

– Он сказал, её всем давали, – возразил Ревка.

– Медали не дают, а ими награждают, – возразил Петька.

– Точно, точно, – поддержал его Мисюрчик.

– Вот, вечером он придёт, сами расспросите, – сказал Ревка, обиженный недоверием, хотя их слова, и у него посеяли сомнения.

Вечером на горке собрались все, кому он сказал. Пришёл ещё Васька Носов и брат Петьки – Витька. Рядом на поляне бегали ровесники Вовки Морошкина – Юрка Башуев и Колька Новиков.

Последнее время, почему-то, перестали играть в городки, не возобновились после зимы и мушкетёрские баталии. Стали чаще бывать на воинской площадке, а вечерами просто сидели и разговаривали. Каждый старался рассказать какую-нибудь новость, где-либо услышанную. С неделю назад, Мисюрчик принёс колоду карт и стали играть в «Подкидного дурака». Вот и сейчас, сидя по краям заросшего травкой кювета и, положив по середине его кусок доски, вместо стола, они играли.

Когда Ревка подошел, Мисюрчик спросил:

– Ну и где, твой доблестный солдат?

– Чё это, он мой? – возразил Ревка, – я его позвал. Захочет, придёт, не захочет не придёт.

Он сел рядом и стал наблюдать за игрой. Петька играл в паре с Мисюрчиком, а Витька с Васькой. Ревка ещё раньше замечал, что во всех играх на сообразительность, больше всех везло Мисюрчику. На этот раз они с Петькой тоже выигрывали. Вдруг, Петька посмотрел мимо Ревки, и сказал:

– Вон идет, наш вояка.

Все повернули головы. Женька шёл в солдатской гимнастёрке и шароварах, сапогах, но без пилотки. На груди поблёскивала медаль. Ревка этому обрадовался. У него были опасения, что тот может прийти без неё.

Он подошёл и, с лёгкой улыбкой, сказал:

– Привет, ребята!

Все поднялись и, здороваясь, пожали ему руку.

Когда уселись, Петька спросил:

– Ну, Женька, расскажи, как ты там фрицев колотил?

– Кто бы меня туда пустил, – усмехнулся он, – я уже Ревке об этом говорил.

– В какой-то части ты был, – сказал Мисюрчик.

– Я сразу к артиллеристам попал.

– Хотя бы раз, дали бабахнуть из пушки, дернуть за шнур, – наседал Мисюрчик.

– У нас был гаубичный полк. Эти пушки издалека стреляют, но это ж всё равно передовая. Кто пошлёт пацана на передовую? Никто.

– Так чем ты там занимался? – удивился Петька.

– Да, ничем. Из-под пушек гонял лягушек! – отшутился тот.

Все засмеялись.

– Но, всё же, тебе что-то поручали делать, – сказал Ревка.

– Как говорят, был на должности: «куда пошлют». Первый месяц, когда в поле стояли, топил печку в блиндаже, а потом часть в город Гродно перевели, это в Белоруссии. Там в доме, на окраине города располагались. Там, тоже печку топил. Мы там до марта этого года простояли.

– Фронт ведь в это время уже далеко был, – заметил Витька Тимофеев.

– Да у нас часть была по обеспечению. К нам поступали новые пушки, снаряды, трактора, лошади и всё другое, а наш батальон переправлял всё в арtpолки нашей армии. Когда третий Белорусский фронт вошел в Восточную Пруссию, на Кенигсберг, нас переправили через реку Неман и мы остановились в городе Антербург. От туда меня и отправили в конце мая.

– Слушай, как тебе удалось до фронта добраться? Многие пацаны пытались и всех поймали и вернули, – заметил Петька.

– Ну, не всех, – улыбнулся Женька, – я вышел на станцию: стоит состав с пушками и теплушка с солдатами. Попросился доехать до Урала, мол, здесь у меня никого нет, а

там где-то живёт тётка. Ну, они меня и взяли. К Уралу подъехали, говорю:

– Соврал я, нет у меня никакой тетки. Так и проехал с ними до Белоруссии.

– А кто тебе такую форму дал? – полюбопытствовал Витька Морошкин.

– В первый месяц, как приехали, старшина роты ломал голову, куда меня девать или отправить. Потом переговорил с командиром батальона и тот разрешил меня оставить. Вот, тогда старшина пошел в ремонтную мастерскую, там одежду стирали и ремонтировали после раненых. Одна из портних и сшила форму, а сапожник сапоги смастерил.

Мисюрчик со своей улыбочкой, спросил:

– Коли ты, из-под пушек гонял лягушек, кто тебе медаль подарил?

– Медалью наградили всех, кто был в части.

– И документ дали? – наседал тот.

– Конечно, – Женька расстегнул карман гимнастёрки и достал удостоверение.

Ревка, сидевший рядом, взял его первым и, раскрыв, прочитал: «Медалью за победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 г.г. награждается Евгений Александрович Песцов. От имени Президиума ВС СССР – командир части», и стояла подпись.

– На, посмотри, – протянул он удостоверение Мисюрчику, и повернулся к Женьке: – Что ты матери пару слов не написал?

– Ты чё? – удивился он, – меня бы сразу домой отправили.

Ревке стало неловко перед самим собой, за не сообразительность, а Витька спросил:

– Как тогда тебя домой отправили?

– Хотели в Суворовское училище отправить, а я опять про тётку. Но, говорю, она не на Урале живёт, а в Новосибирске. Все посмеялись, старшина сказал, что я заврался, но билет выписали до Новосибирска, а дальше я так проехал.

Когда все посмотрели его удостоверение и он положил его в карман, Ревка спросил:

– А этот немецкий город большой?

– Не очень, но все дома каменные, а крыши черепичные, – пояснил он и предложил: – Давайте в карты сыграем.

Мисюрчик подал ему колоду карт и тот начал их тасовать, а Витька Морошкин с придыханием сказал:

– Я бы в Суворовское училище поехал.

Все взглянули на него с улыбкой.

После этой встречи и Женькиного рассказа без прикрас, ребята стали относиться к нему с уважением, наверно, каждый немного завидовал ему.

В начале двадцатых чисел июня, после двух дождливых дней, вновь установилась хорошая солнечная погода. Вечерами в такие дни, как обычно, ребята собирались на своей горке, делясь своими новостями. В тот вечер Ревка застал на привычном месте Ваську, Мисюрчика и Витьку Морошкина.

Ревка поздоровался и сел рядом. Васька рассказывал, как нынче днём по улице солдаты проминали лошадей:

– Один солдат на лошади, а у него на поводках ещё две, три лошади. Вижу, на некоторых лошадях пацаны сидят, я тоже попросился прокатиться, солдат придержал лошадей и через одну протянул мне руку и втащил на неё, потом повод отдал. Я по Школьному переулку доехал с ними до воинской площадки. Потом показал рукой: – Они оттуда на горку поднимались, а я тут сел.

Витька с обидой сказал:

– А меня не посадили.

Ревка с досадой подумал, что он в это время ездил за хворостом.

Ещё он вспомнил, как в сорок первом году, когда эшелоны шли на фронт, здесь тоже проминали лошадей. Однажды он увидел солдата на лошади, а рядом бежал маленький жеребёнок.

Ревка попросил:

– Дяденька, продай жеребёнка!

– Тащи рубль, – ответил он, продолжая ехать.

Ревка побежал к матери просить рубль. Она стала говорить, что красноармеец пошутил, он не может его продать. Чуть не со слезами на глазах, он побежал на улицу, спросить солдата ещё раз, но его уже не было. Позже и он понял, что это была шутка.

По кособоку поднялся Петька, обгоняя его, пробежал его младший брат Вовка с Юркой Башуевым. Когда Петька поприветствовал всех и сел рядом, Мисюрчик сказал:

— У нас вчера брат Савка вернулся. Он говорит, им повезло. Их часть была в Польше на переформировании и всех, кроме старших офицеров, демобилизовали.

— А он, в каком звании? — спросил Ревка.

— Лейтенант, — ответил тот.

— Я его видел, — сказал Петька, — он часов в десять вечером пришел.

— Точно, — кивнул головой Мисюрчик.

Подошел Витька Тимофеев, узнав о ком разговор, сказал, что получили письмо от отчима, в котором он пишет, что отпустят, скорее всего, через год. Все помнили, что его призывали в трудовую армию, на восстановление Донбасса.

Ревка спросил:

— А где братан Лёнька?

— До покоса отпустили к бабке в Лебедянку.

Вдруг Васька сказал:

— Вон, Валька Синакин идёт!

Все уже знали, что он окончил ЖУ, работает слесарем в паровозном депо и потому приходит редко. Он был в своей кепке восьмиклинке, с коротким козырьком, в клетчатой рубашке и серых брюках.

— Ну, здорово, шпана Почтовская! — произнёс он, улыбаясь и садясь рядом, на край кювета.

— Привет! -- в разной ответили ему.

— Как жизнь?

— Нормально, — за всех ответил Петька.

— У нас в депо говорят: «Бьёт ключом и всё по голове!».

Все заулыбались. Он достал из кармана брюк блестящий с теснением портсигар и, раскрывая его, сказал:

– Покурю с вами и пойду дальше. Надо одного друга навестить.

Все обратили внимание на его портсигар. Когда он его раскрыл, увидели, что в нём не было папирос, а лежали нарезанные бумажки и рядом махорка. Он взял одну бумажку положил её в углубление, насыпал в неё махорки и быстро закрыл: в прорези крышки лежала свёрнутая самокрутка. Он взял её, поспешил край, провел по ней пальцами и вставил в рот. Все с удивлением и восхищением проследили за его манипуляцией.

Он хотел спрятать портсигар, но Ревка не вытерпел:

– Валь, покажи.

Тот протянул, а сам достал спички и стал прикуривать. Ревка сначала рассматривал на крышке тесненный старинный замок и кто сидел рядом склонились к нему. Потом раскрыл, сясь узнать секрет скручивания, но ничего не понял, да и другие захотели посмотреть.

Валька покуривал и улыбался. Когда ему вернули портсигар он сказал:

– Немецкий. Сменял у солдата за бутылку водки.

Вовка с Юркой, тоже проявив любопытство, стояли за спинами Васьки и Мисюрчика. Валька выпустил дым, изображая полное удовольствие, взглянул на Юрку и спросил:

– Ну, как дела, Макака?

Тот обиженно опустил голову и посмотрел на него изподлобья, одним глазом.

– Ты чё, Валь? Он, парнишка, хороший. Знаешь, какая у него память. Он, что услышит по радио, чуть не слово в слово может сказать, – заступился Ревка.

– Да, я шутя. Вижу, что парень хороший, – согласился он.

Он затаился последний раз, плюнул на окуроч, бросил его, хитро улыбнулся и спросил:

– Слышал, что сегодня передавали?

Тот посмотрел более дружелюбно и кивнул головой.

– А я, не слышал. Расскажи.

Юрка помолчал, потом приподнял голову и начал говорить:

– Сначала сказали, как выполняется постановление на военных заводах Урала, о переводе их на мирные рельсы. Потом. Сообщение с театра военных действий на Тихом океане. Два японских лётчика-смертника торпедировали американский эсминец, который вскоре затонул. Большая часть экипажа спасена. Американская подводная лодка потопила японский крейсер, а авиация провела бомбардировку военных объектов на острове Окинава. Дальше говорили о сельском хозяйстве, я ушел.

Он замолчал, приподняв брови. Валька обвёл взглядом всех ребят, мотнул головой и сказал, глядя на Юрку:

– Молодец! Отныне ты brave солдат Швейк, который всегда так браво отвечал. Да, ты и похож на него.

Валька поднялся, отряхнул брюки, попрощался и, отходя, добавил:

– Надо друга навестить.

Все проводили его взглядом. Ревка взглянул на Юрку и подумал: «Он на самом деле похож на артиста Тенина, который играл в киноборниках Швейка». Посмотрев вдаль, он увидел, как Валькина голова, в кепочке, скрылась за косогором. В этот момент он почему-то вспомнил встречу с Валькой, в августе прошлого года. Он шел по второй улице домой и встретил Вальку. Поговорили, и он уговорил его пойти с ним на обед в училищную столовую. Он сказал, что сейчас их группа на практике и на обед многие не приходят, так что можно запросто поесть. Есть практически хотелось всегда и, если бы соврал, что не хочет, тот бы не поверил. Так что, отправился с ним.

Столовая располагалась в большом деревянном здании, бывшего универмага, покрашенном светлой охрой. Уже на крыльце из дверей пахнуло не совсем приятным запахом варёной черемши или, как называли в городе, колбы. В двух соединённых залах, стояли длинные столы и скамейки. В первом было больше народа, то есть мальчишек в серовато-синей форме, которые уже сидели за столами и ели. В воздухе витал постоянный гул от разговоров и выкриков. Во втором зале ребят было поменьше. Некоторые были в форме, а другие в своей одежде, как Валька. На столе стоя-

ли глиняные миски и лежали деревянные ложки. Один парень черпаком из бочка наливал в чашки, которые ему подавали ребята, что-то жидкое. Валька встав у стола, спросил его:

– Щи из колбы будешь? Правда, здесь колбинка за колбинкой гоняется с дубинкой.

Ревка, который едва переносил густой непривычный запах, отказался.

– Тогда подожди, на второе будет каша, – сказал он, и сел есть.

Ревка, наверно, поел бы любую кашу, но стоять у стола и дожидаться, когда они съедят щи и пока принесут кашу, ему стало неудобно. Он сказал Вальке, что подождёт его на улице и вышел из столовой.

Разговор о немецком портсигаре перешел на другие случаи, связанные с куплей или обменом у солдат, каких-нибудь вещей. Больше всех удивил случай, рассказанный Мисюрчиком, когда мужик за три бутылки водки выменял для своей дочери дамский велосипед. Случаи были разные и все им верили. А по этому случаю, Петька заметил:

– Дурак, солдат. Если бы продал его, мог на эти деньги больше двух ящиков водки купить.

– Конечно, – поддержал его Васька.

Мисюрчик тоже согласился, но уточнил:

– Если б в городе, то продал бы, а у эшелона кто купит? И потом, трофейный.

С этим тоже все согласились.

На горку поднималась, идя с работы, Юркина мать. Это была красивая, черноволосая женщина, с всегда ярко накрашенными губами. Сегодня на ней было тёмно красное со светлой отделкой платье и туфли на высоких каблуках. В руке она несла довольно большую сумку. Все знали, что она работает экспедитором в ОРСе, откуда снабжаются все магазины. Это была завидная должность.

Витька Морошкин съязвил:

– Вот, Юрка, твоя мать идёт, жратву тащит.

Юрка сморщил нос, но ничего не сказал.

Проходя мимо, она позвала его ужинать, и он пошел за ней.

– Они еще по офицерскому аттестату получали, – добавил Мисурчик.

– А вы получали на Савелия? – спросил Ревка.

– Да, он младшего лейтенанта получил за три месяца до конца войны.

– А вы знаете? – с хитрой улыбкой произнёс Витька Моршкин, – Юрка на воинской площадке, за кашу, поёт солдатам матершинные песни про Гитлера!

– Ты чё? – удивился Витька.

– Точно, точно. Я тоже видел, – сказал Васька.

В это лето, как только пошли эшелоны с солдатами, у всех ребят пропало желание играть в какие-либо игры. В мае ещё несколько раз сыграли в городки, а в лапту не играли с прошлого лета. Это, очевидно, из-за того, что ребят стало меньше: переехали Синакины, Юрка Колесов перестал ходить на горку, раньше переехал Витька Торошенко.

День 25 июня, Ревка посчитал для себя удачным. В середине дня они с Витькой сидели под топодем, возле конторы пчелобазы. В разговоре они вспоминали о вчерашней передаче по радио парада победы на Красной площади в Москве. Они оба уже знали, что командовал парадом маршал Рокоссовский, а принимал парад маршал Жуков. Ревка поторопился сообщить, что он был на белом коне.

– Да, знаю, – заявил Витька и в свою очередь, уточнил, – и шел дождь.

– Да, – подтвердил Ревка, – и мокрые немецкие знамёна бросали к мавзолею!

– На котором стоял Сталин, – сказал Витька.

– И всё правительство, – добавил Ревка.

Вдруг Витька вытянул руку:

– Смотри!

Вдали из дальнего переуллка на улицу, в их сторону, выворачивала кавалькада коней. Когда она начала спускаться с противоположной горки, они увидели, что также, как рассказывали ребята, один солдат, сидя на средней лошади,

вел на поводу, по бокам, ещё двух. При приближении стало понятно, что лошади огромного размера.

– Битюги, что ли? – сказал Витька.

– Наверно, – согласился с ним Ревка.

Они поднялись и пошли ближе к дороге. Лошади были в основном рыжей и желто-песочной масти. Только две были серые в яблоках и одна пёстрая. На первой тройке ехал пожилой старшина. На второй молодой ефрейтор похожий на казаха. Прошли мимо ещё несколько троек. Наблюдая за ними, Ревка подумал: «У них копыта с человеческую голову».

На одной из троек ехал молодой солдат, ростом под стать лошадям. Он добродушно улыбнулся ребятам и это, наверно, послужило тому, что Витька попросил:

– Дяденька, прокати!

Солдат придержал лошадей и сказал:

– Ну, давайте, орлы!

Он нагнулся, протягивая руку через лошадь с левого бока, и сказал:

– Подсади друга, – он имел в виду Ревку.

Витька подхватил его, и крепкая рука солдата мигом втащила его на лошадь. Витька оббежал к другой лошади и солдат также легко водрузил его на круп лошади. Оказавшись на этой рыжей громадине, Ревка сразу вспомнил, как он свалился с Чернухи. Дело в том, что его ноги распластались в стороны, словно он сидел не на лошади, а широком столе. Солдат передал им поводья. Ревка спросил, когда лошади двинулись:

– Это битюги?

– Нет, – ответил солдат, – это немецкие тяжеловозы. Ни хрена не понимают по-русски. Только поводом можно управлять.

Пока ехали шагом, Ревка успокоился, но за время их посадки, они чуть отстали и солдат, понукнул своего коня. И эта громадина перешла на рысь. К Ревкиному ужасу и его конь, сам по себе, перешел на рысь. Ревку стало подбрасывать, он вцепился руками в коротко подстриженную гриву и подумал, что падая с такой высоты, можно что-нибудь по-

ломать, а если попасть под копыто... В это время лошади нагнали впереди идущих и перешли на шаг. Ревка перевёл дух и взглянул на Витьку, тот улыбался. «Наверно, надо мной посмеялся», – подумал Ревка.

Повернув в Школьный переулок, вся кавалькада проследовала до воинской площадки, только шагом и это стало радостью для него: он избежал позора падения.

Но не в этом был удачный день. Вечером, Ревка с Васькой и братьями Морошкиными, сидели на склоне горы, и Петька рассказал, что в восьмой класс он не пойдёт учиться, потому что отец, устраивает его к себе на работу, учеником слесаря по ремонту телеграфного оборудования. И стал рассказывать про какой-то, бильдаппарат, который он видел у отца на работе и, который печатает сразу слова, а не точки тире. Он ещё что-то хотел рассказать, но у их дома раздался свист – это отец позвал их ужинать. Они встали и пошли. Васька тоже пошел домой.

Ревка поднялся и пошёл вверх по склону. Уже на горе, его окликнул Васька:

– Ревка! Тут тебя спрашивает вот этот пацан!

Он обождал, когда тот подойдёт к нему. Подошел мальчишка, чуть ниже его ростом, в светлой полосатой рубашке, в серых брюках. У него были светло-русые волосы, слегка всклокоченные, курносый нос с несколькими крупными, но бледными веснушками и голубоватые с хитрым прищуром глаза.

– Ты Федотов? – спросил он.

– Я, – с некоторым удивлением, ответил он, прикидывая, откуда он мог знать его фамилию.

– Мне Колька Извеков говорил, что у тебя должна быть клетка, двуххлопка, – сказал он, шмыгнув носом.

– Какой Извеков?

– Он недалеко от меня живёт, он тебе четырёххлопку сменял. Говорит, у тебя должна быть.

– Есть у меня такая клетка, – ответил Ревка, – думая: «Откуда он мог знать его фамилию? Ведь я ему не называл. Наверно Петька сказал». Сделал он вывод.

– Может, сменяешь её на перочинный ножик? – сморщился он.

– А какой ножик?

– Вот, – мальчишка быстро сунул руку в карман брюк и достал нож.

– Покажи.

Тот протянул его, со словами:

– У него два лезвия, штопор, шило и... – Подожди, – в руках был складник с перламутровыми накладками, зеленоватого оттенка.

Ревка начал его раскрывать. Мальчишка был прав, здесь кроме названного им, был нож для открывания консервов и двухрожковая вилка.

– Ну, чё? – спросил он, со скорбно-просящим выражением и добавил, – немецкий.

– Вижу. Сменять можно, но через пару дней отец, мать или ещё кто-нибудь не прибегут размениваться назад?

– Нет. Это мне двоюродный брат подарил, а он уже уехал. И у меня другой ножик есть.

– Ладно, идём.

Мальчишка радостный убежал с клеткой, а Ревка ещё с большей радостью продолжал рассматривать нож: раскладывая и складывая. Конечно, он похвалился новинкой перед ребятами и получил их одобрение.

В июле ребята продолжали ходить к эшелонам на воинскую площадку. Никто не надеялся, что какой-нибудь солдат, просто так подарит что-либо. Не было и денег на покупку. Ходили больше из любопытства.

В этот день Ревка пришёл к Витьке после обеда, часа в три. Застал его за работой: смазыванием осей телеги. Он вынимал чекушку из оси, сдвигал колесо на её край, приподнимая телегу, и квачём, палкой с намотанной на ней тряпкой, макая в ведро, намазывал ось дёгтем. Потом колесо ставил на место. Он пояснил:

– Мария Александровна, – так он иногда в шутку называл свою мать, – сказала сделать это до начала покоса. Я решил сделать сегодня, чтобы не забыть.

– А когда покос начинается? – спросил Ревка.

– Через два дня поедem. У Володи выходной будет и может отгул заработает.

Ревка не понял, что за отгул, но переспрашивать не стал, а спросил:

– Лёня приехал?

– Ага, вчера.

– Он косить умеет?

– Конечно. Он лучше меня косит. В деревне пацаны рано начинают косить.

– Сейчас-то где он?

– На сеновале читает.

– Во, даёт! – удивился Ревка.

– А его хлебом не корми, лишь бы почитать, – сказал Витька, задвигая последнее колесо.

Вдруг, вставляя чекушку, он приподнял голову и, раскрыв глаза и подняв брови, спросил:

– Ты слышал, рокосовцы милицию на вокзале расстреляли!

– Ты чё?

– Точно, точно.

– Кто сказал?

– Сегодня утром Мисюрчик.

– А он откуда знает?

– Говорит, отец сказал.

– Если отец, то видать правда, – согласился Ревка и предложил, – давай сходим, посмотрим.

– Давай, – сразу согласился Витька.

– Лёньку, позовём?

– Да, не пойдёт он.

Ревка всё ж таки крикнул:

– Лёня!

Через минуту дверца сеновала приоткрылась и высунулась его голова:

– Чего?

Ревка поздоровался.

– Здорово, – ответил он.

– Пойдёшь на вокзал с нами? Там, говорят, милицию солдаты расстреляли, – пояснил Ревка.

– Не-а, враньё это. Зря ноги бить, – и дверца закрылась.

– Я тебе говорил, не пойдёт, – сказал Витька и они пошли через их огород на следующую улицу.

Выйдя на дорогу, когда можно было идти рядом, он спросил:

– Ты где до обеда был, когда Мисюрчик приходил на горку?

– Я сегодня поздно встал, потом послали за хлебом, а после обеда дед заставил побелить трубу на крыше.

– И вчера вечером тебя не было, – удивился друг.

Ревке не очень хотелось рассказывать о вчерашнем дне, и потому он спросил:

– Ребята утром ничего не рассказывали?

– Нет, а что?

– Да, сваял я вчера приличного дурака.

Витька внимательно посмотрел на него, и он продолжил:

– Вышел я вчера, примерно полвторого на горку: сидит у кювета Витька Морошкин, а по поляне бегают пацаны, его брат Вовка, Юрка и ваш сосед Колька. Только я присел с ним рядом, они собрались около нас.

Видно, у него с ними был разговор. Он мне предлагает сходить с ними в деревню Бобровку покупаться. Я толкую им это далеко, а Витька, мол, ничего особенного я с отцом несколько раз ходил. Говорю им, что надо еду с собой брать, а Витька, дескать, не надо, как придем, зайдём к тёте Вали, она нас до отвала накормит. И тут у меня мозга за мозгу зашла, думаю: «Неплохо в речке искупаться». Говорю им:

– Идите, возьмите еды и отпроситесь, только быстро. Сам пошел, отрезал кусок хлеба, вымыл две морковки, сунул в карман, выхожу на улицу, а они уже с горки бегут. Ну, и пошли. За городом, только к лесу подошли, Витька говорит:

– Чё еду тащить, давайте съедим, а там покормят.

Действительно, она в кармане мешает. Сели, съели. Идём, я их разговорами занимаю, сам рассказываю, их расспрашиваю. За кордоном настроение у них упало, а это ведь только шесть километров, половина пути. Я подбадри-

ваю, вспоминаю разные истории, наконец, увидели крыши домов. Зашли в деревню, пот со всех градом. Дом Витькиной тётки второй по ходу. Подходим к большому покосившемуся дому, на двери большой замок. Пошли к речке. Там деревенские пацаны. Правда, один Витьку узнал, так, что ни каких споров не возникло. Мы с ним искупались, а мелюзге вода показалась холодной. Полежали на траве, Витька пошел узнать, не пришла ли тетка. Деревенские сказали, что она на работе. Вернулся он с большой брюквой. Из-за разговора: кармёшка у тетки, я не взял нож. У деревенских тоже его не было. Заставил я Витьку искать какой-нибудь осколок стекла. Сходил, принёс. Помыли брюкву в речке и я, с горем пополам, очистил её. Откусывали все по очереди, ну и съели. Полежали минут пятнадцать, я говорю:

– Надо домой двигать.

Все, молча, поднялись, и пошли.

– Как же вы назад добирались? – первый раз задал вопрос Витька.

– Добирались. Я им все киносборники про Швейка с Гитлером, которые помнил, рассказал. Придумывал, чтобы пошумней было. К городу подходим, они конечно, уже никакие. Туда обратно – двадцать четыре километра, а Вовка с Юркой пойдут только в первый класс, а Колька во второй перешел. Подбадриваю, смешу их, а они губы растягивают, вроде улыбки, а глаза раскрытые, и вот, вот слёзы появятся. В общем, к восьми вечера, кое-как прикандыляли.

– Да, – почесал затылок Витька.

Миновали кинотеатр, на стене которого висела большая афиша «Суворов». Они видели это кино минимум два раза, поэтому разговора о нём не возникло. Перешли по виадуку и спустились к вокзалу. На перроне было мало народа. Отдельные пассажиры выходили и входили внутрь вокзала через высокие, застеклённые двери. Несколько человек с чемоданами стояли у невысокой ограды маленького скверика, с белой скульптурой Ленина, посередине. Наши друзья прибавили шаг, стремясь, побыстрее попасть к двум деревянным зданиям за вокзалом. Раньше это были два магазина: промтоварный и продуктовый. Первый остался, а про-

дуктовый, с началом войны, закрыли. В нём и располагался привокзальный отдел милиции. Оба здания были абсолютно одинаковы. По обе стороны входа имели большие высокие, квадратные окна, типа витражей. Миновав магазин, они остановились у отдела милиции и были поражены: почти все стёкла окон имели по несколько маленьких отверстий. Было понятно, что это от пуль. Каждое окаймлял белый кружочек, словно кто-то обвёл его мелом, и много белых паутинок стекольных трещин. За спиной пропыхтел и просипел паровоз, прибывающего пассажирского поезда. Из здания никто не выходил и не входил. Они продолжали его рассматривать и стали его обходить.

Рядом, напротив боковой стены отдела, к какому-то станционному зданию примыкали торговые ряды для частников. Здесь пожилые женщины продавали: молоко, варенец, ягоды и овощи. И в этот момент, некоторые из них заторопились к прибывшему поезду, когда пассажиры стали выходить из вагонов. За прилавками остались, которые продавали что-то молочное.

С этой стороны здания ребята по отколотым щепкам, обнаружили следы одной автоматной очереди. Ревка у одного увиденного отверстия, оторвал пальцем небольшую щепочку. Увидев это, женщина, стоявшая за прилавком, перед которой стояла четверть молока и две кринки, сказала:

– Это три дня назад солдаты из автоматов палили.

– А чё это они вдруг? – спросил Витька.

– Да милиция нас гоняет от поездов. Говорит, чтобы только тут продавали. А у поезда-то ловчей продать, особенно у кого ягоды или овощи каки. Ребята подошли к ней поближе и она продолжила:

– Вот и давичи. Пришёл пассажирский, ну, и тётки побежали со своей снедью к нему. Тут их милиционер и давай отгонять, а в это время на перрон прибежали солдаты, где-то их эшелон остановился.

– Да я сама видела, как получилось, – вступила в разговор другая тетка. – Я шла сюда с творожком. Тётка Лукьянчиха, она недалеко от нас живёт, продавала ягоду в фунтиках. Вот милиционер стал её отгонять и толкнул. Она по-

шатнулась и два фунтика на землю упали и рассыпались. Тут к милиционеру и подскочил солдат, схватил его за грудки и кричит:

– Что ж ты, легавый, делаешь? Мы на фронте воюем, а ты с нашими матерями воюешь, гад! И ударил его кулаком. Тот отшатнулся и за кобуру, а второй солдат на него.

– Ты ещё сволочь за револьвер хватаешься! И по шее его. Милиционер и убёг сюды. А солдаты кричат ему в след:

– Мы сейчас покажем вам, как матерей обижать! Узнаете, кто такие рокошсовцы! – и ушли. Я уже здесь стояла.

– И я здесь была, – сказала первая.

Вторая, что пониже, продолжила:

– Минут через десять прибежали трое солдат с автоматами и давай палить по окнам. Мы тут за столами прятались. Потом они вовнутрь ворвались и там ещё стреляли. Слух был, четырёх милиционеров убили.

– Да, вроде, двух я слышала, – сказала первая.

В разговор вступила третья из вернувшихся от поезда:

– Не убили, а двоих ранили. И ещё я видела, как солдаты подскочили к милиционеру Косте, видать кто-то на него показал, но он был в гражданской одежде. Солдат с автоматом ему говорит:

– Я знаю, что ты легавый. Если бы ты был в форме, я бы тебя шлёпнул! И после этого солдаты ушли.

– Мне сегодня сын сказал, – заговорила ещё одна женщина, – он из поездки вернулся, что этих солдат, на какой-то станции, арестовали.

– За такое, арестуют, – сказала одна из них.

Ревка с Витькой ещё раз посмотрели на расстрелянные окна, и пошли назад.

НАХОДКА

В конце июля, ребята стали встречаться чаще – кончились покосы. До этого Ревка иногда виделся с Васькой Носовым, у которого ни кола, ни двора, и Володькой Перфиловым, мать которого держала корову, но сама покосом не занималась. У Ревкиной семьи покоса не было, а козы были

и, чтобы меньше покупать сена, Ревке приходилось ездить с тележкой за травой. А так как, погода стояла хорошая, то этим приходилось заниматься каждый день. Он брал с собой косу, которую все соседи называли литовкой, длинную верёвку, для привязывания травы на тележке, и выезжал за город. Здесь, в логах, перед картофельными полями, накашивал травы и вёз домой. В первый раз понял, что трава не такая лёгкая, как казалось, и потом накашивал меньше. Однако, всё равно, перед горой у города приходилось дожидаться попутчиков с хворостом или тоже с травой, чтобы помогать друг другу.

Этот день запомнится Ревке, да и остальным ребятам, кто участвовал в данном событии. Всё было, как всегда. Ревка зашёл к Витьке Тимофееву и потом вместе вышли на улицу. Никого из других ребят на улице не было. Они уселись на траву, у обрывчика, и Ревка спросил, поедет ли он ещё на покос.

– Завтра, наверно, если Володя отпросится с работы. У нас с ближнего покоса надо вывести воза два сена. А на дальнем, что у Бобровки, стожок остался, наверно, до зимы, складывать некуда: сеновал будет полный.

Ревка мотнул головой в сторону дома Морошкиных:

– Вон, Петька в нашу сторону посмотрел, наверно, сейчас придёт.

– Он вчера вечером опять хромал, я, правда, издалека видел, не знаю почему, – сказал Витька.

– Неужели опять «Рожа»? – удивился Ревка.

– Не знаю.

– Да, вроде не хромает, – глядя в ту сторону, произнёс Ревка.

Потом взглянул на друга и напомнил:

– Ему на ноги не везёт: прошлый год «Рожа», а весной сорок третьего, помнишь?

– Помню, – кивнул тот головой, а потом спросил, – ты пить хочешь?

– Нет, мотнул головой Ревка.

– Пойду попить, – сказал он поднимаясь, и пошёл к дому.

Ревка вновь взглянул на дом Морошкиных. Петька что-то расставлял во дворе. Посмотрев в его сторону, поднял руку. Ревка в ответ тоже махнул рукой. В этот момент он почему-то вспомнил всю эту Петькину историю.

Сразу после майского праздника, в воскресенье, всей компанией отправились в лес. Были: Петька с братом Витькой, Ревка, Мисюрчик, Витька Тимофеев, Юрка Колесов, Васька и Володька Перфилов. Петька взял с собой маленький топорик, отец велел вырубить две берёзки, для черенков к лопатам. Он же отцепил собаку Розку, которая всегда с огромной радостью бежала в лес, как бы показывая дорогу, всем кто туда идёт. За городом Петька предложил пойти вдоль тракта, до большого лога с ручьём. Он сказал, что там уже должна быть колба.

Едва свернули в лес, Петька нагнулся, сорвал какой-то стебелёк и быстро схрумал. Витька, его брат, чуть поодаль, тоже что-то сорвал и сунул в рот.

– Вы что едите? – спросил Ревка.

– Это гусиные лапки, – ответил Петька и тут же показал. – Смотри, видишь стебелёк, а макушка согнута, словно гусиная лапка.

Он нагнулся, сорвал его и протянул:

– Попробуй.

Ревка откусил. Стебелёк оказался сочным, а по вкусу слегка напоминал зелёный горох. Кажется, именно тогда он и остальные ребята узнали о гусиных лапках. Петька пояснил, что это лесной горошек до того, как ему распуститься. Вскоре, вся компания искала и с удовольствием их ела. Искать эти лапки было легко, так как их стебельки возвышались среди мелкой травы, кандыков и подснежников. Ближе к логу стали попадаться стрелки колбы и сильнее зазвенели комары. Ревка держал в руке одну, две гусиные лапки, иногда отмахивался ими от комаров, а когда колбина сильно жгла во рту, он откусывал гусиной лапки и жжение уменьшалось. Похвастал этим открытием. Все решили, попробовать и только Юрка сказал, что он поступает также и показал в руке гусиную лапку. Розка, которая без усталости делала круги среди кустов и елей, пробегая рядом, с высунутым

языком, задрала морду, взглянув на его руку, очевидно, решила, что он собирается ей что-то дать.

Солнце поднялось и приятно пригревало и хотя жары не было, у ручья всем захотелось попить. Ручей в этом месте был шириной с метр, может чуть больше, а берега довольно высокие и Юрка сказал, что надо искать прошлогодний стебель в виде дудки и лёжа напиться.

Начали искать. Но тут сообразил Ревка. Он снял с головы шлем и, хотя он был сшит из лоскутков, воду не пропускал. Вывернув его наизнанку, он опустил на колени и зачерпнул им воду. Первую вылил и, зачерпнув ещё, стал пить. Напились из него и остальные. От ручья повернули назад. Сейчас Ревка вспомнил, что через полмесяца они на этом ручье увидели трёх маленьких утят. Те, увидев их, быстро поплыли к противоположному берегу и скрылись в густой траве. А в тот раз, шагая рядом с Петькой и размахивая вывернутым шлемом, чтобы подкладка высохла скорей, он ещё раз удивился: Петька остановился около молодой кедрки и стал отщипывать на её ветках почки и отправлять в рот. Они были светло зелёные, почти белые, с какой-то красноватой полоской. Ревка тоже попробовал и ему вкус понравился. Он походил на мякоть варёной кедровой шишки, в которой находятся орешки. Кедрку обступили и стали подпрыгивать, доставая ветки, что были повыше. Оказалось и пихтовые почки вполне съедобные. Так, продолжая жевать всё, что находили, двигались назад. Витька Морошкин, заметив прошемыгнувшую мышь в норку, позвал Розку и, когда та подбежала, показал её место и приказал:

– Ищи!

Та понюхала, несколько раз тявкнула и начала рыть землю передними лапами так, что земля летела метра на полтора.

Когда лес поредел, Петька достал топорик из-за пояса и сказал:

– Надо на черенки вырубить берёзки.

Все стали оглядываться по сторонам, желая найти подходящую. Вскоре нашли одну. Петька срубил её и стал обрубать ветки. В это время Витька, вновь увидев мышь, бро-

сил за ней и крикнул Розку, но, тут же, вскрикнул, наступив босой ногой на сучок в траве. Большинство тоже были босиком. Обутыми были только Юрка, Мисюрчик и Ревка. Юрка спросил у него, не проколол ли он ногу, но всё обошлось. Собака, гавкая, вновь разгребала нору. Петька, обрубив ветки, пошёл искать другую берёзку. Ребята уселись на траву, возле двух больших кустов акации, на которых едва проклёвывались листочки. В мелколесье чувствовалось дуновение ветерка и комаров почти не было.

Юрка взглянул на Ваську:

– Ты чего грустный? Вон смотри на Тимоху какой он весёлый.

Юрка имел ввиду Витьку Тимофеева. Мисюрчик улыбнулся:

– Он рогатку потерял.

– Здесь? – удивился Юрка.

– Нет. Вчера, где-то возле дома.

– У дома найдёшь, если он раньше не найдёт.

– Мне зачем, у меня есть, – возразил Мисюрчик и добавил, – я ему сам резину давал.

– Я его, где-то в городе потерял, когда со Шкетом в сквер ходили воробьев сшибать.

– Чо обзываешься? – повернулся к нему Витька, стоявший около Розки.

Та усердно продолжала рыть землю.

Вернулся Петька и приволок срубленную берёзку. Володька поднялся:

– Дай я ветки обрублю.

– На, – Петька подал ему топорик и присел рядом с ребятами.

Тот начал работать. Витька Тимофеев внимательно посмотрел на него и сказал:

– Перфил, ты чё их против шерсти рубишь?

Петька поднялся и подошёл к нему:

– Надо от комля рубить. Дай топорик, а то порубишь себе ногу.

Поднялись и все остальные. Петька ловко обрубил ветки с одной стороны, потом с другой, чуть повернул её и срубил

последние три ветки. С одной стороны осталась тонкий как карандаш, чёрный сучок. Петька небрежно махнул по нему топориком, сучок отлетел, а топорик отскочил от ствола и воткнулся во взъём правой ноги. Он ойкнул, отбросил топорик, а из раны хлынула багровая струя крови. Он опустился прямо на отрубленные ветки. Юрка первый подскочил к нему и двумя руками зажал ногу выше раны, струя крови уменьшилась, потом почти прекратилась.

– Верёвочка у кого-нибудь есть! – крикнул он.

Все промолчали.

– Дерите лыко с акации! – вновь прокричал он.

Мисюрчик схватил топорик подбежал к ближнему кусту, ткнул по нему, потом чуть протасил топорик вниз и бросил его. Ухватившись двумя руками за оттопыренный конец коры, дёрнул вниз и оторвал длинную плеть лыко. Проведя по нему рукой, счистил с него поперечную шелуху и подал Юрке. Тот сказал:

– Оторви узкую полозку.

Тот оторвал.

– Обвязывай ногу выше моих рук!

Тот стал продевать лыко под стопой. Ревка нагнулся ему помочь.

– Ну-ка, Ревка, перехвати ногу, где я держу, только жми сильно, а я постараюсь затянуть лыко.

В момент перехвата кровь вновь вытекла из раны, но Ревка сильно сжал ногу и кровь остановилась. Юрка завязав и затянув лыко, сказал:

– Отпускай потихоньку.

Ревка ослабил нажатие: из ранки чуть засочилась кровь, но тут же прекратилась. Он убрал руки и взглянул на Петьку. Лицо его было бледным, рот приоткрыт, глаза расширенные.

– Сильно болит? – спросил он.

– Не очень, – и его лицо приобрело более нормальное выражение.

– Чем бы забинтовать? – задумчиво произнёс Юрка.

Все, молча, посмотрели друг на друга. Ревка сунул руку в карман куртки, вспомнив, как два дня назад бабушка положила туда платок со словами:

– Чтобы не вытирал нос рукавом.

Он вытащил платок:

– Вот!

Юрка взял его и стал складывать, заворачивая два уголка.

– Надо подорожник, – сказал Петька.

Лист подорожника нашел его брат. Петька облизал его и залепил рану, а Юрка завязал на нем платок. После этого сказал:

– Петьке идти нельзя, так что из этих жёрдочек делаем носилки. Витька, – обратился он к Мисюрчику, – и ты, Ревка, снимайте свои куртки, больше ни у кого нет.

– Зачем? – спросил Ревка, но уже вытащил одну руку из рукава.

– Сейчас увидишь.

Он забрал куртку, взял одну жёрдочку и вставил её в один рукав, другую в другой. Спина куртки оказалась вверх. Тоже самое он проделал с курткой Мисюрчика, только с другой стороны. Потом со словами:

– Нам надо пять, шесть длинных плетей лыко, – стал делать зарубки на толстых ветвях акаций.

Все без команды бросились драть лыко, хватая за оттопыренные концы у зарубок. Юрка, с оторванной плетью лыка, раздвинул жёрдочки, насколько позволили куртки, завернул одну из них и привязал плетё к обоим из жёрдочек. Таким образом, он привязал все поданные ему плети.

– Так, – Юрка обвёл всех взглядом, – мы с Тимохой несём с этой стороны, а Мисюрчик с Ревкой впереди. Ты, Васё, будешь их подменять, а Володька нас.

Потом помог Петьке перебраться на эти носилки. Тот улёгся и все дружно его подняли.

– Всё, идём, – скомандовал Юрка.

Все двинулись вперёд, выбирая путь между кустами и деревьями. Через несколько минут вышли на дорогу. Юрка пошутил:

– Петь, ты у нас как Карл двенадцатый под Полтавой. Помнишь кино «Пётр первый»?

– Помню, – ответил тот. Меняя друг друга, меняя плечи, донесли Петьку до дома. Посадили на лавку у дома. Родителей дома не оказалось, и расспросов не было. Юрка попросил Витьку найти верёвочку или тесёмку и ножницы. Тот принёс поясок и ножик. Юрка завязал поясок поверх платка, а потом разрезал на ноге лыко ножом. Петька поблагодарил всех. Ему пожелали поправляться. Ревка с Мисюрчиком забрали свои куртки, вся компания попрощалась и пошла со двора. По дороге домой Ревка спросил у Юрки, откуда он знает, что в таком случае, делать. Он сказал: «Военрук в школе рассказывал».

Вернулся Витька и сел рядом. Петька вышел из ворот и пошёл по мостику в их сторону. Вспомнив всю эту историю, Ревка обратился к Витьке:

– А ты помнишь, как мы его тащили?

– Кого? – удивился он.

– Петьку.

– Ещё бы. У меня дня два плечи болели.

– А я, тюбетейку подкладывал, – вспомнил Ревка.

– У меня её не было, – хмыкнул Витька.

Петька поднимался по косогору. Когда он подошёл и здороваясь, уселся рядом, Ревка сказал:

– Вот, Витька сказал, ты вчера хромал. Опять нога болела?

– Нет. Вчера запнулся большим пальцем, весь день хромал. А сегодня ничего, – пояснил Петька.

– Мы тут вспомнили позапрошлую весну, когда гурьбой в лес ходили, – сказал Витька.

– Это когда я ногу поранил?

Витька кивнул головой.

– Дурак. Мне надо была обухом этот сучочек отбить, а я..., – он замолчал.

Потом вдруг сказал:

– Меня папка за тот раз и за другие осенью отругал. Приходит с охоты и говорит, что я собаку испортил. Я ничего понять не могу. А он рассказывает:

– Иду на изготовке, впереди Розка лает. Смотрю по деревьям, думаю, белку загнала. Подхожу, она снежок разгребла и уже земля летит. Думаю колонка нашла. Подошёл, а следы мышиные. И так ещё два раза.

– Я ему говорю это Витька, а он:

– Ты же старше! А я ведь тогда, и позже ходили в лес, не докумекал, – и мотнул головой, – Витька идёт.

Из-под горы, показалась голова Мисюрчика. Он шёл в своей зеленоватой курточке, хотя было тепло. Правда, жары тоже не было. Подходя, он слегка улыбался и щурил глаза, что обычно означало какую-нибудь придумку или действия. Левая рука была в кармане куртки и прижата к боку. Он поприветствовал всех и сел рядом, на траву, но больше ничего не говорил. Его молчание нарушил Петька:

– Ты чё?

Он почесал нос указательным пальцем и загадочно произнёс:

– Ребя, у меня находка.

– Какая? – вырвалось у Ревки.

Тот засунул руку во внутренний карман куртки и достал черный пистолет.

– Что это? Пистолет? – удивился Витька.

– «ТТ», – пояснил Мисюрчик.

– Дай посмотреть, – Витька протянул руку.

Тот подал.

– Во, вещь! – восхитился Витька, а заглянув в рукоятку, спросил, – патроны есть?

Мисюрчик, продолжая улыбаться, вынул левую руку из кармана, в которой была обойма с патронами. Когда пистолет попал в руки Ревки и он ощутил его тяжесть и грозный воронёный вид, спросил:

– Где нашел?

– Дома на вышке.

Наступило удивлённое молчание. Он пояснил:

– На второй день, как вернулся Савка, утром проснулся, показалось, вроде на чердаке кто-то прошёл, и снова уснул. А вчера брат с батей и одним мужиком поехали на покос за сеном, а я остался дома. Дай, думаю, проверю на чердаке:

правда кто ходил или показалось. Залез. Обошёл кругом и вижу, с одной стороны в карнизе лежит промасленная тряпка. Развернул, а в ней пистолет, обойма и кисет с патронами. Ясно стало, Савка с войны привёз. Вот я и взял его, вряд ли он быстро его хватится. Все покрутили головами, а Петька сказал:

– Вот бы из него пальнуть.

– А я, чё пришел? Показать, что ли? Но, здесь же не пальнёшь. Надо в лес идти.

Все с радостью его поддержали. Мисюрчик спрятал свою находку и все поднялись. Пока шли по городу никто не заговорил о пистолете, хотя об этом не договаривались.

Лишь, когда перед бойней, свернули с дороги в лес, Ревка сказал:

– Интересно, на какой дальности можно попасть в цель?

– Ну, это от стрелка зависит, – пояснил Петька.

– И от тренировки, – добавил Витька.

– Да это конечно, – согласился Ревка.

Молчавший Мисюрчик, резонно добавил:

– Военрук ведь говорил, что пистолет предназначен для ближнего боя. Никто из него не будет стрелять за сотню метров.

Ревка почувствовал себя неловко из-за своего вопроса, ведь он тоже помнил про это.

Вышли на небольшую поляну. С южной стороны стоял молодой ельник, с других сторон были кусты, а за ними смешанный лес, осины берёзы и несколько высоких пихт. На их фоне выделялась средней толщины берёза и Витька, показывая на неё, предложил:

– Вот на ней круглое чёрное пятно, прямо как мишень.

Все с ним согласились. Петька, как самый сведущий в стрельбе, одобрил:

– И солнце не будет мешать.

Небольшой спор возник, с какого расстояния стрелять. Предлагали десять шагов, двадцать и даже двадцать пять, однако, договорились стрелять с пятнадцати. Отмерил шаги Витька. Всем показались шаги большими, но никто спорить не стал.

Первому доверили стрелять Петьке. Мисюрчик передал ему пистолет и обойму. Он осмотрел её, вставил в рукоятку и прихлопнул, она встала на место.

Держа пистолет стволом вверх, он сказал:

– Ребя, заряженный пистолет держать только так, не опускать. Ни в кого не целиться, даже шутя. Военрук говорил, что даже деревянная винтовка один раз стреляет.

Все тоже это помнили и никаких разговоров не последовало. Все встали по бокам Петьки, он с усилием оттянул затвор. Курок оказался взведён. Он начал целиться. Лица остальных сморщились в ожидании громкого выстрела. Петька целился. Наконец выстрел грянул. Ревке он показался похожим на хлёсткий щелчок пастушьего бича, только сильнее. Все двинулись к берёзе. Петька, так и нёс пистолет – стволом вверх. Отверстие от пули нашли под самым черным пятном.

– Почти в цель, – сказал Витька.

Больше похвалы не последовало, каждый надеялся выстрелить лучше. Вернулись к воткнутой палке. Петька передал пистолет Мисюрчику. Тот начал целиться, рука у него покачивалась.

– Возьми пистолет двумя руками, – посоветовал Витька.

Тот попробовал двумя, потом поднял пистолет вверх, чтобы рука отдохнула, вновь вытянул одну руку, прицелился, вдруг отвернул лицо и в этот момент грянул выстрел.

– Витька, ты чё! Это ж не поджига, – сказал Петька.

Мисюрчик виновато сморщил нос и все пошли к берёзе. Следа пули не нашли.

– Ты отвернулся: рука сдвинулась, – пояснил Петька.

– Да, я непроизвольно, – оправдался тот.

Вернулись к месту стрельбы. Ревка предложил:

– Вить, ты ещё раз стрельни.

– Нет, я потом, – возразил он, и передал пистолет Витьке Тимофееву.

Тот целился недолго и выстрелил. При осмотре увидели, что пуля попала сантиметров на пять выше пятна и влево от центра. Теперь пистолет оказался в Ревкиных руках. Стоило ему вытянуть руку, как он почувствовал всю его тяжесть. Он сообразил, что долгого прицеливания, рука не выдержит и, только мушка появилась в прорези, нажал на спусковой крючок: грянул выстрел. Ревка заметил, что с правого бока ствола, затрепыхалась тонкая плёночка от бересты. Так и оказалось, пуля пробила бересту по самому краю ствола, чуть выше уровня пятна. Ревка отдал пистолет и все, молча, отошли от берёзы.

– Ну, что? – Многозначительно произнёс Петька, и повернулся к Мисюрчику: – Вить, может, стрельнем ещё по разу?

– Давай, – сразу согласился он и отдал пистолет Петьке.

Когда тот вытянул руку с пистолетом, Ревка отвёл глаза от берёзы и взглянул на Петьку. Он слегка прищурил, свой голубой глаз, и почему-то скривил губы в левую сторону. Раздался: выстрел. На этот раз, пуля попала в пятно в сантиметре от верхнего края.

– Вот, что значит сын охотника, – сказал Витька, а Ревка, одобрительно, похлопал Петьку по плечу.

Перед тем, как Мисюрчику вытянуть руку, Ревка решил дать совет:

– Вить, ты долго не целься. Поднимай руку сразу лови мушку в прорези и, как увидишь пятно, сразу нажимай.

Он, последовав совету, стал медленно поднимать руку, и когда она поднялась, опять отвернулся в момент выстрела, и снова промазал.

– Ну, ты чё? – вновь удивился Петька.

Мисюрчик пожал плечами. Витька целился, как и в первый раз, но тоже промазал.

– Всё как тогда, а даже в берёзу не попал, – возмутился он, передавая пистолет Ревке.

Помня свой совет, Ревка медленно поднимал руку, отыскивал мушку, которая, то появлялась в прорези, то исчезала и, когда увидел пятно, выстрелил.

– Опять промазал, – произнёс он.

– Похоже, – сказал Петька.

Следа пули не нашли.

– Советы давать легче, – заметил Мисюрчик.

Ревка промолчал.

По дороге назад, пока шли по лесу, рассуждали о стрельбе. Витька сказал, что это вообще здорово. Петька сказал, что отец ему несколько раз давал стрелять из ружья и поэтому стрельба получилась. Ревка говорил о том, что это первый раз, да ещё с пистолета. Мисюрчик молчал и никто не говорил о его стрельбе. Выходя на дорогу, он вдруг сказал:

– Как-нибудь ещё постреляем.

Эта фраза всех воодушевила на будущее.

Почти неделю Мисюрчик на горке не появлялся. Собираясь, ближе к вечеру, ребята вели разные разговоры, но о пистолете и стрельбе, в присутствии других мальчишек, разговора не было, хотя об этом не договаривались. Большая беда случилась у Тимофеевых, вернее у «Пчелобазы»: украли Рыжуху. Заявили в милицию, но её не нашли. Витька сказал, что она паслась здесь, на горке возле дома. Случилось это в середине дня, четыре дня назад. Володя предположил, что её наверно забрали военные. Как раз в этот день, последний раз проминали лошадей с эшелона, может, даже, по ошибке забрали.

На горку пришёл Мисюрчик. Поздоровался с Ревкой, Витькой и Васькой за руку и сел рядом. Они сидели на обычном месте.

На вопрос Ревки:

– Куда он пропал?

Рассказал, что два дня ездил с батей на покос: сушили остатки сена, потом опять сгребали и вывозили. Позавчера затеяли дома ремонт, который ещё не кончился. Сказал, что в первое воскресенье августа будет свадьба, брат Савелий женится.

– Кто такая? – спросил Васька.

– Наташа, она из райцентра Яркино. Савка у неё чуть не месяц пропадал, до покоса. Говорит, познакомились по переписке. Она ему два года на фронт писала.

– О! – Воскликнул Ревка, – расскажу случай. Где-то в середине июня, везу на тележке хворост по нашему переулку. Отъехал от моста, на четвёртой улице и, на подъёмчике, остановился передохнуть. На тротуаре крутится солдат с рюкзаком за спиной с бумажкой в руке. Увидел меня и спрашивает:

– Слушай, паря, где-то здесь живёт Зинаида Резодубова. В это время, смотрю, Зинка в огорске через забор перелезла и через соседей убегает на четвёртую улицу. Видать кто-то предупредил её, что солдат ищет. Ты же знаешь, – обра-

тился он к Мисюрчику, – она нынче только седьмой класс кончила. Спрашиваю его:

– Зачем она вам?

– Понимаешь, мы с ней целый год переписывались, обещала замуж выйти. Я дом не могу найти.

Думаю, как ему сказать, но раз она убегает, говорю, что дом её вон тот, в середине огородов, но вам туда идти не надо.

– Почему? – спрашивает он.

– Потому, что она школьница, ей всего четырнадцать лет.

Он удивляется:

– Ты, что? Она такие серьёзные письма о любви писала.

Я пожал плечами и покатил тележку. Он постоял с минутой, похлопал рукой, видать по письму, и пошёл в сторону вокзала.

Поговорили ещё какое-то время, Мисюрчик про пистолет не говорит. Наверно не потому, что Ваське не доверяет, просто не хочет, чтобы много людей знало. А когда Ваську кликнула сестра и он нехотя отправился к ней, Мисюрчик сказал:

– Восьмого августа Савка с Наташей поедут за её вещами, а мы можем сходить пострелять.

– Здорово! – обрадовался Витька и, взглянув на небо, где сгущались облака, добавил – только, погода бы не подвела.

В назначенный день погода не подвела. День выдался солнечным. За день до него прошли небольшие дожди, но солнце быстро расправилось с лужами. Дорога стала сухой и пыли не было.

При встрече Петька сказал:

– Вчера вечером папка сказал: «Американцы япошек долбанули какой-то бомбой и разнесли весь город».

– По радио сказали, что атомной бомбой уничтожили город Херосина, – сказал Ревка и тут же поправился, – Херосима. Город разрушен и люди сгорели вместе с домами.

– Что за атомная бомба? – удивился Витька.

– Кто её знает, – произнёс Ревка, – но рвануло сильно.

– Да учёные, что хошь придумают, – заключил Мисюрчик.

Он был в той же зеленоватой куртке и также прижимал левую руку, поддерживая пистолет в кармане. Он поделился новостью, что вместе с братом и Наташей приедет её брат Федька, который будет жить у них. Он всего на два года старше его и пойдёт работать учеником в паровозное депо.

Было около десяти утра, когда они вышли за город. По прежнему пути пришли к той поляне. Палка, отмечающая, откуда стрелять, стояла на месте. О порядке стрельбы, кто за кем, не договаривались. Мисюрчик сам вставил обойму в рукоятку, передёрнул затвор и, держа его кверху, передал Петьке. Он недолго целился и в момент выстрела все увидели, как сорвало клочок бересты с левой стороны ствола берёзы. При осмотре так и оказалось, но было это на уровне пятна, в которое и нынче договорились стрелять.

Когда Мисюрчик приготовился стрелять, Петька пошутил:

– Может тебе голову подержать, чтобы ты ей не крутил?

– Не надо, – ответил он, улыбнувшись, но в лице чувствовалось напряжение.

Он медленно, прямо, как советовал Ревка, стал поднимать руку с пистолетом. В момент выстрела он не отвернул голову, но закрыл глаза. Однако, оказалась, что пуля попала прямо по середине ствола, только ниже пятна, сантиметров двадцать. Это как-то всех обрадовало. Витька выстрелил и промахнулся. Возвращаясь от берёзы, он возмущался:

– Вот паразитство! Все делал, как надо и не попал.

Ревка целился дольше и более тщательно. После выстрела шёл к берёзе, с полной уверенностью, что на этот раз, обязательно попал. Но следа пули не нашли. Удручённый, передал пистолет Петьке. Он почти вскинул пистолет, как показывают в кино, и выстрелил. Неожиданно для всех, он вновь попал. Пуля оказалась в сантиметрах в пяти выше пятна и чуть в левую сторону. Ревка позавидовал ему: «Четыре раза и все попал», он почувствовал, что оба Витьки так подумали. На этот раз Мисюрчик, понимая, что все смотрят на него, выстрелил, и только после этого моргнул. Подошли к берёзе. Сразу увидели след от пули сантиметрах в десяти

выше пятна и опять почти по центру ствола. Мисюрчик с радостным выражением лица передал пистолет Витьке и, вроде как недовольный, сказал:

– Вот зараза, то ниже, то выше.

После Витькиного выстрела посмотрели, вроде, нет нового следа от пули и, уже повернулись идти назад, как вдруг Петька сказал, подняв руку:

– Вот, в нижнем краю пятна!

Все повернулись и увидели: у самой кромки пятна чёрную точку.

– Молодец, – похвалил его Петька.

– А я в пятне и не искал, – улыбаясь, признался Витька.

Ревка целился с некоторым отчаяньем, думал: «Если сейчас промажу, значит, хуже всех стреляю».

– Долго целишься – рука устанет, – сказал Петька.

Ревка опустил руку, недовольно мотнув головой. Потом медленно поднял пистолет, наводя на пятно, и выстрелил. Уже на подходе к берёзе, он увидел новое пятнышко, которое было, примерно, в трёх сантиметрах от того места, куда попал Витька.

– Ты, прямо в мою дырку целил, – сказал он улыбаясь.

Ревка с явным удовольствием, но сдержанно ответил:

– Это случайно.

– Сегодня все стреляли лучше, – хлопнув по спине Ревку, сказал Петька.

– Да уж, если б в какого Фрица стреляли, точно бы ухлопали, – сказал Мисюрчик, засовывая пистолет во внутренний карман куртки.

Витька посетовал:

– Жалко, что нельзя, по-настоящему потренироваться, могли бы научиться хорошо стрелять.

– Конечно, – поддержал его Ревка.

Все возвращались в приподнятом настроении. На выходе из леса, Ревка спросил:

– Вить, ты пистолет чистил после того раза?

– Чистил. Я сначала ствол тряпочкой с керосином промыл, а потом мне Петька дал немного оружейного масла, им

протёр. Всё по уму. Только всё пришлось на вышке делать, чтобы керосином не воняло, в дровянике или дома.

– Смекаешь, – похвалил Ревка.

– Слушай, а брат не обнаружит, что патронов стало меньше? – спросил Витька.

– Чё он туда будет лазить проверять? А время пройдет, он сам забудет, сколько было в кисете, – уверенно ответил Мисюрчик.

По дороге больше на эту тему не говорили.

НА КАНАТКЕ

Витька Мисюров был обрадован, что Федька Калинин, который приехал к ним десятого августа вместе с братом и Наташей, оказался хорошим и заводным парнем. Он был на полголовы выше его, тёмноволосый, с карими глазами. Удивило, что умел смешное рассказать с серьёзным лицом. Не то, что он: его разбирал смех, до того, как он приступал рассказывать. Правда, весёлого в его жизни было мало. Отца убили на фронте в сорок первом, а мать умерла на второй год войны. Остались вдвоём с сестрой. После шестого класса, чуть не год работал возчиком в «Заготзерне», но зимой уволили. Потом, где мог, подрабатывал. Сестра из девятого класса ушла работать уборщицей, чтобы он мог учиться. Приехал он в потрепанной, заштопанной одежде и в галошах на босу ногу. Брат купил ему ботинки, но он только померил их, а ходит босиком, говорит:

– Так привычнее.

Ребята на горке встретили его нормально. Особенно не расспрашивали. Разговор больше всего шёл о второй атомной бомбе, сброшенной американцами на японцев девятого августа и о том, что в тот же день наши объявили войну Японии.

Ревка сказал:

– Да наши вместе с американцами быстро расколошматят япошек. Помните, как старшина с эшелона говорил, что нам сейчас хоть кто нипочём.

Федька заметил:

— Война всё равно плохо. Карточки фиг отменяют. Все говорили: война кончится их отменяют — заживём.

Сам Витька согласился с Витькой-Тимохой, который, вспомнив давний разговор, сказал, что пока города и заводы не отстроят, карточки не отменяют. Петька тогда, как бы вслух подумал:

— Не так города, как колхозы на Украине и в Белоруссии. Вырастят хороший урожай, может тогда, но война должна кончиться.

Чуть разговор отошёл от войны, как Федька заинтересовал всех, начав рассказывать о катании на канатке. Никто не понял, что это такое. Он пояснил, что в райцентре Яркино есть цементный завод. К нему имеется подвесная канатная дорога, по которой, за несколько километров, из карьера, в вагонетках подвозят камень. Пацаны забираются в пустые вагонетки и летят в них, как на самолёте.

— О, я бы с удовольствием прокатился, — сказал Петькин брат.

— Ты бы, Шкет, помолчал, — сказал он тогда ему.

А Федька того поддержал:

— У нас даже меньше пацаны катались.

Прошло четыре дня с того разговора на горке, а сегодня их небольшая компания удачно забралась на тормозную площадку товарняка и приехала в Яркино.

Вчера Федька рассказал ему во всех подробностях, как это здорово прокатиться на канатке. На его вопрос:

— Как из них вылазить?

Пояснил, что через два километра вагонетка проходит на высоте, чуть больше двух метров и там легко спрыгнуть. И с сожалением добавил, что с двадцатого августа он уже будет работать в депо и тогда не удастся съездить. Утром уговорив Петьку, Витька побежал на горку: хотел позвать Ревку, но того там не оказалось. Решили ехать втроём, но увязался Шкет.

Петька взглянул на брата и махнул рукой:

— Пусть едет.

Федька уверенно провёл их мимо вокзала и по прилегающей улице. Редкие прохожие не обращали на них вни-

мания. Справа, за домами, виделся корпус завода и высокая труба, из которой шёл белый дымок. За посёлком, миновали небольшой перелесок, и вышли на открытое место. Федька вытянул руку:

— Вон, видите, канатка подходит.
с вагонетками.

В конце длинного заводского корпуса, высилось серое здание с двумя рядами низких окон, а над ними два тёмных проема, куда входили и выходили подвешенные на канатах вагонетки. От здания и вдаль до горизонта уходила цепь ажурных опор с подвешенными канатами и вагонетками на них. Федька пошёл дальше по дороге усыпанной щебнем. Витька с Петькой были обуты. Один в старые сандалии, другой в парусиновые полуботинки, шли спокойно. Шкет морщился, наступая босыми ногами, а Федька, очевидно по привычке, не обращал на это неудобство никакого внимания. Но скоро он повернул на тропинку в картофельном поле и сказал:

— Пойдём к третьей вышке. Там пацаны всё приспособили.

Солнце было довольно высоко и сейчас пригревало их спины. На небе редкие облачка и никакого ветерка.

Чем ближе подходили к вышке, тем больше у Витьки возрастала тревога: не зря ли он согласился на эту авантюру? И, чтобы как-то отвлечь себя, спросил:

— Ну, как, Шкет, не боишься?

— Нет, — буркнул тот и добавил, — а ты Мисюрчик!

— Ну, и что? Я привык. У нас с тобой на горке было четверо Витек, как-то надо было разбираться. А Шкет — это маленький мальчишка и ничего в этом обидного нет.

Вышка, к которой они подошли, представляла собой решётку из металлических уголков разной толщины. Крепилась она на бетонном блоке. На середине раздваивалась и на каждой стороне, вверху, были закреплены канаты. По ним катились небольшие двухколёсные тележки, к которым были прикреплены большие, толстые скобы.

– Залазим с этой стороны, – сказал Федька и, ступив на чурку у бетонного блока, потом на него, полез по решётке вверх.

Следом стал подниматься Петька. Пока Витька смотрел, как они поднимаются, малолетка залез на блок и начал карабкаться по решётке. Ему стало обидно, но ничего не оставалось, как следовать за ним. Здесь, куда они поднялись, были уложены три доски привязанные проволокой к уголкам вышки. Концы их выходили на небольшое расстояние туда, где проходили вагонетки. Вышка вдруг задрожала и, Витьке показалось, загудела – это прошла гружённая вагонетка. Федька сказал:

– В первую вагонетку садиться не будем. Посмотрите, как она проходит. Первыми мы с тобой будем садиться, обратился он к Петьке, – а ему я ещё дома всё рассказал.

Примерно через минуту прошла пустая вагонетка. Верхний её край был даже ниже Витькиного пояса.

– Теперь, Петь, вылазим отсюда и встаём на концы досок, держимся за уголки, а как подойдёт вагонетка, падаем пузом на борт и туда. Они посмотрят и сядут в следующую вагонетку.

Вновь прошла гружёная вагонетка светло-серым камнем.

– Всё, идёт, – предупредил Федька.

Как только, порожняя вагонетка поровнялась с вышкой, они бросились в неё вниз головой и в воздухе замелькали их ноги, выписывающие непонятные кренделя. Через мгновение они исчезли и на их месте высунулись две улыбающиеся физиономии.

– Давайте, ребя! Здорово! – прокричал Федька.

Содрогая вышку, прошла гружёная вагонетка и Витька, испытывая некоторый страх, но понимая, что назад хода нет, сказал, больше для себя:

– Не трусь, вылазим на выступ.

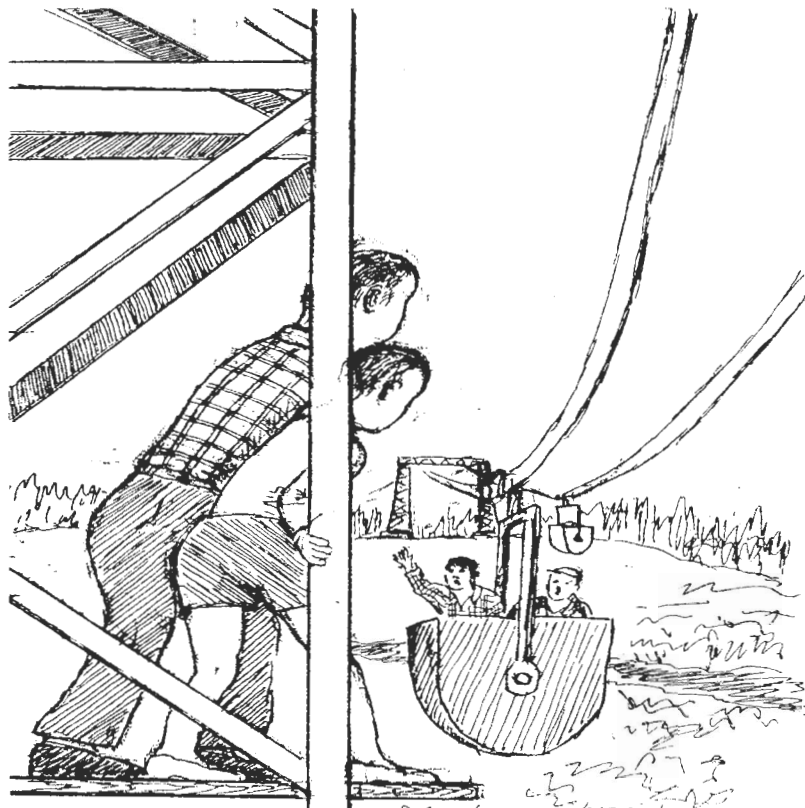
– Я и не трушу, – ответил тот, пролезая через решётку.

– Держись, а как подойдёт вагонетка, падаем вместе.

– Да знаю, – тот недовольно мотнул головой.

Чем ближе подходила вагонетка, тем сильнее стучало у Витьки сердце, но когда она подошла к ним, у него оста-

лась только одна мысль: «Как можно скорей! Иначе нельзя!» Он бросился животом на серо-ржавый борт вагонетки, хватая одновременно Шкета за ворот рубахи.

– Отпусти рубаху! Чего вцепился! – ворчал тот, стараясь перевернуться.

Наконец, стукнув по голове Витьку босой пяткой, он уселся на днище. Через мгновение в таком же положении оказался и Витька, с той лишь разницей, что его нога ударилась о край вагонетки. Выглянув из нее, повернули головы вдоль канатки, и увидели, как те машут им руками: помахали в ответ.

Над головой слегка постукивало и Витька посмотрел наверх, где равномерно крутились два колеса, цепляясь высокими бортами за канат, по которому катились. Тревожно рассматривая это устройство, он не знал, как оценить его надёжность. Уловив его взгляд, посмотрел вверх и его напарник.

– Ну, Витька, если оборвётся – как нам.

– Нет, не оборвётся, – ответил он, убеждая его и себя, – видишь гружёные вагонетки по сколько камня везут, а мы чё.

Эти его слова убедили обоих и они спокойно стали осматриваться кругом. Посёлок, от которого они удалялись, был виден на половину, другую часть закрывали корпуса завода. Справа, по ходу вагонетки, вдаль виднелись холмы поросшие лесом, а ближе были поля. Слева тянулся длинный холм закрывающий даль, поросший кустарником. У его подножья, слегка извиваясь, проходила дорога. В низу до неё, квадраты картофельных полей разной величины.

Вагонетка, слегка покачиваясь, поднималась вверх, приближаясь к следующей вышке.

– Как на самолёте, – сказал Витька, хотя мог себе представить это только по кадрам кино.

– Ага, – не задумываясь, подтвердил младший пассажир вагонетки.

Чувство тревоги, которое Витька сумел побороть во время посадки, совсем прошло, и сейчас его охватил восторг. Он приподнялся на колени и закричал, размахивая рукой:

– Эээй... Ре...бя! Федь...ка!

Лёгкий ветерок относил его слова и те его не услышали. Видно было, что они смотрят в сторону леса, куда показывала чья-то вытянутая рука. Витька взглянул в ту сторону и увидел двухкрылый самолёт.

– Смотри, Шкет, – схватил его за плечо, – самолёт!

– Где? Ага... точно, – увидел тот, приподнимаясь на корточки, – вот на нём бы прокатиться.

Самолёт пролетал довольно далеко, но на фоне голубого неба и белых облаков его было хорошо видно. Лишь по-

падая в серую их тень, терялся из виду, а вскоре исчез совсем.

— А мы и так, как на самолёте, — Витька посмотрел вниз, — представляешь, это поле картошки — дремучий лес, а вот этот ручей — большая река. Здорово! Да? — он смотрел, и его воображение рисовало всё новые картины.

Возле нескольких ёлок было разбросано много свежих щепок и он снова заговорил:

— Смотри, это японский городишко, а мы лётчики и можем его бомбить, — он посмотрел на дно вагонетки и, не обнаружив ничего, что можно бросить, продолжил, — ладно, Шкет, мы его бомбить не будем.

Тот посмотрел вниз, потом на Мисюрчика, мысленно назвав его так, в отместку за Шкета, и ничего не сказал.

— Эх, ты! Ничего ты не видишь! — высказал он свое неудовольствие.

Местность была неровной и земля, то приближалась к вагонетке, то удалялась и казалось, что вагонетка, то взлетает, то опускается. Они уже не обращали внимания на вышки, которые проезжали. Витьку немного взволновало, когда подумал о предстоящей высадке, но потом себя успокоил: «С трёх метров-то спрыгнем». Когда проезжали над одним из бугров и вышки были невысокие, земля казалась совсем близко, он сказал:

— Я даже здесь бы спрыгнул, — прихвастнул он.

— И я бы... Может быть,— произнёс тот, опускаясь с колен.

После бугра, земля снова стала быстро удаляться и, они выехали в широкую ложину. Вышки канатки стояли по эту и ту сторону впадины, образуя пролёт несколько длиннее обычного. Вагонетка ринулась вниз, так как провес каната был больше, но склоны холма убежали всё ниже и ниже и высота, на которой оказалась вагонетка, быстро росла. От такой высоты ему стало не по себе, но старался не показывать вида. Под ними оказалась глубокая котловина. В самом низу поблёскивал ручей, впадающий в небольшой пруд. Перебарывая свое состояние он, как можно спокойнее, произнёс:

— Прямо под нами пруд...

Вдруг его резко бросило вперёд, он не удержался и упал придавив своего младшего друга.

– А-а-а!... – закричал тот, ударившись головой о вагонетку, которую стало раскачивать и подбрасывать.

Витька схватился за борт, приподнялся и посмотрел вниз. Всё стало ясным: канатка остановилась.

– Всё, Шкет, мы стоим.

– Знаю, – чуть не со слезами, сказал тот, прикладывая ладонь к голове, – я башкой вдарился, когда ты на меня упал.

– Я нечаянно, не удержался.

– Знаю... Болит, – сморщился он, продолжая тереть голову.

Опускаясь на дно вагонетки, Витька высказал своё опасение:

– Вдруг эта канатка сегодня не пойдёт, – и посмотрел на своего младшего друга.

Тот, вместо ответа, произнёс:

– Во! Смотри, какая шишка соскочила, – и он нагнулся вперёд.

Витька пощупал: она действительно была порядочной. Вагонетку перестало качать и они немного успокоились.

Облака всё реже заслоняли солнце, и становилось всё теплее и теплее. Прошло какое-то время, как они остановились. Им оно показалось долгим.

– Пить охота, – сказал Витька младший, проведя кулаком по губам.

– Да, – согласился с ним тёска, хотя до этого пить ещё не хотелось.

Время тянулось медленно. Они снова осматривали окрестности. От плотины ручей скатывался в лог и впадал не то в речку, не то в большой ручей. Далее тянулись поля, а за ними начинались холмы покрытые лесом. На одном из них виднелась россыпь домишек, а выше нахлобучка из тёмного бора. С другой стороны тянулась по косогору, всё та же дорога. По ней, в сторону посёлка, ехал мужик на телеге, погоняя серую лошадь. По верху холма высился редкий лесок.

Как только мужик на телеге скрылся вдали за деревьями, росшими вдоль дороги, его младший соучастник сел на дно вагонетки, спиной к торцовому борту. А в это время Витька увидел, как из-за деревьев у ручья, вышли трое мальчишек, и подошли к пруду, где у берега стоял небольшой плот. Когда, один из них поднял с земли небольшой шест и ступил на плот, Витька сказал:

– Какие-то пацаны собираются кататься на плоту. Посмотри, Шкет.

Тот взглянул на него, прищурив, в недовольной гримасе, голубые глаза и не поднялся. Витька, по его выражению, всё понял и доброжелательно произнёс:

– Не сердись, я больше не буду называть тебя Шкетом. У вас фамилия Морошкины и есть такая ягода морошка. Я буду звать тебя Морош, нет, ласково Мороша. Ты своего младшего брата Вовку зовёшь Волнушкой? Зовёшь.

Последний довод подействовал и он улыбнулся. Витька продолжил:

– Посмотри, Мороша.

Тот с напускной обидой буркнул:

– Выдумщик, – поднялся на колени и посмотрел вниз.

Двое мальчишек, стоя на плоту, отплывали от берега, третий сидел у небольшого куста. Один из плывущих отталкивал плот шестом. Плот отплыл от берега всего метра на два, как тот, что без шеста, чуть сдвинулся к краю и плот сразу накренился, и на нём появилась вода. Мальчишка отпрянул назад, но шаг сделал больше и крен получился в другую сторону. Наконец, он угадал место и плот выровнялся, но мальчишка с шестом перебросил его на другую сторону и стал толкать плот к берегу.

– Струсили: к берегу плывут, – заключил Витька.

Мальчишки выбрались на берег и вскоре скрылись за деревьями. Через какой-то момент, они мелькнули на тропинке, ведущей из котловины к дороге.

Больше ничего интересного не происходило. Они сели напротив друг друга и, новонаречённый, Мороша сказал:

– Я тоже катался на плоту.

– Где? – удивился Витька.

– У конного двора, что во дворе жёлтого магазина. Там есть котлован с водой и туда кто-то приволок большую дверь. На ней пацаны и плавали, ну и я попробовал. Тоже длинной палкой отталкивался.

Витька ему поверил, потому что знал о его пристрастии к лошадям. Петька однажды говорил, что он всех возчиков в городе знает и называет их: деда Миша, деда Коля, баба Зина. С начала войны там работали одни старики.

Солнце было уже совсем высоко, становилось жарко, а канатка не двигалась. Вагонетку стало нагревать. Даже теневая сторона изнутри, к которой они сели рядышком, была такой тёплой, что пришлось снять рубахи и подложить их под спину. Очень хотелось пить. Витька, посмотрев на вымазанные штаны, подумал: «Хорошо Федька предупредил надеть старые».

Желая коротать время, Витька спросил, облизывая губы:

– Ты, в какой класс перешёл?

– В четвёртый. А ты?

– В седьмой, – и тут же сказал, – вдруг она проклятая совсем не заработает?

И сам же ответил:

– Должна, иначе завод остановится.

Его Мороша, уткнув лицо в колени, молчал. Было душно. «Пить, пить», – не отступала мысль. Чтобы отвлечься от неё, Витька встал и посмотрел в сторону вагонетки, где были его друзья, но их не было видно. Посмотрел в сторону речки и увидел, в том месте, где она скрывалась за крутым склоном, человека в лодке. Она плыла по течению и скоро скрылась.

– Мороша, ты когда-нибудь плавал на лодке? – спросил он.

– Пить охота... И исть. Я утром только молока выпил, – сказал тот, вместо ответа.

– Я бы тоже поел.

Прошло ещё некоторое время: жара немного ослабла. Солнце всё чаще пряталось за облака, а вскоре они стали такими плотными, что оно совсем исчезло. Кругом потускнело, а облака всё сгущались. Ветер рвал их на части, со-

бирал в кучи, снова разрывал и гнал их вдаль в сторону посёлка. Витька встал, провожая их взглядом. Здесь, за холмами, ветер едва шевелил волосы на его голове.

Повернув голову в сторону, откуда неслась эта кипящая масса облаков, он ахнул:

– Смотри, Витька! – он впервые назвал его по имени.

Тревога в его голосе передалась и ему. Он приподнялся, хватаясь за борт вагонетки, и посмотрел в сторону, куда тот указывал. Лицо его застыло с открытым ртом и глазами полного страха. Большая часть неба, со стороны дальних холмов, закрывала чёрная, как разлитая тушь, туча. Рваным, всё разрастающимся полукругом, она застилала небо. Витька посмотрел в сторону своих друзей и помахал рукой, показывая на тучу. Там поняли его и тоже показали на неё. Туча разрасталась, закрыв полнеба, и продолжала теснить всклокоченные облака. Они надели рубахи и сели, чтобы не видеть этот надвигающийся ужас.

В который раз сегодня Витька пожалел, что так необдуманно согласился поехать на эту канатку, да ещё уговорил других. Сейчас ему было обидно до слёз и, если бы не этот Морошка, возможно дал бы им волю. Ему казалось, что эта проклятая канатка, как он её окрестил, никогда не сдвинется с места. Он представил, как они ночью сидят здесь, а дома мать, отец, брат и все остальные волнуются, не зная, куда они пропали. Слёзы готовы были навернуться на глазах и он, как его горемычный друг, обхватил колени и уткнулся в них лицом.

Глухо с перекатами доносились раскаты грома. Громыкнуло ближе и они в раз подняли головы, посмотрев на небо. Увидели тёмный полог тучи. Стало темно, как в поздние сумерки. О борт вагонетки ударили первые крупные капли дождя, начертив на нём, широкие косые полосы.

– Иди ко мне, к этому борту, – позвал Витька.

Тот послушно пересел, так как первые капли ударили ему прямо в лицо.

Через мгновение дождь обрушился сплошной лавиной. В первый момент Витька подставил ладошки, набирая в них воду, но сделав один глоток, опустил руки. Вода ему не по-

навивалась, и пить расхотелось. Он обнял своего Мороша за шею и прижал к себе. Они уже сидели в воде, и она всё прибывала. Над головой в канатах засвистел ветер. То и дело, чернота неба разрывалась зигзагами молний, и следом раздавался скрежещущий, раздирающий постоянный шум, треск, а затем удары грома страшной силы. Вскоре этот треск и удары слились в сплошной гул, а небо беспрерывно полыхало синим светом. Они давно зажмурились и всё равно ощущали эти всполохи. Витька прокричал:

– Заткни уши пальцами и открой рот! – и сам плотно засунул пальцы в уши.

Он где-то слышал, что так надо делать, чтобы не лопнули в ушах перепонки.

Но даже после этого, гром слышался с большой силой. Они уже сидели почти по пояс в воде. Теперь она им не казалась такой холодной, как первые струи, но мелкая дрожь была обоих. По неровным вздохам младшего друга, Витька понял, что тот плачет, и крепче прижал его локтём. Через прижатое плечо к вагонетке, ему казалось, что железо её вздрагивает и гудит словно колокол.

Постепенно гул и грохот стал ослабевать. Реже раздавался этот неприятный скрежет, удары грома слышались глуше. Витька открыл глаза: небо всё ещё полыхало, и он не решился ототкнуть уши, хотя они начали побаливать. Дождь лил с той же силой. Младшему из горемык пришлось выпрямиться – вода подошла к груди. Вскоре ушам сделалось настолько больно, что их пришлось ототкнуть, да и руки занемели в одной позе. Гремело и гроыхало ещё очень сильно, но всё отодвинулось по ходу тучи и уши могли терпеть этот шквал звуков, обрушившихся на землю.

Прибывающая в вагонетке вода, отрывала их от дна. Витька встал на колени и осмотрелся: всё тонуло в пелене дождя, даже при постоянных всполохах молний. Метрах в двадцати он увидел гружёную вагонетку. Борт её блестел, как зеркало, отражая вспышки молний. Канаты серебряными паутинами убегали в такую же серебряную завесу дождя. Больше ничего не было видно.

Медленно, словно нехотя, дождь стал ослабевать, а небо светлеть. Гул стал стихать, отдельные удары грома стали реже и глуше.

– Мороша, уже видно часть пруда, – произнёс Витька, решив таким обращением, его подбодрить.

Тот поднялся, хлюпая водой.

Посветлело на столько, что стало видно ручей, вернее бурный поток, стремящийся в пруд, и ещё более бурлящий из него. Ослабевший ветер, обдувая их прилипшие к телу рубахи, неприятно охлаждал.

Витька сообразил:

– Садись, в воде теплее.

Едва тот присел, как Витьке в лицо плеснула волна воды, а тот заорал и уткнулся в него, цепляясь за ногу.

– Ты чего? – спросил Витка, невольно хватаясь за борт.

– М...меня чуть не выплеснуло, – заикаясь, ответил тот, держась за его ногу.

И тут Витька сообразил, что они едут.

– Поехали! Мороша! – заорал он и хлопнул ладошкой по воде.

– Чую, – отзывался тот, продолжая за него держаться, потому, что вода ещё продолжала плескаться от одного, торцового борта, до другого.

Первые минуты радости, переросли в тревогу: как бы не проехать, в этой дождливой мгле, место, где надо прыгать. Вагонетку друзей по-прежнему не было видно. Но продолжало светлеть. Они проехали над лощиной, и сейчас вагонетка проплывала над большой поляной, сплошь усеянной, большими и маленькими лужами. Проплыла одна, вторая вышка и Витькина тревога росла, но вот на небе образовалась светлая полоса, и он увидел деревья в отдалении, кусты на косогоре и, к великой радости, вагонетку друзей. Он замахал рукой, там увидели и тоже подняли руки. Он закрычал:

– Ура! Вон они! Видишь, Мороша?

– Ага, вижу, – проговорил он, без особой радости, что Витьку удивило.

Он обхватил его за плечи:

– Всё будет нормалёк!

Проехав ещё над одним оврагом, в котором клубился жёлто-серый ручей, Витька заметил, как усиленно машет рукой Федька, сказал:

– Смотри, машут.

– Вижу, – мотнул головой его младший бедолага.

В это время увидели, как их друзья, по очереди, полетели вниз с поднятыми руками. Подъезжая, к тому месту, увидели своих друзей. Стоя по щиколотки в воде, они помахивали им руками.

– Приготовься, ты будешь прыгать первым, – на правах старшего, сказал Витька.

Тот послушно полез через борт и сам последовал за ним. Оба повиснув на руках, услышали команду снизу: «Прыгайте!». Разжав руки, они друг за другом полетели вниз. Брызги полетели в разные стороны, когда они приземлились, падая в лужу. Едва поднялись, как Федька с Петькой бросились к ним с расспросами, не ушиблись ли они. На самом деле высота была небольшая, и всё обошлось нормально. Все стали обниматься. Всех охватила радость, что это, не совсем приятное, путешествие закончилось.

Вышли на бугорок и Петька предложил:

– Давайте, где-нибудь прополощем одежду и отожмём.

Федька засмеялся:

– Во! Дает! Ещё дождь не кончился, а он выжиматься хочет.

Потом осмотрелся кругом и сказал:

– Полоскаться? Всегда, пожалуйста. Вот лужа вся на траве.

Он бросился к ней. Из-под босых ног полетели брызги, а когда он животом плюхнулся в лужу, поднялся целый фонтан брызг. Все в восторге последовали его примеру и стали барахтаться в этой чистой воде. Когда закончилось это необычное полоскание и купание, они вновь вышли на бугорок, похлопывая себя по мокрой одежде.

Витька спросил:

– До посёлка далеко?

– Нет, километра три, может чуть больше, – ответил Федька.

Сквозь не плотную завесу дождя, проглянуло солнце и всё кругом засияло и заблестело. Кусты, окружающие поляну, засветились сотнями тысяч светящихся точек, а трава вспыхнула, словно из земли вырывались пучки света. Всё это и освещённые вдали деревья, на фоне тёмного неба, создавали какую-то праздничную картину.

Кончился дождь, ушли остатки тучи, до горизонта было чистое небо. Солнце залило всё кругом, отражаясь в каждой луже в каждой капле.

– Вот сейчас, будем выжимать и сушиться, – сказал Федька, снимая с себя одежду.

Раздевшись донага, он, скручивая, выжал рубаху и попросил:

– Петь, давай штаны вместе отожмём.

Тот помог ему. Все стали раздеваться. Федька, расправив рубаху и штаны, подошёл к кусту акации, стряхнул с веток капли воды, и повесил на них одежду. Усевшись на бугорке и наблюдая, как остальные выжимают и развешивают одежду, подбодрил всех:

– Часок, полтора позагораем, всё высохнет, и пойдём на станцию.

– Башмаки не высохнут, – сказал Петька.

– Понесёшь в руках, – улыбнулся Федька, – к вечеру будем дома.

Витька лёг животом на подсохшую траву и подумал, без сожаления: «Всё обошлось, зато будет, что рассказать ребятам».

ЗА ОРЕХАМИ

Ревка проснулся раньше обычного. Дед посмотрел на него и, увидев, что он открыл глаза, включил репродуктор. Только хотел спросить, который час: карманные часы у деда всегда лежат на столе, дикторша сообщила, что московское время четыре часа. «По-нашему, восемь», – сообразил он, и удивился, что проснулся сам. Вчера договорились с

Витькой Тимофеевым пойти бить шишки возле их покоса, пока не начался разрешённый бой. Решили выйти в девять часов. «Можно ещё поваляться», – решил он. Диктор говорила о военных действиях на Дальневосточных фронтах. Снова повторила, как за шесть дней с девятого по четырнадцатое августа войска Забайкальского и первого Дальневосточного фронтов расчленили Квантунскую армию Японии. Второй Дальневосточный фронт, под командованием генерала Пуркаева, с двух направлений от города Благовещенска и Биробиджана, перейдя в наступление, сковал главные силы японцев. Забайкальский фронт, под командованием маршала Малиновского, и войска Монгольской народной армии прошли через пустыню, преодолели Хинганский хребет, и ударили по врагу в направлении города Мукден. Войска первого Дальневосточного фронта, под командованием маршала Мерецкова, выдвинулись южнее города Владивостока, вели наступление на город Колган и на юг, на Корейский полуостров. Тихоокеанский флот высадил десанты на Южный Сахалин, Корейский полуостров и Курильские острова. Четырнадцатого числа правительство Японии объявило о капитуляции, но его отправили в отставку, бои продолжались. Семнадцатого августа поступила радиogramма на имя главнокомандующего Дальневосточными войсками маршала Василевского, что император Японии Хирохито подписал приказ о сложении оружия с двенадцати часов двадцатого августа. Квантунская армия, которая насчитывала миллион солдат, уже начала складывать оружие. Однако, во многих местах, куда приказ не дошёл, японцы продолжали сражаться.

Фамилии маршалов Ревка много раз слышал во время войны, а генерала, как-то сразу забыл. Фронты помнил, о них говорили часто. Его, как и всех, радовали успехи Красной Армии, а сдача оружия японцами, говорила о скорой победе.

Подошла бабушка:

– Мира, ты говорил тебе надо встать пораньше. Вставай.

Он поднялся, сполоснул лицо, одел штаны и рубашу, в которых обычно ходил в лес и сел завтракать. Пока он ел,

бабушка складывала на столе еду, которую собрала ему в лес.

— Вот тебе бутылочка молока, хлеб, я его порезала на три части, два яйца, вчера сварила, четыре морковки, мытые и возьми шесть картофелин. Испечёте на костре, я их помыла. Вот коробок со спичками, там их немного, но вам хватит.

Ревка с благодарностью смотрел на неё. Выйдя из-за стола он принёс свой мешочек с верёвкой, с которым обычно ходил за шишками, всё сложил в него и завязал. Нагнулся, чтобы надеть сандалии и вспомнил про нож.

В это время в кухню вошла мать:

— Доброе утро.

— Доброе утро, — ответил он и выкрикнув. — Ой! Складник забыл! — побежал за ним в комнату.

Когда вернулся, мать спросила:

— Вы что, собираетесь ночевать в лесу?

— Да, у Витьки на покосе, в стогу, — ответил, обуваясь.

— Он уже так ночевал, — придумал Ревка, надевая на плечи лямки мешка.

Прощавшись, выбежал из дома. Выйдя на улицу, увидел друга, который спускался с горки.

Поздоровались за руку и Ревка сразу сообщил:

— Чуть ножик не забыл.

— Я взял. И спички тоже.

— Спички и я взял, — сказал Ревка, не уточняя.

Утро было безоблачным и тёплым, по-летнему. По дороге, Ревка первым делом рассказал об услышанном по радио: о сдаче оружия Квантунской армией японцев. Витька сказал, что вроде об этом слышал. Тогда он начал рассказывать о трёх фронтах наших войск, откуда они наступали, но сумел вспомнить, только двух маршалов. Назвал он и города Мукден и Калган.

Услышав название последнего, Витька улыбнулся:

— Чудной город, там наверно все головастые.

Ревка сам запомнил название, потому, что у пацанов выражение «взять на калган», значило — ударить головой.

В дальнейших разговорах Ревка спросил, стоит ли стожок на покосе или его вывезли. Витька пояснил, что решили

вывезти и сложить стожок у стайки, но Рыжуху украли. Сено-то заготовливали для коровы и Рыжухи, так что, скорее всего, Пчелобаза продаст стожок колхозу.

За разговором не заметили, как подошли к кордону. Перешли через насыпь водопровода и Ревка спросил:

– Покос за Бобровкой или до неё?

– До неё, – ответил Витька, – только чуть в сторону.

– Мы с Мисюрчиком, где-то там били шишки с Морошкиными, – вспомнил Ревка.

– Ты был, когда он рассказывал, как они ездили в Яркино на канатке кататься? – спросил Витька.

– Был. Представляешь, что бы было, если бы канатка встала на сутки?

– Мокли бы, как огурцы перед засолкой, – улыбнулся Витька.

– А переполох бы, какой был?

– Им и так мурцовки хватило, – заключил Витька.

Поворот дороги с тракта на покос, оказался чуть ближе той дороги, по которой Ревка ездил с Морошкиными.

Стожок стоял на краю большой поляны, прямо у дороги, по которой они пришли и которая, едва заметная, уходила дальше в лес. Расположились рядом с ним.

Усаживаясь, Витька предложил:

– Давай немного отдохнём, поедим, чтобы шамовку с собой не таскать.

– А где спрячем?

– Да под стогом в стожарах.

– Мыши или ещё кто не сгрызут? – высказал опасение Ревка.

– Можно в стогу, повыше лунку устроить и положить.

– Так наверно лучше, – согласился Ревка.

Разложили свои припасы. У Витьки всё оказалось в небольшой мешочке. Там была бутылка молока, хлеб, варёная картошка в газете, несколько сырых картофелин и четыре огурца.

Ревка предложил:

– Давай сейчас съедим по яйцу и хлеба с молоком, чтобы сильно не наедаться, а то плохо будет лазить по кедром.

Когда набьём шишек, будем есть всё остальное и напечём картошки.

Друг согласился. За едой Ревка осмотрелся: вокруг поляны, за кустами, большей частью, стояли осины и берёзы и высились макушки елей. С южной стороны лес был больше хвойный и среди елей он увидел вершины двух кедров.

– Вы здесь уже били шишки? – спросил он.

– Прошлый год немного, когда сено вывозили, а специально не ходили, – ответил Витька, продолжая жевать.

Он всё-таки предложил съесть варёную картошку, чтобы не прокисла. Поев, всё оставшееся сложили в Витькин мешочек и он, как и предложил, спрятал его в стог. Идти решили прямо к видимым кедрам. Взяли мешки и пошли по поляне, к ближайшему из них. Трава между осинами и берёзами была почти до пояса, а то и выше. Пробираться приходилось осторожно, чтобы не наткнуться на какую-нибудь корягу. В ельнике травы было меньше, а то и совсем не было. Так уж повелось среди ребят, что если ствол у кедров можно обхватить, называли кедёркой, а если нет, то кедром. Первый оказался кедёркой. Подойдя, задрали головы, разглядывая макушку.

– Что-то шишек мало, – сделал вывод Ревка.

– Сколько есть, все наши будут, – усмехнулся Витька, хлопая по стволу, – Я первый полезу.

Он снял, сшитые из кожи, тапочки, обхватил ствол, несколько раз перехватился руками и ногами, что позволило взяться за первую ветку. Подтянувшись до другой, быстро полез в верх. Ревка отошёл от ствола, чтобы не ударило падающими шишками. Посмотрел вверх: Витька подбирался к макушке. Вскоре он начал трясти ветки и шишки полетели вниз. Ревка начал собирать их в свой мешок. С одной стороны травы было немного, и он легко их находил. Когда шишки перестали падать, он крикнул:

– Вить! Ещё есть?

– Сейчас, ещё одну ветку потряхну, – отозвался он, и вниз полетело несколько штук.

Теперь Ревка стал собирать без опаски. Он истоптал большую часть травы, отыскивая шишки, когда спустился друг и подключился к поискам. Он сказал:

– Кто-то полазил, когда шишки были не спелые.

Решив, что собрали всё, что упало, Витька сказал:

– На этой, что рядом, кедрке, совсем мало, а там по-дальше, – он указал направление рукой, – наверно не тронутая стоит. Пошли в ту сторону.

Преодолели заросли с корягами, вышли к ельнику, прошли по земле сплошь усыпанной хвоей и вышли к кедру.

Назвать его могучим кедром нельзя было, но и обхватить ствол, Ревкиных рук бы не хватило. На счастье, ветки начались не высоко. Витька посадил его, он ухватился за нижнюю ветку и полез выше. Услышал, как Витька сказал:

– Ты бы сандалии снял, босиком ловчее.

Продолжая лезть вверх, Ревка ответил:

– На них каблуки хорошо за сучки цепляются.

Ветки были толстые, и их было много, так что, он поднимался почти, как по лесенке. Ему вообще нравилось лазать по деревьям, что по тополям у Витькиного дома, что по кедрам. Начиная с середины дерева, внимательно осматривал концы веток и, увидев на них шишки, ударял по ним ногой: шишки легко отскакивали и летели вниз. На верхних ветках шишек было больше. По ним ударить было нельзя, их приходилось трясти, но шишки были спелые и легко отрывались. Обтрясая, одну ветку за другой, он оглядывал округу, отыскивая следующий кедр.

Снизу прокричал Витька:

– Всё?

– Всё, – ответил он, продолжая оглядываться.

Спустившись чуть ниже, увидел над лесом макушку кедр, но разглядеть отсюда, много или мало на ней шишек, не смог, но определил направление, относительно своего спуска. Спрыгнув на землю, показал Витьке, куда надо идти к следующему кедру и стал собирать шишки. Они, тщательно, осмотрели всё кругом кедр, приминая траву и обследуя кусты. Убедившись, что собраны все упавшие шишки, двинулись в сторону, указанную Ревкой. Хотя с этого кедр

было сбито больше шишек, мешки были наполнены меньше, чем на четверть. Пробираясь через бурелом, заросший травой, они не разговаривали, а когда вышли на открытое место, вдоль ельника, Витька сказал:

– Я смотрю, ты не любишь босиком бегать.

– Почему? Люблю, – ответил Ревка, – раньше, когда бегали только на горке, всегда босиком. До войны, когда ещё кюветов не нарыли, а потом их дождями смыло, до оврагов, на Школьном переулке была широкая накатанная дорога. В жару на ней была пыль, сантиметров пять толщиной. Я за ворота выйду, сниму сандалии, ставлю их у капитки, и к ребятишкам, бегать по этой пыли. А Юрка Колесов придумал заворачивать пригоршню пыли в лист лопуха и им кидаться. Такие бои были. Мне раз лопуховая граната попала в голову. Прихожу после этой схватки домой, бабушка с матерью:

– Что случилось? Что скажешь – упал. Бабушка в огороде у бочки отмывала.

В пионерском лагере, когда первый раз ездил, проколол большой палец на ноге, получился такой нарыв, что медсестра его разрежала, чтобы гной выпустить. Недели полторы на пятке ковылял. Вот после этого стал опасаться ходить босиком, даже по поляне.

– А я сколько раз прокалывал ступни, подорожник прилепишь, завяжешь, и всё проходит, – сказал Витька.

– По-разному бывает, – заключил Ревка.

На небольшой поляне огляделись, увидели верхушку кедра, к которому шли. Обогнув густые заросли, вышли к нему. Осмотрели его со всех сторон, пролезая между кустами: шишек на нём не было.

– Облупил кто-то, – вздохнул Витька.

– А что ты думал? Сам говорил, что почти неделю бой шишек идёт, вот и облупили, – с сожалением произнёс Ревка.

Тот предложил:

– Давай пойдём полукругом в эту сторону, чтобы потом выйти к покосу. Ревка согласно кивнул головой и они пошли, через густой ельник. Проходя между стволами, нагибаясь

под сухими нижними ветвями, они стали сомневаться: не зря ли забрались в такую чащу. Когда увидели просвет между стволами, повернули к нему. Выйдя на небольшую полянку, они переглянулись от удивления: прямо перед ними, между двух огромных елей, стояла, небольшая, сплошь усыпанная шишками, кедёрка. Витька заторопился, словно опасаясь, что кто-нибудь опередит его. Он быстро залез на неё и шишки посыпались. Ревка отошёл в сторону, и только когда шишки стали падать с другой стороны, начал собирать.

Витька прыгнул на землю, и улыбаясь, произнёс:

– Повезло.

– Маленькая да удаленькая, – поддержал его Ревка.

Мешки наполнились до половины. Вновь начались скитания по ельнику.

Выбравшись из него, Витька сказал:

– Хоть бы ещё одна попалась, что бы осмотреться. Покрутив головами, двинулись дальше.

Шагая за другом, Ревка вытянул руку:

– Вить, смотри! Вон у той большой ели видна кудрявая макушка.

Тот остановился, присмотрелся в указанную сторону и подтвердил:

– Точно, кедёрка.

Направились к ней пробираясь среди кустов и стволов осин. На ней, хоть не так много, но шишки были. Ревка снял мешок с плеча и подошёл к стволу. Полностью обхватить он его не мог, но лезть по нему можно было. И он полез. Не без труда добрался до первых веток, а там уже было легче. Поднимаясь, он сбивал шишки с боковых веток. Наверху, у макушки, стряхнул остальные. Только сейчас он заметил, что солнце уже склонилось к западу. Он оглядел окрестности и увидел ещё один кедр, вроде по пути их движения. Крикнул другу, показывая рукой, куда надо будет идти, и стал спускаться. С этого кедра мешки пополнились на немного. Поплутав среди осин, берёз, кустов акации, нашли этот кедр. Рядом наткнулись на заросли малины, в которых

оказались ещё кусты с ягодами. Полакомились. Но Ревка заметил:

– День пошёл к вечеру.

– А сколько набьём сегодня и ладно, – сказал Витька забрасывая горсть малины в рот и, жуя, добавил, – завтра ещё набьём.

Он повернулся, взял мешок, и пошёл к кедр. Ревка задержался у малины. Витька быстро залез, хотя ствол был потолще прежнего, на который забирался Ревка. Он собрал большую часть шишек, когда спустился Витька и, махнув рукой, сказал:

– В той стороне, далеко, большой кедр стоит. Пойдём к нему.

Он, помогая собирать шишки, предположил:

– Если на нём никто не побывал, то больше никакие кедры искать не надо.

Шагая по лесу, волновались: «Только бы найти этот кедр!». Витька сказал:

– Если, что! Залезу на какое-нибудь дерево, осмотреться.

Им повезло. На одной большой поляне они увидели этот возвышающийся над лесом кедр. Теперь они напрямиком, насколько позволял лес, двинулись к нему.

Когда, преодолев бурелом, заросли кустов они вышли к этому кедр, Витька хитро улыбнулся:

– Твоя очередь.

Ствол был огромный. Если бы их было трое, возможно тогда, смогли бы обхватить его. Кругом обступали не малые ели и пихты, и поэтому под его кроной был настоящий сумрак. Они отошли в сторону и стали обходить по кругу, выискивая просвет между ветками, чтобы увидеть, есть ли на этом великане шишки. Когда, наконец, увидели его верх, то чуть не ахнули: несколько макушек были усыпаны шишками. Витька аж потёр руки от удовольствия, а Ревка спросил:

– Ну и как на него лезть, без когтей?

Вновь подошли к стволу. Первые ветви отходили от ствола на высоте семи или восьми метров. Вдруг Витька предложил:

– Вот рядом пихта. Ты по ней запросто долезешь до ветвей кедра, а там уже просто, – и он снова улыбнулся.

Ревка оценил свои возможности, перебраться с одного дерева на другое, решил, что сможет, и пошёл к пихте. Пролезая между ветками, он легко поднялся до второй ветви кедра и, взявшись за неё, встал на нижнюю, и перешёл к стволу. В этом месте, ещё нельзя было держаться за него, из-за толщины, и он полез вверх по веткам. Увидев шишки на концах этих толстых веток, он ударом ноги не смог их сбросить. Пришлось, держась за верхнюю ветку, отойти по ней на метр, а то и больше, чтобы, топнув ногой, шишки оторвались. Так, лазая по кругу, стряхивая шишки, он всё выше и выше поднимался вверх. Дозел до места, где ствол разветвился на пять вершин, усыпанных шишками. Прежде, чем подниматься по ним, решил передохнуть. Стоя на ветвях, обхватил одной рукой за одну из вершин, огляделся: все макушки елей и других деревьев находились ниже, метров на шесть. Вдали, у горизонта лес сливался в сплошную голубоватую полосу. На небе ни облачка. Солнце было уже на западе, но отсюда казалось ещё высоко над горизонтом. В другой стороне увидел два дымка, очевидно, из деревенских труб. Витька снизу прокричал:

– Ты чего замер! Колоти дальше!

Ревка оглядел верхушки, выбрал две, на которых больше всего шишек, и полез сразу на обе. Одной ногой ступал на ветку одной вершины, другой на другую. Также перехватывал руки. Поднявшись на них так, что кисти рук обхватывали вершины, затряс их со всей силы: шишки градом полетели вниз. Он ещё раз потряхнул вершины, сбрасывая ещё несколько штук, и спустился до разветвления. Здесь вновь выбрал две вершины, находящиеся поближе друг к другу, и таким же способом поднялся на них. Зажав их руками, потряхнул со всей силы и шишки полетели вниз. И снова на ветках осталось по две три шишки. Он с силой сжал пальцы и, с некоторой злостью решил посильней потряхнуть эти вер-

шинки. Согнув руки в локтях, он напрягся и в этот момент, какая-то сила дёрнула его так, что руки, напряженные в локтях, выпрямились. Его обуял такой страх, что, не осознавая, очутился ниже разветвления и обхватил ствол руками. И, тут же, не раздумывая, стал спускаться вниз. Снизу раздался голос Витьки:

– Ревка! Ты что? Там же ещё столько шишек!

Он, не отвечая, спустился до нижних веток, перелез на пихту и быстро спустился. Спрыгнув на землю, он, молча сел. Подошёл Витька:

– Что случилось? Там же ещё..., – он осёкся, увидев бледное лицо друга.

– Меня кто-то хотел сдёрнуть с кедра, – проговорил Ревка, продолжая смотреть в землю.

– Кто тебя там мог сдёрнуть?

– Не знаю. Если б пальцы разжались, упал бы вниз.

Витька постоял, с минуту молча, потом произнёс:

– Ладно, давай собирать.

Ревка поднялся, взял мешок и огляделся. Травы под кедром не было и почти все шишки были на виду. Собирая шишки, он продолжал думать о том, что с ним произошло, и не мог понять. Подбирая их за пихтой, он увидел одну шишку, застрявшую между небольшим пеньком и стволом толстой черёмухи, как он подумал. Вытащив шишку, он взглянул вверх и увидел, что это не черёмуха, а рябина.

Тут он сразу вспомнил Петькин рассказ и закричал:

– Вить! Иди сюда!

Тот подбежал:

– Чё позвал?

– Помнишь, Петька рассказывал, как его деда Илью кто-то сдёрнул с кедра?

– Ну.

– Так это тот кедр. Он, падая, хотел ухватиться за ветки кедра, потом проскользил по пихте и попал в рогатулину рябины, она спружинила и выбросила его на землю. Он только два ребра сломал и остался жив. Вот, эта рябина и её развилка.

Они постояли, рассматривая рябину, и Витька согласился:

— Наверно.

Собранными шишками, Ревкин мешок был заполнен полностью, а Витькин не совсем. Надев мешки за плечи, пошли к покосу, где были спрятаны их припасы. Обоим сильно хотелось есть. Витька оглянулся на этот могучий кедр и сказал:

— Если б и ту макушку сбил, у меня тоже мешок бы был полный.

Ревка промолчал. Некоторое время шли по лесу, выбирая места, где легче пройти. Потом попалась, едва заметная дорога и пошли по ней. К радости она вывела прямо к их стожке. Сбросив мешки, они довольные собой, улеглись на траву.

Помолчав какое-то время, Витька предложил:

— Давай сейчас чуть перекусим, разведём костёр, напечём картошки и тогда поужинаем.

Ревка согласно кивнул головой. Витька поднялся, достал из-под сена, мешочек с едой и опустился рядом.

Ревка посмотрел на свои ладони, все в грязных пятнах от живицы, и спросил:

— Вить, тут где-нибудь растёт волчья ягода?

— Да, вон, у кривой берёзы.

— Надо хоть немного руки оттереть.

Он поднялся и пошёл.

— Пойдём, — услышал он за спиной.

У куста они сорвали по горсти красных сочных ягод, раздавили их в руках и стали тереть ладони друг о друга. Потом сорвали по пучку травы и оттирали ладони ей. Пятен стало меньше, и они побледнели.

— Вот теперь, есть будет приятнее, — слегка повеселел Ревка.

Они съели по огурцу с хлебом и пошли собирать ветки для костра. Их оказалось много между кустами и деревьями. Очевидно, кто-то раньше расчищал покос от зарослей. Когда веток натаскали для костра, и кучу в запас, Витька стал ломать сухие ветки, а Ревка отправился с ножом к берёзе, чтобы надрать бересты для растопки.

Вскоре костёр разгорелся. Ревка принёс несколько шишек, и они принялись щелкать орехи, бросая скорлупу в костёр. Но Витька предложил:

– Пока угли появятся, для печенья картошки, давай начнём шелушить шишки.

Ревка согласился, и они принесли мешки, которые лежали у стога. Когда задумались, куда складывать нашелушенные орехи, Ревка снял свою курточку и расстелил. Сели по обе стороны от неё, придвинули к себе мешки и работа началась. В стороне счищали верхнюю шелуху с шишки, а над курткой, покручивая её в руках, выжимали из неё орехи.

От костра иногда приятно обдавало дымком и чувствовалось тепло. Приближался вечер. Солнце освещало только макушки деревьев.

Ревка спросил:

– Слушай, а что, Лёнька ещё не приехал, из своей Лебедянки?

– Нет. Наверно через пару дней, к школе приедет.

– Вернулся бы раньше, пошёл бы с нами?

– Вряд ли. У них вокруг деревни одни берёзы да осины, так, что ни на одну кедёрку он не залазил.

Витька подбросил веток в костёр и поднялся:

– Принесу картошку.

Когда он вернулся, Ревка сказал:

– Не знаю, рассказывал тебе или нет, как прошлый год бил шишки в Литвино?

– Не помню.

– Пришла старшая сестра Томки Краевой к матери и говорит, что можно поехать в Литвино, там бор хороший, недалеко от станции. Только, чтобы я там по кедром полазил. Мать согласилась. Приехали, сошли на станции, прошли мимо нескольких домов и вышли в поле. Вдали виднелся бор. Дорога шла прямо к нему. Подходим ближе, кедёрки метров по десять в высоту, усыпанные шишками. Подошли, а там обрыв метров двадцать. Вот в этой низине и располагался весь кедровый бор. Спустились кое-как по откосу. Кедры тонкие, высокие и, метров по восемь снизу, сучья на стволах тонкие и сухие. В общем, я там налезил и весь

исцарапался. Однажды, добрался до живых веток, взялся за них руками и решил, чуть передохнуть. Встал на два сухих и довольно толстых сучка, хотел уже руки отпустить, чтобы перехватиться, а сучки под ногами хрясть, отвалились, и я повис на вытянутых руках. Так что, сегодня второй случай, когда мог бы загреметь, если б пальцы разжались.

— Конечно, за ветки надо крепко держаться, — согласился Витька, шуруя палкой в углях костра и забрасывая туда картошку.

Ревка, продолжая шелушить шишки, вдруг сделал вывод:

— Вить, а знаешь, почему на этом кедре шишки были не сбиты? Тут же деревня недалеко.

— Почему?

— Витька взглянул на него.

— Потому что о нём дурная молва. Наверно не только дед Илья с него упал, вот и боятся мужики.

Витька неопределённо пожал плечами. Помолчав, он спросил:

— В Литвено сколько шишек набили?

— Набили. Я штук на шесть слазил и мой мешочек полный, у соседки треть мешка. Мать корзинку брала, думала, ягоды попадутся, тоже наполнили. Урожай шишек был хороший, но кедры..., — Ревка покрутил головой.

Пока пеклась картошка, сгрызли по морковке.

Солнце село, но сумерки ещё не наступили. Когда картошка испеклась, приступили к ужину. К их удивлению, остатки молока в бутылках, принесённые утром и спрятанные в стогу, даже не подкисли. Витька выгреб все картофелины из пепла и набросал веток, костёр вновь разгорелся. Витька, перебрасывая горячие картофелины из руки в руку, перекидывал их Ревке. Печёная картошка им нравилась обоим. Витька счищал горелые корки, а Ревка, слегка чистил их ножом и ел с удовольствием. Для того, чтобы печенки быстрее остывали, они раздавливали их прямо на траве.

Дуя на разломанное лакомство, чтобы остудить, Ревка, улыбувшись, произнёс:

— Вкуснятина! — и разгрыз подгоревшую корочку.

Витька улыбнулся:

– Ты весь чумазый от этих горелок.

– Ничего, утрёмся, – махнул рукой Ревка, и тут же напомнил, – я вспомнил, как пришёл к вам в школу. У нас почему-то было три урока. Захожу, как раз перемена. Смотрю, тебя за рукав военрук ведёт, а лицо твоё всё чёрное, как у негра, и заводит в учительскую. Я к дверям. В это время, выходит молодая учительница, и идёт в коридор, где классы. Ты стоишь у дверей и молчишь. Вдруг появляется Лёнька. Увидел меня, пожал плечами и открывает дверь в учительскую. Зашёл, посмотрел на тебя и как грохнет смеяться. В этот момент, кто-то дверь закрыл. Я подождал, вы не выходите, и пошёл домой.

Витька улыбаясь, сказал:

– У нас парты покрашены чёрной краской. Потрёшь её пальцем, и она становится, как сажа. Вот я для смеха на уроке и намазался. Ребята посмеялись, а географичка выгнала из класса. Я только вышел и звонок с урока. Военрук из дальнего класса шёл и подхватил меня.

– Я знаю про эту краску. Мы прошлый год, девчонок на перемене мазали. Ну, что тебе было?

– Постыдили и Лёнке велели рассказать родителям. Он промолчал.

Поели, сложили, оставленную на завтра еду в мешочек и тут Витька, взяв бутылку, подхватился:

– Сбегаю к роднику, пока не стемнело, а ты в костёр подбрось.

Ревка подал ему вторую бутылку. Отходя, он оглянулся:

– Наверно, надо ещё веток приволочь, чтобы костер горел, пока будем шелушить.

Ревка выполнил поручение. Костёр горел, а когда Витька подходил с водой, он тащил ещё одну охапку сухих веток. Попив родниковой водички, Ревка несколько раз плеснул себе водой в лицо, утёрся рукавом и спросил:

– Вымыл?

– Вымыл, – подтвердил друг, затыкая бутылку пробкой.

Они уселись, как и прежде, около куртки и принялись за шелушение. Наступили глубокие сумерки, лес казался

сплошной стеной, а деревья на дальней стороне покоса серой зубчатой полосой. На небе ещё не появились звезды. На востоке оно потемнело, а на западе было ещё светлым, и, два длинных изогнутых облачка казались чьим-то ярким росчерком пера.

Покручивая в руках шишки, выжимая орехи, они помечтали, как будет здорово, когда кончится война: что карточек не будет, хлеб будут продавать свободно, в магазинах появится сахар, разные конфеты.

– Сайки по шесть копеек, – напомнил Ревка, ему так они нравились до войны.

– И венские, – добавил Витька.

– А война вот-вот кончится, раз японцы оружие сдают, значит им капец! – заключил Ревка.

Появились звёзды. Костёр приятно потрескивал, дым изогнутой полосой уходил ввысь. Теперь от него исходило не только тепло, но свет. В лесу неприятно поухало. Они переглянулись. Ревка для успокоения, больше себя, пояснил:

– Петька говорил, что так филин ухает.

– Я тоже слышал об этом, – сказал Витька, подкладывая ветку в костёр.

Горка орехов росла. Некоторое время, шелушили молча, потом Ревка спросил про Витькиного отчима:

– Дядя Вася скоро вернётся?

– Мы думали, что война кончится, и его отпустят, а недавно письмо пришло: их зачислили в строительный батальон.

– Ну и что? – не вытерпел Ревка.

– А дальше он написал, что в них служат три года. Нынче только год, как его взяли.

– Так ты говорил, его брали в трудармию, на восстановление Донбасса.

– Да. Вот эти строительные батальоны и восстанавливают. Так что, наверно ещё два года продержат.

– И где он находится?

– В какой-то Макеевке.

– Ничего себе, в деревне Донбасс восстанавливает.

– Это не деревня, а город. В нём металлургический комбинат, шахты и заводы. Большинство из них – разрушенны.

– Чудно, такое название и заводы, – удивился Ревка.

Шишек в мешке осталось совсем мало, и он сообщил:

– У меня скоро кончатся, а у тебя?

– У меня ещё есть.

Вскоре, они закончили шелушение. Вытряхнули мешки, и Витька, всю кучу орехов, разложил пригоршнями по их мешкам. Получилось по девять пригоршней и горсти каждому. Витька положил мешочек с едой в свой мешок и завязал. Потом вместе убрали с костра не сгоревшие ветки, разбросали небольшие головёшки по отросшей отаве. Ревка из бутылки побрызгал водой на тлеющие угли. Положив, заткнутую бутылку в мешок, он пошёл вслед за Витькой к стogu. Тот без всяких разговоров, встал на четвереньки, и залез в дыру под стогом. Ревка последовал за ним. Витька пролез куда-то в сторону и его ноги оказались у Ревкиного бока.

Пахло, конечно, сеном, как на сеновале, но запах был гуще и к нему примешивались ароматы отдельных трав. Витька сказал:

– Заткни дыры хорошенько сеном.

Слышно было, как он, затыкая, шуршит.

– Задохнуться можно, – ответил Ревка, слегка задёргивая отверстие сеном.

– Не-а! – возразил Витька и замолк.

Ревка взял мешок с орехами, отодвинул бутылку к завязке, а низ мешка с орехами перекрутил несколько раз так, что получилась небольшая подушечка. Положил на неё голову и подумал: «Вот бы быстро уснуть». Но это не удалось. Сначала подумал, не забредёт ли сюда какой-нибудь зверь. Но зная, что в окружающих лесах волки не водятся, а медведи любят глухую тайгу, а не покосы у дороги, успокоился. Мелькнула мысль на счет воров сена, но тут же, решил, что если бы хотели давно украли. Потом рассудил, что деревенские не сделают это, так как соседи сразу узнают о ночном привозе, да и лошадь надо в колхозе просить. А городским далеко ехать. Мысленно похвалил себя и Витьку, что нашелушили орехи и, что утром набьют шишек и появятся

дома с шишками и орехами. Никогда раньше он столько не приносил. С этими мыслями он уснул.

Проснулся он от сильного озноба. Ему казалось, что он не сомкнул глаз. Его трясло мелкой дрожью. Стоило приоткрыть рот и зубы начинали стучать друг о друга. Он лёг на спину, стал шевелить ногами и руками, пытаясь согреться. Не помогало. Ворочаясь, сгибая и разгибая ноги и руки, подумал: «Зря согласился идти с ночевой. Сейчас спал бы дома, как нормальный человек». Он повернулся на правый бок, как можно сильнее втиснулся спиной в сено стога. Шевеля ногами, засунул их в образовавшуюся ямку, пододвинул «ореховую подушку» под голову, засунул ладони подмышки, и ему показалось, что стало теплее, потому, что перестало трясти. С мыслью: «Скорей бы утро», — он задремал. Проснулся от боли зубов, ныли все зубы и вверху и внизу. Он обхватил лицо ладонями, прижимая их к губам и нижней челюсти. «Неужели у всех так ноют зубы, кто ночует в стогу?» — думал он, массируя нижнюю челюсть. Постепенно боль прошла. Он, с облегчением вздохнул и в это время, услышал голоса. Он запрокинул голову, потянулся и увидел, прошедших мимо стога, разговаривающих, мужчину и женщину. Было совсем светло. Оказалось, что его голова была всего в сорока, тридцати сантиметров от края стога.

Ревка, с некоторой досадой, толкнул Витькины ноги.

— Чего? — спросил тот.

— Вылазим, уже совсем светло. — Ответил Ревка и, прихватив мешок, вылез из-под стога.

Витька вылез весь в сене отряхиваясь, сказал:

— Я хорошо поспал.

— А я всю ночь дрожал от холода.

— Так, надо было хорошо конопатиться. Я ж тебе говорил.

Ревка уже понял, что сам виноват, но чуть с не обидой ответил:

— Откуда мне знать, как надо конопатиться.

Витька промолчал, очевидно, почувствовав некоторую вину, что толком не объяснил.

Солнце едва поднялось над лесом. На небе всего несколько кудрявых облачков. Витька достал мешочек с едой, пооглядывался, куда бы сесть: на траве была роса. Сообразив, положил на траву мешок с орехами и сел на его край. Ревка достал из мешка бутылку с водой и, расстелив его, тоже сел. Витька достал из мешочка два куска хлеба, две морковки и один огурец.

Разложив её и, доставая нож, сказал:

– Сейчас поедим и пойдём.

– Куда? – с тревогой вырвалось у Ревки, ему хотелось только одного, скорее попасть домой.

– Как куда? – взглянул на него.

Увидев, наверно, его напряженно-скорбное выражение, спросил:

– Чё, шишки не пойдём бить?

Ревка молча помотал головой.

– Ладно, поедим и пойдём домой.

Разрезав огурец пополам, протянул половинку со словами:

– Съедем хлеб с огурцом, а морковки погрызём на ходу.

Ревка в приподнятом настроении, сморозил чепуху:

– На ходу даже вкуснее.

Поев, попив водички, положили бутылки с недопитой водой в мешки, надели лямки на плечи и пошли по дороге, хрумая морковки.

Они бодро шагали по тракту: орехи почти ничего не весили. Ревка вспомнил, как они с Мисюрчиком тащили по ведру шишек с ещё более дальнего расстояния и сказал:

– Я думал, что ты будешь уговаривать набить шишек.

– Я сначала решил, что пойдём, как вчера договаривались. Но потом прикинул: близко всё оббито, надо идти дальше. Ну, набили бы немного до середины дня, а потом тащи их до вечера голодными.

– Я так же думал, – поддакнул Ревка.

Им показалось, что они очень быстро вышли к насыпи водопровода. Осталось ровно шесть километров. Невысокое солнце приятно согревало затылки и плечи. Продолжая разговаривать, помечтали, как должна улучшиться жизнь.

Кроме всего решили, что в городе появятся автомобили. В киножурналах они видели, что их уже было много на фронте. А по городу, по-прежнему, ездила одна авто-полупортка, за которой они когда-то бегали, чтобы понюхать дымок от бензина; да в леспромхозе был автомобиль с двумя печками по бокам, которые топились маленькими чурочками.

Ревка, всё ещё в приподнятом настроении из-за того, что идут домой, и что несёт он домой не шишки, а орехи, чем обрадует всех домашних, спросил:

— Вить, а если бы тебе захотелось набить шишек, ты бы стал меня уговаривать?

Тот помолчал и ответил:

— Не стал бы.

Ревка не стал уточнять, почему, он был доволен ответом. Через несколько шагов Витька вдруг сказал:

— Ты помнишь, как два года назад у меня заболели глаза?

— Помню.

— Они же у меня заплыли так, что я не мог их открыть и ты несколько дней водил меня, за три квартала в поликлинику.

Ревка хотел возразить, что в этом нет ничего особенного, но Витька опередил:

— Всё надо делать по дружбе.

— Конечно, — согласился он, и некоторое время шли молча.

Потом он решился:

— Вить, я никому не говорил, потому, что не знаю, получится или нет, а тебе расскажу. Неделю назад мать послала отнести книгу одной учительнице, которая живёт по ту сторону станции. Возвращаюсь назад и, у поворота на мост, встречаю Женьку Нагина, мы с ним вместе были на детплощадке прошлый год. Поздоровались, и он предлагает зайти к одному парню, который живёт прямо у подъёма на мост, в железнодорожном доме. Говорит, он спортом занимается. У него есть гири, гантели и настоящие боксёрские перчатки. Мне стало интересно, да ещё по пути, зашли. Парень чуть повыше тебя, Володька Степанов, перешёл на

второй курс техникума. В комнате гири по шестнадцать килограмм и две гантели – это два шара соединённые ручкой, а на стене висят боксёрские перчатки. Они вовсе не перчатки, а как надутые рукавицы. Я их раньше только на картинке видел. Оказывается, у них в техникуме есть спортивная секция, и он хочет туда Женьку устроить. Попробовали мы поднимать с Женькой гири – тяжелые, гантели не очень. Показал перчатки. Они оказываются чем-то набиты. Я увидел в углу ружьё и спрашиваю:

– Твоё?

Он ответил, что это не ружьё, а берданка, двадцать восьмого калибра, которую отдал ему его дядька. Говорю:

– Будешь охотиться.

А он:

– Нет. Я её или продам или на что-нибудь сменяю. Тут я ему предложил сменять её на японский киноаппарат, с мультяшной лентой, ну ты про него знаешь.

Витька кивнул головой.

Я ему говорю:

– Давай завтра обменяемся, а он отвечает, что сегодня уезжает к своему дядьке шишкарить на два или три дня. Договорились встретиться, как приедет. Ну, дома я сначала с бабушкой переговорил, сказал, что буду с Петькой Морозкиным на охоту ходить, она одобрила. Потом с матерью при бабушке разговор начал, и она согласилась на обмен. Если удастся, постреляем.

– Здорово! – восхитился Витька.

– Только ты пока никому, – предупредил Ревка.

– Понятное дело, – согласился Витька.

Прошли по мосту над ручьём, на котором когда-то с Петькой и другими ребятами видели диких утят. Солнце поднялось, и теперь им было жарко, в куртках, с мешками за спиной. Вспомнили о школе. Оба признались, что учиться особого желания нет, а вот встретиться с ребятами охота.

Ревка сказал:

– Помнишь, я тебе про девчонку Райку рассказывал, что на детплощадке познакомились, она ещё с нами, пацанами, в Трёшке, купалась?

— Помню.

— Вот, не знаю, уехала она или нет, она ведь эвакуированная. Я с ней целый год за одной партой просидел. Все учителя на нас поглядывают и улыбаются, думают, что мы дружим. А она с Толькой дружит или дружила.

На последнем спуске, перед городом, где располагались картофельные поля, увидели, как в загороженной, в три жерди посадке, мужик с лопатой гоняется за пёстрой коровой. Он за ней — она от него. Подошли ближе.

Витька говорит:

— Так это наша Пеструха. Он же её покалечит.

И прибавил шагу. В это время корова, рванула от мужика и как заправский скаун перемахнула через забор. Пробежала несколько шагов и спокойно пошла в сторону дома. Мужик так и застыл с поднятой лопатой.

— Но и скаун, ваша Пеструха, — удивился Ревка.

— Значит, она и туда запрыгнула, — с не меньшим удивлением произнёс Витька и добавил, — со стада сбежала, паразитка.

Корова так и шагала впереди их.

Поднявшись на гору и, шагая мимо первых домов, Витька обратил внимание на ёлку перед домом с обрубленными снизу ветками и сказал:

— Помнишь, как нас на поле град лупил?

— Помню, — ответил Ревка, — мне тогда больше всех досталось.

Вышли на Школьный переулок, он по привычке отыскал взглядом крышу своего дома, а мысль вернулась к ёлке. Вернее к пихте, по которой он забирался на тот кедр и как его чуть не сдернуло с него.

Пройдёт много лет, уже взрослым человеком, он догадается: кедр был выше всех деревьев, почти на десять метров и лёгкий, незаметный ветерок отклонил вершины на какое-то расстояние, а потом мгновенно стих и вершинки выпрямились, дёрнув его вперёд. Если бы слабо держался, мог упасть.

БЕРДАНКА И КОНЕЦ ВОЙНЫ

Оставалось десять дней до начала занятий в школе, а Ревкины заботы были совсем о другом. Два дня назад он обменял кинопроектор на берданку. До сих пор с удовольствием вспоминал, как люди с интересом поглядывали на него, когда он шёл по городу с берданкой на ремне. Она была изготовлена из обычной винтовки, поэтому, очевидно, люди и удивлялись. Сожалел только, что пять патронных гильз были разорваны, но бывший хозяин сказал, что из них также можно стрелять.

На другой день он выпросил у бабушки пятнадцать рублей и сходил с Петькой в магазин «Заготпушнина». Там он постоял на улице, а Петька, которого знают по отцу и дяде Кузе, купил пачку пороха и капсюли. По дороге туда, Ревка заговорил о дробе, на что Петька сказал:

— Дробь сделаем сами. Придёшь к нам и сделаешь. Только отлей из свинца тонкие стерженьки.

Вечером спросил у ребят у кого есть свинец; о берданке рассказал в тот же день. Один кусок дал Мисюрчик, а второй, довольно большой, Васька. На второй день утром, в изготовленном из жести желобке, отлил шесть стерженьков, обстучал их молотком и пошёл к Петьке. Тот вынес все приспособления на крыльцо и работа началась. На специальных вальцах стерженьки вытянули в квадратную проволоку; на машинке, похожую на табакорезку, нарезали из неё кубики и потом между двумя дисками их обкатывали. Вернее обкатывал он, крутя тяжёлый диск за ручку. А Петька подшучивал:

— Хочешь стрелять, умей катать.

К концу у Ревки выступил пот на лбу и носу. Петька сказал о дозировке пороха и из чего лучше всего делать пыжи. Насыпав дробь в карманы куртки, Ревка пошёл домой. Почти день ушёл на зарядание двенадцати патронов.

На следующий день, как и договаривались, около двух часов, он рассовал патроны по карманам куртки, сказал бабушке, что пойдёт в лес для пристрелки ружья, она только так называла берданку, и вышел из дома. Собралась вся

компания, что стреляла из пистолета. Он с берданкой на ремне в окружении друзей, проследовал мимо небольшой очереди у киоска. С первого августа в нём стали продавать коммерческий хлеб. По дороге договорились пойти к большому логу, где по весне много дроздов. Ревка посетовал, что у затвора нет выбрасывателя и, стреляную гильзу, придётся выталкивать шомполом. Петьку интересовало, какой у берданки бой. Все не очень поняли, что это такое. Он пояснил: на каком расстоянии и сколько дробин прилетает. Шли бодрым шагом. Каждому хотелось попробовать берданку в действии.

День был солнечный, но на небе было много кучевых облаков. Подойдя сквозь мелколесье к логу, поняли, что птиц совсем мало, и вблизи их почти не было. Все закурили головами, выискивая цели.

— Вон, дрозд сидит на ёлке с раздвоенной макушкой, — вытянул руку Витька.

— Далековато, — сказал Петька.

Все двинулись вниз к самому логу. Здесь, по всей низине, росли огромные ели, а между ними были сплошные кочки и проблески воды. Тот дрозд улетел, но появился другой и чуть ближе. Ревка снял с плеча берданку, открыл затвор и, вставив патрон, закрыл его. Дрозд сидел.

— Петь, на стрельни первый, — протянул берданку Ревка, желая таким образом выразить ему уважение и благодарность за всё им сделанное.

Тот ловко вскинул её, а все отодвинулись от него и сморщили лица, ожидая выстрела. Он грянул: дрозда подбросило, он упал вниз где-то за ёлкой. Все выразили ему своё восхищение.

А на счёт звука выстрела, за всех высказался Мисюрчик:

— Я думал, она сильней пальнёт. Искать трофей среди болота никто не подумал, хотя та ёлка была недалеко.

Выстрел, всполошил птиц, и теперь они то и дело перелетали с дерева на дерево. Ревка взял берданку, выкрутил шомпол и, через ствол вытолкнул гильзу и положил её в карман. Витька сказал:

— Ты его пока не вкручивай, давай я подержу.

Ревка вставил патрон и закрыл затвор. Когда он взглянул на Петьку, тот чуть мотнул головой и повёл глазами. Ревка повернул голову и увидел метрах в двадцати, дрозда сидящего к нему спиной. Он быстро, как Петька вскинул берданку, поймал дрозда на мушку и выстрелил – дрозд улетел. Ревка сконфуженно посмотрел на друзей.

– Целиться надо лучше, – сказал Петька.

Прошли вдоль лога, выискивая цели. Витька стрелял третьим и тоже промахнулся.

– Ну, ты, Тимоха, – Мисюрчик, как и Юрка Колесов, иногда называл его так, – перецелился.

А сам он, тоже промазал. Интерес, гоняться за дроздами и промахиваться, пропал. Решили идти домой. Поднимаясь из лога, Ревка, с досадой из-за неудачи, обернулся и увидел дрозда на самой макушке самой высокой ели. Все остановились. До ели было метров сорок, да ещё ель. Петька сказал:

– Бесполезно, далеко.

– Не нести же её заряженную домой, – возразил Ревка, прицелился и выстрелил.

К всеобщему удивлению и его собственному, он попал, и дрозд упал вниз. Петька соорудил мину:

– Какой-то случайной дробинкой зацепило. А Ревка был доволен.

У Школьного переулка разошлись. Петька с Мисюрчиком пошли на свой переулок, а Ревка с Витькой пошли по-своему.

По дороге друг пожаловался:

– Рев, я, когда стрельнул, мне по лбу ударило, но не сильно.

– И меня в последний выстрел, – подтвердил он.

– Может это от разорванной гильзы, – рассудил Ревка, – последний патрон я точно такой вставлял.

На неделе, ещё раз сходили с берданкой в лес. На этот раз не пришёл Петька, присоединились Васька и Володька Перфилов. Постреляли. Никто ни в одного дрозда не попал. Васька с Володькой пожаловались, что их при стрельбе уда-

рило по лбу. Ревка сказал, что это им показалось, при отдаче берданки и, взглянул на улыбающегося Витьку.

Вечером того же дня Петька сказал Ревке, что нынче сезон охоты на боровую дичь начинается с первого сентября, так что в воскресенье второго, можно сходить на рябчиков.

– А тебе отец даст ружьё? – засомневался Ревка.

– Он мне прошлый год давал, в Бобровке. Я там с соседом тётки, Иваном, ходил. Одного рябчика подстрелил.

Ревка без колебаний согласился. Договорились выйти в восемь часов.

Он за два дня зарядил все патроны, сказал о предстоящей охоте бабушке, деду и даже матери.

В выходной, без десяти восемь, он вышел из дома, с чувством ответственного долга. Вчера, в субботу, 1 сентября Ревка пришёл в школу в приподнятом настроении. Здесь тоже были приятные новости. При построении на линейку он увидел Раю. Потом они вновь сели за одну парту. Она рассказала, что отца оставили в Германии в оккупационных войсках, так что ехать пока некуда. В школе отменили рапорты дежурных. Рудка сказал, что начал собирать детали для лампового радиоприёмника. А он похвастал своей берданкой. Кое-как высидел пять уроков и заторопился домой, с мыслями о сегодняшней охоте.

Увидев его, спускающегося с горки, Петька вышел из ворот. Поздоровались за руку и Ревка спросил:

– А ты Розку не берёшь?

Петька удивлённо посмотрел на него:

– Ты чё? Она же дичь не берёт, только пушного зверя. А рябчиков только распугает.

Ревка закивал головой, понимая свою оплошность.

Петька опять предложил идти в сторону их покоса, пояснив, что там должны быть рябчики и лес ему знакомый. По дороге поговорили о войне, что скоро должна кончиться. Потом Петька показал ему «Пищик» – манок на рябчиков. Он сказал, что отец его сам сделал из рябчиковой косточки. Потом показал, как на нём свистеть, водя пальцем по длинному вырезу. Потом рассказывал о повадках рябчиков.

Подошли к повороту на их покос и едва углубились в лес, как почти из-под ног с шумом вылетела огромная птица. Ревка от неожиданности вздрогнул:

— Что за птица? — повернулся он другу.

Петька улыбнулся:

— Рябчик.

— Такой большой?

— Да, это он только кажется таким вблизи.

Петька предложил:

— Давай здесь разойдёмся. Ты иди направо и постепенно поворачивай к логу, он показал направление, а я пойду налево и тоже выйду к логу. Там пойдём навстречу друг другу. Двигайся тихо и поглядывай.

Ревка зарядил берданку и пошёл между деревьями. Двигался осторожно, старался не наступать на ветки. Как он не вглядывался, ничего особенного не увидел. Постепенно бдительность притупилась и подумал: «Скорей бы лог». На небольшой полянке, вышел на освещённое солнцем место и встал, как вкопанный. В гуще леса в просвете, увидел, как по толстой и голой ветке ели, примерно в метре от земли, идёт рябчик. Он вскинул свою берданку и засомневался, попадёт ли с руки. Перед ним была тонкая осинка, он положил на неё ствол, а она согнулась, он стал приседать, чтобы поймать рябчика на мушку, но это не удавалось. Тогда он вскинул берданку, но в этот момент рябчик спрыгнул на землю и исчез. Он бросился к зарослям, стал всматриваться, но его не увидел, а когда двинулся вперёд, где-то впереди он вспорхнул и улетел.

Когда встретились с Петькой у лога и он посетовал о своей неудаче, тот сказал:

— Надо всегда стрелять с руки.

На одной валёжине Петька сел и предложил:

— Давай посидим, манком посвистим. Ревка сел рядом. Ему нравилось, как красиво высвистывает он, но ни один рябчик не отзывался и не прилетал. Они просидели с полчаса, и Петька сделал вывод:

— Скорей всего они все за лог улетели. Пойдём на ту сторону, — добавил он поднимаясь.

Лог был довольно большой, заросший высокими елями и пихтами. Спустились по косогору, пробрались через бурелом и поднялись по крутому склону. Походили по прилегающему лесу. В одном месте, улетаая, заверещала сорока.

— Это плохо, — сказал Петька, — она и других предупреждает об опасности.

Вышли на небольшую полянку, поросшую высокой пожухлой травой. Слева стояла развесистая берёза. Петька, огляделся, и сказал:

— Вон пенёк, обросший травой, на краю лога. Сядем на него и манком посвистим. Если какой прилетит ему кроме этой берёзы, некуда садиться.

Пень оказался огромный. Они сели, заняв только часть его, а пожухлая трава, с метр высотой, стояла кругом. Они оказались в нём словно в шалаше.

Петька начал свистеть и прислушиваться. Всё было тихо. Он продолжал свистеть и, вдруг, Ревка услышал ответный свист. Они переглянулись. Он продолжил свистеть. Отзыв повторился.

Ревка шепнул:

— Что-то не летит.

— Ты смотри, он и по траве может прибежать, — пояснил Петька и продолжил насвистывать манком.

Теперь Ревка больше смотрел на траву, рябчик отзывался, где-то впереди на другом конце поляны. Он боялся упустить момент и не оплошать, как прошлый раз. И тут он заметил, прямо перед ним, вдалеке, зашевелилась трава. Петька продолжал свистеть, получая ответный свист. Ревка напрягся в ожидании. И вот среди шевелящейся травы он увидел что-то пёстрое. Он выставил ствол и слегка приподнялся, чтобы лучше его увидеть, стал наводить мушку... Вдруг из травы вскакивает мужик в пёстрой кепке и орёт:

— Вам, что, гады, нечем заняться!

Ревка в одну, Петька в другую сторону бросились вниз по откосу, лавируя между кустами и деревьями. Не заметили, как пробрались через бурелом и, на одном дыхании, выскочили на другой стороне лога наверх. Кое-как отдышавшись, Петька сказал:

— Он чё, дурак? К рябчикам подкрадываться?

После такой пробежки, они поняли, что охота не получится, да и неизвестно, появится этот мужик ещё или нет. И, особо не сговариваясь, направились к дому. Петька сделал вывод, что на охоту надо выходить, чтобы в лесу быть часов

в восемь. На выходе из леса, на большую поляну села большая стая птиц.

— Что за стая? — спросил Ревка.

— Перепёлки.

— На них охотятся?

— Вроде, — кивнул головой Петька.

Ревка взглянул на друга:

— Я пальну.

Тот пожал плечами. Ревка выстрелил в копошащихся птиц. Стая взмыла вверх. Он подбежал к тому месту. На траве лежали две перепёлки. Это были серенькие птицы, величиной с летних цыплят. Он снял заплечный мешочек и положил их туда.

По дороге Петька сказал:

— Я или читал, или слышал про перепелиную охоту.

Это, как-то, подбодрило Ревку.

Дома, когда он вошёл, бабушка спросила:

— Ну, как успехи, охотник?

Ревка молча снял мешочек и вытащил птиц:

— Перепёлки.

— Да? — удивилась она.

Перепела считаются деликатесом.

— Это вам с дедом, — с удовлетворением заявил он.

В понедельник, 3 сентября, как обычно, уроки начались с политинформации. Серафима Ивановна рассказала о событиях на восточном фронте. Всё, что она говорила, Ревка слышал вчера утром по радио. Пояснила, что до тридцать первого августа наши войска продолжали двигаться вперёд, принимая капитуляцию японцев. Местами приходилось ещё вести бои с разрозненными группами смертников и диверсантов. Но к этому дню было полностью закончено разоружение Квантунской армии. Взято в плен около шестисот тысяч солдат и офицеров, а также большие трофеи. Были освобождены: Северо-Восточный Китай, Корейский полуостров, Южный Сахалин, Курильские острова и города Дальний и Порт-Артур, захваченные у России пятьдесят лет назад. Практически боевые действия сейчас не ведутся.

Потом начался первый урок алгебры. Ревке было интересно, как это можно, заниматься сложением или умножением букв. На первой перемене Колька Голицын угощал многих кусочками жмыха. Некоторые украдкой грызли на уроке, утирая жёлтые губы. На втором уроке Наталья Федоровна заставила заниматься повторением орфографии и спрашивала правила. Ревка побаивался, но то, что она его спросила, он знал. На второй перемене он не удержался и рассказал Тольке и Рудке о вчерашней охоте.

Рудка отнёсся к этому равнодушно:

— Ты, что хочешь охотником стать?

— Почему обязательно охотником, просто в лес с ней ходить, — возразил Ревка.

Толька поддержал:

— Хорошая вещь.

— Конечно хорошая, — вклинился в разговор Колька Голицын, — я с батей ходил на охоту, он мне два раза дал стрельнуть.

Как шарахнул из шестнадцатого калибра!

— И кого убил? — спросил Толька.

— Никого, я в цель стрелял.

— А я, ребя, вчера на охоте чуть мужика не шандарахнул, — сказал Ревка.

И на их удивление, рассказал вчерашний случай.

— Да, — протянул Колька, — и чё он полз по траве?

— Мы тоже удивились, — произнёс Ревка.

Разговор прервал звонок. На уроке истории Юлия Михайловна сначала поговорила о разгроме империалистической Японии, а потом стала рассказывать о истории средних веков, которую предстоит изучать. В конце урока, кто-то постучал в дверь. Юлия Михайловна приоткрыла дверь, послушала и кивнула головой. Вскоре раздался звонок с урока и она сказала, что всем надо идти на улицу, где будет общее построение.

Все школьники высыпали во двор школы. Военрук и учитель физкультуры строили всех по классам.

Толька сказал:

— Сейчас объявят всем на картошку.

– Нет, – возразил Юрка Угольников, – зачем бы младшие классы выводили.

– Да, сейчас всем дадут по плитке жмыха, – сострил Колька Голицын.

Все кто слышали, посмеялись.

– Скорее всего, япошкам крышка, – сказал Рудка.

– Точно, точно, – заговорили все.

На крыльцо вышла директор школы Елизавета Сергеевна, все примолкли. Она сказала:

– Ребята, сегодняшний день, третьего сентября тысяча девятьсот сорок пятого года, объявлен днём победы над империалистической Японией. Вторая мировая война закончилась!

Раздалось несколько криков: «Ура!» Но все ждали, что она скажет ещё.

– А сейчас мы отпускаем вас домой.

Теперь раздалось дружное: «Ура! »

Шли гурьбой, удивляясь, почему не было митинга, все говорили, как всё сейчас будет хорошо. У стадиона Ревка остался один. Настроение было замечательное. Прохожие, как и в мае, поздравляли друг друга. Он подумал: «Дед с бабушкой наверно уже знают. А вдруг они в огороде и не слышали. Тогда я их обрадую». На кинотеатре вновь висела афиша: «В шесть часов вечера после войны».

2005 – 2008 гг.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прочитав книгу, вы подумали о тех мальчишках: какие же они были, не очень положительные, разгильдяистые и хулиганистые. Да многие их поступки подлежат осуждению. Но все дети постепенно взрослеют и стараются исправить, если это возможно, свои прежние ошибки, проще говоря, они умнеют. Хорошо сказал по этому поводу американский писатель Марк Твен: «Когда мне было четырнадцать лет, отец был такой дурак, что я едва его терпел и был очень удивлён, как этот старик поумнел, когда мне исполнилось двадцать лет». В отношении моих героев вы должны были заметить, что они много делали и хорошего. Между прочим, они не курили, как многие сейчас. И хочу добавить, что их прототипы, став взрослыми, многие так и не прирастали к этой дурной привычке.

В общем, из них получились нормальные люди. Постараюсь рассказать, то небольшое, что знаю о прототипах моих героев. Кто, что окончил или кем стал.

Мисюрчик – машинист электровоза. Морошкины: Петька – механик связи, Витька – машинист электровоза, Вовка – машинист электровоза. Витька Тимофеев – киномеханик, связист на рыболовецком сейнере, последняя должность, начальник связи пароходства в г. Рига. Виталька Верник – окончил транспортный институт, работал преподавателем в нескольких институтах. Юрка Колесов – окончил горный институт, работал главным инженером шахты. Федька Синакин – окончил горный институт, работал директором горного техникума. Витька Торошенко – токарь, фрезеровщик, высшего разряда. Пашка Краев (настоящая фамилия) – два года на фронте с немцами, потом война с японцами, сапёр, ни разу не ранен, уехал жить на остров Сахалин. Ванька Голованов – окончил ЖУ, техникум, институт, инженер, пар-

тийный руководитель, чиновник областного уровня. Юрка Ерёмин – машинист электровоза. Толька Рябков – окончил горный техникум, работал на шахте, в горэлектросети – главный инженер. Женька Нагин – окончил ЖУ, работал помощником машиниста электровоза. Рудка Ирбицкий – работал начальником станционного радиоузла. Милка Ковалёва – окончила институт, инженер-химик, работала начальником крупного цеха на химкомбинате. Лиза Морошкина – окончила пединститут, преподаватель биологии. Владимир Тимофеев – окончил автомобильный техникум, работал директором автобазы. Ревка Федотов – окончил: среднюю школу, горный техникум, строительный институт работал на шахтах, в энергетике, строительстве, на руководящих должностях в профтехобразовании. О других сведения получить не удалось.

Т. Фёдоров

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Пацаны! Ура!	4
Пасмурный день	12
В лесу	19
Городки	34
Дом	44
На зимней горке	51
Герка	59
Виталькина затея	73
Весна	84
Жаркий июль	94
Печальная осень 42-го	108
Дрова	123
Мила. Первый день каникул!	138
Неожиданности	154
Первый день лета	164
«Фашисты»	183
Необычный день	193
Уборка сена	208
Собирание угля	224
За шишками	238
В конце сентября	258
Новый год	271
Необычная зима	286
Жаркий день и неприятности	300
В райцентр	319
Мушкетеры	332
Новые друзья	353
Весна сорок пятого	381
Лето сорок пятого	404
Находка	433
На канатке	450
За орехами	464
Берданка и конец войны	487
Послесловие	497

Тимир Фёдоров

«ВОЙНА БЕЗ ВОЙНЫ»
(Ревка и его друзья)

Редактор **С. Т. Тимофеева**
Художественный редактор **Т. Н. Федоров**
Компьютерный набор и верстка **Н. А. Трофимова**
Корректор **Л. Д. Яковлева**
Печатник **М. Минина**

Сдано в набор 3.IV.2009 г. Подписано в печать 22.VI.2009 г.
Формат 60х90^{1/16}. Бумага писчая. Гарнитура Arial. Печать ризограф.
Усл. п. л. 31,25. Заказ 2411. Тираж 200

Отпечатано в ООО «Полиграфист», г. Березовский, Кемеровская обл.,
ул. Мира, 38. ИНН 4250000145. 2009 г.

